

Тема 1. ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

1. Предмет истории политических и правовых учений.
2. Методы истории политических и правовых учений.
3. Периодизация истории и политических и правовых учений.

Предмет ИППУ – история возникновения и развития теоретических знаний о государстве и праве, политике и законодательстве, представления о закономерностях их развития, их месте и роли в жизни общества.

Особенность ИППУ – является учебной исторической и теоретической дисциплиной. Эта дисциплина изучает теории, учения и идеи, касающиеся государства и права, политики и законодательства в их историческом развитии. ИППУ как учебная дисциплина изучает политико-правовые доктрины – целостные и завершённые системы идей, формулирующие закономерности развития права и государственности. Политико-правовая доктрина включает три компонента:

➤ теоретическая (философская) основа – стержень учения, выражающий общие подходы к решению проблематики. В зависимости от господствующей в данном обществе парадигмы мышления, доминирующего типа общественного сознания она может иметь религиозное, метафизическое (философское), рационалистическое либо иное обоснование;

➤ содержательное решение вопросов о происхождении государства и права, закономерностях их развития, основных принципах функционирования; □

➤ политическая идеология – оценка существующего государства и права с точки зрения интересов и устремлений тех или иных социальных групп, практические задачи по преобразованию политических и правовых институтов данного общества.

Изучение ИППУ имеет давнюю традицию. Уже в XIX в. она была частью высшего юридического образования в России.

История политических и правовых учений – дисциплина юридическая. Однако кроме юристов значительный вклад в историю политических и правовых учений внесли также представители иных гуманитарных наук, и прежде всего философы. Целый ряд известных представителей философской мысли (например, Пифагор, Гераклит, Демокрит, Сократ, Платон, Гегель, Бердяев и др.) являются одновременно выдающимися фигурами также и в истории юридических и правовых учений.

В настоящее время изучение ИППУ особенно актуально, потому что она является, по сути, школой альтернативного мышления, идео-

логического плюрализма, сопоставляющей различные теории, концепции, направления политико-правовой мысли прошлого и настоящего.

Правовые учения разнообразны по содержанию и решению теоретических вопросов права и государства. Поэтому государство и право едины, а политико-правовых доктрин много.

По соотношению идеалов и исторической действительности политико-правовые доктрины делятся на:

1) реакционные, призывающие к восстановлению прежних порядков;

2) консервативные – направленные на сохранение существующего государства и права и его учреждений;

3) прогрессивные – призывающие к переменам.

По срокам и способам практической реализации идеалов различают:

1) радикальные – выступают за быструю и всестороннюю перестройку государства и права;

2) умеренные – призывающие перестраивать постепенно и не все;

3) революционные – за насильственное преобразование существующего строя;

4) реформистские – за изменение общества при помощи реформ, проводимых государственной властью.

Кроме того, выделяют три основных подхода к пониманию права: ценностный, нормативный, социологический. Каждый из них имеет протяженную историю.

Согласно **ценностному подходу**, важнейшим элементом права признается нравственное начало, отвлеченная идея. (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант). Юридические нормы могут отражать эту идею, в той или иной степени соответствовать ей или искажать ее. Таким образом, действующее законодательство может противоречить идее права, которая служит ориентиром для исправления недостатков. Примером ценностного подхода является идея прав человека, распространившаяся начиная с XVIII в. Согласно ей, права и свободы личности – предполагаемые естественные нормативы, которые призвано защищать и поддерживать государство посредством права.

Нормативный подход признает то, что право – это исключительно те нормы, которые создаются и санкционируются политической властью. Только государство может обеспечить равенство справедливого общественного устройства, при котором все граждане равны перед силой закона. Одна из влиятельных концепций этого подхода — юридический позитивизм, получивший популярность после утверждения в Западной Европе и Северной Америке современного типа государственности, с начала XIX в. (Иеремия Бентам, Джон Остин, Карл

Бергбом). Представители этой концепции делают акцент на абстрактно-формальном характере юридических норм, позволяющих обеспечить равенство возможностей во всех условиях.

Социологический подход подчеркивает прямую зависимость права от меняющегося общества, связь юридических норм с особенностями общественно-политического строя того или иного общества, в ту или иную историческую эпоху, в том или ином географическом регионе (Рудольф Иеринг, Георг Еллинек, Роско Паунд). Среди сторонников этого подхода можно выделить ряд близких направлений, носящих разные названия. Их приверженцы признают исторический, развивающийся характер права, его изменчивость вслед за переменами в обществе. Они выводят юридические нормы из правовых отношений, связывают их возникновение с деятельностью судов, административным процессом, мнениями влиятельных юристов.

Длительное время ученые разных стран пытаются создать интегральную концепцию права, которая бы учитывала все стороны этого сложного явления. Точкой преткновения здесь является проблема соотношения права и закона.

Проблемы, связанные с определением сущности государства, его происхождения и исторических форм государственности, природой государства в современном мире, не менее сложны. Здесь представлены два основных подхода. Согласно первому, государство возникает с целью недопущения явных столкновений между людьми, для заключения классового или иного антагонизма в институциональные рамки (конфликтный подход). Раннегосударственная власть имеет не насильственный, а консенсуальный характер. Она основана на сакральной (т. е. священной) идеологии.

Второй подход рассматривает государственность в качестве способа организации больших масс людей для достижения общего блага (интегративный подход).

Любое политико-правовое учение рассматривается в конкретно-историческом и теоретическом аспекте.

Конкретно-исторический аспект политучения показывает, какие именно исторически определенные и конкретные взгляды на общество, государство, право, политику и т. п. были развиты и обоснованы в данном учении, как эти взгляды соотносились с требованиями определенных социальных групп, слоев и классов, какую позицию занимал автор учения в контексте своей эпохи.

Теоретический аспект отражает философские, общеметодологические, познавательно-гносеологические моменты конкретного учения: как и каким образом, обосновывались конкретные политико-правовые взгляды, какие принципы положены в их основу, какие тео-

ретические модели и конструкции использовал их автор.

ИППУ как самостоятельная юридическая дисциплина вместе с другими юридическими дисциплинами относится к числу гуманитарных наук. При изучении истории политических и правовых учений используются следующие группы **методов**:

- ✓ общелогические (анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, аналогия);

- ✓ общенаучные (сравнительно-исторический, социологический, системный анализ).

Значительную роль при этом играют приемы и средства историко-сравнительного исследования. **Сопоставительный анализ** (в синхронном и диахронном плане) различных концепций, конкретизируя наши знания об их общих и специфических чертах, вместе с тем содействуем выявлению более точных критериев классификации и типологизации политико-правовых учений и, следовательно, более верной оценке их содержания.

Социологический метод выявляет обусловленность теоретических концепций социальной и экономической структурами общества, раскрывает зависимость государственно-правовых явлений от типа культуры, уровня жизни, идеологии, характера интересов тех или иных классов и социальных групп;

- ✓ специально-юридические (правовое моделирование, правовой эксперимент, формально-юридический метод.

Они выражают особенности познания правовых явлений. Формально-юридический акцентирует внимание на юридической форме, внешних признаках правовых процессов, метод правового моделирования – на идеальной реконструкции отсутствующих элементов и признании их юридически значимыми.

В области истории политико-правовых учений **принцип историзма** играет существенную роль в процессе освещения генезиса и последующей жизни той или иной политико-правовой теории в исторической ретроспективе и перспективе, исследования места и значения политических и правовых теорий в совокупной системе знаний определенной эпохи и т. д.

Исторический подход выступает при этом в качестве способа адекватного понимания, интерпретации и оценки политико-правового содержания освещаемых учений в контексте прошлого и современности. Отвергая крайности архаизации или модернизации политико-правовых учений прошлого, исторический подход позволяет выявить в этих учениях как исторически преходящее, так и пребывающее, остающееся в истории.

В соответствии с эпохами исторического развития курс ИППУ можно достаточно условно разделить на следующие этапы:

1. Древний мир: время, когда господствовала религиозно-мифологическая форма идеологии и политическая мысль не носила четко выраженный характер (это памятники Вавилона, Индии, Китая, Египта). Политическая мысль Греции быстро прошла путь от мифа к теории и внесла исключительный вклад в развитие политических и правовых учений древности.

2. Средние века: эпоха развития политико-правовой идеологии (идейных систем) на основе христианства и проблем им порождаемым. Возникновение ислама в VII веке.

3. Эпоха Возрождения и Реформации (XIV–XVI вв.): осмысление политических и правовых процессов перестает быть монополией церкви.

4. Эпоха буржуазных революций – (XVII–XVIII вв.) в Нидерландах, Англии, США, Франции.

5. Эпоха свободной конкуренции (XIX век): характеризуется расширением понятий политической и экономической свободы, институтов равноправия, либерализма, научного социализма и др.

6. Эпоха монополистического капитала (империализма), общественных революций, образование и противостояние двух мировых общественно-политических систем (лагеря капитализма и социализма), крушение мировой колониальной системы, кризиса «реального социализма», формирование «социального государства» на Западе (конец XIX – вторая половина XX вв.)

Наиболее перспективной основой периодизации ИППУ является **социокультурный подход**, т. е. системное рассмотрение и исследование социума (общественных отношений, учреждений, организаций, деятельности, движений) и культуры (социальное мышление, духовный мир, ценностно-смысловая сфера общественной жизни). В укрупненном виде типология ИППУ включает три больших эпохи, соответствующих главным периодам государственно организованного общества:

1) политико-правовая идеология сословно-кастового общества (от возникновения права и государства (4 тыс. до н. э.) примерно до XV–XVI вв.). По формационной схеме данный период включает азиатский способ производства, рабовладельческое и феодальное общества; по схеме общей истории – это Древний мир и Средние века. Особенность этого периода, который в исторической науке иногда называется «большая феодальная формация», состоит в том, что социальная структура общества определялась правом, не равным для разных сословий, а государство (чаще монархическое, чем республиканское) зависело от высшего, наиболее привилегированного сословия и стояло

на страже общественно-правового неравенства. Даже в наиболее развитых государствах, где имелись зародыши гражданского общества, при определении государства как «дела народного» под народом разумелась лишь малая часть общества (свободные, имеющие гражданство);

2) политические и правовые доктрины периода перехода к гражданскому обществу (XVI–XVIII вв.). Он вообще не вмещается в формационную схему, а по общеисторической периодизации к нему относятся позднее Средневековье и начало Нового времени. Для истории политических и правовых учений этот период имеет исключительно важное значение как эпоха грандиозных сдвигов, поисков, открытий в области политико-правовой идеологии и вообще духовного развития Европы. Великие потрясения и перестройки тех веков обычно обозначаются именами собственными: Возрождение, Реформация, Просвещение. Общая идея и исторический смысл данного периода состояли в признании и утверждении всеобщего равенства людей перед законом. В политико-правовой идеологии этого периода была сформулирована теоретическая модель бессословного, гражданского общества равноправных людей, свободно проявляющих свою личность, предприимчивость и творческую инициативу, обоснован идеал общества, освобожденного от сословных границ, лишних запретов и дотошной правовой регламентации;

3) политико-правовая идеология гражданского общества. Результатом политических революций в ряде стран Европы XVII–XVIII вв. стало становление и развитие гражданского (бессословного, промышленного, капиталистического) общества (XIX–XX вв.). Ряд новых тем, порожденных сложностями развития современного государства и права гражданского общества. В процессе развития мировой цивилизации одни страны позже других вступали в названные выше эпохи, во второй или в третий периоды развития, в некоторых странах намечался даже и обратный процесс.

Тема 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В ГОСУДАРСТВАХ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

1. Политико-правовые идеи в период зарождения государственности.

2. Политико-правовые идеи Древней Индии.

3. Политико-правовые идеи Древнего Китая.

Политическая и правовая мысль у народов древнего Ближнего Востока была тесно связана с их мифологическими представлениями. Многие социальные и политические институты напрямую возводились

к богам или героям-полубогам. Причем мир богов виделся древнему человеку не как нечто внешнее по отношению к нему и нереальное, а как одно из проявлений реальности, как часть истории. Вот почему в древнейших государствах столь велика роль традиции, обычного права, культа прошлого.

Социальные преобразования или законодательная деятельность всегда провозглашались восстановлением изначального, но некогда нарушенного порядка. Например, во введении к кодексу законов Хаммурапи (Вавилония, XXVIII в. до н. э.) говорится, что царь «восстановил справедливость в стране».

В основе законов лежит общий принцип морали и справедливости – вселенской и человеческой, который проявляется в них в большей или меньшей степени.

Египтяне называли этот концепт маат (правосудие и справедливость, которые олицетворяла богиня Маат), евреи – тора. Все должны соблюдать божественные установления, а значит, и земные законы, следующие им. В первую очередь это касается царя. Считалось, что личность конкретного правителя должна соответствовать своему высокому предназначению. В Шумере (древнее Междуречье) была выработана идея «царственности» (нам-лугала), возникшей в начале времен и переходившей от царя к царю, от династии к династии, от города к городу. Падение и восхождение тех или иных государств рассматривалось как переход «царственности» из одного места в другое. Таким образом, власть – явление, независимое от личности правителя. Обладание царским достоинством было связано с выполнением ряда жестких условий ритуального и практического характера. Невыполнение этих условий влекло к утрате престола.

Древнеегипетская концепция власти известна из созданного в XXI в. до н. э. «Поучения Мерикара». Его автор – царь, поучающий своего сына, будущего царя, – исходит из того, что власть вручается свыше богами. Поэтому для правителя делом исключительной важности является благочестие, ибо «признак владыки – праведность сердца». Ему предписывается как можно больше внимания уделять обслуживанию религиозного культа и поддержанию святилищ. Благочестие царя не только умиротворит богов, но и «внушит любовь к себе всей стране», среди своих подданных. Собственно управление – лишь второстепенная задача, выполнение которой автор «Поучения Мерикара» связывал с мягкостью и справедливостью правителя. При этом царь должен опираться на опыт прошлого, а также на мудрых советников и чиновников: «Говори сообразно многочисленным пред тобой, когда ты сбился с пути». Так ограничиваются возможности царского произвола. Только соблюдая эти предписания, царь «исполнит маат» – закон справедливости.

Первые источники зарождающейся политико-правовой мысли в Древней Индии – священные тексты веды. Из них наиболее интересной является Ригведа – сборник религиозных гимнов (XVI–VI вв. до н. э.). Значительное место в ведической литературе занимают философские вопросы, имеющие отношение к устройству мира и общества. Так, в Ригведе берет начало концепция риты – всемогущего божественного закона. Рита – это порядок, установленный на земле и небесах высшей силой; все в мире подчинено ему. Нарушение этого порядка влечет за собой кару свыше. Наряду с ритой в ведах присутствует и другой концепт – дхарма. Понятие дхармы включало в себя весь круг обязанностей человека, принципы его поведения. Соблюдение дхармы виделось в Древней Индии как следование заложенному свыше закону жизни. При этом считалось, что человек является частью общества и пользуется благами не по праву индивида, а в виде награды за свое нравственное поведение. Благодаря праведной жизни душа человека после смерти может переродиться к лучшей жизни. В то же время наши теперешние страдания – это наказание за прегрешения нашей души в прежних жизнях в других телах.

Древнеиндийское общество делилось по сословно-кастовому принципу. Всего было 4 сословия (варны). Их члены различались по роду своих занятий; они не могли вступать в брак за пределами своих варн и переходить из одной варны в другую. Выделяли следующие варны: брахманы (жрецы), кшатрии (правители и воины), вайшьи (земледельцы и торговцы), шудры (слуги и наемные рабочие).

Кастовая структура общества наложила значительный отпечаток на правовую культуру, в частности, на законодательный сборник «Законы Ману» (II в. до н. э. – II в. н. э.). Они включают свод правил, определявших поведение индийцев в течение столетий, и содержат учение о дхармах представителей разных каст. Право в Древней Индии не рассматривалось вне отрыва от религиозного содержания.

Характерным для древнеиндийской культуры литературным жанром являлись т. н. «артхашастры», что в переводе означает «наука о пользе». Самое известное из этих произведений приписывается Каутилье – советнику одного из индийских царей (конец IV в. до н. э.). «Артхашастра» Каутильи – теоретический труд, в котором описано идеальное царство, «далекое от исторических реалий». Согласно Каутилье, цель общества заключается в поддержании созданного провидением порядка. Поэтому каждый человек обязан соблюдать свою дхарму и исполнять предписанные ему обязанности. Подчеркивалась необходимость сильной царской власти, а также божественность правителя. Царь, являющийся отцом народа и наместником богов, обязан заботиться о своих подданных, следить за исполнением ими своей дхармы, поддерживать стабильность общества. Для этого в государ-

стве должна существовать сложная система контроля и слежки за поступками людей, а также наказаний за проступки. Неслучайно термин данданити – «искусство управления» – буквально означает «руководство во владении палкой». Другим средством поддержания власти царя является обеспечение лояльности своих чиновников. Ведущим принципом политической деятельности в труде Каутильи, наряду с дхармой, выступает практическая польза. Власть следует отстаивать и защищать любыми средствами, как хорошими, так и дурными.

Согласно «Артхашастре», судебное решение основывается на следующих источниках: дхарма, обычай, царский указ, судебное разбирательство.

Во второй половине I тыс. до н. э. благодаря деятельности Сиддхартхи Гаутамы (Будды) (563–483 гг. до н. э.) в Индии распространяется буддизм. Основа буддийского учения содержится в сборнике «Типитака» («Три корзины»). Распространившись в I тыс. н. э. за пределы Индии, буддизм нашел себе множество приверженцев в Китае, Тибете, Монголии, Корее, Японии, Юго-Восточной Азии. Его относят к числу мировых религий.

С самого своего возникновения это религиозно-этическое учение концентрировало внимание на отдельной личности, видя свою задачу в прекращении человеческих страданий, вызванных необходимостью следовать бесконечной последовательности перерождений. Необходимо стремиться к отрешению от всех забот жизни, к достижению состояния полной безмятежности и безразличия – нирваны.

Вместе с тем буддизм – глубоко рационалистическое учение, отвергающее ведические суеверия и верховенство касты кшатриев. Возникновение кастового строя в социальной философии буддистов связывается с появлением частной собственности и связанных с ней четырех зол: кражи, осуждения, лжи, насилия.

Буддисты не ставили задачу социального переустройства мира; подлинное равенство они видели прежде всего в сфере духовного. Идеал буддизма – монашеская жизнь. «Восьмеричный путь спасения» буддистов включает в себя воздержание от лжи, грубых слов, честный заработок, борьбу с соблазнами, непричинение зла живому. В целом буддизм можно определить как неполитическое учение, уклоняющееся от активной общественной жизни. Идеалом правителя в этом учении выступает праведный монарх, тем самым обладающий правом на политическое верховенство над всем миром – царь, «четыре края земли подчинивший». В основу его законов должны быть положены буддийские принципы умеренной и праведной жизни. Будда отвергал любое насилие, в том числе наказания, предусмотренные государственной властью.

Таким образом, главная идея буддизма – «Средний путь» жизни между двумя крайними: «путем удовольствия» (развлечений, праздности, лени, физического и морального разложения) и «путем аскетизма» (умерщвления плоти, лишений, страданий, физического и морального изнеможения).

В основе древнекитайской политической теории – концепция «мандата Неба» («воли Неба», тяньмин), возникла в XII в. до н. э. Согласно ей, только добродетельный и способный человек может достичь трона и стать основателем новой правящей династии. Если же правящий царь по каким-либо причинам оказывается неспособен более выполнять функции правителя, то он лишается права на власть, которая передается Небом новому избраннику. Им может стать не только сын или иной родственник прежнего монарха, но и любой житель Китая (например, пришедший к власти в результате переворота или восстания). Таким образом, легитимность претендента на верховную власть подтверждалась его успехом в борьбе за престол.

В дальнейшем политическая мысль развивалась в рамках четырех основных философских школ, которые занимались вопросами государства и права: даосизм, конфуцианство, моизм и легизм (фа-цзя – «школа закона»; от лат. lex – «закон»).

Философию даосизма возводят к легендарному мудрецу Лао-цзы (VI в. до н. э.). Учение даосов изложено в сборнике «Дао дэцзин», который приписывается Лао-цзы. Центральное понятие философии даосизма – дао – закон развития Вселенной. Подчинение этому закону обеспечивает человеку духовное совершенство в единстве с природой. Цивилизация, усложнение жизни, по мысли Лао-цзы, ведут к утрате человеком первозданного совершенства, приводят к конфликтам и бедам. Поэтому идеалом даосов был уход от людей и общества, отшельничество. Тем же, кто продолжает жить в обществе, следует максимально сократить свои потребности, ограничить пользование благами цивилизации. Даосы призывали людей к неучастию в активной общественной жизни. Лао-цзы осуждал государство, в котором видел инструмент насилия и подавления. Идеалом политической жизни для даосов являлось своего рода мини-государство на уровне деревенской общины. При этом правителям рекомендовалось как можно меньше вмешиваться в естественный ход жизни. Лао-цзы говорил, что «лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует». Таким образом, главным принципом управления является недеяние, бездействие правителя, который целиком отдается воле дао и не принимает деятельного участия в государственных делах.

У истоков конфуцианства стоял мудрец Кун-цзы – Конфуций (551–479 гг. до н. э.), изречения которого собраны в сборнике «Беседы и высказывания», составленном учениками философа. Конфуцию при-

надлежит патриархально-патерналистская концепция власти. Государство он уподоблял гигантской семье, правителя – отцу. Целью государства и правителя является благосостояние всей этой семьи. Главными принципами поведения подданного, по идеалам конфуцианства, являются почитание предков, родителей и вообще старших, честность, стремление к внутреннему самоусовершенствованию. Конфуций призывал жить по традициям, идущим из древности. Именно в древности он видел эталон для подражания и считал, что, только следуя древнему ритуалу (ли), можно достичь стабильности в обществе. Центральное место в учении конфуцианства об управлении обществом занимает учение о «благородном муже», служащем образцом поведения, которому должны подражать все люди. Главное его качество – это стремление к справедливости. Таким благородным мужем, по мысли Конфуция, должно быть всякое лицо, причастное к управлению. Для достижения этого Конфуций предложил принцип «исправления имен», согласно которому положение человека в обществе должно определять его качества: «Правитель должен быть правителем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном». Это означает, что каждый должен соответствовать тому положению, которое он занимает в обществе и государстве. В соответствии с этим выдвижение на государственные должности должно происходить, исходя из добродетельности и учености кандидата.

Конфуцианское золотое правило поведения людей в обществе гласит: не делай другим того, чего не желаешь себе. Учение Конфуция сыграло большую роль в объединении китайского общества. Оно остается актуальным и в настоящее время, спустя 2500 лет со времени жизни и деятельности автора.

Основатель моизма – Мо Ди (Мо-цзы) (479–400 гг. до н. э.). Мо Ди стремился искоренить социальное неравенство через совершенствование управления. В основу отношений между людьми хотел положить «всеобщую любовь» – не корыстную выгоду, как у конфуцианцев, а любовь ко всем: «небо желает, чтобы люди взаимно любили друг друга». Поэтому правители должны уважать свой народ, почитать мудрость и подбирать в государственный аппарат людей по их деловым качествам, умению говорить правду, а не льстить. Моисты были сторонниками открытого устройства общества, когда масса народа определяет политическую практику. В «Мо-цзы» сказано, что надо «брать за образцы факты, которые слышали или видели массы людей». Принципы любви следует распространить и на отношения между народами: «Небо не хочет, чтобы большое царство нападало на малое, сильная семья притесняла слабую». Моисты считали, что из традиций прошлого необходимо воспринимать только хорошее, а не абсолютно все, как у сторонников Конфуция.

Основателем легизма (школа законников) считается Шан Ян (390–338 гг. до н. э.), автор «Книги правителя области Шан». Своей целью Шан Ян – советник одного из китайских царей – ставил создание мощного государства с абсолютной властью правителя. Он выступил сторонником жесткой централизации. По мнению Шан Яна, для того, чтобы государство было могущественным и процветающим, в нем следует ввести принцип беспрекословного подчинения законам, издаваемым правителем. Любой закон, даже самый нелепый, должен быть исполнен. Верховенство закона означает не просто равенство абсолютно всех подданных, но поддержание среди них единообразия в мыслях и поступках; всякое же инакомыслие подлежит искоренению. Для этого необходимо поддерживать суровую дисциплину, суровые наказания за провинности, разветвленную систему доноительства. Необходимо укрепить чиновничий аппарат и карательные органы, а также ограничить самостоятельность населения. Поэтому все частные источники дохода должны быть ликвидированы, простым людям дозволялись в государстве лишь два вида занятий: сельское хозяйство и война. Вся политическая деятельность и власть, по учению Шан Яна, должны быть сосредоточены в руках одного правителя, которому беспрекословно подчиняется бюрократический аппарат. Наконец, Шан Ян призывал правителей вести захватнические войны, ибо такая политика служит укреплению государства. Исследователи оценивают учение легистов как идеологию тоталитаризма. В течение столетий эта тенденция боролась с конфуцианством за первенство в политико-правовой мысли Китая.

Таким образом, легизм – это философия сильной государственной власти. Основной вопрос легизма (как и конфуцианства): как управлять обществом?

Основными положениями легизма являются следующие:

- 1) человек обладает изначально злой природой;
- 2) движущей силой человеческих поступков являются личные эгоистические интересы;
- 3) как правило, интересы отдельных индивидов (социальных групп) взаимопротивоположны;
- 4) чтобы избежать произвола и всеобщей вражды, необходимо государственное вмешательство в общественные отношения;
- 5) государство (в лице армии, чиновников) должно поощрять законопослушных граждан и жестоко карать провинившихся;
- 6) основным стимулом правомерного поведения большинства людей является страх перед наказанием;
- 7) основным разграничением правомерного и неправомерного поведения и применения наказания должны являться законы;

8) законы должны быть одинаковы для всех, а наказание должно применяться и к простолюдинам, и к высшим чиновникам (независимо от звания), если они нарушили законы;

9) государственный аппарат должен формироваться из профессионалов (то есть чиновничьи должности должны даваться кандидатам, обладающим необходимыми знаниями и деловыми качествами, а не передаваться по наследству);

10) государство – главный регулирующий механизм общества и, следовательно, имеет право вмешиваться в общественные отношения, экономику, личную жизнь граждан.

Тема 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

1. Политико-правовая мысль раннего периода (IX–VI вв. до н. э.).
2. Взгляды софистов и Сократа на государство и право.
3. Учение Платона о государстве и праве.
4. Государственно-правовая теория Аристотеля.
5. Историческая теория Полибия.

К древнегреческим мыслителям восходят современные представления о государстве и праве. Эллада по праву считается родиной демократии, что обусловлено историческими условиями, в которых развивалась древнегреческая цивилизация. Политически Греция не была единой, а состояла из нескольких сот небольших полисов. Сущность полиса – в соединении государства и общины в единый организм, одну структуру, поэтому правильно будет определить его как гражданскую общину, общину-государство. Все гражданское население полиса было равноправно. Каждый гражданин имел равный с другими комплекс прав и обязанностей. Гражданский коллектив сам по себе представлял орган управления государством. Малое число граждан в большинстве полисов обуславливало их активное участие в политической жизни.

Идеи, связанные с политикой и правом, зарождаются в Древней Греции достаточно рано. Уже в поэмах Гомера (VIII в. до н. э.) «Илиада» и «Одиссея» встречаются понятия дике – справедливость, творимая божествами, и тезис – обычай, обычное право. В развитом виде учение о праве и государстве появляется у первых философов. Один из них – Гераклит (ок. 540–470 гг. до н. э.); он считал, что все человеческие законы, действующие в полисе, должны соответствовать общему божественному закону – логосу. Гераклит был сторонником аристократии (дословно «власти лучших»); он говорил, что достойный человек для него лучше десяти тысяч обычных. Под «лучшими» же он по-

нимал интеллектуальную и моральную элиту, выделяющуюся среди толпы.

Философ-материалист Демокрит (ок. 460–370 гг. до н. э.) рассматривал становление общества как естественный процесс. Человечество, говорил он, постепенно развилось от звероподобного состояния к цивилизованному. Соответственно полис и действующее в нем законодательство являются человеческим изобретением, не имеющим истоков в природе. Тем не менее, хорошие законы необходимы для обуздания дурных качеств простых людей и сохранения единства полиса.

Умение говорить и убеждать было очень важным при полисном строе, предусматривавшем активное участие граждан в судах и народных собраниях. Поэтому в системе образования значительное место занимали риторика и логика. Для обучения этим предметам в V в. до н. э. появляются платные учителя, софисты (дословно «мудрецы», «знатоки»). Софисты являлись мастерами в искусстве полемики и убеждения, поэтому с ними связывают скептицизм и релятивизм, отрицание любых абсолютных истин и авторитетов.

Один из первых софистов – Протагор (481–411 гг. до н. э.), которому принадлежит классическое изречение: «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих». Это означает, что объективного понимания добра и зла не существует, поэтому при определении добра или зла каждому следует исходить из собственной пользы и выгоды. Исходя из этого, говорил Протагор, составление законов – это настоящее искусство; законодателю важно не нарушить интересы всех граждан, учесть мнения и пожелания всех их. Кроме того, изречение Протагора можно толковать как признание за каждым человеком причастности к истине: поскольку абсолютной истины не существует, каждое частное мнение можно признать за таковую. Соответственно, Протагор снова приходил к выводу, что полисом должны управлять все граждане, т. к. они в равной мере наделены чувством правды и стыдливости.

Для современников Протагора софистов Гиппия и Антифонта было характерно разделение искусственного закона (номос), являющегося человеческим изобретением, и неписаного принципа справедливости, берущего начало в самой природе (фюзис). Последний является всеобщим законом, общим для всего человечества. Природные законы объединяют людей, несмотря на все различия в полисных законодательствах. Таким образом, от природы люди обладают равенством, основанным на общности естественных потребностей. Софист Фрасимах (конец V – начало IV в. до н. э.) считал, что в каждом государстве справедливостью считается то, что выгодно власти: «Справедливость – это то, что пригодно сильнейшему». Поэтому в каждом полисе власт-

вующие круги устанавливают законы, выгодные, прежде всего, им самим, и объявляют их справедливыми. Ведущим принципом политической деятельности является практическая необходимость, целесообразность.

Сократ (469–399 гг. до н. э.) был выходцем из школы софистов, однако его убеждения прямо противоположны их учению. Методика обучения у Сократа заключалась в подталкивании собеседника к выводам, принятым учителем, в признании именно их наиболее разумными и истинными. Это происходило в ходе диалога, ведущегося, пока собеседники неторопливо прохаживались. Поэтому философ не оставил после себя сочинений, его взгляды дошли до нас в изложении учеников. Сократ не отделял политику от этики, а последнюю от мудрости. Подобно софистам, Сократ различал естественный закон и закон полиса, однако возводил и тот, и другой к одному началу – разуму. Это означает, что разумное тождественно справедливому и законному. Поэтому полисные законы должны отвечать принципам справедливости, а граждане обязаны им следовать. Это достижимо лишь тогда, когда правят знающие люди. Сократ критиковал тиранию, а также демократический строй современных ему Афин за некомпетентность должностных лиц, избираемых по жребию.

Свою правоту представители данной философской школы доказывали с помощью софизмов – логических приемов, уловок, благодаря которым правильное с первого взгляда умозаключение оказывалось в итоге ложным, и собеседник запутывался в собственных мыслях. Примером данного умозаключения является «рогатый» софизм: «То, что ты не потерял, ты имеешь; ты не потерял рога; значит, ты их имеешь».

Несмотря на то, что деятельность софистов вызывала неодобрение как властей, так и представителей иных философских школ, софисты внесли большой вклад в греческую философию и культуру. К их главным заслугам относят то, что они: критически взглянули на окружающую действительность; распространили большое количество философских и иных знаний среди граждан греческих полисов (за что впоследствии именовались древнегреческими просветителями).

Платон (427–347 гг. до н. э.) был основателем в Афинах философской школы – Академии. Его сочинения написаны в жанре диалогов, в большинстве из которых (за исключением «Законов») одним из собеседников фигурирует учитель Платона Сократ.

Платон является создателем философской системы объективного идеализма. Он считал, что все во Вселенной является отражением вечно существующих идей – идеальных представлений о сущностях, предметах и явлениях действительности. Платон рассматривал государство как одну из вечно существующих идей и своей задачей видел

нарисовать картину такого полиса, который был бы наиболее приближен к идеалу. Его диалоги «Государство» и «Законы» посвящены этой задаче.

Идеальное справедливое общество описано Платоном в сочинении «Государство». Философ исходил из того, что душе каждого человека присущи три начала: разумное, яростное и вожделеющее. Им должны соответствовать три общественных сословия: философы-правители, воины и производители благ (земледельцы и ремесленники). Государство возникло в целях объединения людей разных профессий и занятий для лучшей организации их труда. Поэтому, по словам Платона, «заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие – это и есть справедливость». Сословие философов, в душе которых доминирует разумное начало, стоит во главе идеального государства. Яростное начало представлено воинами, функция которых заключается в защите полиса от врагов. Эти два сословия управляют третьим, которому присуще вожделеющее начало, т. е. стремление к богатству. Жизнь философов-правителей и воинов проходит в постоянных заботах об управлении и защите государства соответственно. Ничто не должно отвлекать их от этого. Поэтому им запрещено иметь частную собственность и даже прикасаться к драгоценным металлам. Их быт организован на началах коллективизма: они живут и питаются сообща. Первые два сословия не имеют семей; жены и дети у них общие. Детей при этом воспитывает государство, которое и определяет, к какому сословию будет принадлежать ребенок, когда вырастет. Это зависит только от его способностей и склонностей. Простые граждане (третье сословие) не участвуют в делах управления, их жизнь тщательно регламентируется правителями. Платон полагал, что для граждан идеального полиса желателен средний достаток, поскольку разделение общества на богатых и бедных способствует его расколу.

Платон выделяет семь типов государства: идеальное «государство будущего», которого пока не существует и в котором отпадет необходимость в государственной власти и законах, и шесть типов ныне существующих государств:

- 1) монархия – справедливая власть одного человека;
- 2) тирания – несправедливая власть одного человека;
- 3) аристократия – справедливая власть меньшинства;
- 4) олигархия – несправедливая власть меньшинства;
- 5) демократия – справедливая власть большинства;
- 6) тимократия – несправедливая власть большинства, власть военных вождей, армии.

Двумя стабильными и оптимальными формами государства могут быть только аристократия и монархия. Аристократию Платон считал лучшей формой государственного устройства.

В «Законах» Платон описал второй по достоинству политический строй, более осуществимый на практике. Здесь общество состоит из семей граждан (всего их 5 040), каждая из которых владеет равным земельным участком. Надел переходит по наследству целиком, он не подлежит дроблению или продаже. Ремесленники и торговцы из числа граждан исключены. Все это сделано для того, чтобы среди граждан постепенно не выделился слой более зажиточных, что неизбежно привело бы к внутренним конфликтам. С этой же целью власти устанавливают пределы обогащения; не допускаются роскошь и ростовщичество. Хотя все граждане делятся в зависимости от имущественного состояния на 4 класса, они не сильно отличаются друг от друга по богатству. Статус этих классов дифференцирован по степени их участия в государственных делах; первые два класса обладают несколько большими политическими правами. Жизнь граждан строго регламентируется государством. Большое значение придается единомыслию, все способствующее разнообразию отвергается. Также как и в первом проекте, личность подчинена интересам целого. Политически второе идеальное государство представляет собой смешение монархии и демократии. Во главе его стоят 37 выборных правителей, которые наделены обширными полномочиями, но ограничены законами. Из их числа выделяется Ночное собрание в составе 10 «стражей», которым вручается верховная власть. Кроме того, существуют народное собрание и совет представителей четырех имущественных классов. Все низшие должностные лица избираются.

Философские и общественно-политические взгляды Платона до сих пор вызывают споры в ученом мире. Часть исследователей превозносит мыслителя за идею политического правления на основе разума. Другие находят в произведениях Платона обоснование тоталитарной идеологии.

Аристотель из Стагиры (384–322 гг. до н. э.) – самый выдающийся ученик Платона, не разделявший, однако, философских воззрений своего учителя. Он основал в Афинах собственную школу – Ликей (отсюда пошло название лицей). Некоторое время Аристотель провел в Македонии, где занимался обучением будущего царя Александра. В отличие от Платона, обращенного к идеалу, Аристотель искал философскую опору в жизненном опыте, наблюдении. Обладатель энциклопедических знаний, он составил описание политического устройства 158 греческих полисов. В полном виде из них сохранилось лишь описание устройства Афин – «Афинская полития». Помимо этого Аристотель написал первое теоретическое сочинение, посвященное политической науке, – «Политика». Политику философ определял как науку о высшем благе человека и государства; она тесно связана с этикой и эко-

номикой. Ее целью является справедливость. Аристотель полагал, что по своей природе человек – «политическое животное».

Государство, по Аристотелю, – это органическое целое, объединение свободных людей, которые обладают равными правами и обязанностями. Целью государства является благо всех его граждан. Поэтому в полисе должно господствовать право, а не воля отдельных личностей. Вместе с тем в государстве необходимо учитывать равенство как «арифметическое» (абсолютное равенство всех граждан), так и «геометрическое» (распределение благ пропорционально вкладу и достоинствам каждого). Право, по Аристотелю, тождественно справедливости, т. е. законное и справедливое должны совпадать. Философ делил право на естественное и условное (человеческое). Первое всюду признано и не нуждается в законодательном оформлении. Второе – это нормы, установленные людьми в форме законов. «Всякий закон в основе предполагает право», должен соответствовать естественному праву. Важнейшим признаком закона является его принудительная сила. Жить в государстве – значит повиноваться закону. Далее Аристотель различал писанный и неписанный закон, или обычай. Он выступал сторонником стабильности права и считал, что искусство законодателя состоит в том, чтобы создавать законы, соответствующие государству, а не подгонять государственный строй к измышленным законам.

Создание идеального государства Аристотель считал невозможным. Однако он полагал, что лучший полис должен обладать небольшой, легко обозримой территорией, желательно с выходом к морю. Население не должно превышать десяти тысяч граждан. Земля при этом делится на две части; одна находится в собственности государства, а другая – в частном владении граждан. Аристотель критиковал принцип отмены частной собственности, который присутствует у Платона; по его мнению, частная собственность присуща человеку от природы в силу его любви к себе. Собственность стимулирует к деятельности, а ее отсутствие – к лени. В полисе необходимо достичь равновесия между богатыми и бедными, мудрецами и заурядными, аристократами и простыми людьми. Аристотель говорил: «Государство, состоящее из средних людей, будет иметь наилучший государственный строй». Людей среднего достатка он считал опорой полиса, ибо они способны постичь общее благо, не склоняясь к крайностям.

Аристотель выделил шесть форм государственного устройства. Правильная власть одного человека именуется монархией, неправильная – тиранией. Правильная власть немногих – аристократия, неправильная – олигархия. Наконец, правильная власть большинства называется политией, а неправильная – демократией. Важно заметить, что

аристотелевское понимание демократии отличается от ныне принятого: Аристотель под ней понимал неорганизованную власть толпы, господство бедных. Наихудшая из всех форм правления – тирания (власть одного человека, не подчиняющегося законам и правящего только исходя из собственной воли), наилучшая – полития. Это умеренная демократия, в которой право занимать должности связано с небольшим имущественным цензом. Полития сочетает в себе лучшие стороны олигархии и демократии. Это та «золотая середина», к которой стремился Аристотель.

Деятельность Полибия из Мегалополиса (ок. 200–120 гг. до н. э.) пришлось на то время, когда Рим проводил в Восточном Средиземноморье активную завоевательную политику. Полибий стал свидетелем того, как территория Эллады была присоединена к Римской республике в качестве провинции. Это отразилось на его политической концепции и теории всемирной истории, изложенных в труде «Всемирная история в сорока книгах». В центре этой работы – история взлета могущества Римской державы. История, рассуждал Полибий, уже не может рассматриваться как история отдельных стран и народов.

Согласно Полибию, важнейшим фактором, оказывающим влияние на историческую судьбу того или иного государства, является его строй. Под влиянием Аристотеля историк выделял шесть форм государственного устройства, последовательно сменяющих одна другую (царская власть, тирания, аристократия, олигархия, демократия, охлократия). Цикличность общественного развития, выраженная в смене форм государственного устройства, – «закон природы», неизбежная «судьба», которой подчиняются все государства мира. Судьба любого из них подчиняется законам становления и уничтожения, поскольку каждая из шести форм по своей природе является неустойчивой.

Поскольку Римское государство сочетает в себе лучшие стороны монархии, аристократии и демократии, оно является идеальным и «в самом себе черпает исцеление». Эти три формы правления представлены в Риме полномочиями соответственно консулов, сената и народного собрания, которые уравнивают друг друга. Такое смешанное устройство дало Римскому государству возможность освободиться от законов циклического развития и пребывать в состоянии равновесия. Именно это, по мнению историка, позволило Римской республике вести многочисленные войны и завладеть огромными территориями.

Тема 4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

1. Учение Цицерона о государстве и праве.
2. Политико-правовые воззрения римских стоиков.
3. Учение римских юристов о праве.

Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н. э.) был выдающимся оратором и государственным деятелем Римской республики. Он был убит сторонниками единоличной власти, мстившими республиканцам за убийство Юлия Цезаря.

В диалогах «О государстве» и «О законах» Цицерон развил взгляды Аристотеля и стоиков на государство и право. Вслед за Аристотелем, он считал, что государство происходит из врожденной потребности людей жить вместе; семья при этом является основной ячейкой общества. Возникает государство естественным путем, основываясь на всеобщем разуме и справедливости. С другой стороны, Цицерон рассматривал государство как общее дело и достояние народа («республика» – «общее дело»). По его знаменитому определению, *res publica* – это «соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общности интересов». Таким образом, государство не просто сообщество людей, но правовое сообщество. Право выступает неотъемлемым признаком государства, его определяющим началом.

Право также имеет естественное происхождение из божественного принципа справедливости, который заключается в непричинении друг другу вреда и соблюдении взаимных прав. Этот принцип заложен в природе и потому является общим для всех людей. Поэтому источником права служит не воля одного или нескольких лиц, пусть даже большинства граждан, но исключительно естественный закон. Цицерон различал два вида права: естественное и позитивное, человеческие. Первое существует изначально и потому неподвластно людям. Естественные законы представляют собой запрещающие или предписывающие веления высшего разума, заложенного в природе. Важнейшие общественные институты, включая собственность, восходят к ним. Нормы естественного права присущи всем народам, они неизменны и едины для всего человечества. Цицерон писал: «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая». Значит, единственным критерием справедливости человеческого закона будет его соответствие естественному праву.

Политическим идеалом Цицерона была аристократическая республика. Римский политик различал три «простые» формы государства:

монархию, власть оптиматов (аристократию) и демократию. Любая из форм государства постепенно приходит в упадок и сменяет одна другую, происходит постоянный круговорот. Поэтому идеальным является смешанное устройство, воплощенное в Римской республике. В этом Цицерон близко смыкался со взглядами Полибия. Он так же считал, что основой устойчивости римского государства является то, что его политический строй сочетает в себе элементы монархии, аристократии и демократии. В нем нет оснований для совершения государственного переворота или вырождения, так как каждый занимает подобающее ему место. Кроме того, в смешанном устройстве максимально полно реализуется идея справедливости, что невозможно при обычных трех формах государственного устройства.

Основная идея философской школы стоиков – освобождение от влияния внешнего мира. Они избрали иной путь постоянного самосовершенствования, восприятия лучших достижений традиционной культуры для достижения этой цели.

К периоду Римской империи относится поздний этап в развитии философии стоицизма. В это время стоическое мировоззрение продолжает играть роль убежища от катаклизмов политической жизни и социального неравенства.

Видным представителем Поздней Стои был судебный оратор и политик Луций Анней Сенека (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.). Его философские воззрения изложены, прежде всего, в сборнике писем к другу Луцилию (всего 124 письма), а также в нескольких трактатах («О благодеяниях», «О милосердии» и др.). Как и другие представители стоицизма, Сенека противопоставлял мудрецов, к которым относятся и цари, и простых людей. Мудрость первых – в понимании того, что миром правит рок, а также в следовании этим заветам. Неслучайно со стоиками связывают презрение к жизненным невзгодам, покорность ударам судьбы. В этом заключается истинная свобода. Сенека признавал естественное равенство всех людей; раб настолько же находится в рабстве у жизни, у человеческих пороков и слабостей, как и его господин. С другой стороны, если человек благороден по духу, нет нужды освобождать его от формального рабства. Сенека примирил нравственный идеал с практической необходимостью следовать общественным нормам. Кроме долга индивида перед самим собой, большое значение он придавал его долгу перед другими. Главное при этом – не дать общественной деятельности нарушить душевное равновесие, «пленить» душу. Универсальным принципом взаимоотношений людей является благодеяние, понимаемое в первую очередь как воля, а не практический акт. Это то, что объединяет всех в «большую республику».

Значительное место в творчестве Сенеки уделено ответственности императора. Римский философ видел в нем достойную личность, способную быть наставником народа, блюстителем всеобщей нравственности. Он «устанавливает добрые нравы среди граждан и уничтожает пороки общества». Поэтому главным требованием к персоне императора является способность обуздывать собственные страсти. Правитель правит не для себя, а в интересах подданных, он является их «рабом», а править – значит «не властвовать, а исполнять обязанность».

Другим выдающимся стоиком был император Марк Аврелий (121–80 гг.). Ему принадлежит трактат, условно называемый «К самому себе». Император-философ признавал бренность всего земного, мимолетность человеческой жизни. Это, однако, не означает пассивного неучастия в ней. Как и Сенека, Марк Аврелий признавал равенство всех людей, заключающееся в их равенстве по разуму.

В душе каждого представлено разумное начало (гегемоникон), побуждающее действовать добродетельно и отвращающее от пороков. Значит, «от человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло». Вместе с тем люди подчинены высшей необходимости, которой, в лучшем случае, можно только свободно подчиниться. Это и есть общественная активность. Поэтому среди истинных ценностей, которым необходимо следовать, Марк Аврелий называл «общепользную деятельность», «гражданственность». Соответственно, идеалом человека будет тот, кто следует общественному долгу и моральным правилам. Лучшей формой устройства государства император-стоик называл единовластие, при том, что закон является равным для всех; фактически правит естественный закон, всеобщий разум.

В целом, идеалом стоиков выступает мудрец, поднявшийся над суетой окружающей жизни, освободившийся от влияния внешнего мира благодаря своей просвещенности, знанию, добродетели и бесстрастию (апатии), автаркии (самодостаточности).

К характерным чертам стоической философии также относятся:

- 1) призыв к жизни в согласии с природой и Мировым Космическим Разумом (Логосом);
- 2) признание добродели высшим благом, а порока – единственным злом;
- 3) определение добродетели как знания о добре и зле и следования добру;
- 4) призыв к добродетели как постоянному состоянию души и моральному ориентиру;
- 5) признание официальных законов и государственной власти лишь в том случае, если они добродетельны;
- 6) неучастие в жизни государства (самоотстранение), игно-

рирование законов, традиционной философии и культуры, если они служат злу;

7) оправдание самоубийства, если оно совершено в знак протеста против несправедливости, зла и пороков и невозможности делать добро;

8) восхищение богатством, здоровьем, красотой, восприятие лучших достижений мировой культуры;

9) высокий эстетизм в мыслях и поступках;

10) осуждение бедности, болезней, нищеты, бродяжничества, попрошайничества, человеческих пороков;

11) признание стремления к счастью высшей целью человека.

Классический период в развитии древнеримской юриспруденции приходится на эпоху принципата (I–III вв. н. э.) в истории Рима. В это время императоры-принцепсы, стремясь ограничить законодательные полномочия сената, предоставили наиболее видным юристам право давать ответы на правовые вопросы, т. е. фактически разъяснять и толковать действующие правовые нормы.

Понятие права римские юристы-классики выводили из идеи стоиков о существовании всеобщего закона природы. Согласно определению юриста Цельса, право – это искусство добра и справедливости. Правосудие же есть «познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом» (Ульпиан). Большинство римских правоведов отвергало буквализм в понимании закона; они стремились найти за ним действительную волю законодателя и общую справедливость, вне контекста ту или иную правовую норму рассматривать бессмысленно.

Ульпиан писал: «Во всех делах справедливость имеет предпочтение перед строгим пониманием права». Поэтому юристы-классики концентрировали внимание на казусах – тщательно разбирали обстоятельства того или иного случая и избегали давать общие определения. Признавался принцип судебного усмотрения. В случае, если закон небезупречен, следовало стремиться к наименее несправедливому решению.

В составе права, действовавшего в Римской империи, древние юристы выделяли три части: право народов, право граждан, преторское право. Право народов охватывает правила, которые естественный разум установил для всех людей. Согласно праву народов, существуют семья, собственность, рабство, международная торговля, война и ряд других институтов. Право граждан (*jus civile*) регулирует отношения между свободными римлянами. Оно составляет «собственное право государства» (Гай). Источниками этого права являются обычаи и древние законы, судебный прецедент, а позднее – постановления сената и магистратов, рескрипты императора, мнения знатоков права. Пре-

торское право происходит из деятельности магистратов римской гражданской общины и дополняет или исправляет старинные нормы права граждан. Кроме того, по области действия право в Древнем Риме делилось на частное (*lex privata*) и публичное (*lex publica*). По знаменитой формуле Ульпиана, публичное право относится к положению государства, частное же – к пользе отдельных лиц. Основное внимание древнеримские юристы уделяли частному праву; в их трудах были заложены основы современной теории гражданского права (цивилистики).

Итогом развития римского права в периоды классики и постклассики является «Корпус гражданского права» византийского императора Юстиниана, основную часть которого составляют «Дигесты» (выдержки из 275 сочинений 39 видных юристов), изданные в 529 г. Во главе коллектива создателей «Дигест» стоял Трибониан. В наше время «Дигесты» Юстиниана служат основным источником для изучения римского права. Их посредством в Средние века и Новое время принципы римского частного права были усвоены юридической наукой многих европейских стран. Под его влиянием сложились современные правовые доктрины, из него заимствованы многие юридические категории и формулы.

Тема 5. ХРИСТИАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДОСОБОРНЫЙ ПЕРИОД (I–VI вв.)

1. Источники и периодизация христианства.
2. Моральные, социальные, политические и правовые идеалы Нового Завета.
3. Структура и иерархия Церкви. Отношение к государственной власти.

В пределах Римской империи в начале нашей эры появляется христианство, которое выступило с проповедью идей всеобщего равенства и свободы людей. Ранние христиане обрушивались с обвинениями на всех богатых, и властвующих, клеймили порядки Римской империи, отвергали частную собственность, деление людей на свободных и рабов, богатых и бедных, отдавали свое имущество в распоряжение своих общин (церквей).

В развитии организации христиан обычно различаются два этапа: «апостольская церковь» (примерно I–II вв.) и пришедшая ей на смену (примерно во второй половине II в.) «епископальная церковь».

Основой христианского вероучения является Библия (*с греческого – книга*), которая по убеждению приверженцев, есть Слово Божие (иначе «Священное Писание»).

Библия представляет собой два сборника книг, называемых Ветхий Завет, воспринятый от иудаизма, и Новый Завет, сложившийся в недрах самого христианства. Слово, которое переводится, как «завет», первоначально значило «договор», или «соглашение». Как христиане, так и евреи считают ее записью договора (завета), заключенного Богом с человеком и открытого Моисею на горе Синай.

Ветхий Завет – это часть Библии, комплекс иудейских священных книг. Название Ветхого Завета дано этим книгам христианскими церковниками в отличие от Нового Завета, состоящего из сочинений, написанных идеологами христианства. Иудейские богословы именуют Ветхий Завет Танахом. В Ветхий Завет во всех христианских конфессиях входит 39 книг Танаха, являющегося общим священным текстом иудаизма и христианства. Он включает разделы – Тора, Невим и Ктувим.

Часть произведений, входящих в Ветхий Завет, лишена религиозного содержания (Екклезиаст, Есфирь, Руфь, Песнь песней).

Ветхий Завет канонизирован христианством с момента возникновения последнего, так как христианство базировалось на иудаизме.

Новый Завет – основной (наряду с Ветхим Заветом) литературный источник христианства, который составляет вторую часть христианской Библии. Христиане верят, что Иисус Христос возвестил о новом Завете, который является исполнением Завета, данного в Откровении Моисею, но вместе с тем заменяет его. Поэтому книги, повествующие о деятельности Иисуса и его учеников, называют Новым Заветом.

Писания Нового Завета включают 27 книг. Они написаны по-гречески, на языке, который был широко распространен в мире в I в. до Рождества Христова. Более половины всех текстов Нового Завета написано четырьмя апостолами, учениками Иисуса Христа. В Новом Завете описаны важнейшие эпизоды земной жизни Иисуса Христа, его учение и чудеса, его крестная смерть, воскресение и вознесение на небо. Рассказывается также о проповеди христианской истины и подвигах его учеников – апостолов (*с греч. – посланник*).

В Новый Завет входят (в последовательности канонизации церковью): Евангелия, Деяния апостолов, 21 послание апостолов, Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова.

Основные положения христианской церкви – догматы – определены в Символе веры. Среди них важнейшими являются: догмат о сущности Бога, о триединстве Бога, о боговоплощении, искуплении, вознесении, воскресении и т. д.

Первый Вселенский собор, состоявшийся в 325 г. в г. Никее принял краткое изложение основных догматов христианства, так называемый Никейский Символ веры. Второй Вселенский собор в 381 г. в Константинополе выработал формулу троичности бога, дополнил и канонизи-

ровал Никейский Символ веры, который и сейчас служит руководством церкви.

В «Откровении Иоанна Богослова» («Апокалипсисе»), написанном в 68–69 гг., предрекается гибель Риму, «великой блуднице»; «яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодействовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее». Защита бедных и критика богатых отчетливо звучит в «Евангелии от Луки»: «Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь... Напротив, горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение».

В своем новом подходе к вопросам собственности, труда и распределения ранние христиане проповедовали принципы всеобщей обязанности трудиться и вознаграждения каждого по его труду. Эти новые требования звучат в таких положениях, как: «Каждый получает свою награду по своему труду»; «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь».

Существенное значение придавалось принципу равенства всех людей и соблюдению такого равенства в различных сферах человеческих взаимоотношений. Весьма энергично ранние христиане проповедовали основной принцип естественного права и естественно-правовой справедливости – воздаяние равным за равное. Этому посвящен ряд максим раннехристианской правовой идеологии: «Каким судом судите, таким будете судимы»; «Какою мерою мерите, такую отмерено будет вам».

Христиане ждали пришествия мессии, Христа – избавителя, божьего посланника, который в схватке со «зверем-императором» сокрушит царство зла, повергнет угнетателей в «геенну огненную». Затем установится обещанное пророками тысячелетнее царство, обитатели которого «не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной».

В ожидании мессии проповедовались смирение и непротивление злу насилием: «Никому не воздавайте злом за зло», «любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас».

В ожидании скорого пришествия мессии христиане стремились обособиться от царства зла в своих общинах. Христианство провозгласило равенство приверженцев новой религии. Общины были организованы на демократических началах. Не было духовенства, предметов культа, обрядов. Верующие отдавали общине свое имущество, за общий счет устраивались общественные трапезы. Связь между общинами поддерживали странствующие проповедники (апостолы), не имевшие привилегий. Община кормила апостола несколько дней, после чего он должен был либо идти дальше, либо работать вместе с другими: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь».

В христианском учении в религиозной форме были выражены некоторые общечеловеческие ценности, элементарные нормы нравственности и справедливости. «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними», – говорится в Новом завете. В Новом завете содержится осуждение богатых: «Удобнее верблюду (канату) пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие».

Со II в. христианские общины пополнялись выходцами из имущих и образованных слоев общества. Это привело к изменению социального состава, организационных принципов и идеологии христианских общин. Эволюция христианства предопределялась разочарованием в надеждах на скорый приход мессии.

Уже во II в. жизнь в христианских общинах заметно изменяется. Усиливается власть руководителей общин, налаживается постоянная связь между ними, формируется церковная бюрократия (духовенство). Епископами назначались, как правило, состоятельные люди: «Ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли печись о церкви Божией?». Епископы различных общин установили между собой прочные связи; таким образом, была создана вселенская церковь. «Вне церкви нет спасения», «без епископа нет церкви», «на епископа должно смотреть, как на самого Господа», – учило духовенство.

Одновременно с этим идет процесс формирования официального вероучения, канонизации христианской литературы. Церковь начинает делать акцент на божественном характере всякой власти, проповедуя покорность властям и осуждая сопротивление насилию. («Отдавайте кесарю кесарево, а Божие – Богу»).

Уже апостол Павел подчеркивал в своем «Послании к римлянам»: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение».

В христианской литературе II–III вв. большое место занимает апологетика. Христианские авторы стремятся доказать римскому обществу и уверить императоров, что новая религия не только не опасна рабовладельческому государству, но и является его надежным союзником.

Церковь настойчиво стремилась к союзу с императорской властью. С IV в. императоры уже вынуждены считаться с церковью и даже искать у нее поддержки. При императоре Константине христианство было объявлено равноправной с другими религиями (313 г.), а затем господствующей (324 г.) религией.

Появление и утверждение христианства как мировой религии свободы и равенства людей стало важным фактором обновления мира и оказало существенное влияние на все последующее историческое развитие. Но реальная практика и земные дела новой религии оказывались во многом иными, чем это представлялось энтузиастам раннего христианства.

Тема 6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В ВИЗАНТИИ (V–XV вв.)

1. Византийская политическая теория.
2. Развитие юридической мысли в Византии.

Формирование византийской политической теории в окончательном виде относится к IX–X вв. В ее основе находились древнегреческие, римские и раннехристианские представления об императорской власти. В результате сложилось автократичное государство с сильной властью императора, подчинившего себе христианскую церковь.

В сочинении императора Константина VII Багрянородного (905–959 гг.) «Об управлении империей» выражена идея справедливого общественного устройства, обеспечивающего единство интересов народа. Византийское государство воспринималось в нем как таксис – совершенный и гармоничный порядок. Он основан на строгой иерархии членов общества, каждый из которых имеет собственные права и обязанности. Во главе общества стоит «отец подданных» – император, правящий «в согласии с законом и справедливостью», награждающий преданных и праведных, карающий виновных. В международной иерархии византийский император также играет роль «отца», стоящего над правителями других государств и призванного «править и руководить мировым кораблем».

Союз христианской церкви и государственной власти в Византии обусловил утверждение идеи о богоизбранности государственной власти, и поста императора в частности. Для византийской политической теории характерно представление о единстве светской и духовной власти. Сама Византия рассматривалась как совокупная государственно-церковная организация. Поэтому первой обязанностью правителя является распространение истинной религии – христианства. Император ответствен перед Богом, чьим слугой и исполнителем воли он является. Этот пост должен занимать благочестивый, мудрый и миролюбивый человек. Такие качества присущи идеальному государю, описанному богословом и церковным историком Евсевием Кесарийским (ок. 265–340 гг.) в произведении «Жизнь Константина».

Философ Георгий Гемист Плетон (ок. 1355–1450 гг.) в своих речах, обращенных к императору, выделял три основные формы государственного устройства: монархию, демократию, олигархию. Наиболее совершенной он считал монархию, «использующую лучших советников и дельные советы, имеющие должную силу». Монарх подобен капитану корабля, который решает вопросы единолично, но может прислушаться к советам матросов. Далее, правителя отличает набор определенных качеств: справедливость, деятельность, мудрость, добродетель. Плетон писал: «Государству необходимы не только правильные законы – важно, чтобы они были и действенными; действенными же они становятся посредством добродетельных правителей». Благородный и разумный император будет уважать свободу своих подданных и учитывать их интересы в своей политике.

Начальный этап развития права в Византии связывают с изданием объемных законодательных сводов римского права (прежде всего, Кодекса Юстиниана, 529 г.). Дальнейшее развитие шло по линии их комментирования, сокращения и переводов на греческий язык. В византийской юридической мысли ярко выражено стремление к систематизации и кодификации права. Если римские юристы-классики концентрировали внимание на частных казусах, то византийские правоведы уточняют категориальный аппарат (например, Кирилл Старший, «О дефинициях»). Право на расширительную или свободную интерпретацию юридических норм сохраняется исключительно за императором, а юристам толкование имеющихся памятников права было запрещено. Поэтому византийские юристы Раннего Средневековья (схоластики) были вынуждены исходить из уже готового решения, имеющегося закона.

Труды по праву проблемного характера совершенно отсутствуют. Они заменяются учебниками, кодексами, сборниками. Так, законодательный сборник Эклога (726 или 741 г.) содержит «выборку законов» из свода Юстиниана, «с внесенными в них исправлениями в духе большего человеколюбия». Расположение материалов в Эклоге отражает стремление приблизить право к практическим повседневным нуждам и конкретным жизненным ситуациям. Нормы классифицированы не по формальному принципу (лица, вещное право, иски), а в соответствии с важнейшими вехами человеческой жизни, начиная со вступления в брак. В результате в каждом разделе можно найти элементы как личного, так и вещного и искового права. То же стремление к упрощению права привело к «криминализации» частноправовых деликтов, рассматриваемых отныне как серьезное нарушение юридических обязательств (например, обручения).

После создания в 867 г. последней грандиозной кодификации (Василики) византийская правовая мысль развивается в русле частной инициативы. Распространяется практика составления подборок юридических источников, к которым относится труд судьи Константина Арменопула (1320–1383 гг.) «Шестикнижие» («Ручная книга законов»). Это сочинение рассматривалось автором в качестве практического руководства судьям и включало исключительно выдержки из более давних сводов права. «Шестикнижие» относят к предшественникам современных кодексов, а его автора называют «отцом современных романистов». Это связано с тем, что Арменопул переносил в свою книгу нормы, не изменяя их, но сильно сокращая и упрощая, освобождая от излишней риторики. Компактность книги, ясность изложения, полнота роднят «Шестикнижие» с современными кодексами права. Классификация гражданского права Арменопула признается классической (общие положения, имущественное право, обязательственное право, семейное право, наследственное право). Не случайно эта компиляция сохраняла значение основного источника права на Балканах и в Молдове вплоть до XIX в.

Тема 7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В ИСЛАМЕ (VII–XIV вв.)

1. Политико-правовые направления в исламе.
2. Политико-правовые идеи в трудах арабских философов.

В начале VII в. население Аравии переживало смену эпох. Распадались древние государства, перемещались торговые пути, смешивались старые и новые социальные группы. Родоплеменной строй постепенно сменялся феодальным. В этих исторических условиях складывалась новая мировая религия – ислам.

Согласно преданию в 610 г. житель Мекки Мухаммед (ок. 570–632 гг.) выступил против древнеарабского многобожия с проповедью покорности единому богу – Аллаху (ислам по-арабски – «покорность»). Поначалу он подвергался преследованиям со стороны местной знати; в 622 г. Мухаммед и его сторонники были вынуждены переселиться из Мекки в Медину; с этого года ведется мусульманское летоисчисление. Проповеди Мухаммеда, возвестившего относительно простую религию и обещавшую спасение ее приверженцам, довольно быстро сплотили общину верующих. Через несколько лет Мединская община мусульман (муслим – «преданный», т.е. предавший себя Аллаху) выросла, стала центром объединения Аравии, своеобразным теократическим государством, превратившимся при преемниках Мухаммеда – халифах – в обширный Арабский халифат. К середине VIII в.

халифы распространили свою власть на Северную Африку, Сирию, Палестину, Ирак, Иран, Пиренейский полуостров, Закавказье и Среднюю Азию. Господствующий в громадном Арабском халифате ислам стал одной из мировых религий.

Источники мусульманского права: 1) Коран – как священная книга ислама и основа мусульманского права (запись проповедей, наставлений и изречений Мухаммеда); 2) сунна – совокупность преданий о высказываниях и делах пророка Мухаммеда, имеющих правовое значение; 3) иджма – общее (единое) мнение авторитетных правоведов ислама; 4) кияс – суждение по аналогии в вопросах права.

Особенность ислама в том, что Коран и Сунна считаются действующим правом. Предполагается, что в них содержатся решения всех вопросов, возникающих в жизни. Коран и Сунна – основа религиозных, правовых и моральных норм, регулирующих все стороны жизни мусульманина, определяющих «правильный путь к цели» (шариат).

Мухаммед проповедовал религиозное единство арабов, братство верующих, необходимость соблюдать элементарные общепризнанные нормы морали. В некоторых мекканских сурах Корана осуждаются жадность и нечестность богатых и власть имущих. Кораном запрещено ростовщичество: «Аллах разрешил торговлю и запретил рост»; «уничтожает Аллах рост и выращивает милостыню». Одна из обязанностей мусульманина – уплата обязательного налога на имущество и доходы, который должен расходоваться на нужды общины, для помощи беднякам и малоимущим. Каждому состоятельному мусульманину предписано добровольно подавать милостыню, делать пожертвования в пользу нищих, бедняков, путешественников, участников войны за веру, для выкупа мусульман, находящихся в неволе.

Вместе с тем Коран оправдывал социальное и имущественное неравенство. «Мы, – говорит Аллах устами пророка Мухаммеда, – разделили среди них (людей) их пропитание в жизни ближней и возвысили одних степенями над другими, чтобы одни из них брали других в услужение». Коран считал законным рабство. Порицая ненасытную жадность богачей, Коран осуждал и завистливость бедняков: «Не засматривайся очами твоими на те блага, какими наделяем мы некоторые семейства». За посягательство на собственность Коран определил жестокое наказание: «Вору и воровке отсекайте руки за то, что сделали они, в назидание от бога».

Коран и Сунна предписывают безусловную покорность властям: «Верующие! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь посланнику его и тем из вас, которые имеют власть».

Теоретически признавалось, что власть принадлежит общине верующих либо ее предводителю (выборному или наследственному), единолично или при опоре на совет авторитетных знатоков религии и

права, направляющих поведение верующих на правильный путь. Все течения ислама смыслом и основой власти считают осуществление религиозных предписаний, а саму власть – чем-то второстепенным и производным по отношению к праву, источник которого – Коран и Сунна. Духовная и светская власти считаются едиными, хотя церковь и государство в мусульманских странах не во всем и не всегда совпадают, причем между ними порой возникали острые конфликты.

Государственная власть, согласно исламу, – не господин, а слуга права (шариата), поэтому она не может посредством своего законодательства изменять шариат и творить новое право. Но она должна следить за соблюдением требований шариата и в целях охраны общественного порядка может принимать соответствующие решения и акты. Содержание таких государственных актов, особенно в современных мусульманских странах, зачастую существенно расходится с традиционными положениями шариата. В этих случаях для демонстрации соблюдения требований шариата используются разного рода правовые фикции. Так, аренда земли, запрещенная шариатом, трактуется как соглашение о товариществе и т. д.

У мусульман нет иерархически организованного сословия духовенства, аналогичного католическому или православному, но есть «люди религии». К ним относятся проповедники, знатоки и учителя богословия, теории и практики мусульманского права, кади и муфтии, вершившие суд по шариату, служители мечетей, руководители общин, братств. «Люди религии» (мусульманское духовенство) имели громадное влияние на массу верующих, считали своим правом и обязанностью контролировать и направлять политику халифов, султанов, эмиров, других носителей светской власти.

В процессе борьбы за власть в халифате уже в первые десятилетия существования ислама в нем произошли расколы и определилось несколько крупных направлений.

Сунниты утверждают, что халиф избран общиной или ее представителями. Шииты признают законными халифами только четвертого халифа Али (родственника Мухаммеда) и его прямых потомков, считают их власть божественным установлением и отстаивают принцип передачи власти по наследству.

Сунниты признают Коран и Сунну, придерживаются религиозно-правовых правил согласно одному из четырех толков, различия между которыми – в методах толкования текстов Корана и Сунны при решении вопросов шариата.

Поскольку эти тексты не содержат оценок и решений многих вопросов и ситуаций, возникающих в жизни, при разборе ряда дел поначалу допускался иджтихад – самостоятельное суждение авторитетных правоведов, подчиненное определенным правилам и приемам, к кото-

рым относятся кияс (суждение по аналогии) и иджма (единодушное мнение знатоков права, считающееся мнением всей общины верующих).

В процессе развития мусульманского правоведения (фикх – право и доктрина права) в суннизме к X в. сложилось несколько мазхабов (влиятельных религиозно-правовых школ). В разных частях арабского мира действовали (и поныне действуют) разные доктрины, определяющие приемы толкования – применения права. В конце концов суннитские богословы решили, что число правовых школ достигло критической точки. После создания четырех толков и выработки исламской догматики (X в.) было признано невозможным дальнейшее развитие богословия, права, морали, социальных установлений: «Двери иджитхада были закрыты». Люди религии строго стояли на страже таклида (традиция, подражание, недопущение новшеств). Это привело к длительному застою в культуре, экономике, науке тех областей и районов, где господствовал ислам.

Суннизм – преобладающее течение ислама, официальное вероисповедание в ряде средневековых государств Арабского Востока. Теократическая трактовка власти в суннизме претерпела изменения: если вначале халифы считались преемниками Мухаммеда, то при Омейядах они были объявлены наместниками самого Аллаха, а затем в Аббасидском халифате сложилась концепция перепоручения светской власти султанам и эмирам (халиф – «прямой представитель Аллаха» – оставался мусульманским первосвященником); наконец, халифами стали именоваться султаны в Османской империи.

Шииты (аш-шиа – «сторонники») считают Али и его потомков единственно законными халифами – имамами, преемниками Мухаммеда. Они признают Коран и те части Сунны, которые относятся к Али. Шииты делятся на ряд ветвей, сект, течений. Одна из особенностей шиизма – вера в «скрытого имама» (им считается двенадцатый шиитский халиф, пропавший без вести в IX в.), который должен явиться как махди (аналогично иудео-христианскому мессии) и наполнить мир справедливостью (у суннитов явление махди знаменует конец света). Ряд шиитских сект наделяет «людей религии» правом говорить от имени «скрытого имама»; это придает шиитскому духовенству особый авторитет в глазах верующих.

В отличие от суннитов шиитские богословы-правоведы считают, что «врата иджитхада» всегда открыты. На основании Корана и ахбаров (так называются те хадисы Сунны, которые шииты признают достоверными) шиитские муджтахиды имеют право по запросу общины выносить фетву – предписание по правовому вопросу.

В ходе борьбы за власть в халифате еще во второй половине VII в. возник хариджизм. В отличие от шиитов хариджиты утверждали, что

халифом может быть избран любой мусульманин. От суннитов они отличались тем, что настаивали на реальной выборности халифов и их ответственности перед общиной верующих. По учению хариджитов, каждая община может избрать себе имама-халифа и имеет право сместить его. Опираясь на широкие массовые движения, руководители сект захватывали власть и создавали длительно существовавшие государственные образования (государство Рустемидов в Северной Африке в VIII–X вв.). Религиозный фанатизм и нетерпимость хариджитов, практикуемые ими «религиозные убийства» (вплоть до убийств женщин и детей) существенно ослабляли силу движений, которые они стремились возглавить, часто вели их к расколам на враждующие между собой секты.

Стремительное расширение Арабского халифата вовлекло в сферу арабской культуры наследие античной (особенно греческой) философии, научные достижения завоеванных стран и народов. В IX в. Багдад превратился в крупный научный центр с рядом школ, библиотек, научных обществ. Вторым центром арабской культуры сложился на Пиренейском полуострове, в Кордове. На арабский язык были переведены произведения античных врачей, классические труды по математике и астрономии, а также философские трактаты Платона, Аристотеля и их последователей.

Соотношение религии и философии в исламе своеобразно. Некоторые мусульманские богословы уже в VIII–IX вв. пытались разработать религиозную философию, основанную на символично-аллегорическом толковании Корана. В X в. калам – теоретическое мусульманское богословие, аналогичное христианской схоластике, – получило признание и относительно широкое распространение. С того же времени с каламом успешно конкурирует направление, стремящееся осмыслить природу и общество на основе трудов Аристотеля и других античных мыслителей. Труды представителей «восточной перипатетики» были посвящены преимущественно естественно-научным дисциплинам (медицине, географии, астрономии, химии, математике и др.). Затрагивались ими и политико-правовые проблемы, которые решались с учетом религиозно-политической жизни Арабского Востока.

В общих чертах своеобразное соотношение философии и религии ислама обозначил «первый философ арабов» – аль-Фараби (870–950 гг.). Широкую известность приобрели его комментарии трудов Аристотеля, в связи с чем еще при жизни ему было присвоено почетное имя «Аристотель Востока», «Второй учитель».

В трудах Фараби предпринимается попытка изложить проект идеального общества (города-государства). Общества Фараби классифицирует на великое (объединение всех людей, народов, населяющих землю), среднее (общество определенного народа) и малое (объедине-

ние людей в отдельные города). Взяв за исходное моральные категории добра, зла, отношения к труду, он делит города-государства на добродетельные, коллективные и невежественные.

В добродетельных городах-государствах общественная жизнь построена на принципах высокой нравственности людей, которые, помогая друг другу, достигают истинного счастья.

Фараби пишет о пяти слоях населения в добродетельном государстве: 1) мудрецы и другие достойные лица; 2) «люди религии», поэты, музыканты, писцы; 3) счетоводы, геометры, врачи, астрологи и т.п.; 4) воины – ратники, стражники и т.п.; 5) богатые люди, земледельцы, скотоводы, купцы и т.п. В добродетельном государстве все эти слои населения связаны дружбой, взаимными интересами, справедливым отношением друг к другу.

Добродетельный город возглавляет философ-правитель, способный познать начала, управляющие природой и обществом, и передать эти знания населению в образно-символической, т. е. религиозной, форме. Что касается политического устройства, то за его основу бралась оказывающая влияние на власть мусульманская община – скрепленное шариатом территориальное объединение верующих.

Концепция «двух истин» получила широкое обоснование в трудах Аверроэса (Ибн Рошд, 1126–1198 гг.). Согласно этой концепции необходимой для «широкой публики» является религия, в образно символической форме доводившая до всеобщего сведения нормы и правила общежития. Философия, постигающая «начала» (законы природы и общества), доступна лишь ученым, оперирующим доказательными суждениями. Поэтому существуют две истины – философии и религии, противоречия между которыми снимаются аллегорическим толкованием, сведением к общим началам.

Применительно к политике концепция «двух истин», с учетом реалий арабского мира, не шла далее идеи философа-правителя, получившей воплощение в трудах аль-Фараби, Авиценны (Ибн Сина, ок. 980–1037 гг.) и других арабских мыслителей.

С учетом той же идеи в XIV в. очень своеобразную концепцию развития государства разработал выдающийся арабский историк Ибн Хальдун (1332–1406 гг.). Его перу принадлежит получивший широкую известность труд «Большая история» («Книга поучительных примеров»).

Ибн-Хальдун различал общество и государство, стремился выявить их соотношение и закономерности развития. Согласно его концепции, люди создали общество для совместного добывания средств к жизни и защиты от внешней опасности. Разделение труда – первейший фактор объединения. На общество влияют климат и другие природные факторы, но главное – формы хозяйства, способ производства: «Условия, в

которых живут поколения, различаются в зависимости от того, как люди добывают средства к существованию». В связи с этим Ибн-Хальдун различает два этапа (состояния) общества: 1) примитивное, или «сельское», когда люди занимаются только земледелием и скотоводством, и 2) цивилизованное, или «городское», когда получают развитие ремесла, торговля, науки, искусства.

Развитие общества предопределяет эволюцию устройства и задач государственной власти. В примитивном («сельском») состоянии формой общества является организация кровных родственников на началах полного равенства. В таком обществе предводитель – только первый среди равных; за ним следуют без принуждения. Производство излишков и роскоши ведет к возникновению организации, основанной на неравенстве и принуждении. Второму этапу (состоянию) общества соответствует владычество (власть – собственность). Поскольку один человек владеть не в силах, он создает группировку, самую сильную в обществе. Опираясь на эту группировку, владыка покоряет подданных, собирает деньги в казну: «Налоги и поборы образуют материю государства».

Поначалу носитель власти опирается на членов своего рода; затем склонность властителя к самообожествлению и стремление к единовластию ведут к отстранению от власти, родственной правителю группы, к созданию искусственной группировки лиц, служащих ему за деньги.

Стремление владыки опереться на чуждые народу элементы является хронической болезнью государства, ведущей к его гибели. Ибн-Хальдун делает вывод о неизбежности гибели любого государства, средний возраст которого он определяет в 120 лет соответственно смене трех поколений правящей династии: первому поколению свойственны простота нравов и относительное равенство; второе поколение уже изнежено роскошью, живет в условиях неравенства и взаимной враждебности, трусливо, неспособно к самозащите, нуждается в наемной армии и охране; при третьем поколении происходят окончательная деградация, разрушение государства, распад его на более мелкие или захват другим государством. Обычно конец одного и начало другого цикла наступают в результате захвата кочевниками цивилизованных областей. Ссылаясь на историю арабов, персов и берберов, Ибн-Хальдун пишет, что, создав новое государство, завоеватели «предаются самоизнурению» и истощают общество. «Рано или поздно неизбежно наступает дряхлость империй, которые, как и люди, растут, достигают зрелого возраста, а затем клонятся к упадку».

В течение жизни трех поколений государство проходит пять этапов:

- 1) возникновение новой принудительной власти взамен прежней;

2) расправа правителя с теми, кто помог ему прийти к власти, сосредоточение власти в одних руках;

3) расцвет государства; утверждение порядка, спокойствия и уверенности;

4) переход к насилию и деспотическим методам для подавления оппозиции;

5) упадок и гибель государства.

Ибн-Хальдун делит государства с учетом их политики, религии, отношений между правящими и управляемыми на три типа:

1) «естественная монархия» – это деспотическое государство, осуществляющее только интересы правителей, опирающееся на силу;

2) «политическая монархия» – государство, которое проводит разумную политику, защищает земные интересы подданных, но остается для подданных «чужой», поскольку не связана с ними общей религией;

3) «халифат» – государство, защищающее веру, поддерживающее земной порядок, мусульманская община со «своим» правителем.

В странах ислама более, чем в средневековой Европе, была выражена тесная, доходящая до тождества связь религии и политики по той причине, что действующее право содержалось в Коране, а власть рассматривалась лишь как средство его осуществления.

Тема 8. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

1. Политико-правовые взгляды Августина.

2. Западноевропейские теократические и еретические концепции государства.

3. Политико-правовое учение Фомы Аквинского.

4. Марсилий Падуанский о государстве и праве.

5. Западноевропейская юридическая мысль в Средние века.

Самым значительным христианским богословом античности был Аврелий Августин (354–430 гг.). Начав жизнь легкомысленно и беспутно, Августин под влиянием трагических обстоятельств обратился к философии, а затем стал христианином. Последние тридцать пять лет своей жизни он провел на должности епископа североафриканского города Гиппона. Августину принадлежит множество богословских трудов, самый значительный из которых называется «О граде Божием».

Исходным понятием теологии Августина является первородный грех прародителей человечества Адама и Евы. Все социальные институты – это последствия первородного греха. Согласно Августину, история человечества есть история борьбы двух враждебных и неприми-

римых царств-градов: града земного и града небесного, Божьего. Под «градами» Августин понимал не политические образования, а духовные общности, вперемешку распределенные среди людей. Различие между двумя «градами» заключены в духовном состоянии разных людей: одних, живущих согласно принципам морали (и, с его возникновением, – христианства), других – действующих исходя из собственных корыстных побуждений. Греховный град земной Августин связывал с государством; град Божий – с христианской церковью.

Гиппонский епископ резко противопоставлял государство и церковь. Государство по своей сути греховно; оно основано на человеческом эгоизме. Это область непрерывной борьбы между людьми, конфликтов и войн. В отличие от государства церковь в своей власти опирается непосредственно на Бога. Поэтому ее авторитет должен стоять выше власти светских правителей. В целом, по мнению Августина, в мире существует разделение полномочий между светской и церковной властями. Человек несвободен; божественная благодать предопределяет вехи жизненного пути каждого. Поэтому светские правители должны прислушиваться к советам представителей церкви.

Притязания церкви и духовенства на светскую власть обосновывались теократическими теориями. Суть этих теорий сводилась к тому, что государство занимает подчиненное по отношению к церкви положение, из чего следует, что светские правители должны быть подчинены церкви не только как простые верующие, но и в ряде отношений по осуществлению политической власти.

В обоснование использовались доводы Августина Аврелия теория «нравственного закона», согласно которой церкви принадлежит право оценивать и «судить» действия императора не только как христианина, но и как носителя власти.

Широко распространены были «теория двух мечей», основанная на произвольном соединении и толковании цитат из евангелий (император получает свой меч от церкви и поэтому должен служить ей своим мечом), и «теория солнца и луны» (как луна получает свой блеск от солнца, так королевская власть заимствует свой блеск и авторитет от папы).

Римским папой, достигшим заметных успехов в утверждении верховенства церкви, был Григорий VII (ок. 1021–1085 гг., папа с 1073 г.). В сочинении «Диктат папы», составленном окружением Григория VII, утверждалось, что римский папа имеет власть над всеми государями, наделен правом судить и смещать их, ему полностью принадлежит инвеститура. Спор папы Григория VII и императора Генриха IV об инвеституре перерос в острый конфликт, в результате которого отлу-

ченный от церкви и низложенный император был вынужден пойти с покаянием в Каноссу, где находилась резиденция папы.

Наивысшего могущества католическая церковь достигла при Иннокентии III (1160–1216 гг., папа с 1198 г.), объявившим себя не только наследником апостола Петра, но и «викарием Иисуса Христа». При Иннокентии III было образовано независимое церковное государство (Папская область), короли рассматривались как вассалы папы, а епископы были включены в общую ленную систему.

Церковью использовались различные фальшивки – например, «Дарение Константина» (подложная грамота от имени императора Константина I, который будто бы еще в IV в. передал римским папам власть над Западной Римской империей) и «Лжеисидоровы декреты» (где говорится, что короли и императоры еще с первых веков христианства подчинялись папам как преемникам Христа и апостола Петра).

Для обуздания строптивых сюзеренов церковь иногда взывала к их вассалам, освобождая от присяги верности, призывая к свержению «тирана». Эту тираноборческую идею обосновывал в своих трактатах английский богослов, историк и юрист Иоанн Солсберийский (ок. 1115–1180 г.). Он в трактате «Поликратик» дал первое в Западной Европе систематическое изложение политической теории. Согласно ему, люди не нуждаются в правительстве, если они свободны от греха. Однако в современном греховном обществе светская власть необходима для поддержания в нем спокойствия и порядка. Эта власть исходит от Бога. Поэтому, чтобы стать государем, надо быть избранным Богом, т. е. получить одобрение церковной власти. Иоанн был сторонником монархии; он уподоблял общество живому организму, а правителя – голове. Он выделял два типа государей: те, которые правят согласно законам, справедливости и принципу общего блага; те, которые правят силой, преследуя только свои порочные интересы (тираны).

В духе римского права и церковной традиции он утверждал, что подданные по воле бога наделяют властью князя, который подчинен божественным законам и получает меч (право проливать кровь) от церкви. Государство подобно телу: князь – его голова, сенат – сердце, судьи – уши и язык государства. Душа государства, писал Иоанн Солсберийский, – священник.

Если князь нарушает божественные законы (воздающие каждому свое), церковные каноны, волю духовенства – такой князь является тираном. Тиран уничтожает свободу народа, законы обращает подданных в рабство. Народ в праве и обязан лишить его власти. Иоанн Солсберийский впервые в идеологии христианской церкви допускает и теоретически обосновывает убийство тирана, возражая, однако, против

использования яда, поскольку отравление – способ нечестный и коварный.

Тираноборческое учение Иоанна Солсберийского, основанное на своеобразном сочетании идей теократии и демократии, почти не нашло сторонников и последователей у его современников, но приобрело значительное распространение в XVI в., особенно среди иезуитов.

Защищаясь от притязаний церкви, императоры и короли ссылались на тексты того же писания о богоустановленности всякой (т.е. и их) власти («существующие же власти богом установлены»). Они по-своему толковали «теорию двух мечей» – меч светской власти не зависит от церкви, поскольку Христос говорил: «Царство мое не от мира сего».

Среди разных слоев населения в средневековой Европе были распространены еретические учения, т.е. отклоняющиеся от основной доктрины церкви. В средневековой Европе ересью называлось религиозное учение, признающее основные идеи (догматы) христианства, но понимающее и толкующее их иначе, чем господствующая церковь. Все еретики считали себя истинными христианами и выступали, прежде всего, против духовенства и церкви, извратившей, по их мнению, подлинное учение Христа. Церковь, в свою очередь, обвиняла еретиков в неправильном толковании текстов священного писания. Многие ереси были чисто богословскими и не касались общественно-политических проблем. Еще опаснее для церкви были ереси, которые, вызывая к текстам Нового завета, обвиняли духовенство в отступлении от апостольских правил, в корыстолюбии, тунеядстве, в непомерной гордыне и высокомерии, в пренебрежении заповедями Христа. Наконец, ряд еретических учений и движений имел антифеодальный характер, осуждал не только церковь, но и крепостничество, дворянские привилегии и право.

Первыми еретиками Европы, положившими начало широкому общественно-политическому движению, были болгарские богомилы.

Согласно их учению, земным миром правит дьявол, который на равных противостоит Богу. Катары отвергали святость Ветхого Завета и отрицали авторитет официальной церкви, возможность принесения присяги, военную службу властям, таинство брака. Католическую церковь и европейских монархов богомилы считали орудиями дьявола. Некоторые направления катаров порицали общественный порядок, при котором существуют эксплуатация и накопление богатств, и выступали за его переустройство.

Введение в Болгарию христианства (864 г.), создание славянской письменности и распространение религиозных книг совпали с периодом бурного развития феодальных отношений. Резкий и насильственный переход болгарского общества от общинно-патриархального

строю к сословно-феодальному, захват крестьянских земель царем, боярами, царскими слугами, церковью, обременение нищающих крестьян массой повинностей в пользу богатых порождали массовое сомнение в том, что все это происходит по воле бога, который добр и справедлив. Подтверждение этим сомнениям обнаружилось в Новом завете, в самом начале которого сказано, что все царства мира сего принадлежат не доброму богу, а злому дьяволу.

Особенное внимание они обратили на тексты евангелий, дающие основания отождествить дьявола с богатством: «Никто не может служить двум господам. Не можете служить Богу и маммоне (богатству)». Из этого богомилами делался вывод, что богатство и есть дьявол (злой бог). В богомильских сказаниях, распространенных во всех славянских странах, образно описано, как дьявол, когда изгнанный из рая Адам стал пахать землю, взял с него «кабальную запись» – на него и на все его потомство, поскольку земля присвоена им, дьяволом. С тех пор крестьяне и пребывают в кабале у слуг дьявола, захвативших пахотные земли.

В служении дьяволу богомилы обвиняли быстро богатевшую церковь и духовенство. О церковных преданиях, уставах и обрядах они говорили: «Это не написано в евангелии, а установлено людьми». Из всех обрядов богомилы признавали только посты, взаимную исповедь и молитву «Отче наш».

В бескомпромиссной борьбе с феодальной церковью и всем феодальным строем богомилы создали по раннехристианскому образцу собственную организацию. Их проповедники («апостолы») неустанно провозглашали мятежные идеи: «Учат же своих не повиноваться властителям своим, – писал современник богомильского движения, – проклиная богатых, царя ненавидят, ругают старейшин, порицают бояр, считают царских слуг мерзкими богу и всякому рабу не велят работать на своего господина».

Богомильское учение вскоре после возникновения распространилось в других странах. В X–XI вв. под его влиянием возникли еретические движения в Византии, Сербии, Боснии, Киевской Руси. Особенно сильное воздействие это учение оказало на идеологию стран Западной Европы, в первую очередь Южной Франции и Северной Италии, где процветали города, были развиты культура, ремесло, торговля. Проповедь «добрых людей», катаров, патаренов, альбигойцев (так еретиков называли на Западе), имела успех у горожан, отдельных групп дворянства и крестьян; к концу XII в. католическая церковь потеряла влияние на юге Франции и севере Италии.

Для искоренения ереси римские папы организовали ряд крестовых походов (альбигойские войны), учредили инквизицию и нищенствующие ордена (доминиканцы и францисканцы). Одновременно с

учреждением инквизиции римский папа Иннокентий III повелел уничтожить все книги священного писания, переведенные на народный язык. Затем (1231 г.) мирянам вообще было запрещено читать Библию.

Новые волны еретических движений начались во второй половине XIV в.

Еретические движения XIV–XV вв. основывались на тех же идейных посылах, что и предшествующие им. Большое распространение в наиболее радикальных ересь классического и позднего Средневековья получила идея «тысячелетнего царства», «Царствия Божьего», возвещенного в «Откровении Иоанна» (Апокалипсисе).

Одни еретики ограничивались требованием церковной реформы и нередко получали поддержку светской власти; другие – на основе священного писания осуждали феодально-сословный строй и государство вообще.

Одним из первых представителей ереси этого периода был профессор Оксфордского университета Джон Уиклиф, выступивший в конце XIV в. против зависимости английской церкви от папской курии и вмешательства церкви в дела государства. Уиклиф осуждал церковную иерархию и церковное богатство, утверждая, что они противоречат писанию.

Одновременно с учением Уиклифа в Англии возникло движение лоллардов, требовавших передачи земель крестьянским общинам и ликвидации крепостного права. Их учение играло видную роль при подготовке крупнейшего крестьянского восстания Уота Тайлера (1381 г.), одним из вождей которого был проповедник Джон Болл. Ссылаясь на писание, лолларды осуждали сословное неравенство. «Откуда же взялись их права – говорил Джон Болл о дворянах, – если они не были плодом узурпации? Ведь в те времена, когда Адам пахал землю, а Ева пряла, не было и речи о дворянах».

Вскоре после подавления движения лоллардов началась Реформация в Чехии выступлением Яна Гуса против привилегий духовенства, десятины и церковных богатств. После вероломной казни Гуса (1415 г.) развернулась национально-чешская война против немецкого дворянства и верховной власти германского императора. В гуситском движении вскоре определились два течения – чашники и табориты.

Программа чашников сводилась к ликвидации привилегий духовенства, лишению церкви светской власти, секуляризации (передаче светской власти) церковных богатств и признанию самостоятельности чешской церкви.

Значительно радикальнее были требования таборитов, которые выступали против католической церкви и церковной иерархии; одновременно ими был выдвинут ряд антифеодальных лозунгов – уничтожение привилегий как немецкого, так и чешского дворянства, ликвида-

ция крепостного права и феодальных повинностей и т. д. Подобно ранним христианам многие табориты утверждали, что скоро наступит «тысячелетнее царство», в котором все будут равны и совместно будут решать общие дела, не будет богатых и бедных, собственности и государства.

Борьба с чашниками и отсутствие единства в собственной среде привели к поражению таборитов, но их лозунги вскоре были использованы во время Реформации в Германии.

Наиболее выдающийся средневековый западноевропейский богослов – Фома из Аквино (1225–1274 гг.). Он стремился рационально обосновать христианскую доктрину, прежде всего, опираясь на наследие Аристотеля. Основное сочинение Фомы Аквинского называется «Сумма теологии». Политическое учение изложено в трактате «О правлении государей». После смерти Фома был причислен к лику святых; его философское наследие – томизм и неотомизм – до сих пор является направляющим в католической церкви.

Дополняя классификацию Аристотеля, Аквинат выделял четыре вида права: вечное, божественное, естественное, человеческое. На вершине системы находится «вечный закон» – божественное провидение, управляющее миром. Человеческому сознанию «вечный закон» не доступен. Божественный закон – та часть «вечного закона», которая открывается людям через откровение в Священном Писании. Естественное право рассматривалось Фомой как отражение «вечного закона» человеческим разумом. К нему относятся нормы общежития, стремление к самосохранению и продолжению рода. Человеческое (позитивное) право, действующее в обществе, создается самими людьми. Оно представляет собой выражение требований естественного права, подкрепленное принуждением. Содержание человеческого права подвержено изменениям, его нормы в разных странах не совпадают. Общие нормы человеческого права образуют «право народов». Специфические являются «правом граждан» отдельного государства.

Фома Аквинский был согласен с Аристотелем, что человек по природе является политическим существом. Для раскрытия своих способностей он стремится к объединению с другими людьми; конечным результатом такого объединения является государство. Фома различал три элемента государственной власти: сущность, происхождение и использование. Фома признавал естественным подчинение властям, ибо подчинение – «добродетель подданных». Его государственным идеалом была монархия. Это наиболее естественная форма правления, что доказывается историческими примерами. Устройство монархии сходно с устройством мира: подобно тому, как в мире правит один Бог, во главе государства должен быть один монарх. Существует две

разновидности монархии – абсолютная и политическая. Во втором случае власть монарха ограничена крупными светскими и духовными феодалами. Наконец, использование власти Фома связывал с личностью, руководящей государством. Если правитель не соблюдает естественные законы, он является тираном. Фома одобрял восстание против тиранов, заставляющих совершать поступки, противоречащие вере, т. е. и естественному праву.

Марсилий из Падуи (ок. 1275 – ок. 1343 гг.) – итальянский монах, философ и политик. Он отстаивал интересы светской власти германского императора против притязаний католической церкви. Одному из императоров он посвятил сочинение «Защитник мира». В нем Марсилий резко критиковал теократические теории. По его мнению, церковь необходимо лишить светской власти. Светский государь может быть выше церкви, так как папство – не более чем исполнительная церковная должность, установленная обществом. Марсилий Падуанский различал два вида права: божественное и человеческое. Божественный закон определяет отношение человека к будущей загробной жизни, указывает пути достижения человеком вечного блаженства. Цель человеческого закона – справедливость и общее благо. Этот закон утверждается государством и обеспечивается силой. Конечным источником человеческого права является народ. Разграничению двух видов права соответствует разграничение целей и сфер деятельности церкви и государства. К ведению церкви относятся только божественные, но не человеческие законы; поэтому церковь не должна вмешиваться в земные дела. Марсилий выступал за подчинение церкви светским властям.

Падуанский монах отстаивал идеал сформировавшегося бюргерства (средних городских слоев) – сильную центральную власть. Он был сторонником выборной монархии, где монарха избирает весь народ. Основой всякой власти, считал Марсилий, является народное согласие. Поэтому в государстве царит верховенство закона, а народ является законодателем. Он имеет право свержения правительства, не соблюдающего законы. Марсилий признавал естественным социальное неравенство людей; он делил народ на два сословия – высшее (военные, священники, чиновники) и низшее (земледельцы, ремесленники, торговцы). Во главе государства должно стоять высшее сословие, поскольку лишь оно способно служить общему благу. Представители низшего сословия могут заботиться лишь о своих частных интересах.

Находка в XI в. рукописей Дигест Юстиниана дала начало изучению римского права в университетах Северной Италии, а затем в других городах Западной Европы. В XI–XII вв. в Болонье сложилась шко-

ла глоссаторов, изучавших и преподававших римское право («глосса» – замечание, пояснение).

В споре императоров и церкви легисты-глоссаторы выступали на стороне светской власти. Большинство легистов (юристов) утверждало, что народ передал императорам всю власть, которая неограниченна и наследственна. Ссылаясь на законы Римской империи, где воля императоров считалась высшим законом, легисты полагали главным источником права законы, установленные светской властью императоров, королей, городов.

Аналогичные идеи с XIV в. обосновывали постглоссаторы, комментаторы, применявшие правила схоластической логики к обработке материала, собранного глоссаторами. Некоторые юристы средних веков считали свободу естественным правом, а рабство – порождением насилия.

Наиболее видным постглоссатором был итальянский профессор Бартол де Саксоферрато (1313 или 1314–1357 гг.), по имени которого постглоссаторы назывались «бартолисты». Однако применение к изучению права схоластических методов часто вело к бессодержательности и многословию комментаторов, отрыву их от практики исследования и реализации права.

Защита легистами независимости светской власти вызывала раздражение католической церкви, запретившей духовенству изучение римского права, а также преподавание его в Парижском университете, В противовес школам легистов в XII в. была создана школа канонистов, систематизировавших папские декреты и буллы, решения церковных соборов, высказывания отцов церкви, положения Библии. Естественное право они отождествляли с божественным законом, изложенным в священных книгах, а единственным источником человеческого права считали обычай. Канонисты одобряли старые решения синодов (IX в.), строго запрещавшие епископам и аббатам наделять свободой рабов или посвящать их в духовный сан. Канонисты грозили анафемой тем, кто поощрял рабов к бегству или помогал беглым рабам.

В некоторых средневековых источниках права излагались не только правовые нормы, но и теоретические положения, относящиеся к государству и праву.

Между 1221 и 1235 гг. немецкий дворянин и знаток права Эйке фон Репков (ок. 1180 – после 1233) составил «Саксонское зеркало» – сборник норм обычного права и судебной практики северо-восточной Германии с комментариями составителя.

Одна из главных идей «Саксонского зеркала» – идея общественного мира, прекращения или хотя бы ограничения феодальных

усобиц. Нарушители мира подлежат обязательному и строгому наказанию.

Одной из причин феодальных междоусобиц были притязания церкви на светскую власть и связанные с этим интриги. Эйке фон Репков стремился изложить нормы, которые, не умаляя авторитета папы и церкви, оградили бы императоров и королей от постоянных посягательств на их суверенные права, сохранив при этом взаимную поддержку властей. Этой цели служило особое толкование теории «двух мечей», изложенное в «Саксонском зеркале»: в моральном плане папа ставится выше императора, но их «мечи» независимы один от другого, поскольку император получает меч не от папы, а от бога.

В «Саксонском зеркале» признается историческим фактом «Константинов дар», но толкуется так, что это «дарение» оказывается юридически недействительным. Там же указывается, что при вступлении на престол короли посвящаются епископами, а императоры – папой, но при этом подчеркивается, что имперские князья подчинены только королю. Наконец, при толковании правовых норм в «Саксонском зеркале» специально оговаривается, что «папа не может устанавливать никакого права, которое ухудшало бы наше земское или ленное право».

Для обоснования независимости светской власти от власти папы и церкви Эйке фон Репков описывает процесс происхождения государства. Он отмечает, что империя впервые возвысилась в Вавилоне, ее сменила Персидская империя, за которой следовали империя Александра Македонского, а затем – Римская империя: «С тех пор еще сохраняет Рим светский меч и ради св. Петра – духовный». Германские государства (Пруссия, Тюрингия и др.) основаны воинами Александра Македонского, завоевавшими эти земли и передавшими их крестьянам на праве зависимости последних.

Особенностью «Саксонского зеркала» является то, что, излагая и комментируя нормы о феодальных обязанностях крестьян, Эйке фон Репков выступает против рабства и крепостничества: «Бог создал человека по своему подобию и своими страстями освободил одного так же, как и другого... По правде говоря, – замечал Эйке фон Репков, – мой ум не может понять того, что кто-нибудь должен быть в собственности другого». Эйке фон Репков писал, что по германскому праву вообще никто не может передать себя в собственность другому. Военнопленные, по божьим заветам, подлежат освобождению через семь месяцев или через семь лет. Наконец, Христос сказал: «Воздайте кесарево, а божье – богу».

Идеи Эйке фон Репкова выражали тенденцию к отмене «первого» крепостного права в Западной Европе XIII в. и способствовали ее осуществлению.

«Саксонское зеркало» получило признание и применение во многих немецких землях и городах. Ряд содержащихся в нем норм и разъяснений вызвал раздражение римского престола. В 1374 г. папа, римский Григорий XI осудил 14 статей «Саксонского зерцала» как «еретические». В последующие его списки эти статьи не включались.

Тема 9. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

1. Политико-правовые идеи в «Слове о Законе и Благодати».
2. Социально-политические взгляды К. Туровского.
3. Политическая программа Владимира Мономаха.
4. Политико-правовые воззрения Даниила Заточника.

Становление политико-правовой мысли в Древней Руси тесно связано с распространением христианской религии. Поэтому одной из основных тем сочинений этого времени является образ христианского правителя, главной заботой и обязанностью которого является распространение, утверждение истинной веры. Эта идея отражена в нескольких произведениях XI–XII вв.

Первым главой православной церкви на Руси, местным по происхождению, был Иларион (ум. до 1054 г.), автор «Слова о Законе и Благодати». Это сочинение носит полемический характер, митрополит проводит в нем сравнение двух религиозно-этических систем – иудейской (Закон) и христианской (Благодать). Хотя Иларион и относит иудейскую веру к предтечам христианской, он осуждает ее за узость и ограниченность. В отличие от иудаизма, христианская религия дана для всех народов: «Все страны Благой Бог помиловал, и нас не презрел». Заслуга распространения благодати христианской веры на Руси лежит на князе Владимире, которого Иларион высоко чтит как идеального правителя. Князь является для своего народа «учителем и наставником благоверию» – светским руководителем и духовным пастырем. Митрополит подчеркивал, что сила религии заключается в ее союзе с властью: «Если кто и не по доброй воле крестился, то из-за страха перед повелевшим [Владимиром], поскольку благоверие того было соединено с властью». При этом власть Владимира была тесно соединена с авторитетом церкви: «с новыми нашими отцами-епископами, часто собираясь, с великим смирением совет держал».

Творческое наследие Кирилла Туровского (1130–1182 гг.) характеризуется глубоким проникновением просветителя и политического деятеля в социально-политическую реальность того времени, духов-

ную жизнь общества как Туровской, так и других земель Киевской Руси.

Как свидетельствуют древние источники, он был «книжником», блестящим литератором, эрудированным, религиозно-политическим деятелем. Современники знали Кирилла Туровского как автора притчей, которые имели дидактическое и разъяснительное предназначение. Он представляет Бога художником и архитектором, который создал космос, землю, растения, животных и человека, который стал венцом божественного творчества. И в отношении к своему творению Бог выступает как верховный законодатель, который держит мир в состоянии динамичной, движущейся гармонии. Итогом божественного промысла Кирилл Туровский видел и социальный порядок в обществе. Важнейшая проблема, которая разрабатывалась автором и нашла отражение в его произведениях – это взаимоотношения человека и Бога. Наиболее выразительно названная проблема представляется в «Притче про слепого и хромого, или О человеческой душе и теле». Слепая душа и хромоте тело символизируют моральное несовершенство человеческого общества, которое в силу своей греховности не может использовать для добра божественное провидение.

Через всю притчу проходит предупреждение автора о том, что если люди не будут исполнять установленные Богом законы, то их ждет суровое наказание Всевышнего – создателя мира.

Кирилл Туровский остро реагировал на политические события, свидетелем которых был. В этом значении показательна его переписка с владими́ро-суздальским князем Андреем Боголюбским. Туровский епископ упрекал последнего за попытки политического и церковного раскола древнерусского общества. Дело в том, что Андрей Боголюбский стремился к созданию во Владимире другого политического центра Руси с целью противопоставить его Киеву.

Таким образом, Кирилл Туровский выступал как сторонник политического и церковного единства Киевской Руси, осуждал противоправные методы в политике, призывал служителей церкви помнить о своем высоком предназначении и не покушаться на мирскую славу.

Особое место в творчестве Кирилла Туровского занимает идейная борьба против феодальной раздробленности, междоусобных войн. Он пропагандировал необходимость сохранения мощи и единства государства, просил в своих молитвах Бога послать мир его родине, избавиться ее от «гнусных спраў цяперашняга веку».

Кирилла Туровского беспокоила проблема взаимоотношений между светскими и церковными властями. Он поддерживал тенденцию их единства согласно византийской концепции цезарепапизма. Ее сущность заключается в признании божественного происхождения государства, княжеской власти и ее конкретных носителей, ответствен-

ность светской власти непосредственно перед богом, а не перед церковными иерархами.

Близким по содержанию является «Поучение», составленное великим князем Владимиром Мономахом (1053–1125 гг.) своим детям, «или иному кому». Большое внимание Владимир уделяет фигуре идеального правителя, в которой видит самого себя. Главной добродетелью он называет упование на Бога, смирение перед Его волей: «лишаем – не мсти, ненавижим либо гоним – терпи, хулим – моли, умертви грех». «Начаток всякому добру» есть страх Божий и милостыня тем, кто в ней нуждается. Поэтому князьям следует вершить суд «по правде», избегать крайностей и жестокостей, могущих озлобить население. Владимир Мономах советует отказаться от смертной казни: «будет повинен смерти, но не губите никакую душу христианскую». Князь должен ограждать население от произвола должностных лиц, выступать в качестве отца. Таким образом, власть для автора «Поучения», прежде всего, трудная обязанность. В условиях начавшейся на Руси политической раздробленности он призывает многочисленных князей подчиняться старшему (великому князю Киевскому) и блюсти свои взаимные обязательства. В этом случае все конфликты будут разрешаться «добром», без пролития крови.

Традиции русской политической мысли домонгольского периода нашли свое выражение в произведении, приписываемом Даниилу Заточнику и появившемуся в период феодальной раздробленности. Повидимому, в конце XII или начале XIII в., когда центры русской политической жизни переместились из Южной Руси в Северо-Восточную. Слух о завоевательных походах монгольского государства уже распространился по русским землям, и страх перед этим событием выражен Даниилом в словах: «Не дай же, Господи, в полон земли нашей языком, не знающим Бога».

Произведение Даниила выражало тенденции, направленные на укрепление великокняжеской власти, способной преодолеть внутренние раздоры и подготовить страну к обороне от завоевателей.

Центральной политической идеей произведения служит образ великого князя. Он явно идеализирован в традициях, разработанных в русской политической литературе. Князь привлекателен внешне («глас сладок», а «образ красен»), он милостив (рука его всегда «простерта на подаяние убогим»). Управление князя крепко и справедливо («дуб крепок множеством корения, тако и град наш твоею державою»). Князь выступает как верховный глава всем своим людям («кораблю глава кормник, а ты, князь, люд ем своим»); если его власть организована плохо и в державе отсутствуют порядок и управление, а, напротив, существует «безнарядие», – в этом случае и сильное государство может погибнуть, поэтому важно не только верховенство князя, но и

хорошо организованное управление («град наш крепится основанием»).

В духе традиций русской политической мысли Даниил последовательно проводит мысль о необходимости князю иметь при себе «думцев» и опираться на их Совет (Думу). Советники должны быть умны и справедливы и всегда действовать по закону («правде»), а князю необходимо уметь их выбирать. Эти положения со всей очевидностью показывают, что форма власти у Даниила близка к идеалу Мономаха: великий князь решает дела с мудрыми советниками, и такой порядок укрепляет «грады и полки» и «державы».

Князь должен иметь хорошее войско, так как его «богатство во множестве храбрых и мудрых людей». Управление войском следует поручать мудрому военачальнику, ибо «мудрых полки сильны, а безумных храбры, но не умны, и на них бывает победа».

Даниил говорит и о необходимости «царской грозы», но эта гроза не реализация самовластья, а, напротив, признак дееспособности и надежности верховной власти для подданных, поскольку именно их «царская гроза» ограждает «яко оградом твердым». Она обращена не против подданных, а в их защиту. «Гроза» действительна не только против внешних врагов, но и лиц, творящих беззаконие внутри страны, и с ее помощью должна восстанавливаться нарушенная справедливость. Такая постановка вопроса естественно подразумевает и наказание для всех творящих «неправду».

Боярское самоуправство осуждается автором, так как незаконно, несправедливо, порождает в державе неурядицу. Даниил осуждает политику феодальной раздробленности и желает видеть свою державу сильной и единой. Причем его интересует только охрана и защита своей земли, а не завоевательные походы, которые часто кончаются гибелью: «много бо ополчаются на большие грады и со своих меньших сседают».

Поддержка Даниилом сильной великокняжеской власти предполагала ограничение полномочий местных феодалов, что соответствовало главной задаче того времени – объединению всех русских земель под властью великого князя.

Тема 10. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

1. Политические и правовые идеи Реформации.
2. Политико-правовая доктрина Н. Макиавелли.
3. Ж. Боден и его учение о государстве.
4. Политико-правовые идеи раннего социализма.

Никколо Макиавелли (1469–1527 гг.) – литератор, дипломат и государственный деятель (канцлер-секретарь) Флорентийской республики. Его самое знаменитое политическое сочинение – трактат «Государь». Оно представляет собой руководство правителю по завоеванию и удержанию политической власти. Макиавелли писал свой трактат для сильной личности – политика, способного объединить Италию, которая в то время была разобщена на много мелких государств. Для достижения этой цели требовался человек, которого бы не останавливали моральные и религиозные принципы. Такая личность предстает в сочинении как идеал правителя.

В «Государе» власть предстает как явление внеморального порядка. Понятия морали и религии, с одной стороны, и политики, с другой, сами по себе противоположны и несочетаемы. Поэтому тот, кто хочет остаться нравственным человеком, должен отказаться от политической деятельности. Главная цель власти – удержание самой власти, для достижения этого позволительны любые средства.

Смысл политических отношений своего времени он определял как постоянную борьбу народа и аристократии. Поэтому единоличный правитель должен опираться на народ, ему требуется установить с ним тесные связи. Фактически государь выступает как опекун народа, в котором последний чувствует необходимость. Поэтому неприятные поручения правителю следует перекладывать на других, дабы не навлечь на себя ненависть. Поскольку люди по своей природе злы и эгоистичны, они способны заботиться лишь о своих материальных интересах. Всем остальным в государстве должна заведовать верховная власть, опирающаяся на две силы – войско и законы. Правительство выступает в качестве монополиста публично-правовых прерогатив. Единоличный правитель концентрирует в своих руках все нити управления, ему подчиняется аппарат чиновников, он один имеет право издавать законы. В управлении государством он следует лишь собственной воле и никому не подчиняется. Макиавелли писал, что государей, которые действуют силой и хитростью, можно уподобить львам и лисицам.

Другое сочинение Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», показывает его с иной стороны. Он выказывает себя сторонником республиканской формы государства, поскольку один человек редко сочетает в себе все качества, необходимые политику. Картина, нарисованная в «Государе», применима к чрезвычайным обстоятельствам, в которых необходимо действовать жестко и беспринципно. Но вследствие установления единовластного правления должно быть восстановление идеальной формы государства – республики. Таким образом, «Государь», скорее, теоретическое сочинение, а не практическое руководство для правителя.

Макиавелли одним из первых применил термин «государство» (stato) для определения политически организованного общества. Он рассматривал его как определенное соотношение между правительством и подданными, опирающееся на любовь или страх последних. Государство возникло тогда, когда люди избрали себе в руководители самого сильного из них и стали ему повиноваться. Впоследствии для регулирования совместной жизни появились законы и правосудие. Целью государства и основой его прочности Макиавелли считал безопасность личности и незыблемость собственности. В соответствии с этим две основные функции власти – это военная и полицейско-охранительная, т. е. соответственно защита от внешних врагов и охрана внутреннего порядка.

Философия Макиавелли, основанная на реалистическом отношении к окружающей действительности, стала руководством к действию для многих политиков как средневековой, так и последующих эпох.

Реформация – общественное движение, охватившее Западную Европу в XVI в. Она заключалась в раннебуржуазном протесте против «дорогой» католической церкви – привилегий духовенства, роскоши религиозного культа. Единственным источником веры деятели Реформации провозглашали Священное Писание – Библию; таким образом, пересматривались взаимоотношения между церковью и обществом, церковью и государством.

Человеком, с деятельности которого началось реформационное движение, был Мартин Лютер (1483–1546 гг.). Это германский монах, который в 1517 году опубликовал знаменитые «95 тезисов», осуждавшие жадность духовенства и притязания римских пап. Сочинения Лютера, посвященные вопросам государственности и права, – «К христианскому дворянству немецкой нации», «О светской власти». Основу учения Лютера (лютеранства) составляет принцип оправдания одной лишь верой: спасение человека зависит не от добрых дел или молитв священников, а лишь от одной человеческой веры. В таком случае все люди оказываются равными перед Богом, надобность в посредниках – какими было католическое духовенство – отпадает. На основе тезиса об оправдании порой Лютер построил и свою концепцию государства.

Правление, согласно ей, должно осуществляться с помощью светской власти, которая является независимой от духовной. В ее функции входит управление самыми разными отраслями жизни; лишь область веры находится вне сферы государства. В своей власти государство руководствуется этическими принципами и нормами естественного права. Через последние власть освящена божественным авторитетом; непослушание властям Лютер рассматривал как тяжкий грех.

Основные идеи М. Лютера сводились к следующим:

1) общение между Богом и верующими должно происходить напрямую;

2) между Богом и верующими не должно быть такого посредника, как католическая Церковь;

3) необходимо упрощение обрядов;

4) церковь должна стать демократичной, а обряды – понятными людям;

5) необходимо уменьшение влияния на политику других государств со стороны Папы Римского и католического духовенства;

6) должен быть восстановлен авторитет государственных институтов и светской власти;

7) дело служения Богу – не только профессия, которую монополизировало духовенство, но и функция всей жизни верующих христиан;

8) необходимо освободить культуру и образование от засилья католических догм;

9) необходимо запретить индульгенции.

Радикальное крыло Реформации в Германии представлял Томас Мюнцер (ок. 1490–1525 гг.). Он толковал реформацию церкви как начало преобразования всего общества в интересах его беднейших слоев. Вся власть должна принадлежать простому народу, говорил он. В целях этого допустимо насильственное свержение несправедливого строя. Мюнцер являлся одним из руководителей крестьянского восстания, целью которого было установление на земле идеального общества – «царства Божьего». Мюнцер понимал его как торжество общих интересов над частными, что, прежде всего, предполагает общность имущества. Будучи священником, он первоначально примкнул к Лютеру, стал его сторонником, однако в 1520 г., через три года после начала Реформации, разошелся с учителем. В целом, соглашаясь с Лютером, Мюнцер выдвинул и собственные идеи Реформации, смысл которых в следующем:

1) необходимо реформировать не только Церковь, но общество в целом;

2) цель изменения общества – достижение всеобщей справедливости, «Божьего царства» на земле;

3) главная причина всех зол – неравенство, классовое разделение, в основе которого лежат частная собственность и частный интерес;

4) частный интерес необходимо подавить, все должно стать общим (имелось в виду прежде всего имущество, новый способ организации производства);

5) жизнь и деятельность человека должны быть полностью подчинены интересам общества, что угодно Богу;

6) власть и собственность должны принадлежать простому народу – «ремесленникам и пахарям».

Главой Реформации во Франции был Жан Ковэн, чья фамилия обычно передается в латинизированной форме – Кальвин (1509–1564 гг.). Главный его труд – «Наставления в христианской вере». Кальвин является автором доктрины божественного предопределения. Согласно ей, Бог изначально предопределил разных людей к спасению души или к ее осуждению. Никакие человеческие усилия не могут изменить судьбы, назначенной Богом. Свободы воли, таким образом, не существует. Поскольку человек не способен узнать свое предназначение и может об этом лишь догадываться, он обязан воздерживаться от дурных поступков и вести себя так, чтобы быть достойным оказаться среди спасенных. Человек должен посвящать себя делу, работе; кальвинизм высоко ставит сочетание умеренной жизни с трудолюбием и предприимчивостью. Деловой успех считался свидетельством богоизбранности человека. В конце жизни Кальвин обосновался в Женеве, где стал фактическим руководителем этого города-государства. Реализация его идей на практике привела к установлению в Женеве жесткого режима, при котором частная и общественная жизнь строго регламентировалась, всякое инакомыслие преследовалось. По мнению Кальвина, государство в любой форме имеет божественное происхождение. Протест против власти направлен, таким образом, против Бога; единственное исключение реформатор делал для того случая, когда действия самой власти противоречат Библии. Тогда подданные могли оказать власти сопротивление, но не непосредственно (через восстание), а через своих представителей.

Жан Боден (1530–1596 гг.) – французский правовед и политический деятель. В произведении «Шесть книг о государстве» он обосновал теорию государственного суверенитета. Государство Боден определил как «правильную систему управления многими семьями и тем, что для них общее, при высшей власти». То есть государство, прежде всего, аппарат управления. Оно действует на основе справедливости и права для поддержания внутреннего мира, стабильности, защиты от внешних врагов. Три признака государства – суверенитет, наличие права, гарантии собственности. Суверенитет Боден понимал как «абсолютную, не связанную никакими законами и постоянную власть над гражданами и подданными». Носитель суверенитета является источником законов и не может быть ограничен никакими условиями и обязательствами. Выше него – только Бог и естественные законы. Власть носителя суверенитета непроеводна – она никем ему не передана и не ограничена во времени. Суверен осуществляет свои полномочия с помощью законов. Кроме того, к его ведению относится объявление войны и заключение мира, назначение на должности, право помилования, чеканка монеты, установление системы мер и весов, взимание налогов.

Поскольку частная собственность лежит в основе цивилизации, государство не должно вмешиваться в то, что с ней связано. Вопросы веры, семьи и собственности находятся за пределами власти носителя суверенитета. Боден писал: «Подлинная свобода народа состоит в том, чтобы наслаждаться своими частными делами».

Возникновение государства, по Бодену, имеет два варианта: путем постепенного расширения общества из семьи; путем единовременной сознательной договоренности людей. Большинство государств были основаны путем насилия, тирании. Однако любое государство неминуемо приходит в упадок, срок его существования ограничен. Основой правильно организованного государства Боден называл защиту частной собственности. Важно также не допустить раскол общества по религиозному признаку. Кроме того, в правильно организованном государстве суверенная власть принадлежит одному человеку. В зависимости от того, в чьих руках сосредоточивается суверенитет, выделяют три формы государства – демократию, аристократию и монархию. Смешанную форму правления Боден отвергал, поскольку суверенитет является неделимым. Симпатии самого Жана Бодена были на стороне наследственной монархии, способной обеспечить мир и порядок в условиях гражданских войн во Франции того времени. Республиканское устройство и демократию французский юрист критиковал. Он писал, что монархия лучше всего отвечает идее суверенитета, а исторические примеры подтверждают ее устойчивость. Однако хороши не все монархии, а лишь законные, т. е. те, в которых не только подданные подчиняются законам государства (позитивному праву), но и сам монарх соблюдает законы естественные и божественные.

В эпоху Возрождения наблюдается повышенный интерес к проблемам общества и государства, Церкви. Часть философов основное внимание сосредоточила на разработке проектов идеального государства, где были бы уничтожены все социальные противоречия и восторжествовала социальная справедливость. Поскольку их проекты были сильно оторваны от реальности и практически неосуществимы, данные философы вошли в историю как социалисты-утописты.

Наибольший вклад в развитие теории утопического социализма внесли Томас Мор и Томмазо Кампанелла. В произведениях Мора и Кампанеллы представлены одни из первых коммунистических проектов общественного устройства.

Томас Мор (1478–1535 гг.) – представитель английского гуманизма. Некоторое время он был канцлером Англии и окончил свою жизнь на плахе, не подчинившись королю Генриху VIII (он выступил против религиозной политики короля). Мор является автором «Золотой книжечки о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», более известной под сокращенным названием («Утопия»).

Это произведение состоит из двух частей, первая из которых посвящена критике английского общественного устройства. Корень всех зол Мор видел в существовании частной собственности; английское государство он называл орудием богачей. Во второй части книги приводится вымышленный рассказ одного моряка об острове Утопия, на котором он побывал. Слово «утопия» в дословном переводе с древнегреческого означает «несуществующая страна». Сейчас словами «утопия» и «антиутопия» обозначают модели идеального или негативного общественно-политического устройства.

Утопию Мор описывает как общество, в котором отсутствует частная собственность и царит имущественное равенство. Чтобы не способствовать развитию инстинкта собственности, каждые 10 лет граждане по жребию меняются домами и личным имуществом. Физический труд (6 часов в день) является обязательным практически для каждого гражданина, исключая людей науки. За тем, чтобы «никто не сидел в праздности», наблюдают специальные должностные лица. Основу общества на Утопии составляет семья, являющаяся в то же время производственной ячейкой. Политический строй Утопии демократичен; ежегодно все должностные лица избираются народом. Руководитель общества – князь – избирается пожизненно, однако может быть смещен. Большую роль в обществе играет народное собрание, решающее важнейшие вопросы. Главные функции должностных лиц – надзор за соблюдением законов и организация труда. На Утопии царит веротерпимость, утопийцы избегают каких-либо запретов в частной жизни. Преступления на Утопии редки, поскольку там отсутствует частная собственность; чтобы продемонстрировать презрение к драгоценным металлам, имеющих преступников заковывают в золотые цепи и отправляют на тяжелые работы: «Ибо своим трудом они принесут больше пользы, чем своей смертью».

Томмазо Кампанелла (1568–1639 гг.) – автор другой прославленной социальной утопии, описанной в книге «Город Солнца». Это был доминиканский монах, за участие в заговоре осужденный на заключение, в котором он и написал свою книгу. В обществе соляриев (жителей города Солнца), как и на Утопии, также нет частной собственности. Люди совместно трудятся и получают продукты согласно необходимости. Они живут умеренно и ограничивают свои потребности. Принцип общности распространяется также на брачно-семейные отношения, у соляриев «любовь выражается, скорее, в дружбе». Поэтому производственной ячейкой в городе Солнца является бригада или мастерская. Труд считается почетной обязанностью каждого солярия. В то же время они занимаются работой исходя из своих склонностей и потому трудятся «всегда с радостью». Кампанелла ставил принцип общей пользы выше потребностей отдельных лиц. Поэтому жизнь соляриев

тщательно регламентируется; они носят одинаковую одежду, одинаково питаются, строем ходят на работу и отдых. Развлечения соляриев также контролируются государством. Государственная опека доходит до выбора имен новорожденным соляриям. Большое внимание уделяется воспитанию – с рождения ребенок забирается от родителей и воспитывается в специальных школах, где обучается наукам и приучается к коллективной жизни, другим правилам поведения Города Солнца.

Исходя из существования трех видов деятельности, власть в городе поделена между тремя должностными лицами. Это Сила, который ведет военными делами, Мудрость, руководящий развитием наук, и Любовь, контролирующей воспроизводство и воспитание населения, обеспечение его пищей и одеждой. Эти три должностных лица являются самыми компетентными в своих областях; им помогают другие специалисты, не такие знающие. Верховный правитель города носит титул Солнце (или Метафизик). Он одинаково хорошо разбирается во всех сферах и потому занимает свой пост. Эти и другие руководители назначаются исходя из их способностей и занимают должности до тех пор, пока не найдется кто-то, кто превосходит их в этом. Низшие должностные лица избираются на народном собрании. В реальности простые солярии оказывают минимальное влияние на дела государства, интересы которого доминируют над интересами отдельных личностей.

Идеи социалистов-утопистов, выдвинутые в эпоху Возрождения, были ответом на имевшую место социальную несправедливость и имели много сторонников среди желающих изменить мир как в эпоху Возрождения, так и в будущем.

Тема 11. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ, РУССКОМ И ЖЕМОЙТСКОМ (XV–XVII вв.)

1. Особенности влияния политико-правовых идей на идеологию Великого княжества Литовского (Гуманизм, Ренессанс, Реформация).

2. Политико-правовые идеи Франциска Скорины, Михалона Литвина, Николая Гусовского.

3. Идеи самостоятельности Великого княжества Литовского в отношениях с Королевством Польским.

4. Политико-правовые взгляды Николая Радзивила Черного, Андрея Волана, Льва Сапег.

5. Берестейская церковная уния и ее политико-правовое осмысление: Пётр Скарга, Ипатий Потей.

6. Политико-правовые взгляды защитников православия: Константин Острожский, Милетий Смотрицкий, Афанасий Филипович.

Возрождение (Ренессанс) – эпоха становления в Европе духовной культуры Нового времени (XIV – первая половина XVIII в). Она обусловила прогрессивные изменения в политической и социально-экономической жизни европейских стран: развитие городов, зарождение буржуазных отношений, формирование национальных государств, секуляризацию духовной жизни общества. В разных странах Возрождение не совпадало хронологически и типологически. В отличие от классического итальянского Возрождения, ренессансную культуру в некоторых странах Западной и Центральной Европы (Германия, Скандинавские страны, Англия и др.) называют Северным возрождением, особенности которого – компромисс со средневековыми традициями, связь с религиозными и национально-культурными движениями, с Реформацией и др. К такому типу относится и восточноевропейское Возрождение (Беларусь, Украина, Литва).

Кроме уже отмеченных, Возрождение имело в Беларуси еще ряд отличительных особенностей: развитие фольварковой системы, Магдебургского права. В XIV–XVI вв. сформировался старобелорусский язык, который до 1696 г. был государственным языком ВКЛ, на этом языке писались привилеи, Статуты Великого княжества, велось судопроизводство. В 1517 г. Франциск Скорина издал первую печатную книгу на старобелорусском языке – «Псалтырь».

Особенность Возрождения и в том, что на белорусских землях перекрещивались два мощных религиозных потока – православного Востока и католического Запада, что накладывало свой отпечаток на культуру, в том числе и на развитие политической и правовой мысли. В Беларуси царила идея «общего блага», беззаветного служения личности на благо Отечества, государства. На основании христианских ценностей в белорусской возрожденческой мысли XVI в. отмечаются такие отличительные черты, как человеколюбие, оптимизм, вера в окончательную победу добра над злом.

Белорусское Возрождение можно разделить на три хронологических периода: первый, «скорининский», период приходится на 10–40-е годы XVI в. Второй, связан с Реформацией (деятельность Симона Будного, Андрея Волана, Василия Тяпинского) и относится к 50–70-м годам XVI в. Третий период связан с деятельностью Л. Сапеги (80–90-е годы XVI в.)

Реформация (от лат. reformation – преобразование) – социально-политическое и идеологическое движение в Европе, направленное против римско-католической церкви и ее роли в политической системе общества. Основными идейными источниками Реформации были гуманизм эпохи Возрождения и средневековые ереси.

На территории Беларуси первые протестантские общины возникли к середине XVI в. Особенно привлекательной для магнатов и шляхты

была кальвинистская идея о том, что каждое государство могло иметь свою независимую республиканскую церковь. Профессор В. Ф. Шалькевич утверждает, что до 60-х гг. XVI в. в кальвинизм перешли большая часть магнатов: Радзивиллы, Кишки, Сапегы, Ходкевичи, Тышкевичи и др. За магнатами в кальвинизм перешла большая часть шляхты ВКЛ.

Так как мировоззренческой базой идей белорусских мыслителей эпохи Возрождения была натуралистически-теологическая концепция истории, суть которой в том, что в истории общества определяющей признавалась Божественная воля, но не отрицалась и роль человека. Исходя из таких подходов, белорусские мыслители эпохи Возрождения выступали не за смену социально-политических институтов общества и государства, а за совершенствование моральных и правовых норм. Они стремились привести общественные отношения в соответствие с принципами гармонии и согласия, преодолеть общественные противоречия путем рациональных реформ и изменений.

Одним из наиболее знаменитых представителей эпохи Возрождения явления является Франциск Скорина (1490 (?)–1551 (?) гг.). Даты рождения и смерти мыслителя точно неизвестны. Точно не установлено и религиозная принадлежность Ф. Скорины.

Он родился в Полоцке, в семье купца Луки Скорины. Образование получил в Полоцке, учился в Ягеллонском университете в Кракове, в Падуанском университете (Италия). Скорина имел ученые степени доктора медицины и доктора свободных искусств (свободных наук).

В Праге Скорина в 1517–1519 гг. издал 23 книги Библии на старобелорусском языке (Ветхий Завет – 39 книг, Новый Завет – 27 книг). Первую книгу «Псалтырь» Скорина напечатал в Праге 6 августа 1517 г., эта дата считается началом белорусского книгопечатания.

В 1520 г. Скорина вернулся в Вильню, где около 1522 г. издал «Малую дорожную книжку», состоявшую из 23 частей; в 1525 г. он издал «Апостол».

Определенное влияние на мировоззрение Скорины имела Библия. «В сей книзе, – писал Скорина о Библии, – вси законы и права, ими же людие на земли справоватися имають, написаны суть. В сей книзе лекарства душевные и телесные зуполне найдете».

В своих предисловиях и послесловиях к изданным им книгам Библии Скорина изложил свою концепцию соотношения между нравственными (божественными) и юридическими законами. Политико-правовые взгляды Скорины получили наибольшее обобщение в его предисловии к пятой книге Моисеевой «Второзаконие».

Основными нравственными законами Скорина считал десять заповедей, которые Бог через пророка Моисея передал народам. Каждый

народ на основании этих заветов принимает юридические законы своего государства. Отход законодательства государств от божественных заветов несет наказания: войны, общественные волнения, бунты, эпидемии и другие несчастья.

Скорина подразделял право на закон «прироженный» – естественное право и закон «написанный» – писаное право.

«Закон прироженный в том наболее соблюдаем бывает, – отмечал Скорина, – то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хоцещи от иных имети». По его мнению, естественное право (закон «прироженный»), это закон Божий, сформулированный Иисусом Христом в Нагорной проповеди: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и поступайте вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Евангелие от Матфея, 7; 12). По мнению Скорины, если закон «прироженный» – закон Божий, в таком случае он должен иметь главенство над «писаным» правом, выступать исходным для него.

Писаное право (законы) Скорина разделял на божественное и земское. Он дал свою классификацию земскому праву, которое состояло из норм:

- гражданского и семейного права;
- международного («языческого») права;
- государственного права;
- военного права;
- уголовного, местного, торгового, морского и иного права.

Скорина в книге Библии «Второзаконие» определил правовые принципы, которым должен соответствовать закон. Он писал: «Закон почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный, подле прирожения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный, не имея в себе закрытости, не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написанный».

Таким образом, закон должен соответствовать принципам справедливости, обычаям, времени и месту, не иметь закрытости, служить не пользе одного человека, а для пользы всех людей, государства.

Он утверждал, что «яко праведному закон не ест положен» или, иными словами, – человек добрый может жить и без правовых предписаний, ибо он живет по божественным (нравственным) заветам и нормам.

По мнению Скорины, совпадение права и закона отражаются на судопроизводстве, в основе которого должен быть положен принцип справедливости. Скорина цитирует «Второзаконие», где сказано, что суды «да судять людей судом справедливым, и да уклонятся ни на жадную сторону, и да не зрять на лица, и не принимаять даров, поне-

же дарове ослепляют очи мудрых людей и зменяют слова справедливых».

Цель государства – достижение всеобщей пользы, лучшей жизни. Политический идеал Скорины – просвещенная, гуманная и сильная монархия. Монарх должен быть набожным, мудрым, справедливым, управлять государством в соответствии с законами. Вместе с тем государь должен быть сильным и грозным, чтобы защищать свой народ от врагов и преступников.

Сопоставление правовых идей Скорины с содержанием Статута ВКЛ 1529 г. позволило некоторым исследователям высказать мнение, что Франциск Скорина мог участвовать в его составлении.

Николай Гусовский (1470-е гг. – после 1533 г.) служил при дворе плотского (Польша) епископа Эразма Вителлия. В 1520–1522 гг. побывал в Риме, в составе посольства ВКЛ к папе Льву X, которое возглавлял Эразм Вителлий. В Риме наблюдал бой быков, по просьбе папы Римского в 1522 г. написал произведение: «Песня про вид, ярость зубра и охоту на него», или сокращенное название – «Песня про зубра», которое было написано на латинском языке.

«Песня про зубра» является литературным шедевром, имя Николая Гусовского включено ЮНЕСКО, вместе с Франциском Скориной, в список выдающихся деятелей славянского мира. Для нас это произведение интересно тем, что в нем Николай Гусовский в поэтической форме высказал свои взгляды и отношение к государству, праву, морали. «Песня про зубра» позволяет нам составить представления о правопорядке в ВКЛ в начале XVI в., о судебной системе княжества, роли великого князя, других общественно-политических явлениях и идеях того времени.

Про Михалона Литвина сохранилось немного сведений. Точных сведений о времени, месте его рождения и смерти не сохранилось. В 1538–1540 гг. Литвин был послом Великого княжества при дворе крымского хана (по другим данным, в 1536–1540 гг.). Около 1550 г. Литвин написал трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян», который был издан в 1613 г. в Базеле на латинском языке. Трактат несколько раз переиздавался, опубликован на русском языке в Москве в 1994 г.

В своем трактате автор сделал попытку сравнить государственные и судебные порядки у татар, московитов и в Великом княжестве; определить, что полезного из опыта других народов можно использовать для совершенствования общественного и государственного устройства ВКЛ.

В трактате Литвин одобряет татар, которые не заботятся о приобретении недвижимости, поэтому они живут без крайней нищеты; все носят одинаковую одежду и ведут одинаковый образ жизни, который

диктует кочевое скотоводство. Литвин осуждает стремление к богатству, одобряет самоограничение, терпимость, воздержание, чтобы ни один бедный не умирал от голода или холода.

Литвин затрагивал проблемы равенства людей перед законом, одинакового обложения налогами простого человека и шляхтича. По его мнению, чем больше человек имел имущества, тем большим должен быть его налог.

В своем трактате Литвин значительное внимание уделял вопросам правосудия. Оно должно быть направлено на охрану жизни человека; принцип «кровь за кровь» (право Талиона) должен быть одинаковым для всех преступников, независимо от их социального положения. Литвин считал необходимым освободить трудовое население из-под юрисдикции феодалов, а право на вынесение смертной казни позволено только высшим судам. Предлагал ввести в Великом княжестве Литовском общесословные суды, считал недостатком отсутствие апелляционных судов и гласности в судопроизводстве, что, на его взгляд, вело к произволу судей, портило нравы общества. Литвин критиковал корысть и распутство духовенства, поддерживал идею веротерпимости, религиозной толерантности, выступал против вмешательства католической церкви в светские дела.

Он осуждал практику, когда в ВКЛ магнаты занимали несколько государственных должностей, чего, по его наблюдениям, не было в Московском княжестве.

Исследователи считают, что некоторые правовые идеи Литвина нашли свое законодательное закрепление в Статуте ВКЛ 1588 г. Этот документ запретил одному лицу совмещать несколько государственных должностей (разд. 1, ст. 34); за убийство простого человека для знати была установлена уголовная ответственность (разд. 12, ст. 1); закреплена презумпция невиновности, которую Статут 1588 г. распространил и за простых людей (разд. 14, ст. 3). Была усовершенствована процедура судебного разбирательства, уточнена компетенция судей, создан Трибунал – высшая апелляционная инстанция ВКЛ, появились судебные учреждения, независимые от местной администрации (земский суд, подкаморский суд, Трибунал ВКЛ).

Таким образом, эпоха Возрождения оказала положительное влияние на развитие в Беларуси политической и правовой мысли. Мыслители той эпохи Франциск Скорина, Николай Гусовский, Михалон Литвин в своих произведениях высказали идеи, которые внесли значительный вклад не только в белорусскую, но и в европейскую и мировую культуру.

Период уний Великого княжества Литовского с Польшей занял более 400 лет (1385–1795 гг.). Союзы (унии) с Польшей волновали передовых людей того времени, поэтому вопрос об их необходимости,

сущности и принципах неоднократно обсуждались в Великом княжестве. Особенно значительная дискуссия состоялась в 60-е гг. XVI в., накануне Люблинской унии. Во время дискуссии четко проявились два противоположных направления – пропольское и патриотическое.

Пропольское направление наиболее ярко было представлено белорусским шляхтичем Станиславом Ожаровским в произведении «Пирамиды». Ожаровский сделал попытку разработать теорию «вольного королевства и невольного княжества». В ее основу были положены факты относительного равенства польской шляхты и права ее участия в политической жизни государства и отсутствие такого равенства между магнатами и простой знатью в Великом княжестве Литовском.

Ожаровский отмечал, будто все государства-княжества – это деспотии, где жители живут в неволе и нищете. «Каждый человек в княжестве – это лишь тень человека, а не настоящий человек», – писал он. Поэтому все литвины – невольники, над которыми властвует великий князь. Единственное средство спасения из рабства, по мнению Ожаровского, – это уния ВКЛ с Польшей на любых условиях. Автор «Пирамид» предлагал следующий механизм инкорпорирования ВКЛ в состав Польши: великий князь, без всякого совета с народом, должен присоединить княжество к польскому Королевству, отменить все атрибуты независимости литовского государства – органы власти и управления, законодательство, войско.

Второе направление – патриотическое. Наиболее значимым его представителем был Августин Ротундус (?–1582 г.). При Сигизмунде Старом он занимал должность секретаря. Участвовал в работе двух статутных комиссий (1566 и 1588 гг.), один из авторов концепции государственной независимости Великого Княжества Литовского. В работе «Разговор поляка с литвином» Ротундус критиковал Ожаровского, который определял ВКЛ как «государство невольников». Ротундус отмечал, что в Великом княжестве находились «такие мужья, такие достойные деятели, которых неволя не рождает... Доказал же Константин, князь Острожский, чего он достоин!»

В ответ на утверждение Ожаровского, будто все жители ВКЛ – бесправные невольники великих князей, Ротундус подчеркивает большое уважение и почтение со стороны подданных к своим хозяевам, которые самоотверженно служили Отечеству. По мнению Ротундуса, наследственная монархия является наилучшей формой правления для Великого Княжества Литовского, так как она закрывает путь к должности (к трону) случайным лицам и авантюристам, снижает остроту борьбы между политическими группировками магнатов.

Ротундус рассматривает вопрос и о принципах заключения унии с Польшей. На его взгляд, такой союз должен быть равноправным и взаимовыгодным. «С вами быть, но не потерять свою вольность», – писал

он. Ротундус предупреждал литвинов, что уния несет в себе опасность для ВКЛ заболеть теми болезнями, которые ослабляют государственный организм Польши: моральное разложение шляхты («золотые шляхетские вольности»), равнодушие правительствующих к своим обязанностям, нежелание честно служить Отечеству и своему монарху, несоблюдение законов, предательство и отступничество.

Таким образом, политико-правовая мысль Беларуси о принципах государственной унии Великого Княжества Литовского с Польским Королевством отражала весь спектр тогдашних представлений и идей правящих кругов княжества о возможном союзе двух государств. Указанные направления нашли свое отражение и в практике государственно-правовых связей Великого княжества и Польши: сначала установились персональные, династийные унии, а затем, по условиям Люблинской унии, было создано единое государство – Речь Посполитая, в составе которого Великое княжество сохранило свою политическую обособленность.

С середины XVI в. в Беларуси сформировалось направление, представители которого пытались решить социально-политические и правовые проблемы через светские теории и идеи, в основу которых были положены теории естественного права и общественного договора. Представителей светского направления можно разделить на несколько групп, среди них – группа магнатов-просветителей, в которую входили Николай Радзивил Черный, Астафий Волович, Лев Сапега и др.

Государственный деятель и магнат ВКЛ, Николай Радзивилл Черный (1515–1565 гг.) родился в Несвиже, занимал должности маршалка земского, канцлера Великого княжества, виленского воеводы. Профессор В. Ф. Шалькевич называет его «главным инициатором распространения кальвинизма на Беларуси». Ему принадлежала идея секуляризации имущества католической церкви. Радзивил на территории своих имений закрыл 187 католических костелов, а их земельный фонд экспроприировал. Кальвинизм Николай Радзивилл рассматривал как средство, которое позволит ослабить польское влияние на Великое княжество Литовское. При Радзивиле Несвиж, его родовое гнездо, стал центром Реформации в Беларуси. Некоторое время Радзивил был сторонником создания Народного Собора – своего рода государственной церкви, которая бы объединяла всех христиан ВКЛ и Польши и была бы независимой от Ватикана. Для пропаганды реформационных идей в 1533 г. в Бресте он основал первую на территории Беларуси типографию, в которой печаталась религиозная и светская литература. В 1563 г. на средства Радзивила на польском языке была издана Библия (получила название «Брестская, или Радзивиловская, Библия»), по ху-

дожественным и полиграфическим качествам была одним из лучших изданий того времени.

Он был сторонником независимости Великого Княжества Литовского от Польши. На сеймах, которые обсуждали проекты уний ВКЛ и Польши, он выступал за суверенность Великого княжества в составе Речи Посполитой. Его позицию поддерживали многие магнаты, что имело для княжества важное значение.

Сапега Лев Иванович (1557–1633 гг.) происходил из древнего рода оршанских бояр. Магнат, занимал высокие государственные должности в Великом княжестве: канцлера ВКЛ, гетмана ВКЛ, виленского воеводы. Вероисповедание изменял дважды: из православия перешел в протестанты, а затем стал католиком.

Он внес значительный вклад в разработку Статута ВКЛ 1588 г. Благодаря усилиям Сапег в Статуте сохранились статьи, которые провозглашали автономный политико-правовой статус Великого Княжества Литовского в составе Речи Посполитой, запрещали польским феодалам приобретать земли и получать должности в Великом княжестве. За свой счет Сапега выдал Статут в Виленской типографии, что способствовало его активному и длительному применению. Одновременно со Статутом 1588 г. он издал два своих обращения: к великому князю Сигизмунду III и к гражданам Великого княжества.

В обращении к великому князю Сигизмунду III Сапега отметил значение писаного права. «Хозяева и короли этого мира, – писал Сапега, – осуществляли власть над людьми не по какому-либо писаному праву или уставу, а только по своим представлениям и мнениям», а потому «от достойного своего долга отступали и только в свою пользу дела наворачивали, об общем благе для всех мало заботились». Эта несправедливость стала основной причиной, «что у людей появилось отвращение к их власти и управлению».

Исправить положение, по мнению Сапег, во многом может писаное право, так как оно решает две важные задачи. Во-первых, право, по мнению Сапег, должно охранять «обывателей» государства от злоупотреблений со стороны монарха (от тирании). Тиранию как форму государственной власти он считал несовместимой с требованиями справедливости и человеческого разума. Поэтому он утверждал, что «сам господар пан наш жадное звирхности над нами заживати не может, одно только, колько ему право допускаеть». Во-вторых, закон должен обеспечивать государству внутренний порядок, быть направлен против всякого произвола и самоуправства. Сапега в обращении к Сигизмунду III отмечал: «Дикое зверя, пануеть, где чоловек водлуг уподобанья своего владность свою ростегаеть. А где оиять право або статут гору маеть, там сам Бог всим владнеть». Сапега роль права в обществе и государстве определяет такими словами: «Для того права

суть пастановлены, абы можному и потужному не всё было вольно чынити».

Интересны размышления Сапеги и о центральной категории философии права – категории свободы. Суть свободы, по мнению Сапеги, это право человека на собственность и личную неприкосновенность. Но каждый человек должен знать границы своей свободы, которые определены законами. Закон, по определению Сапеги, это «уздечка и удила», чтобы сдерживать преступников от насилия и озорства.

Сапега поддерживал образование униатской церкви в Беларуси, считал, что религиозное единство способствовало бы укреплению государства и избавило бы его от многих внутренних конфликтов. Но он был категорическим противником насилия со стороны униатских священников по отношению к православным.

Таким образом, Сапега зарекомендовал себя как политический, общественный и военный деятель, мыслитель и правовед, который сделал существенный вклад в укрепление государственного устройства и самостоятельности Великого Княжества Литовского, в развитие ее политической и правовой мысли.

Андрей Волан (после 1530–1610 гг.) родился в Польше, один из основателей светского направления в социально-политической мысли Беларуси. Учился в университетах Германии, выбирался послом в сейм Речи Посполитой от шляхты Ошмянского уезда, где имелось родовое имение. Служил секретарем у трех королей Речи Посполитой: у Сигизмунда II Августа, Стефана Батория и Сигизмунда III Вазы. Автор около 30 работ (полемико-теологические произведения, политико-правовые и этические трактаты, речи). С позиций кальвинизма критиковал основные догматы католической церкви и папскую власть, отстаивал принцип веротерпимости. Его произведения католическим духовенством были занесены в «Индекс запрещенных книг».

Политические и правовые взгляды Волана наиболее полно изложены в его трудах: «О политической или гражданской свободе», «Речи к Сенату...», «О государе и присущи ему добродетели» и др.

Основываясь на учениях Аристотеля и Цицерона, Волан определял государство как соединение людей ради достижения общей пользы всех ее членов. По его мнению, государство должно обеспечить охрану имущества людей, нарушение целостности государства ведет к нарушению и имущественных прав. «Ведь только целостность государства – писал Волан, – обеспечивает целостность всего частного имущества. И если ты предал государственное, то ты ничего не сохранишь и своего».

В своей работе «Про государя и присущие ему добродетели» Волан много внимания уделил обязанностям государя, раскрытию добродетелей, которым он должен служить. «Государю больше всего нужна

справедливость – самая красивая из всех добродетелей», – отмечает в своем произведении Волан. «Справедливость сводится главным образом к тому, чтобы никто не терпел вреда, а, наоборот, тот, кто нуждается в помощи, быстро получил ее... если каждый получит возможность быть целым и здоровым, и счастье одних не будет строиться к несчастью других».

Основную причину несправедливости Волан видел в стремлении людей к богатству, захватить чужое имущество. «Жадность, стремящаяся получить как можно больше, влечет слепые человеческие умы на чужое благо и превращает то, что приобретено работой других, в свою собственность, – отмечает Волан. – В конце концов человек, забыв о любой человечности, вырождается в дикого зверя и яростно рвет человеческое сообщество, в котором все взаимосвязаны». По мнению Волана, все, кто имеет соответствующую власть, должны сдерживать несправедливость.

Государь не должен стремиться для личного обогащения, богатство он должен использовать для общей пользы. Он «должен осознавать, что рожден не для собственного обогащения. Все богатства, которыми он распоряжается, ему надлежит направлять на благо общества и государства».

Волан разделял общество на три сословия: шляхту, мещан и крестьян. Сословия должны быть равными перед законом. «Свободным можно назвать то государство, где право в равной степени служит всем». По его мнению, общественные отношения только тогда будут справедливыми, если люди будут руководствоваться принципом: «каждому отдать то, что ему принадлежит».

Он отстаивал принцип «знатью не рождаются, а становятся», это означало, что место в обществе человек должен занимать не по наследству, а по своим способностям и заслугам. Таким образом, он предлагал по сути буржуазный принцип бессословного общества.

Волан считал, что всякое право, противоречащее человеческому разуму, наносит вред человеку и обществу, поэтому оно должно либо отменяться верховной властью, либо будет отменено бунтом простого люда. Таким образом, Волан отстаивал концепцию двояких реформ: реформ сверху (правительственные реформы) или реформ снизу (бунт простых людей).

Он отмечал, что государство должно заботиться о том, чтобы царили право и законы, к преступникам должны приниматься меры пресечения или наказания. «Но прежде всего нужно охранять те законы, которые обеспечивают в государстве всеобщее спокойствие..., чтобы каждый жил тихо и мирно, без всякого страха перед опасностью. Ведь там, где отпущены удила для несдержанных людей настолько, что одни безнаказанно совершают над другими все, что им вздумается – то

это уже не государство, не общество, а стая разбойников, или какая-то живодерня, где каждый грызет каждого».

Волян призывает государя заботиться о доверии среди людей, которое называет «фундаментом справедливости». На его взгляд, «никогда не сможет установиться прочный мир и прочное общество среди тех людей, которые не придерживаются постоянства в своих словах и правах и, усердно работая языком, совершенно не заботятся, что к нему нужно приобщить еще и доверие».

Таким образом, Андрей Волян зарекомендовал себя как идеолог реформационного движения на Беларуси и Литве, политический деятель, правовед, один из основателей светского направления в социально-политической мысли.

Контрреформация – религиозно-политическое движение в Европе, возглавляемое папством и направленное против Реформации с целью реставрации позиций, утраченных католицизмом.

Доктрину и церковную политику католической церкви эпохи Контрреформации определил Тридентский Вселенский Собор католической церкви, который с перерывами работал почти 18 лет (1545–1563 гг.). Он отверг компромисс с протестантами, подтвердил безусловный авторитет папы в делах веры, закрепил богослужение исключительно на латинском языке, установил жесткую церковную цензуру. Была усилена инквизиция (церковные суды), на кострах был сожжен Дж. Бруно, преследовались Т. Кампанела, Г. Галилей и др., организовывались погромы протестантов (Варфоломеевская ночь в Париже 1572 г). Главным оружием Контрреформации стал орден иезуитов (сообщество Иисуса Христа), который был основан испанцем И. Лойолой в 1534 г.

В Великом княжестве Литовском началом Контрреформации исследователи считают 1569 г., когда Вильнюс посетили первые тринадцать иезуитов, которых пригласил виленский епископ Протасевич для борьбы с Реформацией, так как значительная часть его паствы перешла в кальвинизм. Через год в ВКЛ было уже 300 иезуитов.

Иезуиты использовали два основных направления в своей деятельности: во-первых, против противников церкви они использовали самые жестокие и бесчестные методы борьбы: тайные заговоры, шантаж, убийства и др. согласно принципу «цель (защита церкви) оправдывает любые средства борьбы».

Во-вторых, иезуиты активно действовали в сфере образования, Благочинности и культуры.

В 1579 г. была открыта Виленская иезуитская академия – центр Контрреформации в Беларуси. В Полоцке (1580 г.) и Несвиже (1585 г.)

началось строительство иезуитских коллегиумов – средних учебных заведений.

Особенности Контрреформации на Беларуси в том, что она была направлена не только против протестантизма, но и против православия. Белорусским землям в планах Ватикана отводилась роль плацдарма для проникновения костела в Московское государство и далее – в Азию, к Китаю.

Важнейшим событием Контрреформации в Беларуси была Берестейская церковная уния (1596 г.), объединившая часть православной церкви ВКЛ с костелом в униатскую церковь под эгидой римского папы.

Берестейская церковная уния вызвала полемику (споры), в которых участвовали как сторонники унии, так и ее противники. Имеется значительная полемическая литература, которая позволяет нам судить о политико-правовых взглядах ее участников.

Рассмотрим политико-правовые взгляды сторонников Берестейской унии (униатов). Наиболее известными представителями этого направления были Петр Скарга, Ипатий Патей и др.

В 1577 г. Петр Скарга в Вильне издал книгу «О единстве Церкви Божией», в которой отстаивал идею, что церковная уния укрепит государственный строй Великого княжества Литовского, создаст условия для развития ВКЛ и просвещения для народа. Современные исследователи резонно отмечают, что программа Скарги была направлена не на независимую униатскую церковь, а на постепенное подчинение православной церкви католической церкви.

Значительное место в религиозной полемике занимал Ипатий Потей (1541–1613 гг.). Брестский каштелян и сенатор, идеолог и организатор Брестской церковной унии, а затем – киевский униатский митрополит, глава белорусско-украинской униатской церкви. Сохранилось значительное литературное наследие Потей: «Уния, альбо Выклад преднейших артикулов к зъодноченью Греков с костелом Римским належащих», «Гармония, альбо Сogласие веры, сакраментов и церемоний святых Восточных Церквей с костелом Римским»; письма Потей к князю Острожскому и др.

Основная идея его произведений – необходимость единства католиков и православных. Церковная уния, на его взгляд, это путь к согласию в государстве, к европейской культуре. В церкви особый порядок, церковь содействует стабильности в обществе и в государстве. «В римском костеле, – писал Потей – епископы не спрашивают советов у овец своих. Все, что решат, то приказывают своим овцам держать. А те, как и положено, слушают пастырей своих, зная, что именно епископам поручен порядок в Божьей Церкви. Поэтому выполняют

порученное, а в дела духовных иерархов не вмешиваются. Так следовало бы делать и Руси».

Профессор С. А. Падокшин оценивает взгляды и деятельность Потеев как противоречивые. Он призывал к христианскому единству и согласию и вместе с тем закрывал православные церкви, отбирал монастыри, реквизируя имущество тех верующих, которые отказывались принять унию, применял жестокое принуждение к православным. Профессор С. А. Падокшин отмечает противоречивость Потеев и в том, что, «стремясь подчинить отечественную религиозно-церковную жизнь власти папы Римского, Потеев вместе с тем вынашивал идею независимой белорусско-украинской церкви, как он ее понимал». Он стремился к развитию отечественного богословия, книгопечатания и образования на родном языке.

Таким образом, несмотря на отдельные отклонения, униатские идеологи, в основном, отражали интересы наиболее консервативных слоев общества. Их политико-правовые взгляды, за небольшим исключением, являлись лишь отражением доктрины католической церкви.

В ВКЛ были противники Берестейской церковной унии. Центральной фигурой, вокруг которой они группировались, был князь Константин Константинович Острожский (1526–1608 гг.), обладавший огромным богатством: ему принадлежало 25 городов, 10 местечек, 670 деревень. Благодаря своему богатству и способностям, Острожский существенно влиял на общественно-политическую жизнь Великого княжества Литовского.

В «Письме к М. Рогозе» К. Острожский сформулировал 7 основных условий возможного объединения церквей, среди которых были:

- восточная церковь сохраняет свои прежние обряды;
- католикам запрещается склонять в свою веру православных;
- священники восточного обряда должны иметь равные права с католиками;
- православные митрополит и епископы должны иметь право избираться послами Сейма Речи Посполитой, получать места в Сенате и др.

Таким образом, К. Острожский склонялся к всехристианской унии (католической, православной и протестантской), которая могла быть первой региональной (на территории ВКЛ), а затем и мировой.

Когда князь Острожский узнал о тайной деятельности православных епископов И. Потеев, К. Тарлецкого и других, стремившихся заключить унию путем непосредственных контактов с римским папой, то он отнесся отрицательно к их деятельности и возглавил антиуниатскую оппозицию.

Мелетий Смотрицкий (светское имя Максим Герасимович) 1577–1633 гг. (согласно другим источникам его годы жизни 1575–1633 гг.). Уроженец Украины, окончил философский факультет Виленской иезуитской академии. По рекомендации К. Острожского князь Соломерецкий пригласил Смотрицкого учителя к своему сыну Богдану, вместе с которым Смотрицкий слушал лекции в университетах Германии. Получил степень доктора медицины, жил в имениях князя Соломерецкого возле Минска и на Могилевщине. В 1617 г. постригся в монахи под именем Мелетия. С 1620 г. – архиепископ Полоцкий, епископ Витебский и Мстиславский. Занимался педагогической деятельностью в братских школах. Обобщением научной работы и педагогической практики Смотрицкого стала его «Грамматика», которая была издана в 1619 г., которую М. В. Ломоносов, наряду с «Арифметикой» Л. Магницкого, называл «воротами своей учености».

В жизни и творчестве Смотрицкого можно определить два периода: первый период – до 1626 г., когда он выступал как защитник православия; второй период – с 1627 г., когда он сначала тайно, а с 1628 г. открыто перешел на сторону униатов.

Государство Смотрицкий трактует как божественное установление для наказания грешников; вместе с тем государство назначено защищать права и свободы людей. Таким образом, у Смотрицкого двойственный подход в определении государства – теологический и светский, при этом теологические подходы и оценки в его мировоззрении были ведущие.

Смотрицкий поддерживал иерархическую концепцию построения общества. Главное место в иерархии он отводил духовенству, за ним шли шляхта, горожане и крестьяне. Послушание и покорность низших сословий высшим он обосновывал божественной волей.

Источником власти в Речи Посполитой, на взгляд Смотрицкого, является договор, заключенный между шляхтой и королем. Это подтверждалось присягой о сохранности шляхетских вольностей, которая приносилась королем при возведении его на трон. В случае нарушения королем присяги шляхта получает права на расторжение договора и на выборы нового короля.

Смотрицкий осуждал гонения и принуждение в отношениях и православных и их церкви. В 1610 г. он написал свое знаменитое произведение «Фринос, или Плач Восточной Церкви» (фринос, от слова трена – жанр произведения на чью-либо смерть), в котором он изобразил тяжелое положение православной церкви.

С одной стороны, православная церковь сильно страдала от католиков и униатов, усилиями которых, по свидетельству Смотрицкого: «наши Церкви во многих городах уже несколько лет запечатаны, бросают в тюрьмы наших священников, лишают их имущества и хлеба,

бьют и убивают, запрещают нам свободное богослужение, детей без крещения, взрослых без причастия заставляют уходить из этого мира». С другой стороны, Смотрицкий отмечает падение морали униатских священников.

Смотрицкий свой «Фринос» издал в Вильне на польском языке под псевдонимом «Феофил астролог». Король Речи Посполитой Сигизмунд III приказал «Фринас» сжечь, а автора и издателя книги посадить в тюрьму. Но «Фринас» был издан под псевдонимом, поэтому Смотрицкий избежал ареста и тюрьмы.

В 1627 г. тайно, а в 1628 г. открыто Смотрицкий перешел на сторону униатов. В своих произведениях «Рассуждение о шести разницах между Восточной и Западной церквями», «Протестация» и др. Смотрицкий отрекся от своих антиуниатских взглядов, даже выступал против православных писателей-полемистов. Он утверждал, будто православная церковь – оппозиционная государству, поэтому она несет в себе разрушительное начало. Католическая и униатская церкви в Речи Посполитой занимают главенствующее положение, которое закреплено государством, поэтому они являются носителями прогресса, мира и стабильности в обществе. По этим причинам Смотрицкий считал необходимым отказаться от православия в пользу униатской церкви.

Афанасий Филиппович (около 1596–1648 гг.) написал «Диариуш» (дневник), ряд статей, обращений к властям, по которым мы можем судить о его политико-правовых взглядах. По мнению историков, «Диариуш» (1646) Филипповича заканчивает последний этап в развитии полемической литературы Беларуси.

В «Диариуше» Филиппович утверждал, что ему неожиданно открылась воля Божественная; произошло это во время молитвы. «От иконы услышал голос – пишет он в «Диариуше». – О, Афанасий! Еще раз сопликуй (обращайся) ...на сейме очередном к королю польскому и Речи Посполитой об истреблении основательное унии проклятой. Хорошо будет, если послушают и искоренят ее. Поживут тогда в последующие годы счастливо...».

Таким образом, Филиппович утверждает, что ему открылось, что церковная уния не угодна Богу, ведь она принесла не мир и любовь между людьми, а ненужные ссоры и вражду. Надежды на ликвидацию унии Филиппович возлагал на сейм и короля Речи Посполитой.

В статье «Совет королю» Филиппович отстаивал идею сильной королевской власти. Король – в понимании Филипповича, – глава как законодательной, так и исполнительной власти. Сенат, высшее духовенство должны выполнять волю короля, иметь только совещательные функции, через государственный аппарат реализовывать волю монарха. Такая постройка государственной власти в Речи Посполитой, на его взгляд, положит конец дворянской анархии и произволу, приведет к

«разумной размеренности», ведь иначе, как отмечал Филиппович: «что это за судьба быть хозяином в неупорядоченном доме и Господом в строптивом барстве!».

Современные исследователи отмечают, что Филиппович был не только писателем-полемистом, но и религиозно-политическим деятелем. За критику Брестской церковной унии польскими властями он подвергался арестам и порабощению.

Православной церковью Филиппович в XVI в. канонизирован (причислен к лику святых), его мощи хранятся в Бресте.

Тема 12. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XIV–XVI вв.

1. Политическая полемика нестяжателей и иосифлян (стяжателей).
2. Политическая концепция Филофея «Москва – третий Рим».
3. Политико-правовые воззрения Ф. Карпова и З. Отенского.
4. Политическая программа И. С. Пересветова.
5. Идейное противостояние царя Ивана Грозного и А. М. Курбского.
6. Политическое учение Ивана Тимофеева.

Во второй половине XV–начале XVI в. в рамках русской православной церкви вели борьбу два идейных направления – нестяжатели и иосифляне («стяжатели»). Идеологами нестяжательства выступали «заволжские старцы» – монахи-отшельники (скитники, старцы), среди которых выделяется Нил Сорский (1433–1508 гг.). Среди его последователей – Вассиан Косой (Патрикеев) (ок. 1470–1532 г.), Максим Грек (ок. 1470–1556 г.). Нестяжатели проповедовали бескорыстие и призывали богатые монастыри отказаться от принадлежащих им земель с крепостными крестьянами. Кроме того, идея бескорыстной жизни, освобожденной от стремлений к стяжанию, должна руководить поступками всех людей. Настоящее бытие человека заключается не в материальной реальности, а в духовной. Для этого надо ограничить повседневную жизнь простейшими потребностями и жить в строгом соответствии с заповедями христианской религии: «Не просто и не случайно подобает нам действовать, но по Божественному Писанию» (Нил Сорский).

Согласно нестяжателям, власть должна основываться на тех же самых принципах. Максим Грек в послании к Ивану IV писал, что идеальному царю присущи такие качества, как «кротость и долготерпение, попечение о подчиненных, щедрое расположение к своим боярам, преимущественно же – правда и милость». Таким образом, церковная власть стоит выше светской и руководит ею: «Священство больше царства земного, а меньшее большему беспрекословно подчиняется».

Однако, писал Максим Грек, современные правители не «благоверно-мудренные», они не соблюдают заповеди, не заботятся о своих подданных, но обуреваемы злобой, жадностью, лихоимством. Поэтому для нестяжателей истинный царь – Иисус Христос: «Гражданство наше на небесах есть» (Вассиан Косой).

Противоположные взгляды на мирскую жизнь развивали последователи монаха Иосифа Волоцкого (1439–1515 гг.) – иосифляне. В сочинении «Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих» он разделяет понятия монаха, свободного от обладания имуществом, и монастыря в целом, который, напротив, должен иметь богатства для содержания своих насельников, помощи нищим и больным. В политическом учении Иосиф исходил из божественного происхождения власти, которой следует «воздавать покорность и послушание». При этом сам царь или князь «естеством подобен есть всем человекам» и не всегда будет соответствовать идеалу. Нечестивому же правителю повиноваться не следует. Посадив князя на престол, Бог заповедал ему «всего православного христианства всей Русской земли власть и попечение». Это означает, что светская власть имеет функции духовного руководства, а «гражданские законы» основываются на религиозных нормах. Важнейшей функцией власти при этом является борьба с ересями, угрожающими православию (сам Иосиф Волоцкий всю жизнь деятельно боролся с еретическим движением). Хотя царь и обладает верховной властью, его своеволие ограничивается нравственно-религиозными принципами. Поэтому идеальный государь «ангельский и святительский чин имеет». Иосиф писал, что «подобает царям и князьям всякое тщание о благочестии иметь». Последнее включает такие нормы, как законность и справедливость, избегание взяточничества, уклонение от лести, милосердие.

XV–XVI вв. – время становления Российского централизованного государства. Происходит объединение отдельных княжеств под верховной властью великого князя Московского (позднее царя).

В посланиях псковского монаха Филофея (ок. 1465–1542 гг.) Василию III и Ивану IV была сформулирована теория «Москва – Третий Рим». Согласно ей, история человечества представляет собой смену одного великого царства другим. Первое мировое царство – Римская империя, второе – Византия. Оба они пали, наказанные Богом за неверие, «поскольку они предали православную греческую веру в латинство (католичество)». После этого центром мира является Третий Рим – Московская держава, единственное православное государство. Ему суждено собрать вокруг себя все русские земли. В отличие от первых двух Римов, Московское государство будет стоять вечно, поскольку сохраняет верность истинной вере: «Все христианские царства

сошлись в одно твое, два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать».

Филофей обосновывал необходимость управления мировой державой единоличным правителем. Он писал, что власть государя дана Богом, царь является Его наместником среди людей. Поэтому подданные обязаны беспрекословно подчиняться царским приказаниям, даже если они будут несправедливыми. Важнейшей составляющей государственной деятельности выступает религиозная и церковная политика: правитель должен назначать церковных руководителей (епископов и митрополитов), вести борьбу с ересями. Церковь должна быть лишена притязаний на светскую власть; епископы могут лишь «говорить правду» царям, но не помыкать ими.

Идеи Максима Грека об ограничении самовластия монарха органами сословного представительства развивали другие мыслители – его младшие современники.

Федор Иванович Карпов (умер до 1545 г.) – дипломат, автор посланий разным лицам, наиболее важное из которых «Послание митрополиту Даниилу», в котором заметно влияние идей Аристотеля. Согласно Карпову, общество должно основываться на «правде», «законе» и «милости». Под «правдой» он понимал справедливость, которая должна находить выражение в законах, издаваемых властью: «Всякое царство по Аристотелю управляться должно по правде и определенными законами справедливыми». За свою историю человечество проходит несколько этапов, которые основывались на различных «законах». Это время господства естественного закона, «закона Моисея» (Ветхий Завет), «закона Христа». Последний этап длится в настоящее время и позволяет людям устроить справедливое общество. Его важной составляющей Карпов считал приверженность власть имущих к «милости». Он пишет, что «милость без правды малодушество есть», а «правда без милости есть мучительство». Карпов выделяет две формы государства: «дело народное» и царство. Он склонялся к первой, поддерживая идею ограничения самодержавия монархов. Кроме верховного правителя («царя») властью должны обладать «начальники». Поэтому Карпов придавал большое значение согласию «царей и начальников», сравнивая их с гусярем и гусями. Самовластие правителей, основанное на религиозных идеях терпения и покорности, Карповым осуждалось.

Автор сочинения «Истины показание к вопросившим о новом учении» новгородский монах Зиновий Отенский (умер до 1572 г.) был близок к Максиму Греку и Федору Карпову по взглядам и также основывался на философии Аристотеля. Он считал, что власть сама по себе обязательна и необходима, ибо присуща человеку от природы. Зиновий

вий Отенский выделял законы божественные (содержатся в Библии, писаниях отцов церкви), естественные (обычаи и нравы народа), положительные. В последних он выделял законы царские и законы градские (местное законодательство). При этом важно, чтобы сам царь следовал законам и обеспечивал законность суда в своем государстве. Зиновий много критиковал негативные стороны порядка судебного процесса, принятого в Московском государстве: подкуп свидетелей и взятничество судей, затягивание процесса, внесудебные сделки в обход суда.

З. Отенский выступил с несколькими посланиями, обличавшими ереси своего времени. Одной из причин их распространения является деятельность власти: несправедливый суд, высокие налоги. «Ведущие» не желают «разуметь убожество», но, напротив, наживаются на бедствиях простого народа. Наилучшая форма государственного устройства, по его мнению, основывается на образе святой Троицы. Ее части «сопрестольны и соповелительны»; подобно этому следует совместить царскую власть с другими элементами: «Вкупе глаголить и повелевать – Бог един есть в трех лицах единым господством». Хотя царь «саном владычества» превосходит остальных, его поступки должны контролировать «синклиты», «честнейшие сановники», «старейшины». Сама история доказывает, что в сильных государствах «владычествующие цари имут синклиты и епархии», а преступники наказываются только через суд. Сила царя основывается на «правде». Если же царь не «праведен есть», он является тираном (Зиновий Отенский впервые в России употребил это понятие).

Проект реформирования государства в духе укрепления монаршей власти предлагал служилый дворянин Иван Семенович Пересветов (первая половина XVI в., точные даты жизни неизвестны). Он передал царю Ивану IV свои сочинения, в числе которых были «Малая челобитная» и «Большая челобитная», содержавшие планы преобразований.

Исходным пунктом для рассуждений Пересветова послужило поражение Византийской империи от турок и падение Константинополя в 1453 г. Причиной краха Византии он называл то, что «ленивые вельможи» забыли о «Божьей правде», установили неправый суд и отдали царя «от воинства». Таким образом, Византийская империя была наказана Богом за грехи. После ее падения хранителем православной веры является Российское государство. Однако Божья благодать даруется лишь той державе, которая блюдет «правду». В современной России, по мысли Пересветова, лишь ведется борьба за «правду». Главной бедой, как и в Византии, является своеволие вельмож, боярства. Пересветов проводил прямую аналогию между Византией и Россией:

«вельможи русского царя сами богатеют и ленивеют, а царство оскужают». С другой стороны, он идеализировал Турецкое государство, приводя его в пример. Пересветов перечисляет качества, присущие идеальному правителю, Магомет-султану: это грозный царь, не слушающий бояр; он раздает должности по заслугам, а не по происхождению; он написал судебник (основанный на «правде»), ввел ответственность войсковых командиров перед своими воинами. Точно так же российский государь, утверждая «правду», должен быть «грозным и мудрым». В принципе, «не можно царю царства без грозы держати».

Итак, государство должно быть основано на законе, соблюдение же законов Пересветов связывал с сильной властью, способной «грозой» принудить людей к этому. При этом самодержец должен опираться главным образом на служилое сословие – дворянство. Для осуществления этого Пересветов предлагал осуществить несколько реформ. В первую очередь, необходимо заменить боярское ополчение регулярной армией, в которой офицеры и солдаты будут получать фиксированное жалование. Это поднимет боеспособность войска и избавит царя от зависимости от бояр. Все награждения и назначения на государственные посты должны производиться «кто что достоин». Распределение налогов следует передать из ведения местных властей центральному ведомству государственной казны, что исключит ее расхищение. Наконец, надо искоренить «неправды» и «беззакония» в судах. Наместники должны быть лишены судебных полномочий, судьи же обязаны опираться только на закон («судити прямо»). С целью предотвращения взяточничества Пересветов предлагал установить им высокое жалование. Судебные пошлины должны идти в казну, «чтобы судьи не искушались и неправды не судили». Если же судья совершает должностное преступление, с него живого сдирают кожу, набивают ее бумагой и вешают на воротах судебного учреждения для острастки других. Наконец, Пересветов осуждал зарождающееся крепостничество и кабальные отношения и высказывался за их отмену. Он писал: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы».

В 1547 г. великий князь Московский Иван IV Васильевич принял царский титул. В первые годы после этого политика страны определялась кругом приближенных к царю – «Избранной Радой». Спустя некоторое время Иван Грозный отказался от курса реформ, разогнал «Раду» и стал проводить политику самодержавной личной власти, основанной на терроре. Один из членов «Избранной Рады» воевода А. М. Курбский бежал в Великое княжество Литовское, откуда обменялся с царем рядом посланий, в которых обе стороны излагали собственные взгляды на сущность верховной власти в России.

В своих письмах оппоненту Иван IV (1530–1584 гг.) обосновывал концепцию неограниченной власти монарха. Он писал, что его власть имеет божественное происхождение. Поэтому она предстает как своего рода обязанность царя перед Богом. Царь сам представляет идеал христианской жизни (поэтому Иван IV сравнивал свои властные обязанности с монашеским служением) и стремится претворить его среди своих подданных. Наказание «злодеев» – одна из основных функций власти. «Царской власти дозволено действовать страхом и запрещением, чтобы обуздать безумие злейших и коварных людей»; через страх перед наказаниями царь должен обратить людей к истине, добру, справедливости. Это достижимо только при установлении самодержавной единоличной власти, что характерно для России: «Российские самодержцы изначально сами владеют своим государством, а не бояре-вельможи». Иван IV осуждал проекты ограничения царской власти сословным представительством; он писал: «как же самодержцем называться, если не сам управляет!» Поэтому все государственные дела должны вестись по воле правителя и при его прямом участии. При этом он несет ответственность перед Богом за «все согрешения вольные и невольные» своих подданных (помимо собственных грехов). Однако Иван Грозный возлагал на российскую монархию и более широкую, историческую миссию – утверждение подлинной христианской веры (православия) во всем мире.

Князь Андрей Михайлович Курбский (ок. 1528–1583 г.), кроме переписки с Иваном Грозным, оставил сочинение «История о великом князе Московском». Подобно царю, он считал Русскую землю единственной, сохранившей подлинную чистоту христианской религии. Однако защиту веры царь должен осуществлять не единолично, но обязательно с опорой на «советников своих» и «всенародье». Главное значение среди советников царя должны занимать бояре; монарх не должен посягать на их «вольности», включая право «отъезда» в другое государство. Согласно Курбскому, «благочестивый царь» будет любить своих приближенных и учитывать их мнение в государственных делах. Это позволит избежать зла даже при склонности правителя к деспотии: «Пока царь любит совет и советников, он сохраняет душу свою». Сам по себе царь мало чем выделяется из общей массы людей, он «не получил какого-нибудь от Бога дара». Все люди повинуются всеобщему «естественному закону», и государство также должно строиться на нем. Поскольку Иван Грозный презрел идеалы «благочестивого царя», ограниченного «Избранной Радой» и представительными учреждениями, Россию постигла кара. Страшные события опричнины Курбский оценивал как одно из наказаний Бога за грехи царя. Курбский призывал Ивана IV «покаяться и возвратиться к Христу».

Начало XVII в. в истории России получило название Смутного времени. Политические идеи этого периода отчетливо выражены в произведении мелкого государственного служащего Ивана Тимофеева (Семенова) (ок. 1555–1631 гг.) – «Временнике». Иван Тимофеев разделил правителей на законных (наследовавшие престол или избранные народом) и незаконных (которые «наскочили на трон»). Даже признавая высокие качества Бориса Годунова как правителя, он осуждает его как «раба», поднявшегося на недостижимую для него высоту. Бедствия Смутного времени Тимофеев связывает с чередой незаконных государей (начиная с Годунова), каждый из которых впоследствии свергнулся или порицался своим преемником. Смута – Божье наказание за «самовенечников» на царство и «захватчиков» трона. Для предотвращения узурпации царской власти в дальнейшем Тимофеев предлагал принять принцип избрания монарха «соизволением людей всей земли». Однако «самовластие» как незаконных, так и законных монархов – тяжкий грех. Поэтому Тимофеев критиковал деятельность Ивана IV, который «возненавидел все города земли своей», был полон «ярости против рабов своих». Люди погрузились в «бессловесное молчание» и не решались противодействовать царю и его «бесовским слугам». Начавшийся в результате политики опричнины раскол Русской земли является подлинной первопричиной Смуты начала XVII в.

В противовес самодержавию Тимофеев предлагал принцип сословного представительства. «Всенародное» участие в выборах царя и в принятии важнейших политических решений обеспечит общественное согласие и прекратит внутренние конфликты в государстве. Политическая активность народа обеспечит недопущение нового «бессловесного молчания» в случае деспотизма и пресечет соответствующие попытки носителя верховной власти. Подданные обязаны протестовать против царя, покушающегося на их личную и имущественную безопасность. В праве Тимофеев различал естественный закон и уставной закон (законодательство). Естественные законы вечны и неизменны, и потому «некасаемы» людьми. В государстве следует поддерживать «законный и нормальный порядок», т. е. уставные законы должны опираться на естественное право, соответствовать его нормам. Незаконное занятие престола Тимофеев также рассматривал как нарушение положений естественного закона.

Тема 13. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

1. Теория естественного права Гуго Гроция.
2. Теория естественного права Б. Спинозы.
3. Политико-правовые идеи периода Английской буржуазной революции XVII в.
4. Т. Гоббс о государстве и праве.
5. Политико-правовая концепция Дж. Локка.
6. Доктрина естественного права в Германии.

Голландия была первой буржуазной республикой, и это нашло отражение в политической мысли того времени, разрабатывавшей идеи естественного права и общественного договора. Среди родоначальников естественно-правовой доктрины выделяется голландский юрист и дипломат Гуго де Гроот (Гроций) (1583–1645 гг.). Его основной труд – трактат «О праве войны и мира». Хотя он был посвящен проблемам международного права, для их решения автор был вынужден дать ответы на более общие вопросы происхождения государства и права.

Гроций выделял две основные разновидности права: естественное и человеческое (волеустановленное). Первое имеет естественное происхождение и вытекает из стремления людей к общению и объединению. Воля людей к осуществлению на практике естественного права порождает право человеческое. В отличие от неизменного естественного права право человеческое подвержено изменениям, зависящим от воли законодателей. Поскольку его происхождение связано с взаимным соглашением людей, оно отражает их интересы, практические потребности. Однако нормы человеческого права должны соответствовать праву естественному. Специфика человеческого права в том, что оно предполагает возможность принуждения, если его нормы не соблюдаются добровольно. Эту функцию исполняет государство.

Согласно ему, государство – это продукт сознательной деятельности людей, оно возникло как следствие общественного договора. До учреждения государства человечество находилось в естественном состоянии; оно не знало частной собственности. По мере развития ремесел стали возрастать потребности людей и появилось стремление к завладению собственностью. Для того чтобы уладить возникшие таким образом конфликты, люди по своей воле заключили общественный договор, т. е. объединились в государство. Во имя обеспечения общей безопасности, ради реализации права государство может действовать на подданных силой; оно обладает суверенитетом. Подданные же не имеют права сопротивляться любой законной власти. Лишь в исключительном случае народ имеет право изменить образ

правления – т. е. фактически изменить условия общественного договора. Функции государства: законотворчество, непосредственное управление, правосудие. Все они связаны с публичной сферой, с общими интересами; в частные дела государство вмешиваться не может.

Гуго Гроций считается отцом науки международного права. Он отрицал то, что в основе международных отношений лежит сила. На самом деле там действует «право народов», общее для всех людей, результат их договоренности. Они ведутся там, «где отсутствует или прекращается действие судебной власти». Гроций противопоставлял справедливые и несправедливые войны. Сама по себе война является естественным способом защиты законных интересов. Она не запрещается ни естественным, ни человеческим правом. Соответственно, Гроций оправдывал «частные войны» внутри государства, если они преследуют защиту законных интересов.

Бенедикт Спиноза (1632–1677 гг.) – видный голландский философ. Политико-правовая проблематика нашла отражение в его трудах «Богословско-политический трактат», «Этика», «Политический трактат». Исходным в учении Спинозы о государстве и праве является понятие естественного права – правил природы. Естественные законы – это необходимость, в пределах которой существует и действует природа. Итак, естественное право запрещает то, чего никто не желает и никто не может. Оно действует в естественном состоянии, где каждый имеет столько прав, сколько имеет силы. В этом состоянии всем правит человеческий эгоизм; противоречия между людьми решаются с помощью насилия. Эгоизм вообще соответствует человеческой природе; поэтому, считал Спиноза, осуществление на практике утопий наподобие проекта Мора несбыточно.

Для прекращения постоянной борьбы всех против всех люди заключают общественный договор и таким образом переходят к гражданскому состоянию. Спиноза писал, что они соединяют свои естественные права и создают государственную власть, чтобы жить «безопасно и наилучшим образом». Так люди переходят от жизни по велению своих страстей к жизни по требованиям разума. Государство Спиноза рассматривал как продукт самоограничения людей. С его образованием создается общее для всех право, обеспеченное совокупной мощью всех граждан. Получается, что в гражданском обществе мощь каждого отдельного индивида возрастает. Свобода теперь заключается в подчинении общему для всех закону, который имеет абсолютную силу для всех. Однако государственная власть не распространяется на неотчуждаемые естественные права, к которым относятся свобода мысли, суждения, вероисповедания. Чтобы достичь большей степени свободы, считает Спиноза, человеку необходимо:

– максимально познать необходимость в виде субстанции (Природы-Бога) – внешней причины всего сущего;

– освободиться от аффектов (печали, радости, влечений и т. д.) – так как они тоже мешают свободе, подчиняют человека и заставляют действовать по необходимости.

По этим причинам девиз Спинозы: «Не смеяться, не плакать, не проклинать, а понимать».

Законы, действующие в государстве, будут соответствовать интересам всех граждан, если будут приняты на их всеобщем собрании, считал Спиноза. Только тогда будет гарантирована разумность законодательства. Поэтому лучшей формой государственного устройства голландский мыслитель признавал демократическую республику, при которой наилучшим образом обеспечиваются мир и безопасность граждан. Для реальных условий своего времени он предложил проект, согласно которому управление находится в руках аристократического совета. Монархическое устройство Спиноза осуждал как ограничивающее человеческую свободу.

Для идеологии различных политических группировок, выступавших в годы революции (1640–1649 гг.), характерно использование религиозных форм. Идеологическим знаменем революционных сил являлся кальвинизм в его различных разновидностях. Одним из требований революции была «чистка» англиканской церкви от остатков католицизма; поэтому противники короля назывались пуританами (от английского *pure* или от латинского *purus* – чистый). Наряду с религиозными доводами идеологи революции использовали положения теории естественного права, ссылались на прирожденные права англичан; широкое распространение получила также идея договорного происхождения государственной власти.

Ведущей партией революции были индипенденты (*independent* – независимый). Политико-правовые взгляды индипендентов выражены в памфлетах великого английского поэта Джона Мильтона (1608–1674 гг.). Он защищал свободу совести и равноправие всех религий, кроме католической. Опровергая доводы идеологов абсолютизма в защиту прав короля, Милтон писал, что государство создано по велению бога общественным соглашением народа, который в силу прирожденной свободы людей имеет право управлять собой и создать тот образ правления, какой ему угодно. Для защиты общего блага народ назначил правителей, королей и сановников, над которыми поставил законы. Если короли говорят, что их власть от бога, то от бога же и свобода народа, власть которого первична, основана на прирожденных правах. Король же, правящий тиранически, – нарушитель договора и законов. Когда тирана судят вместо того, чтобы просто

убить, – это проявление кротости и милосердия народа. Такими доводами Мильтон оправдывал революцию и казнь короля.

В целом индепенденты не были сторонниками широкой демократии; поначалу они стремились утвердить в Англии конституционную монархию, затем (после 1649 г.) – республику с цензовым избирательным правом. В выступлениях «грандов» (так называли высших офицеров, сторонников Кромвеля), практических политиков и руководителей этой группировки, содержится характерная аргументация против демократических программ. Наиболее ясно и конкретно позицию индепендентов выразил в дискуссии с левеллерами зять Кромвеля генерал-комиссар Генри Айртон (1611–1651 гг.). «Все главное, о чем я говорю, сводится к необходимости считаться с собственностью. Ведь она является важнейшей основой всего королевства, и если вы, – обращался он к левеллерам, – уничтожите ее, вы уничтожите все».

Айртон оспаривал теорию естественного права, доводами которой, как он считал, невозможно обосновать собственность; по естественному праву каждый нуждающийся может посягнуть на чужое имущество. Основа собственности – не естественное, а именно гражданское право, источником которого является договор. «Ни закон бога, ни закон природы не дают мне собственности, – пояснял Айртон. – Собственность есть установление человеческой конституции». Коль скоро собственность установлена государством (в основе и собственности, и государства, как утверждал Айртон, – общественное соглашение, договоры), то государство должно быть устроено так, чтобы собственность надежно охранялась. Гарантия собственности в том, чтобы во власти участвовали те, «кто владеет постоянным интересом в стране», т. е. у кого находится земля, кто состоит в корпорациях, держит в руках всю торговлю. Только при этом условии «свобода может быть дана, а собственность не будет разрушена».

Исходя из этого, Айртон возражал в 1648 г. против требования заменить монархию республикой; любая попытка пересмотра конституции, особенно ее демократизация, рассматривалась как возможное посягательство на существующее распределение собственности.

Против компромиссной позиции индепендентов, за республику и демократическую конституцию Англии выступили левеллеры (leveler – уравнитель). Группа идеологов, получившая это название, сложилась в конце первой гражданской войны; ее опорой являлись солдаты армии, требовавшие продолжения революции, демократизации государства, обеспечения прав и свобод народа.

Одним из идейных лидеров левеллеров был Джон Лильберн (1613, 1614 или 1618–1657 гг.). В многочисленных памфлетах, петициях, проектах и письмах он ссыался на «божье слово», разум и естествен-

ное право. Последнее занимает стержневое место в его доктрине, причем толкуется более как прирожденные права англичан.

Прирожденными правами Лильберн и его единомышленники считали свободы слова, совести, печати, петиций, торговли, свободу от военной службы, равенство перед законом и судом. Все люди «по природе равны и одинаковы по силе, званию, власти и величию». Левеллеры резко выступали против сословных различий и привилегий. К числу естественных прав они относили частную собственность: «Каждой личности дана личная собственность природой так, чтобы никто ее не нарушал и не узурпировал».

Первостепенное значение левеллеры придавали проблемам демократизации государственного строя Англии. Государство, писал Лильберн, создано взаимным соглашением людей «для доброй пользы и блага каждого». Отсюда проистекает неотчуждаемое право народа организовать государство таким образом, чтобы это благо было обеспечено. Власть должна быть основана на свободном выборе или согласии народа; никто не может господствовать над людьми без их свободного согласия. Исходя из этого левеллеры требовали ликвидации королевской власти, палаты лордов, резко критиковали противостоявшие народу органы власти. Ими разработаны проекты «Народного соглашения» – республиканской конституции Англии.

К основным требованиям левеллеров в политической области относились: народное представительство, избираемое на один или два года; предоставление избирательных прав всем англичанам с 21 года (кроме бывших активных сторонников короля); закрепление прирожденного права англичан избирать шерифов, судей и других должностных лиц; совершенствование избирательной системы (равная, пропорциональная система выборов).

Отстаивая принцип законности (равный для всех закон, без изъятий и привилегий), Лильберн близко подходил к идее «разделения властей». Депутаты должны лишь принимать законы, правила, инструкции для судов и должностных лиц, равно обязательные для всех (и для депутатов). В то же время все исполнители законов – чиновники, офицеры, судьи – не должны быть депутатами парламента. Левеллеры утверждали, что при соединении в одних руках власти принимать законы, исполнять их и осуществлять суд неизбежно возрождение привилегий, нарушения законности, узурпация власти.

При обсуждении проектов «Народного соглашения» возникла острая дискуссия между грандами и левеллерами о соотношении демократии и собственности. Возражая против требования всеобщего избирательного права, Айртон ссылался на то, что большая часть населения не имеет собственности: «Почему эти люди не могут проголосовать против собственности?» Левеллеры тоже боялись поколебать от-

ношения собственности. Они согласились ограничить избирательное право, предоставив его только домохозяевам и исключив лиц, получающих пособие по бедности, состоящих в услужении, получающих заработную плату от частного лица.

В процессе развития революции все более активно обсуждался вопрос о соотношении свободы и собственности, собственности, государства и права. В разгар второй гражданской войны своеобразное решение этого вопроса предложили истинные левеллеры, или диггеры. Памфлеты истинных левеллеров появились еще в 1648 г. В них осуждалась не только монархия, но и весь общественный строй Англии, основанный на имущественном неравенстве и частной собственности на землю, созданной норманнами-завоевателями. Поначалу истинные левеллеры надеялись на силу проповеди и примера. В 1649 г. они организовали коммуну на холме св. Георгия и стали сообща вскапывать под огороды общинные земли; поэтому их прозвали «диггеры» (digger – копатель).

Наиболее видным теоретиком движения был Джерард Уинстенли (1609–?).

Он первым сформулировал понятие свободы, выразившее главное отличие коммунизма от буржуазной идеологии того времени: «Истинная республиканская свобода заключается в свободном пользовании землей. Истинная свобода там, где человек получает пищу и средства для поддержания жизни».

Диггеры рассчитывали, что опыт коммуны на холме св. Георгия положит начало массовому созданию таких же коммун на общинных, церковных, королевских и иных землях. В тот период диггеры в принципе осуждали принуждение и, остро критикуя современное им государство и право, считали государство при строе общности вообще ненужным.

В 1652 г. была опубликована книга Уинстенли «Закон свободы», в которой излагается целая программа мер, проводимых с помощью революционной власти и законов, направленных на создание строя общности имуществ. Впервые в истории теоретического коммунизма Уинстенли пишет о необходимости переходного периода от строя, основанного на частной собственности, к строю общности, о революционной власти над богачами в этот период.

В результате перевыборов парламента с преимуществами для неимущих и малоимущих, утверждал Уинстенли, будет учреждено республиканское правление, которое при активном содействии революционной армии передаст народу общинные земли, пустоши, земли, конфискованные у церкви и короля, и др.; на этих землях будут созданы коммунистические общины. Законы и воспитание подготовят условия для полного искоренения частной собственности, купли-продажи,

денег, найма рабочей силы. После установления «истинной республиканской свободы» вступит в силу новая конституция Англии.

Уинстенли впервые в истории излагает проект конституции государства, основанного на общности имущества. Проект состоял из 62 законов (законы об обработке земли, о складах, о наблюдателях, о выборах должностных лиц, о свободе, о браке, законы против измены, против купли-продажи, против праздности и др.).

Во главе Англии, проектировал Уинстенли, будет парламент, переизбираемый ежегодно; избирательные права должны иметь все мужчины с 20 лет (кроме преступников и тех, кто домогается должностей). Принятые парламентом законы обсуждаются народом, который вправе отклонить их. Должностные лица (миротворцы, наблюдатели, судьи и др.) избираются на один год. Новое государство должно не только охранять общественный порядок, гарантировать права и свободы граждан, но и руководить народным хозяйством. В республике будет хорошо налаженная и централизованная служба информации – «начальники почты» оповещают страну об открытиях, сделанных в искусстве, ремесле, сельском хозяйстве, о почестях, которых удостоены изобретатели, о наиболее серьезных событиях, об ошибках и бедствиях и др. «Руководство хорошего правительства, таким образом осуществляемое, – писал Уинстенли, – может превратить всю страну, нет, даже всю земную фабрику в единую семью человечества и в единую хорошо управляемую республику».

Проект содержит также уголовные законы, хотя, как полагал Уинстенли, упразднение частной собственности ликвидирует основную причину проступков и преступлений. К тем, кто попытается восстановить частную собственность, к убийцам применяется смертная казнь; к тем, кто совершит другие тяжкие преступления, к упорным туеядцам – так называемое рабство (т.е. каторжные работы) и телесные наказания. Лиц, совершивших менее опасные проступки, предупреждают и увещевают.

Идеи диггеров не получили широкого распространения в Англии.

Революционные события 1640–1649 гг. завершились провозглашением Англии республикой и установлением протектората Кромвеля; после его смерти была восстановлена монархия Стюартов (1660 г.). Дальнейшее развитие политико-правовой идеологии и завершение Английской революции связано с переворотом 1688 г.

Томас Гоббс (1588–1679 гг.) – английский мыслитель, автор книги «Левиафан», посвященной вопросу о происхождении и функционировании государства (ее первый вариант назывался «О гражданине»). Философия Гоббса исходит из того постулата, что человек – это часть природы, он подчиняется ее законам. Поэтому естественное состояние

английский мыслитель характеризовал как «войну всех против всех»: каждый действует по велению собственных страстей, стремясь к их максимальному удовлетворению. Гоббс давал следующее определение естественному праву, которое действовало, когда человечество находилось в естественном состоянии: «свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы». Однако, кроме естественного права, действуют естественные законы (всего Гоббс называл их 19). К основным относятся следующие: 1) следует искать мира и поддерживать его; 2) взаимный отказ от прав ради мира и самозащиты; 3) обязательность соблюдения соглашений. Эти три закона природы создают возможность перейти из естественного состояния в государственное (гражданское общество). Их совокупность формирует мораль.

Итак, государство предполагает отказ людей от своих естественных прав и передачу их суверену – происходит «перенесение права». В свою очередь, возникновение государства Гоббс связывал с общественным договором, который означает такой отказ. В силу этого власть является легитимной, абсолютной, принуждающей и ответственной. Исходя из этого Гоббс понимает верховную власть так: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и защиты». Носителем власти (суверенитета) выступает государство, которое Гоббс сравнивал с мифическим чудовищем Левиафаном, охраняющим мир и спокойствие людей. Цель государства – обеспечение мира и безопасности в обществе. Это достигается сосредоточением в руках суверена всей полноты власти. Для этого он использует силу и законы. Гражданские законы, действующие в государстве, представляют собой веления суверена; саму же власть никакие законы не ограничивают. Она может нести только моральную ответственность перед Богом. Поскольку, вступив в государственное состояние, люди отказались от своих естественных прав, им остались только обязанности перед сувереном. Получается, что и в государственном состоянии существует равенство – равенство всех подданных перед законом. Свобода в данном случае заключается в свободе поступков, не запрещенных законодательством.

Гоббс выделял три формы государства: демократию, аристократию и монархию (в зависимости от числа лиц, обладающих верховной властью). При этом демократию он определял как строй, при котором власть находится в руках тех, кто хочет ее представлять (представительная демократия). Отношения между государствами представлялись Гоббсу сферой, где сохраняется естественное состояние, т. е. идет война всех против всех.

Таким образом, проблема общества и государства, по Гоббсу, – главная в философии, поскольку цель философии – помогать человеку добиваться практических результатов в своей деятельности, а человек живет и действует в обществе и конкретном государстве.

Английский философ Джон Локк (1632–1704 гг.) является одним из родоначальников либерализма. Его работы были призваны теоретически обосновать «славную революцию» 1688 г. в Англии, становление там после принятия Билля о правах конституционной монархии. Сочинение «Два трактата о государственном правлении» посвящено раскрытию воззрений Локка на происхождение, цели и устройство государства, пределы его власти. В отличие от Гоббса Джон Локк понимал естество человека не как эгоистичное и злое, а как доброе. Поэтому в естественном состоянии люди не воевали, а действовали согласно религиозным и моральным заповедям. Вообще состояние вражды и конфликта является для человека противоестественным. Насилие Локк признавал только в рамках самозащиты.

Подобно другим представителям естественно-правовой школы, Локк рассматривал развитие человечества от естественного состояния к государственному или гражданскому (правда, в теоретическом аспекте). Первое заключается в свободе действий «в границах закона природы», по сути, не во вред другим. При этом все люди равны, а наличие частной собственности не отрицает политического равноправия. Политическая власть появляется путем соглашения, общественного договора, «для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить». Общественный договор здесь, скорее, торжество разума, чем проявление крайней необходимости, как у Гоббса. Так возникает государство, главной характеристикой которого является выражение интересов большинства в интересах всех. Идея общественного договора означает отождествление государства с гражданским обществом, чего не делают в наше время. Участие в политическом сообществе означает для человека обязательство подчиняться решению большинства в лице государственной власти. Основные права, идущие от естественного состояния, люди сохраняют и теперь. Это жизнь, свобода, собственность как результат труда, а также право защищать свободу и собственность. Локк писал: «Главная цель, почему люди соединились в государство и поставили себя под управление, есть сохранение собственности». Это та область, в которую государство, власть вмешиваться не имеет права, это предел его компетенции.

Гражданское состояние отличается от естественного тем, что оно знает «установленный и определенный» закон – позитивное право. Далее, противоречия между людьми решаются судом в соответствии с законами. Действенность судебных приговоров обеспечивает сила, без

которой государство, к сожалению, немислимо. Свобода в гражданском состоянии – это следование собственной воле в рамках закона, который выражает общее благо. Добавим, что носитель суверенитета не обладает абсолютной властью; он обязан соблюдать закон подобно остальным гражданам. Локк предложил систему разделения властей: законодательной (включая суд), исполнительной и федеральной. Последняя занимается вопросами международного сотрудничества. Локк выделял три формы государства: демократию, олигархию, монархию. Любая из них имеет право на существование при заключении общественного договора. Лишь абсолютная монархия противоречит его духу.

Усиление феодальной эксплуатации, политической и идеологической реакции, установление княжеского абсолютизма, окончательно утвердившегося в результате Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) и приведшего к возникновению в некоторых землях Священной Римской империи германской нации полицейского государства, существенно задержали не только социально-экономическое, но и идейное развитие страны. Идеология, получившая теоретическое обоснование в естественно-правовых учениях Голландии и Англии, приобретает в Германии весьма умеренное истолкование. Немецким просветителям были присущи лишь идеи разрыва с религиозным мировоззрением, противопоставления последнему разумного начала. В государственно-правовой науке эта тенденция нашла выражение в учениях С. Пуфендорфа, Х. Томазия и Х. Вольфа.

Самуил Пуфендорф (1632–1694 гг.) – известный немецкий юрист и историк, труды которого были переведены на многие европейские языки и при Петре I – в России. В области философии Пуфендорф испытал влияние Декарта, сказавшееся на методологии исследований истории, государства, права. Среди многочисленных работ Пуфендорфа особое значение имеют «Право естественное и право народов» и «О должностях человека и гражданина», посвященные вопросам государства и права.

Пуфендорф был одним из видных представителей того направления в естественно-правовой теории, которое главное внимание уделяло отделению науки о праве от религиозной схоластики, доказывая самостоятельное значение первой. Право должно согласовываться с законами разума независимо от религиозных догм и даже действующего законодательства.

Учение Пуфендорфа складывалось под влиянием теорий Г. Гроция и Т. Гоббса. Существенные различия между этими теориями Пуфендорф пытался примирить, используя общий для них рационализм. Попытка создать светскую правовую теорию, светское в своей основе

учение о государстве, отстаивать свободу мысли в условиях Германии того времени была умеренным, но все же прогрессом. Однако одновременно с этим Пуфендорф обосновывал необходимость сохранения крепостничества и княжеского абсолютизма.

В своем учении о праве и государстве Пуфендорф исходит из представления о естественном состоянии, которое характеризуется свободой и независимостью индивидов. Человеческая природа противоречива, полагал Пуфендорф. Она не порождает «войну всех против всех» (как считал Гоббс), но достаточно эгоистична. Согласно Пуфендорфу именно последнее (а не естественное стремление к общежитию, как считал Гроций) в условиях, когда не обеспечены естественные права, порождает стремление людей объединиться ради собственной пользы и безопасности. В результате возникают политическое общежитие и государство.

Государство – продукт сознательной деятельности людей, их решения объединиться. В основе возникновения государства лежат два договора: первый – между людьми об объединении и выборе формы правления, второй – между людьми и избранным ими правителем об обязанности подданных подчиняться власти и обязанности правителя заботиться о подданных в целях их пользы и безопасности. Второй договор предполагает сохранение у людей некоторых естественных прав (свободы вероисповедания, свободы убеждений), но не допускает сопротивления власти. Пуфендорф утверждал, что лучшей формой правления является абсолютная монархия. Правда, у нее есть некоторые недостатки, считал он, и желательно было бы, чтобы при монархе создавался какой-то представительный орган типа еще сохранявшихся в некоторых германских землях ландтагов. Дальше этого весьма скромного пожелания Пуфендорф не идет, будучи убежден, что практически неограниченная власть монарха обеспечивает главное – общественный порядок и безопасность подданных. Естественная свобода утрачена людьми с образованием государства, получившего право наказывать их во имя общего блага.

Обосновывая с помощью идей естественно-правовой теории сложившийся во многих немецких землях княжеский абсолютизм, Пуфендорф оправдывает и упрочившееся в то время крепостничество. Он утверждал, что крепостничество – результат добровольного договора между господами и теми, кто не имел работы и средств существования, и, следовательно, выгодного им.

Большое внимание уделял Пуфендорф вопросам взаимоотношений между государством и церковью. В соответствии с условиями второго договора государство имеет право наказывать за богохульство, атеизм, сношения с демонами и сектантство, если последнее учит противиться властям. Но государство не должно наказывать тех, кто отступает от

обрядности и придерживается собственных взглядов в научных вопросах, как бы они ни противоречили религиозному вероучению. Пуфендорф еще не провозглашал свободу совести, что в условиях религиозно-расколотой Германии того времени не выглядело насущным.

Последователь Пуфендорфа профессор Христиан Томазий (1655–1728 гг.) – ректор университета в Галле, автор почти пятидесяти научных работ, первым в Германии начавший читать лекции по естественному праву не на латыни, а на немецком языке. Он продолжал намеченную Пуфендорфом линию на освобождение государственно-правовой науки от господства теологии (хотя сам Томазий бы религиозен). Томазий, наверное, первым среди немецких мыслителей провозгласил, что философии пора перестать быть служанкой богословия. Сопоставляя немецкую и французскую философии, он признавал последнюю более разработанной. Предметом философии должен стать человек с его моральным миром.

В трактовке естественного состояния и естественного права Томазий расходился со своим предшественником. Человек – существо общежительное, утверждал Томазий, и природа его состоит в том, чтобы, стремясь к личному благу, жить в мирном общении с другими. Но человеку свойственны и извращенные формы этого стремления – корыстолюбие, честолюбие. Воспринимая здесь точку зрения не Пуфендорфа, а Гроция, Томазий в обоснование права и государства воспроизводит некоторые идеи Спинозы. Томазий отмечал, что основа естественного права – мораль, которая предписывает делать то, что соответствует разумной природе людей. Но требования морали не подкреплены принуждением. А поскольку люди делятся на мудрых и глупых и для первых нужен совет, а для вторых – принуждение, то рассчитывать на добровольное следование требованиям морали нельзя. Поэтому необходима принудительная власть. Она избавляет людей от страха перед вредом, который могут причинить глупые, и осуществляет волю государства, созданным людьми, а не богом.

Государство у Томазия – «естественное общество, которое заключает в себе верховную власть ради довольства всех и гражданского благополучия». Как и Пуфендорф, Томазий считает, что образование государства было оформлено двумя общественными договорами: об объединении в государство и о назначении правителя. Власть правителя имеет цель сохранить общественный мир.

Вопросы соотношения совета и принуждения, границ воздействия государства власти Томазий рассматривает в трех планах – моральном, политическом и правовом.

В сфере морали действует только совет: делай для себя то, что ты желаешь, чтобы другие делали для тебя. В политике совет и приказание: делай другим то, что ты желаешь, чтобы они делали для тебя.

В праве действует только приказ: не делай другим то, чего ты сам себе не желаешь.

Право в государстве имеет императивный и запретительный характер, оно определяет только внешние обязанности (почти через сто лет это обоснует Кант), и только в правовой сфере действует приказ государства. В моральной, духовной сфере единственное средство воздействия – совет. Отсюда – свобода совести, независимость человека в его духовной, нравственной жизни.

Обратив таким образом внимание на существенное различие между моралью и правом, Томазий считал необходимым ограничить сферу действия права. Государство не должно посягать на духовную свободу личности, свободу убеждений. Иноверцы и инакомыслящие не должны подвергаться уголовному преследованию, еретиков надо просто высылать из государства.

Считая монархию лучшей формой государства, Томазий утверждал, что предпосылкой власти монарха является согласие народа повиноваться ему и что народ даже может протестовать против несправедливостей. Но этот протест возможен только в том случае, если монарх выходит за рамки, очерченные общественными договорами. Кроме того, протест может быть только пассивным: подданные не обязаны в этом случае повиноваться монарху, но «они не должны и сопротивляться ему, а терпеливо переносить сделанную им несправедливость». Томазий полагал, что для устранения несправедливости и раздоров между людьми следовало бы стремиться к такому идеальному строю, где будет существовать общность имуществ. Однако, по его мнению, это станет возможным в далеком будущем.

Таким образом, в немецкой политико-правовой мысли нарастало критическое отношение к существовавшим порядкам, полицейскому государству. Но оно было весьма умеренным и не выходящим за рамки либеральных пожеланий не допустить посягательств на свободу вероисповедания, свободу убеждений. Либеральные пожелания и иллюзорные мечтания об отдаленном общественном идеале, к тому же, оказались всего лишь эпизодом в истории. На смену им шли консервативное истолкование естественно-правовых идей, попытка использовать их для апологии полицейского государства в период его расцвета.

Такая попытка была предпринята Христианом Вольфом (1679–1754 гг.), профессором естественного и международного права университета в Галле. Как и его предшественники, он не был чужд переловым идейным веяниям, представлениям о свободе личности как о норме естественного права. Однако практические выводы Вольфа из этих теоретических представлений вполне соответствовали оправданию полицейского государства, которое пытались выдать за государство просвещенного абсолютизма.

Природа человека, по Вольфу, характеризуется стремлением к совершенствованию. Разум указывает путь к этому – делай добро и избегай зла. Таков нравственный закон природы, соответствующий стремлению людей к совершенствованию и души, и тела, и общества. Человек обязан следовать этому нравственному закону, в этом его право. Право, таким образом, выводится из нравственной обязанности. Оно требует быть нравственным. «Нет права, – писал Вольф, – без нравственности обязательства, которое ему предшествует, в котором оно коренится и из которого оно проистекает. Есть врожденные человеческие права, потому что есть врожденные человеческие обязанности». Все дальнейшие рассуждения Вольфа исходят из этой посылки – право проистекает из обязанности, нравственной, но обязанности человека.

От природы все люди равны, поэтому они имеют равные права. Поэтому же ни один человек не имеет власти над другим – все люди свободны. Нравственная обязанность совершенствоваться порождает право на образование и научные исследования, право на жизнь и даже право на труд – без труда нет совершенствования, и никто не должен предаваться праздности.

В естественном состоянии, когда люди жили семьями, они не имели достаточно средств для совершенствования. Вот почему семьи решили объединиться в государство, цель которого – «общее благосостояние и общая безопасность», обеспечивающие совершенствование людей. Объединившись в государство, люди образовали народ, который передал свою верховную власть правительству. Среди форм государства – демократии, аристократии, монархии и смешанной формы – Вольф считал лучшей монархию, ибо, по его мнению, монарх всегда представляет весь народ.

С образованием государства, отмечал Вольф, народ ограничил свою свободу для совершенствования составляющих его людей. Во имя этого же ограничено и природное равенство людей. Точно так же каждый человек может ограничить свою свободу и отдать себя в рабство. Отсюда возникает власть одних лиц (господ) над другими (крепостными).

Законы государства, по Вольфу, – практическая реализация естественного закона. Они дают свободу, необходимую для исполнения нравственных обязанностей. Право – свобода действий для исполнения обязанностей. Рамки такой свободы определяются властью государства, властью просвещенного монарха, заботящегося об общем благе. Монарх, считал Вольф, может и должен заставлять работать и предоставлять работу, устанавливать размер заработной платы и цены на товары, заботиться о школьном образовании и развитии искусства, обязывать ходить в церковь и запрещать собрания в частных домах, не

допускать распространения учений, вредных для государственного блага, религии и нравственности, и т. д.

Для этого монарх, по мнению Вольфа, должен быть наделен неограниченной властью в законодательстве, судебной области, назначении чиновников, вопросах войны и мира. Чтобы максимально использовать свою власть для общего блага, он должен быть добродетельным, знать науку управления государством, любить свой народ и окружать себя умными советниками, не творить произвол. Повиновение ему должно быть безусловным, поскольку сопротивление может возратить людей в естественное состояние, полагал Вольф.

Таковы основные представители немецкой политико-правовой идеологии XVII–XVIII вв. Если в Англии, а позже и во Франции естественно-правовая доктрина стала идейным оружием в борьбе против феодального абсолютизма, теоретической основой лозунгов буржуазных революций, то в Германии она превратилась в средство рационалистического обоснования существовавшего режима и положительно совершенствования во имя «общего блага».

Тема 14. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ В XVIII в.

1. Государственно-правовое учение Ш. Л. Монтескье.
2. Политические и правовые взгляды Вольтера.
3. Политико-правовое учение Ж.-Ж. Руссо.
4. Обоснование просвещенного абсолютизма в учении физиократов.
5. Политико-правовая идеология французского социализма.
6. Политико-правовые идеи якобинцев.
7. Теория исторического круговорота Дж. Вико.
8. Правовая теория Ч. Беккариа.

XVIII век – эпоха Просвещения в Западной Европе. Это время характеризуется борьбой капиталистических отношений в экономике с феодальным общественным устройством. Просвещение было идеологией умеренной буржуазии, стремившейся установить свое экономическое и политическое влияние. Для этого следовало ограничить режим абсолютной монархической власти и, к чему особенно стремились просветители, свести на нет идеологическое влияние церкви. Своей цели деятели Просвещения собирались достичь через образование широких народных масс, внедрение в общественное сознание идеалов разума. Наибольшего размаха движение просветителей достигло во Франции. Именно там яснее всего были поставлены актуальные

проблемы, требующие разрешения – необходимость отрешиться от старого порядка и прийти к «царству разума».

Выдающимся деятелем французского Просвещения был юрист и писатель Шарль Луи де Монтескье (1689–1755 гг.). В философском романе «Персидские письма» он от имени персидского сановника, путешествующего по Европе, критиковал деспотизм и пороки верхов французского общества. Главное произведение Монтескье – трактат «О духе законов».

При изучении явлений общественно-политической жизни он всегда применял методы эмпирического наблюдения и сравнения. Это позволило ему провозгласить невозможность создания универсальной теории естественного права, одинаково приемлемой для всех народов и культур. Монтескье писал: «Законы очень тесно связаны с теми способами, которыми различные народы добывают себе средства к жизни». Это значит, что условия существования разных народов обуславливают отличия в их социальном и политическом строе, законодательстве. Согласно Монтескье, каждое общество есть результат взаимодействия физических и моральных причин: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, правила поведения, примеры прошлого, нравы, обычаи, и – как результат этого – образуется дух народа». На первом этапе развития, в период дикости, основное влияние оказывают физические причины – климат, почва, территория, население. В период цивилизации, т. е. в государственно организованном обществе, большее значение приобретают моральные причины, в том числе политический строй и законы государства. Физические причины также продолжают действовать на дух нации, но их влияние все больше падает. Соответственно меняющимся условиям жизни народа изменяется и законодательство: «Человеческим законам свойственно от природы подчиняться всем видоизменяющимся обстоятельствам действительности».

Монтескье выделял три формы правления: республику, монархию и деспотию. Их характеризуют различные принципы правления, т. е. те «человеческие страсти, которые двигают ими». Это «душа», или «пружина государства». В республике принципом правления является политическая добродетель, любовь к отечеству. Принцип правления монархии – честь, а деспотии – страх. В общем признавая теорию общественного договора, Монтескье вместе с тем рассматривал образование государства как объективный исторический процесс. В его учении государство возникает в ответ на потребность прекратить состояние войны и враждебности между людьми, борющимися за раздел богатств. Главная его цель – примирять противоречия в обществе и разрешать споры правовым путем. Общественный договор Монтескье понимал не в прямом смысле, а в качестве соглашения между правите-

лями и народом. Это соглашение проявляется в действии законов, регулирующих отношения между ними. Монтескье различал естественную и политическую свободу. Первая существует только в состоянии дикости. Политическая свобода существует в государстве и регулируется законами. Монтескье определял ее следующим образом: «Свобода есть право делать то, что дозволено законами». Политическая свобода возможна только в государстве с умеренной формой правления, где законы доминируют над волей правителей. В деспотии она невозможна. «Неограниченная власть не может быть законной», – писал Монтескье. Поэтому он выступал против абсолютизма и считал, что при деспотическом правлении наступление революции закономерно.

Видное место в учении Монтескье занимает теория разделения властей. Ее цель – гарантировать безопасность граждан от произвола и злоупотреблений власти, обеспечить их политическую свободу. Подобно Д. Локку, Монтескье выделял в каждом государстве три рода власти. Однако если английский мыслитель объединял администрацию и суд и выделял особую федеральную власть, то деятель французского Просвещения писал о следующих ветвях власти: законодательная, исполнительная и судебная. Их полномочия разграничены, представители одной власти не могут вмешиваться в дела другой.

Монтескье поддерживал идею установления во Франции всеобщего избирательного права, но отрицал возможность прямого народоправства: «Народ способен контролировать деятельность других лиц, но не способен вести дела сам». Поэтому законодательную власть надо передать собранию представителей знатных и зажиточных граждан, исполнительную власть оставить монарху, судебную – передать лицам из простого народа. Здесь идеалом для Монтескье выступала Англия, политический строй которой представлял характерный компромисс между королем, аристократией и буржуазией, к достижению которого во Франции стремился Монтескье. Будущее Франции он видел в конституционной монархии, в сочетании «народных интересов с привилегиями благородных».

Монтескье выступал с позиций деизма – видел в Боге создателя, но отвергал Его возможность вмешиваться в дела людей и процессы природы; видел в Боге средство для поддержания порядка и воспитания нравственности. Он отвергал идею бессмертия души, критиковал христианство и католическую Церковь за претензии на власть и влияние в обществе, введение в заблуждение верующих (во многих вопросах) и подавление человеческой инициативы.

Таким образом, философия Монтескье имела большое значение для всей дальнейшей истории человечества, философом были выдвинуты основополагающие идеи, на которых строится большинство современных демократических государств.

Лидером французского Просвещения был писатель и философ Франсуа Мари Аруэ (1694–1778 гг.), известный под псевдонимом Вольтер. Его мировоззрение в значительной степени сформировалось в Англии, где он провел несколько лет в изгнании. По возвращении Вольтер написал сочинение «Философские письма», в котором пропагандировал английское общественно-политическое устройство. Образцом государственной организации философ называл Англию, в которой монарх ограничен парламентом, а «палата общин там служит интересам всего народа». Грядущие преобразования в обществе Вольтер связывал с развитием знаний и подъемом общей культуры. При этом в деле реформ большие надежды он возлагал на просвещенного, мудрого монарха: «Народы были бы счастливы, имея государей-философов». В любом случае, направлять такого монарха должны подлинны философы, и долг правителя – следовать этим рекомендациям и претворять их в жизнь.

Согласно Вольтеру, в природу человека заложены вечные и неизменные моральные принципы. Однако уже на заре человеческой истории «естественная нравственность» подверглась у большинства народов извращению под влиянием суеверий. Невежество, порожаемое, прежде всего, религией, – вот корень социальных зол для Вольтера. Поэтому философ выступал яростным противником и обличителем католической церкви, которую критиковал с позиций рационализма: «Христианство и разум не могут существовать одновременно». Тем не менее, веру в Бога как таковую следует сохранить для того, чтобы внушать простым людям идеалы нравственности и покорности: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать, но вся природа говорит, что он есть». Кроме того, вера в Бога будет ограничивать власть имущих, не давая выхода их своеволию: «Идея Бога необходима, как законы». Это «узда», которая удерживает государей и вельмож «в их мстительности и честолюбии». Поэтому, писал Вольтер, государь-атеист опасен. Он не будет ограничен, не будет сдержан ничем, кроме собственной воли. Таким образом, мыслитель различал простой народ и слой философов, «стоящих над народом», которым вера в Бога не нужна.

Французский мыслитель полагал, что не только церковь, но и вообще все социальные институты старого режима – абсолютизм, ограничения предпринимательской деятельности, цензуру – следует уничтожить. На смену деспотическому правлению должно прийти царство разума и свободы, в котором каждому человеку будут предоставлены естественные права – на личную неприкосновенность, частной собственности, свобода совести, слова, печати и т. д. Свобода, считал Вольтер, – это зависимость только от законов. Для этого необходимо устранить феодальные пережитки, которые сковывают творческую

инициативу человека и предпринимательство. Вольтер выступал за то, чтобы государством могли управлять только собственники. Осуждая «моральное зло» бесправия и признавая естественное равенство, он считал невозможным равенство социальное, имущественное: «Все граждане не могут быть в равной степени могущественны, но могут быть одинаково свободны». Большое значение Вольтер придавал обеспечению прав гражданина в ходе судебного следствия, разбирательства, в процессе вынесения решения и осуществления наказания. Он писал о введении принципа презумпции невиновности, о недопустимости пыток, о праве на защиту в суде, гласность и беспристрастность суда, на суд присяжных, призывал к дифференциации наказания в соответствии с тяжестью преступления.

Вольтер выступал за гуманное отношение к простому народу и уважение его прав, однако идеалом государства считал абсолютную монархию во главе с просвещенным властителем (то есть выдвинул идею «просвещенного абсолютизма»), вел переписку с рядом «просвещенных» монархов (в числе которых была императрица России Екатерина II) и давал практические рекомендации по обустройству государства.

Литератор Жан-Жак Руссо (1712–1778 гг.) – видный деятель французского Просвещения, представитель мелкобуржуазного радикализма. Он прославился, участвуя в конкурсе сочинений на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» Руссо предложил парадоксальный ответ: по мере того, как совершенствуются науки и искусства, наши души все больше развращаются. Основные сочинения Руссо – «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Об общественном договоре».

В естественном состоянии Руссо видел идеал человечества, когда люди были свободны и добродетельны. С ходом прогресса человечество все более утрачивает прирожденную невинность и погружается в пороки: «Прогресс, ведущий, по-видимому, к совершенствованию индивида, ведет на самом деле к одряхлению рода». Стимулом, обусловившим переход людей от состояния первозданной дикости к цивилизации, мыслитель называет голод. Стремление обеспечить потребности при возрастающем населении вызвало необходимость сотрудничества, это привело к возникновению гражданского общества. Главный его признак – наличие собственности. Руссо писал: «Истинным основателем гражданского общества был тот, кто первый огорчил свой участок земли, решился сказать: «это мое» и нашел достаточно простых людей, чтобы ему поверить».

С появлением собственности Руссо напрямую связал возникновение социального неравенства. Он был эгалитаристом – сторонником

имущественного равенства, и признавал собственность оправданной лишь в размерах, необходимых трудящемуся для обеспечения жизни. При этом Руссо отличал естественное неравенство, порождаемое различиями в физической силе, уме, энергии, от искусственного, основанного на общественных условиях.

Условия неравенства неизбежно стали вызывать среди людей конфликты, а для их предотвращения появилось государство. Оно выгодно не всему населению, а исключительно узкому слою крупных собственников. Таким образом, общественный договор, создавший государство, – фикция, обман бедняков богатыми людьми. Основной задачей современного государства, выполняемой с помощью законов, является поддержание гражданского мира и обеспечение прав собственности. Закономерным итогом развития государственности является деспотия, при которой подданные равны в своем бесправии перед деспотом.

Ж.-Ж. Руссо обосновал право народа на восстание (угнетенное, лишенное прав и собственности большинство имеет право свергнуть паразитирующее меньшинство и властителя и создать общество по собственному усмотрению). Он писал, что вновь добиться подлинной свободы возможно при отмене «неправильного» и заключении нового, «подлинного» общественного договора, который бы отвечал интересам всех членов общества. Это будет взаимное соглашение между гражданами, тогда как «неправильный» общественный договор представлял собой договор между гражданами, с одной стороны, и правителями, с другой. Цель «правильного» договора – создание такого общественного строя, когда «каждый отдает свою личность под верховное руководство общей воли». Индивид должен отказаться от «мнимых» прав, обеспеченный силой, чтобы получить от сообщества легитимные гражданские права и свободы, гарантируемые общей мощью.

В результате образуется ассоциация равных и свободных индивидов в форме республики, «выборной аристократии», т. е. правления «лучших». Это будет не просто сумма индивидов, а подлинный общественный организм, в котором воля каждого подчинена воле целого. Интересы каждого неотделимы от интересов сообщества в целом, поэтому законодательство является «внутренним законом» каждого гражданина. В такой республике будет главенствовать принцип суверенитета народа, доверяющего непосредственное управление выборным магистратам. Однако «народные депутаты не суть и не могут быть представителями народа». Поэтому законодательными полномочиями владеет только весь народ. Его суверенные права неделимы, ибо «суверен есть не что иное, как коллективное существо». Руссо верил, что важнейшие политические решения может принимать суверен, т. е. весь народ: «собрать народ в одно собрание возможно». При этом он

писал, что «общая воля всегда права», она выступает критерием справедливости. Общество может буквально силой заставить человека «быть свободным», т.е. подчиниться общей воле.

Руссо осуждал индустриализм и критически относился к городской жизни. Промышленной цивилизации он противопоставлял крестьянский мир, в котором каждый человек собственным трудом обеспечивает себе жизнь. Для предотвращения нового процесса возникновения имущественного неравенства философ предлагал вернуться к патриархальной экономике, основанной на сельском хозяйстве. Необходимо установить максимум земельной собственности и создать общественный земельный фонд для помощи разорившимся гражданам.

Он выступал против религии как таковой, против христианства, однако из-за боязни того, что в случае ликвидации религии упадут нравы и исчезнут моральные ограничения, предлагал создать заменитель религии – «гражданскую религию», «культ великого существа (Бога)», «культ мировой воли» и т. д.

Экономическая мысль французского Просвещения представлена трудами группы писателей-экономистов, известных как физиократы. Помимо решения важнейших экономических задач (свобода торговли и промышленности, подъем сельского хозяйства, оздоровление финансов), физиократы стремились реформировать общество и обновить политический режим Французского королевства.

Крупнейшим представителем школы физиократов был врач Франсуа Кенэ (1694–1774 гг.). Социальное учение Кенэ основано на теории естественного права, однако он отвергал противопоставление естественного состояния гражданскому. Это значит, что общественного договора не было; жизнь в обществе соответствует природе человека, отражает его потребность. Физиократы выводили естественные права человека из стремления любого индивида к самосохранению. Основные среди них – это право частной собственности и личная свобода. На этих естественных законах основывается благополучие любой страны, их поддержание и защита – задача государства. Законы и власть нужны для того, чтобы гарантировать частную собственность и обеспечивать свободу хозяйственной деятельности. Для этого суверенная власть должна одинаково относиться ко всем гражданам (верховенство закона). Поэтому лучшей формой правления физиократы называли монархию – власть одного лица, интересы которого будут совпадать с интересами всех.

Физиократы выступали за свободу предпринимательской деятельности. Они полагали, что свободная конкуренция будет способствовать процветанию страны. Государственное вмешательство, напротив, нарушит естественный порядок и принесет вред. Основное внимание

физиократы уделяли сельскохозяйственному труду, который является главным источником национальных богатств. В своих «Экономических таблицах» Кенэ делил общество на три класса: крупные землевладельцы, земледельцы-арендаторы, торгово-промышленный класс. Реформирование сельского хозяйства, по Кенэ, должно основываться на крупном капиталистическом поместье, использующем аренду: «Государство должно быть населено богатыми землевладельцами». Землевладельческий класс составит опору государства. Кенэ не называл возникающее из отношений собственности неравенство однозначным злом, поскольку оно «вытекает из известной комбинации законов природы». Он осуждал лишь «крайнее неравенство», обусловленное искусственными мерами, а значит, противоестественное.

Другой представитель физиократов – Пьер Поль Мерсье де ла Ривьер (1720–1793 гг.), автор трактата «Естественный строй». В этом сочинении наиболее явно выражено характерное для физиократов учение о «легальной деспотии». По мнению Мерсье де ла Ривьера, народ не в состоянии разумно распоряжаться судьбой страны, его суждения неустойчивы или ошибочны. Поэтому в республике за благосклонность народа борются партии, каждая из которых преследует собственные интересы. Для предотвращения беспорядков власть следует организовать на монархических началах. Мерсье де ла Ривьер писал, что наследственный неограниченный монарх – «прирожденный собственник суверенитета». Его интересы едины с интересами всех прочих собственников, т. е. интересами самой нации. Богатство нации – его могущество. Поэтому единоличный правитель должен соединять в своих руках законодательные и исполнительные полномочия; разделение власти опасно и неосуществимо.

Физиократы различали легальный деспотизм и деспотизм произвола. Легальный деспотизм существует тогда, когда монарх в своей деятельности руководствуется неизменными естественными законами. Политические законы, т. е. законодательство государства, должны способствовать реализации естественного права в общественной жизни. Поэтому воля абсолютного суверена в конечном счете ограничена естественными законами; если этого нет, то перед нами подлинная деспотия (деспотизм произвола).

Одним из последователей Кенэ был Анн Роббер Жак де Тюрго (1727–1781 гг.), достигший поста министра финансов Франции. Его главный труд – «Размышление об образовании и распределении богатств». Тюрго является создателем схемы исторического прогресса человечества. Он писал, что история развивается по вечным и неизменным законам; общая линия развития истории – восходящая, прогресс: «Ни одно изменение не совершалось без того, чтобы не дать в итоге какой-нибудь выгоды».

Будучи сторонником неограниченной монархии, Тюрго предлагал реформировать государственный строй, допустив к принятию решений слой собственников. По его замыслу, организовать опору монархическому режиму поможет система городских и деревенских муниципалитетов. В состав этих органов должны допускаться исключительно собственники, получающие определенный годовой доход. Первичные муниципалитеты посылают своих представителей в окружные, а те – в национальный муниципалитет. К задачам всех муниципалитетов, включая национальный, относится распределение налогов, организация общественных работ, помощь бедным.

Ф. Энгельс писал, что во Франции в XVIII в. появились «уже прямо коммунистические теории, авторами которой назвал Морелли и Маблли».

Морелли (около 1715–?) – французский просветитель. О его жизни известно мало. Под этим именем в середине XVIII в. опубликовано несколько произведений (например, «Базилиада»), причем главная книга Морелли – «Кодекс природы, или истинный дух ее законов» (1755 г.) долгое время приписывалась Дидро.

«Кодекс природы» содержит теоретическое обоснование строя, основанного на общественной собственности, и нечто вроде проекта конституции будущего общества: «Образец законодательства, согласного с намерениями природы».

В политико-правовой концепции Морелли заметно влияние идей Платона, содержащихся не только в книге «Государство» (критика частной собственности, обоснование общности имуществ и государственного руководства общественной идеологией), но и в сочинении «Законы» (детальная и тотальная регламентация законами всех сторон жизни граждан).

Доктрина Морелли основана также на некоторых положениях теории естественного права. Морелли изображает естественное состояние как золотой век, когда люди подчинялись только законам природы, предписывающим общность имуществ и всеобщую обязательность труда. Обществом управляли отцы семей, ведавшие организацией труда и воспитанием.

Морелли писал, что конец естественному состоянию (отказ от законов природы) положило не соглашение народа, а процесс нагромождения ошибок, главная из которых – «чудовищный раздел произведений природы». Учреждение частной собственности «перевернуло вверх дном законы природы», исказило страсти людей, породило жадность. Возникла «всеобщая чума – частный интерес – эта изнурительная болезнь всякого общества». В результате для подчинения людей

порядку пришлось издать великое множество «жестоких и кровавых законов, против которых природа не перестает возмущаться».

Морелли настойчиво подчеркивал связь государства, политики, морали с отношениями собственности. Он возражал Монтескье, различавшему принципы демократии, аристократии, монархии и деспотизма. «Все они покоятся, – писал Морелли, – в большей или меньшей мере, на собственности и интересе». При сохранении частной собственности, рассуждал Морелли, концентрация богатств неизбежно ведет к тому, что демократия превращается в аристократию, аристократия – в монархию, а та – в тиранию; пока не уничтожены собственность и порожденные ею частные интересы, никакие политические преобразования не приведут к положительному результату.

Морелли излагает понимание свободы, отличное от того, которое обосновывали буржуазные просветители: «Истинная политическая свобода человека состоит в беспрепятственном и безбоязненном пользовании всем, что может удовлетворить его естественные и, следовательно, законные желания». Такая свобода обеспечивается только восстановлением общественной собственности, соответствующей природе человека.

К «основным и священным» относятся также законы, определяющие право и обязанность каждого гражданина трудиться «сообразно своим силам, дарованиям и возрасту», право получать прокормление и содержание на общественный счет.

Кроме «основных и священных» в «Кодексе природы» содержатся законы распределительные, или хозяйственные, земельные, об общих порядках, о роскоши, о форме правления, о воспитании, о научных занятиях, о наказаниях и др. (всего 118 законов).

Морелли полагал, что все стороны жизни граждан должны детально регламентироваться правом. С пятилетнего возраста все дети помещаются в предназначенные для этого дома. «Их пища, одежда и первоначальное обучение будут везде совершенно одинаковыми, без всяких отличий... От 10 до 30 лет молодые люди каждой профессии будут носить форменное платье из одной и той же материи, чистое, но обыкновенное и подходящее для их занятий». С 30-летнего возраста каждый гражданин «будет одеваться по своему вкусу, но без особой роскоши. Он будет также кормиться в своей семье, соблюдая умеренность в еде и напитках».

Должностные лица обязаны пресекать излишества в еде и одежде, строго следить за тем, «чтобы никакое украшение не могло доставить кому бы то ни было преимуществ или особого внимания. Всякое тщеславие будет подавляемо старшинами и отцами семейств».

Законы определяют, кто в каком возрасте чем должен заниматься (ремесло, земледелие), когда какую одежду носить, когда вступать в

брак. Предписано даже, в каких науках допускается свобода проницательности ума, в каких вольнодумство запрещается.

В обществе будут запрещены умозрения в области «морали и метафизики» (к ним относятся общие понятия о божестве, человеке, разуме). Будут разрешены исследование тайн природы (прикладные, полезные науки) и усовершенствование полезных для общества искусств. Однако число лиц, посвятивших себя наукам и искусствам, будет ограничено, причем они не освобождаются от обязательного для всех (от 20 до 25 лет) труда в земледелии.

Морелли – сторонник централизованного в масштабах страны производства и распределения, строго регламентированных законом и управляемых государственной властью. Основная задача государства – охранять законы, не допуская повторения ошибок, уже породивших когда-то возникновение частной собственности и связанные с ней бедствия. Поскольку законы природы едины для всего человечества, «будет только одна конституция, только один правительственный механизм под разными названиями». Этот механизм может быть устроен по-разному. Возможна демократия отцов семейств. Соблюдение и исполнение законов природы в большем порядке и с большей скоростью, писал Морелли, обеспечивается в «аристократии» (правительство мудрецов, назначенное народом). Еще большая точность и правильность в движениях политического механизма достигаются в «монархии», которая, не забывает добавить Морелли, никогда не вырождается в тиранию, если в нее не проникнет собственность.

В проекте законов будущего общества Морелли описывает оригинальную форму организации власти, основанной на суверенитете законов природы. Нация делится на провинции, провинции включают города, которые делятся на трибы, трибы – на семьи. Из отцов семейств образуется сенат города, из представителей городских сенатов – Верховный сенат Нации. Сенаты подчинены власти законов.

Особенность государственного устройства в том, что все должности замещаются «по очереди» – освободившуюся должность занимает (на год или пожизненно) тот из состоящих на предшествующей должности, чья очередь подошла (отец семейства становится главой трибы, глава трибы – начальником города и т. д.). Своеобразный проект демократии без выборов связан, очевидно, с отрицательным отношением Морелли к политической деятельности, с опасением, что выборы могут в какой-то мере поколебать равенство членов общества.

Главы триб, начальники городов и провинций, глава Нации осуществляют надзор за соблюдением законов, за работами, снабжением и распределением.

Еще одна система должностных лиц образуется из мастеров и старшин корпораций (производственных объединений); они входят в

советы городов, посылающих депутатов в Верховный совет Нации, подчиненный Верховному сенату. Сенаты запрашивают мнение советов по вопросам производства, труда, воспитания, распределения и другим и учитывают его при принятии решений.

Подобно ряду других коммунистов Морелли предполагал сохранение в будущем обществе уголовных законов. Наиболее тяжкими преступлениями признаются убийство, а равно попытка «посредством интриги либо иным путем уничтожить священные законы с целью ввести проклятую собственность». Менее тяжкие преступления (неповиновение должностным лицам или родителям, оскорбление словом или действием) должны караться тюремным заключением от одного дня до нескольких лет. В числе наказаний – лишение права занимать определенные должности на время или навсегда.

Путь к восстановлению погрязших законов природы Морелли видел в просвещении. Бедственное положение людей, порожденное ошибочно введенной частной собственностью, побуждает их стремиться вернуть «золотой век», восстановить законы, соответствующие природе человека.

Предвидя, что дух собственности и частного интереса воспротивится учреждению общности имуществ, Морелли высказывает мысль о необходимости принуждения и подавления возможных возмущений против восстановления законов природы. Наряду с теорией Морелли к коммунистическим теориям XVIII в. Ф. Энгельс относил, как отмечено, теорию Мабли.

Габриэль Бонно де Мабли (1709–1785 гг.) родился в дворянской семье и получил религиозное образование. Отказавшись от духовной карьеры, он занялся изучением античной литературы, истории и философии. Мабли написал много сочинений по истории, международному праву, морали и политике. Его политическое и правовое учение сложилось под сильным влиянием теории Руссо, а также идей Морелли.

Во всех произведениях Мабли очень резко порицал имущественное неравенство и порождающую его частную собственность. В его сочинении «О правах и обязанностях гражданина» (1758 г.) прославлялась «счастливая общность имуществ», соответствующая законам природы. В духе «Кодекса природы» Морелли Мабли называл частную собственность источником всех несчастий, угнетающих человечество. К числу порождений собственности Мабли относил неравенство людей, рабство, тиранию, многочисленность и запутанность законов, жадность и нравственные пороки, роскошь и «бесполезные искусства».

В отличие от Руссо и других эгалитаристов Мабли в этой книге писал о бессилии и бесполезности аграрных законов и законов против роскоши, которые уже не соответствуют ни общественным, ни частным нравам.

В последующих произведениях Мабли доказывал, что общность имуществ идеальна для человечества, но она неосуществима не только из-за «испорченности» людей, но и еще более из-за деления общества на противоположные классы и отсутствия сил, способных» взять на себя осуществление коммунистического идеала.

В наиболее известной своей книге «О законодательстве или принципы законов» (1776 г.) Мабли отказывался от идей общности имуществ, но еще резче, чем в предыдущих сочинениях, порицал пороки и бедствия, проистекающие из частной собственности. Она неизбежно порождает неравенство имуществ, неотвратимо ведущее к деспотизму, утверждал Мабли: «Едва богатства приобретут какой-то вес, богатые пытаются захватить государственную власть. Незаметно для себя государство оказывается во власти деспотизма, а глупость народа навеки закрепляет его порабощение».

Мабли делает вывод: лучше всего, чтобы нация была настолько бедна, чтобы богатых вообще не было бы и быть не могло. «Пусть урожаи будут менее обильными, – восклицал Мабли, – лишь бы республика не разделилась на патрициев и плебеев... Чем беднее нация, тем меньше склонна она к честолюбивым замыслам и к тирании... Богатства, по природе своей, не могут сочетаться с хорошими законами... Чем больше законы научат нас довольствоваться малым, тем больше они скрепят связи общества, ибо они разовьют и поддержат наши социальные качества».

Мабли, как и Руссо, считал невозможным ликвидировать частную собственность, породившую жадность, которую нельзя победить в открытом бою. Но законодатель может обуздать жадность, употребив хитрость и искусство: «Устройте свои законы так, чтобы я довольствовался умеренным состоянием. Покажите мне, что богатства бесполезны». Для этого, полагал Мабли, нужно запретить торговлю, вместо денежных взносов (налогов) требовать от граждан услуг, отменить завещания, дробить состояния между наследниками, определить законом предел владения каждого гражданина, ввести аграрные законы. Не следует допускать бесполезных искусств, Весьма важны, согласно учению Мабли, законы против роскоши.

Детальное регулирование законами хозяйственных и многих бытовых отношений, искусственное поддержание бедности, искоренение роскоши и искусств, тотальный государственный надзор и строгие наказания должны, по мысли Мабли, обеспечить всеобщее равенство граждан при сохранении строго ограниченной частной собственности.

Сочинения Мабли оказали влияние на развитие демократической и коммунистической идеологии во Франции. После революции с критикой идей Мабли выступали идеологи либерализма.

Во Франции XVIII в. возникли и развивались теории общинного безгосударственного коммунизма. Одна из них изложена в произведении сельского священника Жана Мелье (1664–1729 гг.), вошедшем в историю под названием «Завещание».

В «Завещании» содержится своеобразное понимание естественного права. Одной из центральных идей Мелье является идея прав трудящегося народа: «... Нет справедливости в том, чтобы одни несли все тягости труда и неудобства жизни, а другие, не зная заботы и труда, наслаждались одни всеми благами и удобствами жизни».

В «Завещании» резко осуждаются высшие сословия феодального общества, монархия и церковь. «Вся куча религий и политических законов представляет лишь тайные системы несправедливости; с помощью религии, — обращался Мелье к крестьянам, — ...князья и сильные земли грабят вас, попирают, притесняют, разоряют и тиранят вас под предлогом управления вами и поддержания общественного блага».

В концепции Мелье нет идеи общественного договора, положившего начало обществу и государству. Современное государство началось не «всеобщим соглашением», а обманом, насилием, принуждением, при помощи которых на спины трудящегося народа взвалили целую махину тиранов, попов, дворян, чиновников.

Резкой критике подвергся и правовой строй абсолютистской Франции. Ряд страниц «Завещания» посвящен критике частной собственности, которая порождает жадность; отсюда — обогащение наиболее сильных, хитрых и ловких, злых и недостойных, с одной стороны, обнищание народных масс — с другой. Осуждение феодализма и частнособственнического строя в учении Мелье связано с программой народной революции.

Будущее общество и его управление Мелье представлял в самых общих чертах. Жители каждой деревни, города, местечка должны составить общину. Организацию управления будущим обществом, описанную Мелье, трудно назвать государственной. При строе общности, писал Мелье, отпадут причины войн, смут и мятежей, не станет судебных процессов по поводу собственности, а также воровства и других корыстных преступлений: «Все города и другие общины, граничащие друг с другом, должны стараться заключить между собой союз и хранить нерушимый мир и единение между собой, дабы помогать друг другу в нужде, ибо без такой взаимопомощи не может быть общественного благосостояния».

Сочинение Мелье распространялось в рукописях; извлечения из него, опубликованные Вольтером (1762 г.), содержали почти исключительно философские и антирелигиозные идеи. Поэтому «Завещание» Мелье оказало некоторое влияние лишь на развитие атеистической, антиклерикальной идеологии предреволюционной Франции. Полный

текст «Завещания», содержащий весь комплекс революционных и коммунистических идей, был издан в 1864 г.

Оригинальную концепцию разработал бенедиктинский монах Леже-Мари Дешан (1716–1774 гг.), сочинение которого «Истина, или Истинная система» в рукописи читали Дидро и другие просветители.

История человечества, по Дешану, делится на три этапа. Сначала было «состояние дикости», когда люди не знали ни собственности, ни власти, ни законов; они были разъединены и невежественны. Затем люди перешли в «состояние законов», когда возникли неравенство, собственность, а также укрепляющие их законы человеческие и божественные. «Состояние законов» бедственно для человечества. Неравенство достигло крайних степеней. Социальный порядок поддерживается насилием (человеческие законы, «шпага») и обманом (божественные законы, церковь). Полезные сословия (земледельцы, ремесленники, пастухи) находятся в пренебрежении и угнетении, над ними господствуют бесполезные сословия (дворяне, духовенство, чиновники). Царят «безумие нравов», обман и насилие.

Постепенное раскрытие и распространение истины должно обусловить переход к «состоянию нравов, равенства, или истинного естественного закона», в котором исчезнут частная собственность, законы, короли, сословия. В «состоянии нравов» не будет религий, войн, судов, торговли, мошенничества, банкротства, спекуляции, воровства, уголовных законов, городов, храмов, крепостей, арсеналов, трибуналов, монастырей, госпиталей, тюрем. Люди будут жить поселками, сообща работать и пользоваться общими домами, амбарами, складами, постройками. Жизнь станет простой и близкой к природе. Исчезнут все произведения искусства, театры, величественные дворцы, сады и парки, изысканные блюда, драгоценные камни и т. п. Будут сожжены все книги. Люди будут носить простые удобные одежды, употреблять в пищу хлеб, овощи, фрукты, молоко, масло, мед, яйца. Все будут абсолютно равны в моральном отношении. Сознание морального единства людей и простота жизни приведут к отпадению надобности не только в принуждении, но и в руководстве, управлении.

Ряд идей «Истинной системы» Дешана близок к идеям «Кодекса природы» Морелли. Это – противопоставление законов природы «искусственным законам», острое осуждение частной собственности, представление о закономерном переходе человечества от одного состояния к другому, грубый аскетизм и всеобщая уравнительность. Но в ряде существенных пунктов выводы Дешана и Морелли резко расходятся. Морелли – за централизованное тотальное государственное руководство всей жизнью общества, основанного на общественной собственности. Выводы Дешана противоположны – он против какой-либо

власти человека над человеком в будущем обществе и даже управления им.

Идеи безгосударственного коммунизма обосновывал Сильвен Марешаль (1750–1803). Уже в период революции, в 1793 г., он писал, что в начале истории был период патриархального правления, когда люди жили семьями. Затем в результате ошибки возникло гражданское общество; в нем царят всеобщий эгоизм, скрытая война людей, обездоленное большинство которых поддерживает существование горстки сибаритов-деспотов. Пороки гражданского общества не зависят от формы правления. Все правительства мира являются дефектными. Человек исчерпал все возможные формы правления. Наступило время, чтобы он вернулся к исходному пункту.

Возвращение человечества к первоначальной свободе Марешаль мыслил как отделение от современного общества маленьких ассоциаций, или семей (по 100 человек), поселяющихся на пустующих землях. В конечном счете распад гражданского общества на общины-поселения приведет к исчезновению политической власти, законов, кодексов, конституций. «Человек не должен подчиняться человеку; только его отец имеет право им командовать». При новом патриархальном правлении не должно быть других различий между людьми, кроме различий по полу, возрасту и семье. Не будет больших городов, исчезнут многие искусства. «Ну и что же? Будет меньше статуй и больше людей».

Великая Французская революция, начавшаяся в 1789 г., явилась закономерным результатом движения Просвещения. В ходе нее во Франции была упразднена монархия и установилось политическое господство буржуазии. На разных этапах революции в борьбу за власть вступали различные «партии»: фельяны (Барнав), жирондисты (Бриссо), монтаньяры, обычно, хотя и не совсем правильно, называемые якобинцами (Дантон, Робеспьер, Марат), эбертисты и «бешеные» (Эбер и Ру). Большинство этих названий восходит к названиям политических клубов в Париже. С июня 1793 по июль 1794 г. у власти находилась политическая группировка монтаньяров, внутренне неоднородная и разобщенная. Ее представители предпочитали решительные (вплоть до террора и войны) меры по спасению революции.

Наиболее видным идеологом монтаньяров был врач Жан-Поль Марат (1743–1793 гг.). Его политические и правовые взгляды изложены в сочинениях «Цепи рабства», «План уголовного законодательства». Согласно Марату, государственность возникает из насилия, основатели государств – «удачливые разбойники». Поэтому развитие государственности неизбежно приводит к деспотизму. Несмотря на это, возможно скинуть «цепи рабства» и создать «хорошо устроенное госу-

дарство». Для этого необходимо разделить власть между как можно большим числом должностей. Таким образом, они будут уравновешивать друг друга, а верховная власть при этом останется у суверена — народа. Народ будет вырабатывать основные законы и контролировать их выполнение должностными лицами. Марат писал: «Подданным — священные права, государству — непреложные законы, правительству — неодолимые пределы власти». Он различал естественные и гражданские права личности. Если первые предзаданы, то вторые создаются обществом и поддерживаются общественным договором: «Гражданские права каждого отдельно взятого человека представляют собой, в сущности, лишь его естественные права, уравновешенные правами других людей и введенные в определенные границы на случай столкновения с этими последними».

Ликвидацию деспотического режима Марат связывал с восстанием народа, революцией. Вообще, он превозносил «неимущий класс» и призывал к расправам над представителями имущего слоя. В то же время он писал о вожде, который возглавит революционный порыв народа: «мудрец, способный руководить действиями необузданной и непостоянной толпы». В своей газете «Друг народа» Марат пропагандировал идеи «спасительного террора» и диктатуры: «Несколько вовремя отрубленных голов надолго остановят врагов общества». Поэтому для спасения революции от внутренних и внешних врагов надо «назначить на короткий срок верховного диктатора». Это будет «личная власть, не связанная никакими законами и исключаящая всякую демократию». «Свободу нужно насаждать силой», и относительно недолгий «деспотизм свободы» позволит навсегда избавиться от «деспотизма королей». Помехой для революционного террора могут стать республиканская конституция и новые законы; Марат призывал отказаться от их «суеверного почитания».

В отличие от Марата, адвокат Максимилиан Робеспьер (1758–1794 гг.) был в большей степени не теоретиком, а действующим политиком. Эволюция его политико-правовых воззрений прослеживается по многочисленным речам (свыше 600), произнесенным в годы революции в различных публичных собраниях. Робеспьер основывался на учении Руссо и всегда исходил из прав народа управлять государством. Согласно ему, в основе любого политического союза лежат три начала: охрана и обеспечение естественных прав гражданина; право каждого гражданина на участие в законодательстве и управлении; верховенство власти народа. Поэтому Робеспьер призывал установить разделение властей и поставить их в зависимость от народа-суверена. Для правительства он предполагает два вида ответственности: моральную (гласность и ответственность в действиях)

и физическую («наказание недобросовестных государственных должностных лиц»).

Придя к власти, Робеспьер стал поддерживать идею конституционного и революционного правительств. Если задачей первого является сохранение уже утвердившегося порядка, защита граждан от злоупотреблений, то второе действует в обстановке преобразований. Поэтому Робеспьер установил режим революционного террора, фактически став диктатором страны: «Революционное правление – это деспотизм свободы против тирании». Он отвергал юридические препоны на пути террора, в последние месяцы жизни придя к правовому нигилизму – по закону о «подозрительных» смерти заслуживал любой, кто «распространяет ложные известия», «препятствует просвещению народа», «развращает общественное сознание». Для осуждения этих лиц процедура суда была минимизирована до предела, поскольку «надо чтобы наказание было на быстроте преступления». Робеспьер обосновывал перед законодательным корпусом (Конвентом) продление чрезвычайных полномочий постоянной угрозой: «Конвент находится на вулкане нескончаемых заговоров».

Итальянский правовед и историк Джамбаттиста Вико (1668–1744 гг.) – создатель оригинального учения о всемирном историческом процессе, изложенного в книге «Основания новой науки об общей природе наций». Вико опирался на философию Платона, из которой он воспринял учение об идеях и вечном круговороте. Он писал, что нации (государства) возникают, движутся вперед, претерпевают упадок и конец. Этот порядок («поступательное движение наций») был навсегда установлен Богом. Основная идея книги Вико – развитие истории отдельных обществ и государств происходит циклически. При этом развитие идет не по замкнутому кругу, а по спирали – каждая эпоха повторяет предыдущие лишь в общей схеме, в частности создавая нечто новое.

Начальным пунктом в развитии наций Вико называет переход от естественного состояния к гражданскому, которое он именует «мир гражданских вещей». Если первоначально люди объединяются в семьи, то «гражданский мир» предполагает постоянную борьбу между «благородными» и непривилегированными: «Плебеи всегда стремятся изменить государство, а благородные всегда стремятся сохранить его». Задачей государства и источником его существования является поддержание внутреннего мира, недопущение конфликта сословий и социальных групп.

Для подкрепления своей теории Вико приводил многочисленные примеры, в основном из истории Древнего Рима. Он писал, что государства последовательно изменяют режим с аристократии на демокра-

тию, а затем – на монархию: «От пагубной подозрительности аристократий, через волнения народных республик, нации в конце концов приходят к тому, что находят покой в монархиях». На каждом из этапов развития ведущим принципом истории выступает новая сила. Первоначально это – физическое насилие, в аристократии – героизм, в демократии – справедливость. Вершиной развития неаполитанский мыслитель считал монархическое устройство, при котором уставшие от анархии граждане подчиняются внешней силе – персоне монарха, «первого слуги» государства, который «силой оружия берет на себя все общественные заботы и предоставляет подданным заботиться о своих частных делах». Однако дальнейший ход истории приводит к росту себялюбия единоличного правителя, который начинает пренебрегать законом и ущемлять своих подданных. Тогда начинается эпоха «второго варварства», и история нации переходит на новый виток спирали.

Чезаре Беккариа (1738–1794 гг.) – выдающийся итальянский просветитель, автор знаменитого труда «О преступлениях и наказаниях». Сторонник естественно-правовой доктрины, Беккариа полагает, что когда-то постоянные войны и произвол вконец утомили индивидов и они, пожертвовав некоторой долей принадлежащей им свободы, соединились, чтобы спокойно и в безопасности наслаждаться остальной ее частью. Сумма частиц пожертвований на общее благо свободы образовала верховную власть нации, которая должна была обеспечить людям нормальное существование под сенью справедливых законов. Но мира и правды нет, кругом насилие и бесправие, поскольку «большая часть законов – не что иное, как привилегия, т. е. подать, наложенная на всех в пользу немногих».

Беккариа, в частности, глубоко возмущен тем положением, при котором за одни и те же проступки богатый и бедный подвергаются разным наказаниям. Он указывает на материальные корни социальной несправедливости. Право собственности – вот что оставляет в удел большей части человечества одно только нищенское существование.

Для предотвращения преступлений и оздоровления общества Беккариа не предлагает переустройства жизни на совершенно новых принципах. Он ведет речь «о восседающих на престолах Европы благодетельных монархах, покровительствующих мирным добродетелям, наукам и искусствам, отцах своих народов». Он предпочитает говорить об устранении нищеты и постепенном уравнивании всех граждан как в нравственных, так и в материальных выгодах, доставляемых обществом; высказывается за всеобщее просвещение и хорошее воспитание; пишет о простых, мудрых законах и равенстве перед ними всех

людей, о необходимости строгой законности и точном соблюдении обязательных гарантий прав личности.

Значение идей, развитых в труде «О преступлениях и наказаниях» (1764), выходит далеко за пределы проблем уголовного права и судопроизводства. Эти идеи защищают такие универсальные ценности, как свобода, честь и достоинство человека, общественный порядок, обеспечиваемый прежде всего не репрессиями, грубой силой, но справедливыми законами, самодисциплиной и высоким сознанием индивидов. Они – весомый вклад Беккариа в разработку европейскими просветителями теории правового государства, принципов либерализма. Подобный вклад не мог не сделать мыслитель, убежденный в том, что самым лучшим является социальный строй, при котором достигается максимальное счастье для наибольшего числа людей.

Тема 15. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

1. Политико-правовая идеология никонианства и старообрядчества.
2. С. Полоцкий и идеология просвещенного абсолютизма.
3. Политико-правовые воззрения Ю. Крижанича.
4. Политические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина.
5. Политические идеи Ф. Прокоповича.
6. Политическая программа И. Т. Посошкова.
7. Политические взгляды В. Н. Татищева.
8. Политические взгляды М. М. Щербатова.
9. Политико-правовое учение российского Просвещения.
10. Политико-правовое учение А. Н. Радищева.

В результате церковной реформы 1650-х годов в Русской православной церкви произошел раскол, и возникло два направления: ортодоксальное (никонианство) и раскольничье (старообрядчество). Поводом для возникновения раскола послужили реформа церковных обрядов и исправление богослужебных книг, предпринятые с целью приблизить русское православие к православным церквям остального мира. Часть верующих и священнослужителей выступила против этого (старообрядцы).

Главным проводником реформы церкви был ее глава – патриарх Никон (Никита Минов) (1605–1681 гг.). Прежде всего, Никон стремился вывести церковь из подчинения светских правителей и, более того, поставить духовную власть выше светской. Он исходил из того, что «священство» и «царство» – самостоятельные власти, которые выполняют различные общественные функции и потому должны быть

обособлены. Поэтому Никон отвергал теорию «Москва – Третий Рим», которая излишне превозносит значение царской власти, придает ей духовные функции. Царству поручена забота о низших, земных делах, а церкви – о высших, духовных. «Священство» основано на божественных заповедях, а «царство» – лишь на человеческих законах. Поэтому церковь должна главенствовать над светскими властями. Лишь при условии такого подчинения светского правителя церкви государство будет прочным и стабильным. Нарушение этого порядка вызовет гибель государства.

Никон, обязанный своим возвышением царю Алексею Михайловичу, впоследствии вступил с ним в конфликт и был отрешен от должности. Он закончил жизнь в ссылке, простым монахом.

Лидером движения старообрядцев был протопоп Аввакум Петров (1620–1682 гг.), автор множества полемических сочинений. Главное его произведение – собственная биография («Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»). Аввакум разделял никонианскую церковь и старообрядчество как «чужую землю» и «свое отечество». Протопоп высоко ставил национальный характер Русской православной церкви, осуждая отход ее от «древнего благочестия» и фактическое сближение в результате реформы с западноевропейским католицизмом. Главным виновником превращения России в «чужую землю» он считал не «злого пастыря» Никона, а царя Алексея Михайловича, активно проводившего церковную реформу. Ведущее значение в обществе он отдавал государственной власти и поэтому поддерживал теорию «Москва – Третий Рим». Аввакум называл государя «единственным христианским царем», призванным поддерживать истину православия в мире. Однако поскольку Алексей Михайлович отступил от истинной веры, он утратил право быть царем. Власти подвергали Аввакума гонениям; он 15 лет провел в заточении в земляном срубе и закончил свою жизнь на костре.

Глубинный смысл церковного раскола в России в середине XVII в. заключался в столкновении двух различных воззрений на историческое будущее Русского государства, его предназначение, сущность царской власти в России. Главные идеологи обоих течений – и Никон и Аввакум – выступали за независимость церкви от государственной власти, однако пути достижения этой независимости представляли по-разному.

С обоснованием правомерности просвещенной абсолютной монархии выступил Самуил Петровский-Ситнианович (1629–1680 гг.). Он родился в г. Полоцке, окончил Киево-Могилевскую академию, в 1659 г. принял монашеский постриг под именем Симеона в православном полоцком Богоявленском монастыре. С 1664 г. проживал в Москве. Первой его должностью стало руководство школой подьячих

в Заиконоспасском монастыре на Никольской улице, в которой он преподавал «семь свободных наук». В конце 60-х гг. XVII столетия Симеон стал учителем царских детей; занимая одновременно еще и должность придворного поэта, приобрел известность как человек искусный в разнообразных сферах богословского и научного знания. Наиболее известными его произведениями являются: «Жезл правления», написанный к церковному собору 1666/67 г. и посвященный обличению учений раскольников; «Вертоград многоцветный» – энциклопедическое, поучительное произведение (1668) и «Рифмологион» (1679) – собрание стихотворений панегирического характера. Симеон выступил в своих произведениях проводником западной культуры и образованности.

Мыслитель защищал социальное неравенство, усматривая в его наличии проекцию небесных порядков на земле. Все люди обязаны выполнять свой долг, предопределенный судьбой, в чем и состоит главное назначение человека на земле. Однако он призывал богатых «начальников» заботиться о своих «подначальных» и не доводить их до скудости, а также управлять ими с разумом и кротостью, а не посредством «наложения язв».

Среди пороков русской жизни Симеон критикует лень, праздность и особенно пьянство. Тема обязательности труда постоянно присутствует во всех произведениях мыслителя. Главной проблемой творчества Симеона было разрешение вопросов, связанных с верховной властью, формой ее организации и деятельности. Он одним из первых в истории отечественной политико-правовой мысли дал теоретическое обоснование необходимости установления просвещенной монархии.

Формулу «царь-солнце», являющуюся характерным атрибутом абсолютистской монархии, в русскую политическую литературу он ввел впервые. Царь и бог у него почти равные величины. «Небом Россию наречи дерзаю, ибо планиты в ней обретаю. Ты – Солнце, Луна – Мария царица». В понимании Симеона Полоцкого царь и государство отождествляются. Большое внимание уделяет Симеон описанию образа царя. Прежде всего он должен быть образованным человеком, стремящимся к приобретению знаний из книг и бесед с «премудрыми людьми», а особенно полезно царю читать книги по истории и усваивать исторический опыт других стран и народов и «по их примеру живи свой править». Царю необходимо не только просвещаться самому, но и просвещать свой народ.

Симеон настаивает на различии между царем и тираном. Поэт-мыслитель полагает, что просвещенная монархия должна быть государством, деятельность которого основывается только на законах «Под законом все казни должны страдать», и исключений из этого правила нет ни для кого, ни для самого царя, ни для его сына. Все люди в

гражданстве обязаны бояться закона, подчинение которому укрепляет государство и «чинна и славна содевает царства».

Термин «правда» Симеон традиционно употребляет в значении «закон». Он просит царя «хранить правду» и утверждать ее во всем царстве и совершать суд «в образ правды».

Мыслитель обращал также внимание на недопустимость жестоких санкций. Суд обязан восстанавливать правду, а не совершать месть. Симеон мечтает о равном для всех суде, который будет «равно судити мала и велика», невзирая на лица («на лице не зри, равен суд твой буди»). Организация судебных учреждений, по его мысли, должна быть единообразной, способной осуществлять для всех единый суд. Судебные дела следует вершить своевременно и без волокиты.

Мыслитель приветствует присоединение Беларуси к России и неоднократно выражает надежду на освобождение всех славянских народов от ига иноверных «агарян гордых».

В определении внешнеполитического курса русского государства Симеон придерживался традиционной для русской политической мысли ориентации на мирное разрешение всех внешнеполитических конфликтов. Он советует царю жить в мире со всеми государствами «до конец земли», царствовать «мирно и мудро», никогда не искать «брани» и вступать в войну только в случае нападения врага, а к побежденным всегда являть милосердие. Слава России должна расширяться не мечом, «но скоротечным типом через книги».

Симеон Полоцкий достиг значительной прижизненной известности. В «Эпитафии», написанном на его смерть по заказу царя Федора Алексеевича любимым учеником мыслителя Сильвестром Медведевым, он характеризуется как «благородный муж», «потребный церкви и государству». Непосредственное свое продолжение и развитие идеи С. Полоцкого получили у современника Симеона, представителя той же «латинской ориентации» Юрия Крижанича.

Юрий Крижанич (около 1617–1683 гг.) был хорватом по своему происхождению и большую часть жизни прожил в Западной Европе. Здесь он получил образование, изучая теологию в Венском и Болонском университетах. Здесь создал свои первые литературные произведения. В Россию Ю. Крижанич попал в конце 1660 г., т. е. уже в довольно зрелом возрасте. Однако именно в России он написал главные свои сочинения, в которых проявил себя в качестве глубокого и оригинального мыслителя. Главным сочинением Юрия Крижанича является трактат, который может быть назван «Беседами о правлении». Он был написан в 1663 г. на «общеславянском языке», созданным самим автором на основе церковно-славянского, русского народного и хор-

ватского литературного языков. Впоследствии оно получило название «Политика».

Свое произведение Юрий Крижанич писал специально для русского царя Алексея Михайловича. Поэтому речь в нем идет в основном о России, ее экономике, государственном устройстве, законах, нравах русского народа и т. п. Содержание трактата показывает, что Юрий Крижанич знал произведения античных философов (Платона, Аристотеля, Цицерона и др.), изучал книгу голландского правоведа и филолога Юста Липсия «Политические поучения и примеры», читал мемуары французского политического деятеля Филиппа Комина, был хорошо знаком со многими сочинениями о России посещавших ее иностранных деятелей. И наконец, Юрий Крижанич обладал удивительным для иностранца знанием русской истории и литературы.

Помимо «Бесед о правлении» Юрий Крижанич написал во время пребывания в России повести о греках и о Римском царстве, несколько статей о принципах управления государством, статьи о причинах и последствиях народных заблуждений, статьи об основных принципах внешней политики, серию статей о «политичных ересях», целый ряд статей на экономические темы и другие сочинения.

Юрий Крижанич не принимал некоторых основополагающих постулатов русской официальной политико-правовой идеологии, но критиковал он их не с точки зрения европейца, который считает все, не укладывающееся в узкие рамки его представлений, ненормальным и плохим, а с позиции интересов самого Русского государства и логики самой этой идеологии.

Так, Юрий Крижанич выступал против утвердившейся в русской официальной политико-правовой идеологии в конце XV–начале XVI в. концепции «Мономахова дара», согласно которой царская власть и ее символы были получены русскими властителями от византийского императора Константина Мономаха. По мнению Крижанича, данная концепция противоречит тезису о божественном происхождении государственной власти в России и унижает русский народ. «Глупой и грубой ложью», а также «басней» объявлял Крижанич и теорию происхождения русских царей из рода римского императора Октавиана Августа.

Юрий Крижанич был противником концепции «Москва – Третий Рим». По его словам, «не друг нам тот, кто зовет наше королевство «Третьим Римом». Такой (человек) не желает нам ни удачи в делах, ни добра, а желает гнева Божьего, разорения и всякого зла. Ибо после разрушения этого преславного (Римского) царства его название и римский герб стали злосчастными (то есть проклятыми, окаянными и сулящими неудачу)».

Политическим идеалом Юрия Крижанича было неограниченное самодержавие – «совершенное самовластво», которое он считал самой первой, самой важной и самой главной Божьей милостью, оказанной России. Наряду с «самовлаством» Крижанич выделял и такие способы правления, как «боярское правление» и «общевластво». Однако «самовластво», по его мнению, превосходит своими достоинствами другие способы правления.

При «самовластве» лучше, по его словам, «соблюдается всеобщая справедливость», легче и лучше «сохраняются покой и согласие в народе», «самовластво», в представлении мыслителя, «лучше оберегает от опасностей».

Воплощением своего политического идеала Крижанич считал правление царя Алексея Михайловича. Он думал, что здесь «исполняется без проволочки» все, что вправе приказать самодержец. На самом деле исполнялось далеко не все и не без проволочки.

В представлении Юрия Крижанича «самовластво» есть власть, противоположная «чужевластву». «Все народы, – отмечал он, – проклинают чужевластво, признают его одним из наихудших зол и несчастий и считают его самым большим позором. Одни лишь мы, славяне, этого не понимаем.

Другим плохим способом правления, в представлении Юрия Крижанича, выступает «тиранство». По его определению, «тиран – это разбойник, не боящийся ни суда, ни наказаний. Это палач без судьи и (без) закона. Это человек, отвергший все человеческое». «Из всех грехов, из-за коих король становится мерзким Богу и людям, первое место занимает тиранство».

Кроме того, в числе плохих способов правления Крижанич называл «испорченное боярское правление» – олигархию или «маловластво», которое возникает, по его словам, «когда несколько человек незаконно захватывают господство и властвуют несправедливо».

«Общевластво», или «посадское правление», с точки зрения Юрия Крижанича, также имеет свою испорченную форму. Оно становится «анархией, безвластием, при котором весь народ буйствует, и каждый наипоследний (человек) хочет быть государем».

Улучшение дел в государстве Юрий Крижанич связывал с уничтожением «дурных» и установлением «хороших» законов. При плохих законах, отмечал он, «всегда есть много возможностей для преступлений, а там, где есть столько возможностей для преступлений, никакого наказания недостаточно, чтобы удержать от них людей. И скорее палачи кончат пытать (злодеев), нежели (царские) слуги чинить злодеяния».

Во второй половине XVII в. в государственном строительстве получили преобладание абсолютистские тенденции, развитие которых

стимулировалось задачами, стоящими перед экономикой страны, нуждавшейся в протекционизме со стороны сильной государственной власти.

С одной из подобных теорий выступил в середине XVII в. псковский дворянин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1605–1680 гг.), видный политический деятель и дипломат при дворе Алексея Михайловича.

Будучи сторонником усиления власти монарха, Ордин-Нащокин тем не менее отлично понимал, что развитие экономики возможно только при условии сохранения известной самостоятельности местных торгово-промышленных центров. Он предлагал предоставить городам самоуправление, возвращающее выборный авторитет земским избам и ущемляющее всевластие воевод. Нащокин полагал, что такая система обеспечит наибольшие возможности подъема экономики на местах и не причинит ущерба центральной власти.

В своих предложениях А. Л. Ордин-Нащокин предпринял попытку объединить систему мероприятий, осуществляемых государством по руководству экономикой страны, с требованиями развития частной инициативы и всемерного поощрения предпринимательства. В организации промышленности и торговли он считал необходимым заимствование опыта передовых западноевропейских стран. «Не стыдно доброму навыкать со стороны», – утверждал он. Предложенный Нащокиным проект Новоторгового устава (1667 г.) содержал правила, регламентирующие внешнюю торговлю. Городам предоставлялась определенная свобода в ведении торговых операций, русским купцам – равное юридическое положение с иностранными купцами, откупщиками, гостями и прочими владельцами иммунитетов. Государству рекомендовалось субсидировать развивающиеся отрасли промышленности.

А. Л. Ордин-Нащокин первым в истории русской политической мысли разработал идеи «меркантилизма», имевшие широкое распространение в Западной Европе.

Высказал он предложения и по военным вопросам. Он настаивал на замене конной дворянской армии ополчением из «даточных людей», обученных «иноземному строю» и вооруженных огнестрельным оружием. Нащокин полагал также, что необходимо начать строительство отечественного флота на Балтийском и Каспийском морях.

Внешнеполитические взгляды Нащокина ориентированы на установление мирных добрососедских отношений с окружающими странами, из которых он особенно выделял славянские государства, настаивая на заключении более тесных экономических и военных союзов с ними под руководством России.

Сподвижник императора Петра I, архиепископ Феофан Прокопович (1681–1736 гг.) выступил с своей концепцией абсолютной власти монарха. Ее он обосновал в произведениях «Слово о власти и чести царской» и «Правда воли монаршей». Первоначальное состояние человечества Прокопович характеризовал как свободу творить добро или зло, последствием чего были хаос и постоянные столкновения между людьми. Люди были подобны «неукротимым зверям». Необходимость защищать естественные права обусловила создание государства: «Власть державная естественному закону есть нужна». Государство, используя законы, сможет удержать в узде дурные наклонности людей. Прокопович полагал, что государство создается путем заключения общественного договора, посредством которого народ отказывается от своих прав и передает их монарху. Даже если последний будет нарушать условия этого «договора», народ не имеет права отказать правителю в подчинении, поскольку его власть опирается на Бога. «Не может народ судить дела государя своего», – писал Феофан. Подданные обязаны терпеть «настроение и злонравие» своего государя. Поэтому Прокопович осуждал народные выступления, вызванные жесткостью петровского законодательства, неприятием его реформ. Кроме обеспечения внутреннего мира и безопасности подданных, архиепископ отводил государству другие функции – развитие экономики, организация народного просвещения, исправление нравов, искоренение суеверий.

Прокопович различал четыре формы правления: народодержавство (демократию), аристократию, самодержавство (монархию) и «смешанный состав». Он впервые употребил термин «самодержавие» для обозначения неограниченной власти монарха, а не государственного суверенитета, как это делалось раньше. Для России, считал он, идеалом является наследственная и неограниченная монархия, «лучшее и благополучнейшее благосостояние всех подданных». Самодержавный правитель будет выступать в роли «стража и защитника и сильного поборника законов». Издание таких законов, которые следуют божественным заповедям и нормам естественного права, а также не вредят обществу, – главная обязанность самодержавного правителя. Монарх может делать все, «только бы народной пользе не вредно и воле Божьей не противно было».

Произведение «Правда воли монаршей» посвящено обоснованию порядка наследования российского престола, утвержденного Петром I. Согласно ему, император сам назначает себе преемника. В то же время петровский приближенный критиковал выборы монарха своими подданными, как это было в Речи Посполитой.

В первой трети XVIII в. в результате петровских преобразований в России оформляется самодержавная монархия. В своих сочинениях ее обосновывал промышленник Иван Тихонович Посошков (1652–1726 гг.) – автор «Книги о скудости и богатстве», адресованной непосредственно императору Петру I. В этом произведении он выступил с собственной программой реформ – «каким образом истребить из народа неправду и неисправности и как насадить прямую правду».

Отдельные части своей книги Посошков посвятил «поправе» различных общественных слоев: духовенства, «воинства», купцов, крестьянства. Для лучшего выполнения священнослужителями своих обязанностей он предлагал освободить их от забот по добыванию средств пропитания. Важное значение в реформировании церкви Посошков придавал обучению будущих священников.

Он предлагал ограничить импорт и поощрять экспорт, ввести для купцов льготное кредитование, жестко пресекать практику обмана в торговле, контролировать цены. «Царство воинством расширяется, а купечеством украшается», – писал русский мыслитель. Он предлагал упразднить привилегии дворян, а их самих обложить поземельным налогом. Функция дворян – военная служба. Поэтому, если дворянин «в доме своем живет и крестьянами владеет, а великому государю никакой службы не показал, то у таких бы людей [крепостных крестьян] отнимать». Крестьянство Посошков считал наиболее важным для производства богатства страны классом населения. Благосостояние крестьян – прямой доход государства, а их оскудение – урон для казны. Поэтому для улучшения положения крестьян необходимо поставить крепостных под защиту государства: «не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять».

Опорой любого общества Посошков называл «правду» – нравственные устои и здоровый правопорядок. Власть должна служить важнейшим орудием исправления пороков общества, главным средством для этого являются законы. Автор «Книги о скудости и богатстве» предлагал составить новый судебник или уложение законов («правосудную книгу»), согласно которой осуществлялся бы суд. Он писал: «Более всякого дела надлежит стараться о правом суде». За неправый суд надо штрафовать и казнить, невзирая на число провинившихся судей: «без урона я не чаю установиться правде, и невозможно правому суду уставиться, ежели сотня-другая судей не падет». Создание нового судебника следует поручить совету из представителей различных сословий, включая крестьян. Составленную таким образом «правосудную книгу» надо вынести на всенародное обсуждение «самым вольным голосом, а не под принуждением». При этом монарх волен внести в судебник любые исправления и дополнения. После принятия «правосудной книги» должен быть создан внесословный суд,

единый для всех жителей страны. На должности судей лучше привлекать не дворян, а людей из простых сословий.

Василий Никитич Татищев (1686–1750 гг.) был государственным деятелем, организатором горного дела на Урале, географом, историком, ученым, внесшим значительный вклад в развитие отечественной науки.

Татищев – сторонник теории естественного права, просвещения и развития науки. Вместе с тем он отрицательно отзывался о сочинениях Макиавелли, Гоббса, Локка, содержащих мысли, «более вредительные, нежели полезные».

Естественное состояние, по Татищеву, – это состояние «вольности»; по природе человеку нужна и полезна лишь воля, «с разумом и рассуждением употребляемая». Поскольку человек не может обойтись без других людей, он вынужден подчиняться внешним ограничениям: «Воле человека положена узда неволи для его же пользы». Эти ограничения (узды неволи) бывают трех видов: «по природе (власть родителей), по договору (отношения найма между хозяином и слугой), по принуждению (рабство или невольничество). Первые две узды имеют отношение к происхождению и сущности государств: власть монарха подобна родительской (природной), «общенародия или республики» основаны на договоре.

Формы правления зависят от ряда объективных условий, к которым относятся местоположение, размер территории и состояние населения.

Демократия – «общенародие» – осуществима только в государственном городе или в маленькой области, где могут быстро собраться все домохозяева, «а в великой области уже весьма неудобна». «Голландия, Швейцария, Генуя изрядно правятся демократией и называются республиками».

Представительную систему Татищев считал признаком аристократии (правление избранных – по избранию или по положению). Аристократия применима и полезна в областях (странах), состоящих из нескольких городов, защищенных от неприятельских нападений (на островах и пр.), особенно у просвещенного народа, привыкшего к соблюдению законов без принуждения и жестокого страха. Примером аристократии Татищев считал Венецию, а также Швецию и Англию, государственный строй которых, однако, считал смешением монархии, демократии, аристократии.

Россия, Франция, Дания, Испания и некоторые другие страны, «яко великие государства, не могут иначе правиться, как самовластием».

Произвольно избранная форма правления не будет прочной; неизбежны смуты, нашествия, перевороты, в результате которых государ-

ство либо будет разрушено или порабощено, либо примет свою естественную форму.

Защита и обстоятельное обоснование самодержавия в концепции Татищева соединялись с мечтой о внедрении в систему органов власти чего-то вроде представительных дворянских учреждений. Он активно участвовал в разработке одного из проектов создания при императрице Анне Ивановне дворянских по составу представительных «правительств», участвующих в подготовке законопроектов, назначении высших должностных лиц, в повседневном контроле за деятельностью высших органов управления.

Как и другие представители школы естественного права, Татищев различает естественные и гражданские (положительные) законы. Законы положительные основаны «на соображениях политической мудрости», устанавливаются «по произволению каждого народа». Если естественные законы определяют, что «право и неправо», то политика судит о том, что полезно или вредно. Естественное право рассуждает об отдельном человеке, политика – об обществе в целом. Естественные законы едины и всеобщы, гражданские законы различны вплоть до того, что по положительным законам разных народов «часто приходится тако, что один за доброту, другой за зло почитает».

Много внимания Татищев уделял обоснованию сословной структуры, положению основных классов-сословий феодальной России. Для Татищева сословное деление обусловлено исторически сложившимся разделением труда, предопределившим правовое положение каждого из сословий.

Оправдание привилегий дворянства – в государственной службе: «Шляхетство в государствах почитается за природное войско, которых должность от самого возраста до старости государю и государству, не щадя здоровья и живота своего, служить». Татищев – сторонник сохранения порядка (табель о рангах), при котором дворянство пополняется заслуженными выходцами из других сословий: «Чтобы всякий солдат о том мыслил и прилежал, чтоб в обер- и штаб-офицеры дослужиться».

Главными показателями государственной мощи Татищев считал «многолюдство и богатство», «а богатству корень – купечество и рукоделие». Купечество должно быть поставлено в государстве на почетное место: оно подобно сердцу в человеческом теле. «Когда купечество богато, то все государство богато, сильно и почтенно». Торговля умножается, писал Татищев, «наипаче через вольность купечества». Но это суждение Татищева ориентировано более на страны Запада; в России он считал необходимым и полезным административное вмешательство в промышленность и торговлю, государственный контроль за

качеством товаров, жесткую регламентацию предпринимательской деятельности.

Камнем преткновения для теории Татищева явилось крепостничество. Рабство или невольничество (третий вид узды неволи) Татищев признавал противоестественным, противоречащим природе человека, естественному праву защищаться и обороняться от насильственного порабощения. Введение крепостного права было ошибкой Бориса Годунова, считал Татищев. «До царства Борисова в Руси крестьянство было все вольное, но он слуг, холопей и крестьян сделал крепостными». Это нарушение древних обычаев вызвало большие смуты – сначала взволновались крестьяне, а затем, когда цари попытались вернуть крестьянам свободу, возмутились дворяне.

«Вольность крестьян и холопов... во всех европейских государствах узаконена, – писал Татищев, – и многую в себе государствам пользу заключает». Она была бы полезна и в России – крестьяне не разорялись бы «беспутными отчинниками», не было бы побегов, тяжб, судов, коварств, государство имело бы больше «добрых, верных и способных слугителей».

Осудив крепостное право, Татищев выдвинул против его отмены ряд доводов. Он утверждал, что освобождение крестьян породило бы «смтение, распри, коварства и обиды» и потому опасно, «дабы ища в том пользы, большего вреда не принести». Кроме того, вольность крестьянства, писал Татищев, «с нашею формою правления монаршего не согласуется), и вкоренившийся обычай неволи переменить небезопасно».

Практически отношение Татищева как идеолога дворянства к крепостному праву наиболее ярко выражено в его «Кратких экономических до деревни следующих записках» (1742 г.). Это нечто вроде инструкции, адресованной помещикам, с практическими рекомендациями по ведению сельского хозяйства и ремесел в деревнях. «Записки» Татищева предусматривают неустанный и тотальный надзор помещика, приказчиков, старост над крестьянином, строгие меры внеэкономического принуждения крестьян.

Помещики должны следить и за тем, как крестьяне работают на себя, «принуждать крестьян» делать свою работу, а то они, пояснял Татищев, «от лени в великую нищету приходят, а после приносят на судьбу жалобу». Летом заставлять работать ночью: «А в сие жаркое время (суток) отнюдь не работать, ибо как людям, так и лошадям оное весьма вредно». Помещик должен зимой проверять, как крестьяне занимаются ремеслом, «понеже от праздности крестьяне не токмо в болезнь приходят, но и вовсе умирают, спят довольно, едят много, а не имеют моциону». «Под жестоким наказанием» запрещались драки, кумовство, продажа излишка продуктов вне деревни без разрешения

помещика. В каждом селе должны быть построены богадельни, бани, школы, тюрьмы. В школах принудительно обучаются грамоте дети от 5 до 10 лет, «чрез что оные придут в познание закона», с 10 до 15 лет подростки обучаются ремеслам, чтобы не сидели без дела зимой.

Татищев разделял убеждение своего века о всесии просвещения, законов, разумного правительства. Исходя из мысли, что народ недостаточно просвещен, Татищев и предлагал определить законами, инструкциями, предписаниями все, что представляет интерес для государства. Жесткая регламентация труда и быта крепостных, сверх того, должна была компенсировать внеэкономическим принуждением отсутствие стимула к труду. Строгий режим предпринимательской деятельности, государственный контроль за качеством продукции были направлены против мошеннических проделок предпринимателей и торговцев.

Татищев неоднократно выступал за обновление законодательства, за тщательную подготовку проектов законов – «лучше оное прежде издания рассматривать, нежели издав, переменять, что с честью монарха не согласует».

Закон, писал Татищев, должен соответствовать таким требованиям:

- 1) изложение содержания закона языком, «которым большая часть общенароден говорит и суще самым просторечием», «чтобы никаких иноязычных слов не было», «всякий закон что короче, то внятнее»;
- 2) выполнимость законов; требование включает и недопустимость чрезмерных угроз наказаниями: «неумеренные казни разрушают тем закон, что от сожаления принуждены будут наказание уменьшать»;
- 3) согласованность законов, непротиворечивость законодательства;
- 4) своевременное и широкое объявление закона, «ибо кто, не зная закона, преступит, тот по закону оному осужден быть не может»;
- 5) сохранение обычаев древних, если они не противоречат общей пользе.

Видным идеологом ограничения царского самодержавия был князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790 гг.), участник Уложенной комиссии Екатерины II. В своих исторических и публицистических произведениях он выступал с критикой абсолютной монархии с позиций родовитой аристократии. В эссе «О повреждении нравов в России» Щербатов осуждал царивший в стране бюрократизм, произвол и деспотизм властей. Он являлся сторонником ограничения монаршего произвола «основательными законами».

Князь Щербатов высмеивал новомодные идеи эгалитаризма; он писал, что общественное неравенство связано с естественным неравенством людей. В процессе формирования государства «люди свою вольность уступили для общей пользы». Образование государства

Щербатов рассматривал как заключение договора между народом и правителем. В давние времена этот общественный договор в России соблюдался, ныне же – нет. Единственную политическую силу, способную дать отпор деспотизму верховной власти, Щербатов видел в дворянстве. Дворяне являются благородными людьми, от природы наделенными способностью управлять. Поэтому это сословие в лице собрания представителей должно обладать в государстве законодательной властью.

В произведении «Путешествие в землю Офирскую» Щербатов описал свой проект идеального общества. Вымышленное им Офирское государство опирается на тщательно зафиксированную сословную иерархию. На верхушке ее стоит дворянство, обладающее монопольным правом состоять на государственной службе и в награду за нее владеющее имениями с крепостными крестьянами. Во главе державы стоит император, власть которого ограничена дворянским собранием и законами, издаваемыми последним. Это «первый среди равных». За нарушение законов монарх подлежит наказанию. При императоре состоит Верховный совет из представителей знати, который коллегиально решает важнейшие государственные дела. По мысли Щербатова, только через 30 лет после смерти императора происходит обсуждение и оценка его роли в истории.

Что касается крепостничества, то Щербатов описывал его благодать для самих же крестьян, которые в вольном состоянии предадутся лени и порокам. Поэтому лучше оставить их «в том состоянии, в каком они пребывают в течение нескольких столетий». Лишь в далеком будущем возможно будет освобождение крестьян. Щербатов отрицательно относился к просвещению народа, которое, по его мнению, ведет к духу неповиновения;

В середине XVIII в. в России сформировалась идеология Просвещения, характер которой определялся условиями экономического, социального и политического развития страны. Просветители критиковали произвол крепостников-помещиков, отмечая при этом общую бесперспективность крепостного права с точки зрения возможностей дальнейшего экономического и промышленного развития России. Они обращали внимание русского общества на необходимость отмены крепостного права, а также ограничения власти абсолютного монарха законом и определенными формами представительства, способного выражать общественное мнение.

Реализацию этих идей они связывали с распространением просвещения, полагая, что просвещенный монарх (в частности, Екатерина II) и просвещенное общественное мнение способны направить страну по пути социальных и политических реформ, столь необходимых России.

Наиболее полное выражение взгляды Просветительства как направления политической мысли получили в произведениях С. Е. Десницкого.

С. Е. Десницкий (1740–1789 гг.) происходил из мещан украинского г. Нежина. Он закончил духовную семинарию Троице-Сергиевой лавры, затем Петербургскую академию и в числе других учеников был направлен для продолжения образования в Англию в Глазговский университет. Здесь он защитил диссертацию по римскому праву, получив ученую степень доктора права. Возвратившись в Россию, Десницкий становится профессором юридического факультета Московского университета, где впервые на русском языке читает лекции по праву. В этот период своей деятельности он написал ряд статей и докладов, в которых изложил радикальные предложения по проблемам политико-юридических преобразований в государстве.

Теоретические положения своей доктрины он часто аргументировал ссылками на труды Дж. Локка, Т. Гоббса, Ш. Монтескье, А. Смита и др.

В размышлениях о причинах происхождения государства Десницкий не придерживался договорной теории. Он высказал предположение о прохождении человечеством исторически последовательных «состояний», хронологически сменяющих друг друга. Первым из них была охота (ловля зверей и собирательство дикорастущих плодов); вторым – скотоводство и пастушество; третьим – «хлебопашественное состояние» и последним, четвертым, – «коммерческое». В первых двух главенствует коллективное владение вещами, обусловленное несовершенством трудового процесса и отсутствием условий хранения продуктов. В «хлебопашественном состоянии» появляются жилища, каждый начинает обрабатывать землю, у людей возникает желание получить все это «во всегдашнее право собственности». Таким образом, у Десницкого право частной собственности, как и у Дж. Локка, складывается в результате трудовых затрат. Причины неравенства Десницкий, как и Дж. Локк, усматривал в различных физических качествах человека, его трудолюбии и умении накапливать.

Государство, по мнению Десницкого, возникает только в коммерческом состоянии. Ранние «первозникающие государства», соответствовавшие «хлебопашественному состоянию», государствами в собственном смысле не были, поскольку они не имели ни права, ни средств для его реализации. Однако Десницкий высказал предположение, что власть в обществе с самого начала его образования сосредоточилась в руках тех, кто обладал богатством.

Цель государства он усматривал в достижении наибольшего количества благ наибольшим числом людей.

Лучшей формой организации власти Десницкий считал конституционную «монархию».

Законодательная власть, по его проекту, осуществляется монархом совместно с однопалатным органом – Сенатом, состоящим из 600–800 депутатов. Он «никаких узаконений без изволения и приказа монархов в России не предпринимать, не делать» не должен. Сенату также вручается еще и высшая судебная власть.

В Сенат могли быть избраны депутаты от всех сословий: помещиков, купцов, ремесленников, духовенства и интеллигенции («училищных») по избирательному праву с умеренным цензом. Депутаты избираются на пять лет и могут быть в дальнейшем переизбраны, но не более чем на три срока. Сенаторы из своего состава избирают ежегодно президента, который и представляет монарху все дела, требующие решения. Все сенаторы равноправны независимо от их сословной принадлежности.

Для заседаний Сената и «жилья» сенаторов Десницкий рекомендует «построить в Москве и Санкт-Петербурге особливые здания».

В предложениях по учреждению судебной власти Десницкий разработал ряд положений конституционного характера. Он считал необходимым полное отделение судопроизводства от администрации, введение равного для всех сословий суда присяжных, установление гласности и непрерывности процесса, предоставления обвиняемому права на защиту.

Низшая судебная инстанция определена в проекте Десницкого в виде всесословного судебного органа при местной административной власти. Таким образом, здесь он проявил определенную непоследовательность, не доведя до конца осуществление принципа независимости суда.

Исполнительная власть у него осуществляется монархом, обладающим правом отлагательного вето, и высшими органами управления – коллегиями, имеющими двойное подчинение: монарху и Сенату.

У Десницкого, есть еще и наказательная власть, которая вручена воеводам в губерниях и провинциях. Они назначаются непосредственно монархом, но в своей деятельности подотчетны губернскому суду, который принимает жалобы на действия воевод и публично их рассматривает.

В дополнение к наказательной власти Десницкий присовокупляет еще и гражданскую власть, которой он наделяет выборные органы местного самоуправления. Компетенция всех пяти властей должна быть строго определена законом, с тем «чтоб одна власть не входила из своего предела в другую».

К крепостному праву Десницкий относился отрицательно, усматривая в нем основное препятствие для развития промышленности и земледелия. Он предлагал осуществить целый ряд мероприятий, главным из которых являлось предоставление крестьянам права собствен-

ности на обрабатываемую землю и орудия труда. При этом, по его мнению, необходимо принять законы, запрещающие продажу крестьян без земли.

В правовой сфере Десницкий также разработал ряд институтов. Он предложил деление права на государственное, гражданское, уголовное и судебное.

В области судопроизводства Десницкий настаивал на введении демократических принципов: равенства всех перед законом, равного наказания за совершение одинаковых преступлений, соразмерности тяжести наказания характеру и составу преступления и т. д. При этом он считал необходимым пересмотреть существующую классификацию преступлений по видам, поставив на первое место преступления против личности и частной собственности. «Самыми первыми и святейшими законами» должны быть те, «которыми защищаются наше здоровье и жизнь. Вторыми... те, которые берегут нашу собственность и владение...».

Применение смертной казни он считал допустимым только в двух случаях: умышленное убийство и измена родине, но возражал против «мучительских» способов ее исполнения, а также применения позорящих наказаний.

В вопросах внешней политики он придерживался мирной ориентации, полагая, что все державы обязаны развивать между собой дружественные торговые отношения, которые будут препятствовать войнам. Десницкий признавал и считал священным долгом каждого подданного защиту своего отечества. Одновременно он предупреждал о том, что содержание большой армии дорого и опасно. «В государствах, в которых одна военная сила и военное чиновничество, свободные науки и искусства не процветают».

Он выступал за равное отношение ко всем народам, населяющим Россию. «Российская монархия, – писал он, – самоеда приглашает быть участником законодательной власти».

В целом просветительская доктрина Десницкого была направлена не на утверждение «просвещенного абсолютизма», а на создание конституционного варианта монархического правления в России.

Другой представитель Просвещения – Яков Павлович Козельский (1729–1795 гг.), переводчик и государственный чиновник. Он также участвовал в деятельности Уложенной комиссии. Основной труд Козельского – «Философические предложения» сконцентрированы на критике богословского мировоззрения. До настоящего времени соответствие двух Я. П. Козельских – участника Уложенной комиссии и автора указанного труда – спорно.

Сущность и происхождение государства Козельский рассматривал с позиций школы естественного права. Он отдавал предпочтение рес-

публиканскому устройству (в качестве примера он называл Голландию). Республика в большей степени соответствует идее общей пользы. Вместе с тем надежды на преобразование общества Козельский связывал с сознательными действиями правителя – просвещенного монарха: «правители станут философствовать или философы управлять». Он выделял право божественное, натуральное (естественное), всемирное (международное), гражданское (государственное законодательство). Если законы не соответствуют первым трем видам права, то «они не могут быть справедливы».

Согласно Козельскому, в будущем справедливом обществе необходимо будет «изгнать» роскошь, отменить крепостничество и все словесные ограничения, ограничить работу 8 часами в сутки. Частную собственность мыслитель предлагал ограничить, упразднив таким образом общественное неравенство. На заседании Уложенной комиссии он предложил разделить все земли между крестьянскими хозяйствами на правах узуфрукта (пользования чужой собственностью). При этом крестьяне должны будут выплачивать помещикам оброк или нести барщину. Для контроля за отношениями между помещиками и крестьянами надо учредить министерство земледелия.

Александр Николаевич Радищев (1749–1802 гг.) – автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой осуждал государственный и общественный строй своего времени. За это он был приговорен к смертной казни, которую Екатерина II заменила ему десятилетней ссылкой. В отличие от представителей российского Просвещения Радищев отрицательно относился к идее «просвещенного абсолютизма»: «Просвещенных монархов нет и не будет». Любая монархия представляет собой деспотию, «самодержавие есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние».

Естественное состояние он рассматривал как идеал в истории человечества, когда не было частной собственности, а в отношениях между людьми царили равноправие и нравственность. В эту эпоху люди были способны отличать справедливое от несправедливого; они следовали принципу «не делай того другому, чего не хочешь, чтобы тебе случилось». Основным образующим государство фактором Радищев вслед за Руссо признавал собственность. Государство было образовано путем молчаливого соглашения в целях защиты слабых и угнетенных от произвола сильных. Поэтому сувереном в государстве является вся совокупность граждан, а законодательство есть «извет общей воли». Радищев признавал право народа на сопротивление власти, нарушающей условия общественного договора: «Неправосудие государя дает народу, его судье, то же и более над ним право, какое дает ему закон над преступниками». Много внимания Радищев уделил критике кре-

постного права, «зверского обычая», который к тому же противоречит естественному и позитивному праву. Люди, бывшие равными в естественном состоянии, должны обладать одинаковыми правами и после заключения общественного договора. Поэтому «крепостничество нецелесообразно в экономическом плане, ибо в этом случае крестьяне не заинтересованы в работе: «Нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан».

Переход от деспотии к справедливому общественному строю Радищев связывал с народной революцией: «Из мучительства неминуемо рождается вольность, а мучительство достигло в России крайнего предела». Русский мыслитель оправдывал царевубийство как средство наказания за нарушение естественных прав народа. В обществе будущего исчезнет социальное неравенство, сословные границы, крупная земельная собственность. Утвердится принцип «равной зависимости всех граждан от закона», народу будут обеспечены естественные права: свобода мысли, слова, право на защиту, право собственности.

Политическим идеалом Радищев называл демократическую республику, в которой «на вече весь течет народ» (Новгородская республика в Средние века, в которой «народ был истинный государь»). Обширные российские просторы следует организовать в федерацию свободных городов с центром в Нижнем Новгороде. Высшим государственным органом должен стать народный Собор, контролирующий действия правительства. Правосудие будет основано на сети духовных, гражданских, военных и совестных судов. Радищев считал необходимым общее смягчение системы наказаний, поскольку «жестокость и уродование не достигают в наказаниях цели». Смертную казнь следует отменить.

Тема 16. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В США В XVIII–XIX вв.

1. Социально-политические идеи в североамериканских колониях Англии.
2. Политико-правовые взгляды представителей демократического направления борцов за независимость США (Б. Франклин, Т. Пейн, Т. Джефферсон).
3. Федерализм А. Гамильтона.
4. Идея равновесия интересов в политической теории Дж. Адамса.
5. Политико-правовое учение Дж. Мэдисона.
6. Политические идеи Дж. Калхуна.
7. Учение Холмса о праве.

США как независимое государство возникло в результате освободительной войны 1775–1783 гг. английских колонистов против метрополии.

Активное развитие борьбы против колониального господства Англии относится к 60-м гг. XVIII в., когда вопрос об отделении от метрополии еще не ставился. Колонисты ограничивались тогда требованиями уравнивания политико-правового режима в колониях с режимом, существовавшим в Англии, в том числе представительства колонистов в английском парламенте и отмены несправедливого налогообложения. Эти требования теоретически обосновывались принципами английского общего права и конституционности, оформившейся с завершением английской революции. С 70-х гг. требования колонистов радикализируются и в обоснование их берется естественно-правовая доктрина, разработанная к тому времени в Западной Европе.

В работе I Континентального конгресса (1774 г.) сохраняются еще оба идейных направления – в принятой конгрессом Декларации прав источниками права колонистов объявлялись «законы природы, британские конституционные установления и колониальные хартии». Конгресс провозгласил, что колонисты обладают естественными правами на жизнь, свободу и собственность, всеми правами жителей метрополии и всеми правами, содержащимися в колониальных хартиях, что «права и свободы американских поселенцев не могут быть отняты у них или ограничены какой-либо властью без согласия самих колонистов».

Решающее воздействие на формирование политической и правовой мысли в колониях оказала естественно-правовая теория в трактовках Гоббса, Мильтона, Локка, Вольтера, Монтескье, Руссо.

Наиболее крупными представителями политической и правовой идеологии США этого времени были активные участники освободительного движения в колониях и Войны за независимость Томас Пейн, Томас Джефферсон и Александр Гамильтон. По направленности своих политических и правовых взглядов они принадлежали к различным течениям.

Идеи Т. Пейна и Т. Джефферсона были особенно близки широким народным массам и легли в основу Декларации независимости 1776 г., сыгравшей важную роль в объединении колонистов в борьбе против английских колонизаторов. А. Гамильтон выражал интересы финансовой и торгово-промышленной буржуазии, плантаторов, настроенных достаточно умеренно. Поскольку плодами победы в Войне за независимость воспользовались прежде всего они, его взгляды и оказали решающее влияние на Конституцию США (1787 г.), в которой из идейного багажа Декларации независимости остались практически только

идеи народного суверенитета и свободы, упомянутые в преамбуле Конституции.

Война за независимость североамериканских колоний Англии (1775–1783 гг.) привела к образованию нового государства – Соединенных Штатов Америки. Борцы за независимость были представлены двумя направлениями – демократическим и умеренным.

Представителем первого из них был издатель по профессии, винный ученый-естествоиспытатель Бенджамин Франклин (1706–1790 гг.). Будучи посланником американской нации в европейских странах, Франклин отстаивал там идеи народного суверенитета. Он писал, что управление американскими колониями было основано на договоре поселенцев с королем. Поскольку королевское правительство нарушает условия негласного соглашения, жителям Америки следует отказать ему в повиновении. При этом полнотой законодательной и распорядительной власти в колониях должны обладать только их жители (через ассамблеи и выборных должностных лиц). В периодическом сборнике «Альманах простака Ричарда» Франклин в доступной для простого народа форме излагал свои взгляды на общественное устройство. По его мнению, идея естественной справедливости не включает в себя частной собственности. Последняя сформировалась исторически как продукт развития человеческого общества. Поэтому «общество имеет право на ограничение ее количества и способов использования». Франклин придерживался аграрного варианта Дальнейшего развития Америки, когда «большинство людей обрабатывает собственные земельные участки».

Активным участником Войны за независимость США и Великой Французской революции был Томас Пейн (1737–1809 гг.). В памфлете «Здравый смысл» он впервые призвал жителей колоний не просто к борьбе за расширение прав самоуправления, а к достижению независимости от Англии. В этом сочинении Пейн даже предложил название для государства колонистов – «Соединенные Штаты Америки». Государство создается людьми в результате общественного договора. Отсюда Пейн делал вывод о праве народа изменять государственный строй, в том числе путем восстаний и революций. Он критиковал английскую конституцию и государственный строй, который в действительности не предполагает освобождения от тиранического господства монарха и аристократии. Среди форм государства мыслитель выделял «старые» (монархии) и «новые» (республики). Подлинной власти всего народа можно достичь исключительно в республике. В памфлете «Права человека» Пейн разграничил неотчуждаемые и неотчуждаемые права. К последним он отнес свободу совести, вероисповедания, слова. Поскольку рабство противоречит естественному равенству, оно под-

лежит отмене. С демократических позиций Пейн критиковал Конституцию США 1787 г. Он считал, что коллективный глава государства лучше единоличного, а двухпалатный парламент нарушает «чистую демократию».

Плантатор Томас Джефферсон (1743–1826 гг.) играл видную роль в борьбе колоний за отделение от Англии; он был избран третьим президентом США. Джефферсон является автором Декларации независимости США 1776 г. В своем проекте, принятом практически без изменений, он исходил из естественного равенства всех людей: «Все люди сотворены равными и наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди которых – право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Правительство создается людьми для охраны своих естественных прав, и его власть основывается на согласии народа повиноваться властям. Развивая идею народного суверенитета, Джефферсон поддерживал право народа на свержение деспотического правительства. Он писал: «Мир должен принадлежать живущему поколению». Это значит, что каждое поколение имеет право менять конституцию сообразно с изменившимися условиями жизни. Джефферсон опасался усиления центральной власти федерального правительства США, что может привести к ограничению прав граждан. «Правительство становится хорошим не в результате консолидации или концентрации власти, а в результате ее распределения»; «Лучшее правительство то, которое правит меньше», – писал он. Большое значение в функционировании общества Джефферсон придавал признанию государством естественных прав личности. Поэтому он выступал за включение в конституцию Билля о правах, что было сделано в 1791 г. (практическую работу по формулированию этого документа осуществил Дж. Мэдисон).

Подобно Франклину, Джефферсон был сторонником аграрного пути развития страны. Богатства крупных плантаторов необходимо ограничить и, напротив, следует поощрять создание средних фермерских хозяйств. Это позволит избавиться от нищеты, характерной для крупных городов, и обеспечит подлинно демократическое устройство: «Земледельцы являются самыми ценными гражданами. Они связаны со своей страной самыми прочными узами и, как никто, преданы ее свободе и интересам».

Умеренное крыло участников войны за независимость США дало начало политическому течению федералистов. Название ему было дано по серии статей (всего 85) под общим названием «Федералист», в которых А. Гамильтон, Дж. Мэдисон и Дж. Джей обосновывали значение Конституции США 1787 г. Федералисты критиковали конфедеративное устройство североамериканских штатов (в 1781–87 гг.) за

«анархию». Они являлись сторонниками усиления центральной власти и теории разделения властей. Впоследствии сторонники Гамильтона сформировали политическую партию федералистов, выступавшую за укрепление государственной власти и усиление централизаторских тенденций.

Главным инициатором Конституции 1787 г. был видный политический деятель Александр Гамильтон (1757–1804 гг.), автор большей части статей в «Федералисте». Свою политическую теорию он строил на признании порочности человеческой природы, в первую очередь, стремящейся к удовлетворению собственных эгоистичных интересов. «Люди всегда будут преследовать свои собственные интересы», направить которые к общему благу сможет только сильное правительство. Поэтому Гамильтон одним из первых стал подчеркивать единство частных интересов тринадцати американских штатов, должных объединиться в подлинно единое государство: «Национальная власть должна поглотить полномочия штатов, иначе они поглотят ее». Нарушения прав отдельных штатов поможет избежать федеративное устройство страны: «такое распределение суверенной власти, которое сделает фактически невозможным возвышение одной части над другими или объединение целого для какого-либо проекта узурпации».

В своем конституционном проекте Гамильтон ориентировался на Англию. Хотя его предложение об учреждении в Америке монархии не было принято, в Конституции США нашли отражение идеи о сильной власти президента. Американский политик писал об опасности «узурпации всей власти законодательными органами». Поэтому глава исполнительной власти – президент – должен получить широкие полномочия, в том числе контроль за законодательной властью. «Правительство должно располагать всей полнотой власти для решения задач, порученных его заботам. Оно должно быть свободным от любого другого контроля, за исключением уважения общественного блага и мнения народа», – писал Гамильтон в «Федералисте». Американский мыслитель полагал, что право собственности обуславливает неизбежное деление общества на два класса. Он выступал за предоставление власти в руки богатой элиты, поскольку она ничего не выиграет от перемен в государственном устройстве и «сдержит неустойчивость другого класса» – бедняков. Орудием правящего класса будет Сенат – верхняя палата парламента. Напротив, простой народ должен иметь минимум возможностей для реального участия политике.

Гамильтон высоко ставил интересы государства, соответственно которым он определял потребности общества. Будучи министром финансов, он выступал за активную роль правительства в развитии национальной экономики, прежде всего – промышленности и торговли. «Не только богатство, но сами независимость и безопасность страны

непосредственно связаны с процветанием мануфактур», – писал он. Поэтому Гамильтон лоббировал установление протекционистских Таможенных тарифов, выдачу государственных субсидий промышленникам. В национальной экономике он отдавал приоритет крупному капиталу. Эти меры способствовали индустриализации страны и росту ее экономической самостоятельности на мировом рынке. Вместе с тем, Гамильтон являлся приверженцем «активной коммерции» американцев, т. е. свободы предпринимательства. Задачей государства является только поощрение рыночных отношений, а также ограждение национальной промышленности от конкуренции извне.

Представителем партии федералистов был Джон Адамс (1735–1826 гг.) – второй президент США. В книгах «В защиту конституции правительственной власти в США» и «Рассуждения о Давиле» он научно обосновал преимущества системы разделения в государстве трех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. Адамс утверждал, что каждое общество неизбежно разделяется на две противоборствующие части – привилегированное меньшинство и большинство, лишенное привилегий. При этом у власти в любом обществе находится именно привилегированная часть, концентрирующая в своих руках также и экономические ресурсы. Господствующий слой Америки Адамс называл «естественной аристократией», подчеркивая то, что ее власть опирается, в первую очередь, на личные качества и способности. Исходя из этого, писал он, предположение о естественных общечеловеческих правах будет бессмысленным. Любые права либо завоевываются силой, либо приобретаются с помощью собственности. Отказ общества от власти аристократического меньшинства приведет к дезинтеграции или тирании.

Отсюда задачей правительства является поддержание в обществе равновесия – баланса сил и интересов меньшинства и большинства. «Конституция должна столь же действенно оберегать богатых от ограбления, обкрадывания и убийства, как и бедных», – писал Адамс. Одним из средств выполнения этой цели является верховенство закона – «правление законов, а не мужей». Оно будет способствовать поддержанию формального равенства всех граждан через защиту их права на жизнь, свободу и собственность. Другое средство – система разделения ветвей власти, основанная на взаимных «сдержках и противовесах». Так, если верхняя палата парламента выражает аристократическое начало, то нижняя – демократическое. Адамс был среди тех, кто яростно осуждал слабость первоначального конфедеративного устройства страны. Он выступал за максимально возможное усиление исполнительной власти и ее главы – президента, который несет личную ответственность за общественную безопасность. По его мнению, сильная

центральная власть лучше отвечает объективным характеристикам Американского государства: «По мере роста нашего населения и богатства должна пропорционально укрепляться и сила государства».

Другой автор статей в «Федералисте» – Джеймс Мэдисон (1751–1836 гг.), четвертый президент США, называемый «философом американской конституции». Довольно быстро он разошелся во взглядах с А. Гамильтоном и примкнул к партии сторонников более демократичного режима и меньшего государственного вмешательства. В работе «О недостатках политической системы США» Мэдисон утверждал, что «все цивилизованные общества разделяются на различные интересы и фракции» (неправомерные коалиции), которые он сводил к экономической элите и бедным низам. «Наиболее общим и неуничтожимым источником разделения общества на фракции является неравное распределение собственности», – писал он. Столкновение интересов этих «фракций» неизбежно, и для предотвращения конфликтов обществу необходимо государство. Идеалом Мэдисона была такая политическая система, которая обеспечит баланс максимального количества взаимно противостоящих частных или групповых интересов. Их урегулирование с помощью законодательства мыслитель относил к главной задаче государства. В целях предотвращения насильственной ломки политической системы, к чему неизбежно стремится обездоленное большинство, необходимо ограничить возможности «чистой демократии», разлагающего «духа равенства». Средствами для этого являются, во-первых, большие размеры республики и большее число граждан, во-вторых, представительная система, когда небольшое число выборных представителей управляют страной в интересах всей массы граждан.

Мэдисон писал, что для предотвращения чрезмерной концентрации власти в одних руках мало одного признания суверенитета народа. Поэтому он активно выступал за установление в конституционном устройстве США системы разделения властей (законодательной, исполнительной, судебной). Для этого надо разделить государственную систему на части, «создав такую внутреннюю структуру правления, чтобы составляющие ее части сами стали средством удерживать каждую на отведенном ей месте». При этом орган законодательной власти следует разделить на две палаты (Сенат и Палата представителей), что послужит дополнительным элементом конструкции взаимных сдержек и противовесов.

В противоположность Ш. Л. Монтескье, Мэдисон утверждал, что чем больше размеры республики, тем более она будет устойчивой. Однако, стабильность республиканского строя основывается на принципе федерализма – распределении полномочий между штатами и

национальным центром. Это система местного представительства и самоуправления, которая позволит избежать недопустимого сужения круга тех, кто имеет политическое влияние: «Появится большее разнообразие партий и интересов; значительно уменьшится вероятность того, что у большинства возникнет общий повод покушаться на права остальных граждан, а если таковой наличествует, всем, кто его признает, будет труднее объединить свои силы и действовать заодно». Таким образом, наряду с разделением трех ветвей власти федеральное устройство рассматривалось Мэдисоном как одно из средств, гарантирующих свободу граждан.

В 30–50-е гг. XIX в. в Соединенных Штатах Америки важнейшим фактором раскола в обществе стало отношение к рабовладению, распространённому на юге страны. Среди идеологов рабовладельческой системы выделяется видный политик Джон Кэдвелл Кэлхун (Калхаун) (1782–1850 гг.), одно время занимавший пост вице-президента США. Его главный труд – «Рассуждения о конституции и управлении Соединенными Штатами». Кэлхун возводил свои взгляды к идеям Джефферсона. Он видел опасность в растущем расхождении промышленного севера США и аграрного рабовладельческого юга. С целью прекращения их противостояния Кэлхун предлагал максимально расширить суверенитет штатов, входящих в состав США. Суверенные права отдельных штатов он трактовал как право каждого из них на выход из Союза, как право на неподчинение решениям федерального центра. Он говорил: «Наши благословенные свободы всегда превыше федерального Союза». Поэтому Конституцию Кэлхун понимал как свод ограниченных полномочий центрального правительства. При этом большая часть властных prerogatives должна быть передана руководству штатов. Сам Кэлхун разработал процедуру сопротивления штата решениям федерального Конгресса и выхода его из Союза. Во всяком случае, США должны иметь двух президентов, которые бы представляли два региона страны – север и юг.

Защита Кэлхуном рабства основывалась на значимости этого явления для экономики рабовладельческого юга. Поэтому моральные критерии для оценки рабства не являются определяющими; оно должно быть сохранено с позиций прагматизма. Кроме того, рабство не так плохо для рабов, как это утверждают аболиционисты (сторонники отмены рабовладения). Кэлхун писал: «Каждая плантация образует небольшую общину, возглавляемую хозяином, сочетающим в себе объединенные интересы капитала и труда, общим представителем которых он является». Таким образом, отношения черных рабов с их белыми хозяевами поднимают первых до уровня вторых в моральном и ин-

теллектуальном отношении. Если рабовладельческое хозяйство представляло для Кэлхуна, скорее, добро, то промышленный север США – несомненное зло. Это так, поскольку капиталистическое общество делится на классы, а классовая эксплуатация является самой жестокой формой подчинения человека человеку. В капиталистическом обществе постоянно и непрерывно углубляется пропасть между работодателями и эксплуатируемым народом. При рабовладении, напротив, разрыв между рабами и хозяевами постоянно уменьшается.

Член Верховного суда США, автор книги «Общее право», Оливер Венделл Холмс (1841–1935 гг.) на своем посту развивал идеи Дж. Маршалла о превосходстве расширительного толкования Конституции США над буквальным. Он писал, что Конституция должна рассматриваться «в свете нашего опыта, а не только в контексте того, что было сказано сто лет назад». Поэтому с его именем связывают прагматичное направление в понимании права. Холмс исходил из того, что абстрактные идеи мало применимы к конкретным реалиям. «Жизнь права не имеет логики; она имеет опыт», – писал он. Это значит, что господствующий в обществе моральный климат, насущные потребности той или иной эпохи даже предрассудки судьи в большей степени влияют на право, чем сухие абстрактные юридические нормы. Холмс писал: «Что касается сути закона, то она в любой конкретный период времени очень близко соответствует тому, что в то время считается подходящим, но его форма и механизм действия, а также возможности по достижению желаемых результатов в большой степени зависят от его предыстории». Поэтому он стремился возродить значение прецедента и других методов, обеспечивающих расширительное толкование юридических норм.

Холмс внес заметный вклад в область реализации прав личности, основанных на Билле о правах 1791 г. По делу «Шенк против США» он постановил, что ограничение свободы слова является законным только тогда, когда слова создают «явную и непосредственную опасность» общественным интересам. В противном случае государство обязано допускать проявления свободы высказываний, в том числе разоблачительных или критических для него. Добавим, что положение о «явной и непосредственной опасности» в последующем толковалось судами расширительно, нередко на практике ограничивая относительно невинные проявления свободы слова.

Тема 17. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ГЕРМАНИИ И АНГЛИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

1. Учение И. Канта о государстве.
2. Вопросы политики и права в философии И. Г. Фихте.
3. Историческая школа права.
4. Г. В. Ф. Гегель о происхождении государства.
5. Традиционализм Э. Бёрка.

Иммануил Кант (1724–1804 гг.) – видный немецкий философ, профессор Кенигсбергского университета. Его произведения, посвященные вопросам права и политики, – «К вечному миру», «Метафизика нравов». Основу кантовской философии составляет учение о непознаваемости человеческим разумом сути вещей и явлений. Знания, получаемые человеком через опыт, всегда будут незавершенными, частичными. Они не дают исчерпывающего представления о предмете. Кант противопоставлял знаниям эмпирическим (получаемым с помощью опыта) знания априорные, «безусловно независимые от всякого опыта».

К априорным знаниям философ относил моральный закон – одинаково присущую всем людям абсолютную ценность. Человеку как существу разумному в практической жизни присуще стремление к моральному закону. Кант фактически отождествлял добрую волю отдельного индивида, следующего моральному закону, и практический разум, ибо «для выведения поступков из законов требуется разум». Общим источником доброй воли являются общие для всех разумных существ принципы – императивы. Существует только один категорический императив, который обязателен при всех условиях. Кант сформулировал его так: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодателя». Таким образом, моральный закон в его практическом воплощении предполагает чувство долга, ответственность индивида.

Право Кант тесно связывал с моралью. Он считал, что право и мораль составляют две части учения о нравах – «метафизики нравов». В их основе лежат одинаковые принципы, основанные, прежде всего, на категорическом императиве. Различие между моралью и правом – в мотивах соблюдения и способах обеспечения. Морали соответствует «самопринуждение», внутреннее убеждение и осознание своего долга, праву же – внешнее принуждение другими людьми или государством. Кроме того, в морали нет системы, право же предполагает наличие публичного законодательства. Философ писал, что оно составляет «основу для возможного разумного законодательства». Кант давал следующее определение права: «Право есть совокупность условий, при ко-

торых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы». Это значит, что свои желания человеку следует согласовывать с интересами других людей и поступать так, чтобы своей свободой не ущемлять их свободы.

Происхождение государства Кант рассматривал в традициях школы общественного договора. Он соглашался с тем, что необеспеченность права в естественном состоянии побудила людей учредить государство посредством заключения договора между собой. Создание государства явилось требованием категорического императива; его цель – осуществление принципа права и морального закона, т. е. обеспечение правопорядка. Кант писал, что сама «природа хочет, чтобы право получило в конце концов верховную власть». Поэтому он дал следующее определение: «Государство – объединение множества людей, подчиненных правовым законам». Главный принцип устройства государственной власти – это разграничение полномочий законодательной и исполнительной властей. При этом законодательная власть должна принадлежать суверену – народу. Кант полагал, что «гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским». Вместе с тем он понимал неосуществимость республиканского идеала и потому поддерживал идею «просвещенного правления», при котором монарх руководствуется общей волей граждан. Представителем народа перед властью при этом являются философы (а не избранные гражданами делегаты).

Кант осуждал «цареубийственные» революции XVII и XVIII вв. Он призывал власти к осуществлению реформ, которые преобразуют деспотизм абсолютных монархий в «правовое гражданское общество». Установление внутреннего правопорядка в дальнейшем приведет к миру во всем мире. Кенигсбергский мыслитель поддержал идею установления «вечного мира», который прекратит «крошечный ад» войн и опустошений. Его проект предусматривал уничтожение «всех имеющих причин будущей войны», постепенный отказ от армий, отказ от насильственного вмешательства в дела другого государства. Вечный мир станет достижим, когда в государствах Земли установится «власть не людей, а законов». Это будет «высшее политическое благо», конечное воплощение морального закона.

Немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814 гг.) – создатель философской теории, в основу которой положен принцип свободы и разумности человека. Социально-политическое учение Фихте разработано в сочинении «Основные черты современной эпохи». Фихте выводил свободу человека не из природы, а из разума. Он полагал, что социальное равенство представляет собой тот идеал, который может помочь людям компенсировать естественное физическое неравен-

ство. Нравственным долгом жизни, согласно Фихте, является достижение единства между фактическим человеком и принципом человеческого бытия: «Человек должен быть тем, что он есть. Он должен определять себя и никогда не позволять себя определять посредством чего-нибудь постороннего». Индивид должен стремиться к свободе, которая заключается в определенной границе действий индивида. Фихте писал, что «должна существовать общность взаимного влияния между свободными существами как таковыми, без ущерба для их свободы». Границы сферы действий каждого устанавливает право. Таким образом, правовая норма – это закон, который гарантирует свободным существам в их взаимодействии свободу деятельности. В первую очередь, речь идет о гарантиях частной собственности.

Необходимые гарантии соблюдения ограниченной таким образом свободы индивида возможны при соблюдении двух условий. Во-первых, должна быть установлена всеобщая власть. Ее публичные полномочия, подкрепленные силой, позволяют каждому отдельному человеку понять нежелательность вмешательства в сферу свободной деятельности других людей. Второе условие – должна существовать воля людей, желающих установить эти гарантии. Поскольку такая воля ориентирована на общую цель, ее можно считать общей волей. Согласно Фихте, власть является легитимной только в том случае, если она основана на этой воле. Отдельные воли граждан вначале трансформируются в «реальное целое», а затем находят внешнее выражение в государстве, его институтах, законодательстве. В свою очередь, идея общей воли дает государственной власти обоснование при осуществлении необходимых действий.

Итак, государство служит защите интересов каждого человека от притязаний другого. Главная цель государства – защита собственности. В этом интересы абсолютно всех граждан совпадают: «Только с этим все согласны, так как во всем остальном их воля партикулярна и речь идет о личных целях». Таким образом, исключительно эгоизм человека и опасение за свою собственность ведут к образованию государства. Последнее посредством законов обеспечивает равные условия для достижения всех остальных устремлений своих граждан, не задевающих общей цели. Итак, общество и государство различаются Фихте относительно идеи свободы индивида.

Если сферой общества являются индивидуальные цели всех составляющих его граждан, то государство, напротив, основано на их единстве. Государству отводится роль внешнего наблюдателя за законностью действий граждан. Законотворчество Фихте связывал со свободой мысли и слова, проявляющейся в области общественного мнения. Когда новый уровень осознания свободы обществом достигнут, государству следует его легализовать в законодательстве. Таким

образом, общество и правовое государство дополняют друг друга. Государство помогает обществу, складывающемуся из разобщенных индивидов, достичь поставленной общей цели.

В сочинении «Замкнутое торговое государство» Фихте воплотил утопический проект, реализация которого силами государства поможет преодолеть кризис современного общества. Практические преобразования в духе этатизма философ предлагал осуществить в Пруссии. Он предусматривал упразднение частной собственности на землю, но сохранение ее в других сферах экономики. Общество должно делиться на сословия, занимающие определенное место в процессе производства и распределения материальных благ. Это «производители» (производят сырье), «мастеровые» (обрабатывают его), «купцы». Кроме того существует слой государственных служащих (включая армию и полицию). Государство определяет численность каждого сословия и при необходимости перераспределяет население между ними. Эти меры позволяют создать самообеспечивающую национальную экономику, независимую от мировой (отсюда – «закрытое» государство). Государство определяет не только экономическую, но и все остальные сферы жизни. Задача такого контроля – обеспечение устойчивости общества, недопущение подрыва его устоев изнутри. Поэтому значительно расширяются полномочия полицейских органов, контролирующих жизнь граждан. Замыкание общества, его отрыв от других государств, предусматривает запрет для граждан отношений с заграницей. Эта мера позволит прекратить экономическую конкуренцию и обеспечит равенство в распределении материальных благ.

Историческая школа права возникла в Германии в конце XVIII в. на основе критики естественно-правовой теории и окончательно сформировалась к середине следующего столетия. Ее основные положения: критика учения о произвольном создании права законодателем, отрицание наличия общих для всех народов норм и законов (включая «естественные права»).

Основоположник исторической школы права – профессор юриспруденции Густав Гуго (1764–1844 гг.). Автор книги «Учебник естественного права», Гуго исходил из несовпадения понятий «право» и «закон». Право формируется исторически, длительно, из обычаев и традиций народа. «Подобно языку и нравам», писал Гуго, оно складывается само по себе, без чьих-либо соглашений и приказов. Нормы права утверждаются постепенно в результате сложившейся практики и не связаны с волей законодателя. Поэтому любой закон хорош, ибо он соответствует сложившимся историческим условиям. Закон может считаться плохим лишь при его неправильном исполнении.

Дальнейшее развитие идеи Гуго получили у Карла Фридриха Савиньи (1779–1861 гг.), автора работы «Система современного римского права». Савиньи отрицал всемогущество законодателей. Он критиковал их деятельность, если она игнорирует историческое прошлое. Савиньи считал, что право, как язык и нравы, определяется своеобразием, свойственным каждому народу. Право – не произвольное установление законодателя, а органический продукт «народного духа». Поэтому наилучшим источником права является не писанный закон, а обычай, национальное сознание, т. е. убеждения, одинаково присущие всему народу: «Живущее в народе право есть единственно разумное». Савиньи выделял две главные стадии в развитии права: естественное право и ученое право. Если на первой стадии право живет непосредственно в сознании народа и проявляется в форме обычного права, то на второй стадии оно обнаруживается в трудах ученых-юристов, выступающих в роли представителей народа. Кодификация является продуктом второй стадии. Что касается законодательства как такового, то ему Савиньи отводил техническое значение. Законодатель должен выяснять обычаи, разрешать противоречия между ними, уточнять их содержание: «Задача правителей состоит в том, чтобы признавать право, существующее независимо от них».

Третий представитель исторической школы права – Георг Пухта (1798–1846 гг.). Его взгляды изложены в произведениях «История римского права», «Энциклопедия права». Как и его предшественники, Пухта полагал, что право есть результат деятельности народа, продукт «народного духа». Оно развивается и имеет свою историю. Правовая норма является обязательной в силу обоснованности убеждениями народа. Однако право любого народа подвергается влияниям со стороны иных правовых систем. Поэтому оно включает как своеобразные, уникальные для данного народа положения, так и общие начала. Процесс заимствования отдельных норм и общих принципов неизбежен. Например, римляне использовали во взаимоотношениях граждан *jus civile*, а в отношениях с чужестранцами – *jus gentium*.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831 гг.) – немецкий философ, автор классики мировой политико-правовой мысли – книги «Философия права». В философии Гегель выступал с позиции объективного идеализма. Основой всего сущего он считал абсолютную идею («мировой дух»), в своем развитии проходящую три этапа: субъективный дух; объективный дух; абсолютный дух. В философском смысле Гегель понимал право как сферу объективного духа. Поэтому право – это область свободы: «право есть вообще свобода как идея». Он различал идею права и право позитивное (прикладное). Последнее есть право, действующее в государственно организованном обществе

(«гражданское общество»). Его отличительные признаки – подкрепление мощью государства, зависимость от национального характера и уровня развития данного общества. Позитивное право не основывается на произволе законодателя; фактически законодатель фиксирует то, что объективно созрело в обществе.

В своем развитии идея права также проходит три этапа: абстрактное право, мораль, нравственность. Абстрактное право имеет формальный характер и распространяется на всех людей. Это сфера проявления свободной воли человека. Оно предоставляет индивиду право владеть вещами (собственность), вступать в соглашения с другими людьми (договор), требовать восстановления своих прав («неправо»). Более высокая ступень развития идеи права – мораль. Она наполняет абстрактное право конкретным содержанием, превращает человека в деятельного субъекта. Мораль имеет субъективный характер и потому может противоречить абстрактному праву. Например, средствами морали можно оправдать преступление против собственности, совершенное нуждающимся человеком. Для устранения противоречия морали и абстрактного права необходим третий этап – нравственность. Нравственная свобода подразумевает сознательное подчинение индивидом своих поступков общему благу. Если мораль носит индивидуальный характер, то нравственность относится к сфере общественного. Содержание нравственности – это законы и нормы, действующие в обществе. Наиболее полно нравственная свобода может воплотиться в государстве, которое есть «наличная действительно нравственная жизнь».

Согласно Гегелю, личность выступает не сама по себе, а как часть объединения, в рамках которого развивается нравственность. Три формы человеческих коллективов – семья, гражданское общество, государство. Семья – естественное объединение, основанное на взаимной любви и помощи. Семье противостоит гражданское общество, характеризующееся как поле борьбы частных интересов, ситуация «войны всех против всех». Гегель относил гражданское общество к сфере реализации интересов отдельной личности. Вместе с тем, удовлетворяя себя, частная цель, вынужденно удовлетворяет и интересы других. Таким образом, гражданское общество обуславливает объединение людей на основе принципов всеобщего формального равенства, частной собственности, правосудия. Это достигается с помощью права, а также политики, т. е. в рамках государства.

Связь частных интересов со всеобщими осуществляется через деление общества на три сословия: землевладельцы и крестьяне; фабриканты, торговцы, ремесленники, рабочие; чиновники, интеллигенция. Эти последние («всеобщее сословие») заняты охраной единых интересов общества в целом. Они обеспечивают единство общества и составляют опору государства. Если гражданское общество – «государство

рассудка», то подлинное государство, по Гегелю, есть «государство разума». Оно способно возвыситься над эгоизмом отдельных лиц и преодолеть хаос гражданского общества.

Философ писал: «существование государства – это шествие Бога в мире». Поэтому он ставил его над личностью: «индивид лишь постольку истинен и нравственен, поскольку он есть член государства». Гегель выделял власть законодательную, правительственную и княжескую. Его политическим идеалом была конституционная монархия, в которой «господствует право и закон». Фактически он отдаёт приоритет в государстве правительственной власти – слою чиновников, которые «имеют по необходимости более глубокий и широкий взгляд на потребности государства, больший навык и привычку в государственном управлении и могли бы отлично вести дело без народного представительства». Вместе с тем, Гегель предостерегал против «голой деловой рутины» бюрократизированного административного аппарата.

Противоречия, конфликты в обществе – не зло, а благо, двигатель прогресса; противоречия и конфликты между государствами, войны – двигатель прогресса во всемирно-историческом масштабе; «вечный мир» приведет к загниванию и моральному разложению; регулярные войны, наоборот, очищают дух нации.

С осуждением Французской революции и идей Просвещения выступал английский парламентарий и публицист ирландец Эдмунд Бёрк (1729–1797 гг.).

В 1790 г. Бёрк опубликовал книгу «Размышления о революции во Франции», содержащую полемику с ораторами двух дворянских клубов в Лондоне, разделявших идеи Просвещения и одобрявших события во Франции. Книга была переведена на французский и на немецкий языки и вызвала много откликов, из которых наиболее известно сочинение Т. Пейна «Права человека».

Бёрк порицал Национальное собрание Франции не только из-за некомпетентности его состава, но и еще более за стремление отменить во Франции сразу весь старый порядок и «одним махом создать новую конституцию для огромного королевства и каждой его части» на основе метафизических теорий и абстрактных идеалов, выдуманных «литературными политиками (или политическими литераторами)», как Бёрк называл философов Просвещения. «Было ли абсолютно необходимо опрокидывать все здание, начиная с фундамента, и выметать все обломки, чтобы на той же почве воздвигнуть новую экспериментальную постройку по абстрактному, теоретическому проекту?», – спрашивал Бёрк.

Он утверждал, что совершенствование государственного строя всегда должно осуществляться с учетом вековых обычаев, нравов, тради-

ций, исторически сложившихся законов страны. Задача сильных политических умов – «сохранять и одновременно реформировать». Однако французские революционеры склонны в полчаса разрушить то, что создавалось веками. «Их свобода – это тирания, – писал Бёрк о французских революционерах; – их знание – высокомерное невежество, их гуманность – дикость и грубость».

Особенные возражения Бёрка вызывали дискуссия о правах человека и само понятие «права человека». Он утверждал, что права людей – это преимущества, к которым люди стремятся. Их нельзя определить априорно и абстрактно, поскольку такие преимущества всегда зависят от конкретных условий разных стран и народов, от исторически сложившихся традиций, даже от компромиссов между добром и злом, которые должен искать и находить политический разум. К тому же реально существующие права людей включают как свободу, так и ее ограничения (для обеспечения прав других людей). «Но поскольку представления о свободе и ограничениях меняются в зависимости от времени и обстоятельств, – писал Бёрк, – возможно бесконечное количество модификаций, которые нельзя подчинить постоянному закону, то есть нет ничего более бессмысленного, чем обсуждение этого предмета».

Мысль Бёрка сводилась к тому, что и права человека, и государственный строй складываются исторически, в течение долгого времени, проверяются и подтверждаются опытом, практикой, получают опору в традициях. Кроме того, Бёрк не был сторонником идеи всеобщего равенства людей, лежащей в основе теории прав человека: «Те, кто покушаются на ранги, никогда не обретают равенства, – утверждал Бёрк. – Во всех обществах, состоящих из разных категорий граждан, одна должна доминировать. Уравнители только искажают естественный порядок вещей...».

Книга Бёрка стала одним из первых произведений консервативного историзма и традиционализма. Он утверждал, что право каждой страны складывается в результате длительного исторического процесса. Он ссылался на конституцию Англии, которая создавалась несколько веков; по его мнению, «Славная революция» 1688 г. лишь закрепила государственный строй Англии, права и свободы англичан, существовавшие задолго до этой революции: «В период Революции мы хотели и осуществили наше желание сохранить все, чем мы обладали как наследством наших предков. Опираясь на это наследство, мы приняли все меры предосторожности, чтобы не привить растению какой-нибудь черенок, чуждый его природе. Все сделанные до сих пор преобразования производились на основе предыдущего опыта...».

Основой государственного строя Англии, свобод и привилегий ее народа Бёрк называл идею наследования. Со времен Великой хартии

вольностей (1215 г.) идея наследования обеспечивала принцип сохранения и передачи свобод от поколения к поколению, но не исключала принципа усовершенствования. В результате сохранилось все ценное, что приобреталось. «Преимущества, которые получает государство, следуя этим правилам, оказываются схваченными цепко и навсегда». Поэтому, писал Бёрк, «наша конституция сохранила наследственную династию, наследственное пэрство. У нас есть палата общин и народ, унаследовавший свои привилегии и свободы от долгой линии предков».

Опорой конституции служат обычаи, религия, нравы, даже предрассудки, содержащие мудрость предков: «Предрассудки полезны, – подчеркивал Бёрк, – в них сконцентрированы вечные истины и добро, они помогают колеблющемуся принять решение, делают человеческие добродетели привычкой, а не рядом не связанных между собой поступков».

Основой английской цивилизации Бёрк называл «дух рыцарства и религию. Дворянство и духовенство сохраняли их даже в смутные времена, а государство, опираясь на них, крепло и развивалось». «Благодаря нашему упрямому сопротивлению нововведениям и присущей национальному характеру холодности и медлительности, мы до сих пор продолжаем традиции наших праотцов, – писал Бёрк. – ...Руссо не обратил нас в свою веру; мы не стали учениками Вольтера; Гельвеций не способствовал нашему развитию. Атеисты не стали нашими пастырями; безумцы – законодателями... Нас еще не выпотрошили и, подобно музейным чучелам, не набили соломой, тряпками и зловонными и грязными бумагами о правах человека».

Априорным теориям просветителей и революционеров Бёрк противопоставлял исторический опыт веков и народов, разуму – традицию. Общественный порядок, рассуждал Бёрк, складывается в результате медленного исторического развития, воплощающего общий разум народов. Это ценнейшее наследие предков, которое необходимо бережно хранить. Сила действительной конституции – в давности, в традициях. Само учение о государстве и праве должно стать наукой, изучающей исторический опыт, законы и практику, а не схемой априорных доказательств и фикций, какой является учение идеологов революции.

Бёрк, как и реакционные идеологи, противопоставлял рационалистическим идеям Просвещения традиционализм и историзм, убеждение в неодолимости хода истории, не зависящего от человека. В применении к истории права это противопоставление получило развитие в учении исторической школы права.

Тема 18. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИДЕИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. Отражение просветительских идей в политической и правовой мысли Беларуси в XVIII в.

2. Развитие политической и правовой мысли Беларуси в составе Российской империи.

Идеология Просвещения проповедовала приоритет образования, науки и разума в жизни личности, общества и государства. В Беларуси распространение просветительских идей относится ко второй половине XVIII – началу XIX веков и связано с возникновением первых ростков капиталистического строя.

Особенности просветительской идеологии Беларуси связаны, прежде всего, с особенностями социально-экономического и политического развития этого региона, а так же геополитическим положением Беларуси на границе западной и восточной цивилизаций. Выразителями антифеодальных идей стали в первую очередь представители передовой шляхты в союзе с молодой буржуазией.

С критикой магнатской олигархии и обоснованием необходимости политических реформ в Речи Посполитой выступил известный белорусский просветитель и педагог Казимир Нарбут (1738–1807 гг.). Он выступал за наследственную монархию и высказывал опасения, что магнатская торговля, которая начинается каждый раз при выборах нового короля, может привести к краху государства. Всякий раз к этой торговле присоединяются соседние государства, поддерживают деньгами или оружием ту или иную группировку магнатов и таким образом вмешиваются в дела Речи Посполитой. Чтобы этого избежать, необходимо передавать трон по наследству. К. Нарбут вслед за Г. Гроцием и Дж. Локком подчеркивал общественную природу человека. Человек живет в обществе, и его жизненная энергия направлена на пользу обществу. А общественные устремления должны направляться на достижение всеобщего счастья, которое состоит из счастья и благополучия каждого человека.

Своеобразным явлением общественной мысли Беларуси конца XVIII века стала доктрина экономистов-философов (физиократов), истоки которой исходили в первую очередь из французской просветительской идеологии, наиболее известным представителем, которой был маркиз де Мирабо.

Крупнейшими представителями физиократизма в Беларуси были профессора права Главной школы ВКЛ Иероним Стройновский (1753–1815 гг.) и Константин Богуславский (1754–1819 гг.).

Главными условиями реформирования общества ученые считали:

1) введение в действие законов, которые основываются на натуральном праве;

2) обеспечение высокого уровня образования граждан.

Причем они считали, что между уровнем законодательства страны и образованностью населения существует прямая связь. Чем более образован народ, тем более совершенными являются его законы.

Взгляды теоретиков-физиократов разделяли известные реформаторы конца XVIII века И. Хрептович, А. Тызенгауз, П. Бжестовский.

Иоахим Хрептович (1729–1812 гг.), представитель крупного магнатского рода занимал должность министра иностранных дел с 1791 года, в 1793 году назначен канцлером ВКЛ. Основой его концепции стала сформулированная физиократами формула: бедные крестьяне – бедная страна, зажиточные крестьяне – зажиточная страна. Таким образом, по мнению Хрептовича, благосостояние государства зависит от продуктивности крестьянского труда. Однако при отсутствии личной свободы и гражданских прав у крестьян, они не имеют экономической заинтересованности в результатах своего труда. Поэтому государство должно дать крестьянам личную свободу, полный объем гражданских прав.

В своих имениях Хрептович отменил панщину, установил минимальный размер земельного надела, расширил права сельских органов самоуправления, создал страховой магазин, кассу взаимопомощи, создал школы для крестьянских детей.

Антоний Тызенгауз (1733–1785 гг.) основал в Гродно кадетский корпус, торговую, землемерную, бухгалтерскую, строительную школы, медицинские и акушерские школы, ставшие основой для создания медицинского факультета Виленского университета. В Гродно был основан театр, в котором работали крепостные артисты, приглашенные иностранные музыканты, балетмейстеры и певцы. При театре работала театральная школа, где талантливых крестьянских детей обучали актерскому мастерству, музыке, а также преподавали общеобразовательные предметы. Как и французские просветители, Тызенгауз видел в театре средство просвещения, инструмент исправления нравов.

Известным реформатором ВКЛ был представитель шляхетского рода Беларуси Павел Бжестовский (1738–1827 гг.). В своем имении Меречь Виленского повета он отменил крепостное право, даровал крестьянам личную свободу и передал всю собственность крестьянской общине, которая получила название республика. Республика имела свой сейм, который принимал законодательные акты, свое министерство финансов, которое контролировало общественное состояние, свои деньги, флаг и герб и своего президента. Им был сам Павел Бжестовский, а республика называлась «Павловская республика».

Таким образом, во второй половине XVIII века в политико-правовой мысли Речи Посполитой и в частности ВКЛ были определены основные направления реформирования общества, государства и правовой системы. Некоторые из них нашли отражение в Конституции Речи Посполитой, принятой 3 мая 1791 года.

В результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.) земли Беларуси оказались под властью Российской империи. Вместе с тем особенностью первоначального периода существования Беларуси в составе Российской империи было то, что процесс ополячивания белорусов не приостановился, а наоборот получил ускоренный характер. По-прежнему в судах делопроизводство велось на польском языке. Образование, как и раньше, находилось в руках католических орденов (иезуитов, пиаров, доминиканцев и др.). Обучение велось на польском языке, белорусский не употреблялся.

Целенаправленная русификация в Беларуси началась только после подавления восстания 1863 года. С этого времени все делопроизводство ведется на русском языке.

Таким образом, Беларусь оказалась в зоне широкого спектра проблем и идей, которые определяли жизнь и судьбу русского и польского народов. Одни белорусы находились под влиянием либеральных идей, направленных на проведение глубоких буржуазных реформ общественно-политического строя России, судебной и правовой систем. Другие поддерживали и широко пропагандировали панславянские идеи и помогали властям насаждать официальную доктрину «православие, самодержавие, народность», которая являлась основой русификации белорусских земель. Третьи – проявляли солидарность с польским освободительным движением, которое боролось за возрождение Речи Посполитой в границах 1772 года. В целом, получалось размывание физических сил и интеллекта белорусского этноса, вместо того чтобы направить их на решение собственных задач, в первую очередь формирование белорусского национального сознания.

В то же время в XIX веке появляются первые признаки белорусской национальной консолидации. Это было связано с активизацией деятельности местной интеллигенции, которая формировалась главным образом из обедневшей шляхты. Следует признать, что в течение XIX века шляхта существенно изменилась. Она утратила то политическое значение, которое имела в Речи Посполитой, ее экономическое положение мало чем отличалось от экономического положения крестьянства. Однако шляхта пользовалась сословными привилегиями, в частности правом на получения образования. Именно со шляхты начинает формироваться тонкий слой национальной элиты, который обра-

щается к крестьянской культуре, начинает воспринимать устное народное творчество, крестьянские обряды и обычаи.

Таким образом, общественно-политическая мысль Беларуси конца XVIII – начала XIX века формируется как под влиянием проблем актуальных для польского и российского общества, так и под влиянием назревавшей необходимости национального развития и в первую очередь культурно-национального возрождения, консолидации нации, возрождения утраченной государственности в той или иной форме.

Тема 19. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. Проблема конституционализма и легитимизма в России (М. М. Сперанский, Н. М. Карамзин).
2. Политические программы декабристов.
3. Политико-правовые воззрения славянофилов и западников.
4. Теория «русского (крестьянского) социализма» (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский).
5. Идеология анархизма (М. А. Бакунин).

М. М. Сперанский (1772–1839 гг.) родился в деревне Черкутино Владимирской губернии в семье младшего духовного чина по фамилии Третьяков. Михаил Михайлович окончил Владимиро-Суздальскую духовную семинарию с присвоением ему «прозвания» Сперанский (от лат. *speranto* – надежда) и был направлен в числе трех лучших учеников в Санкт-Петербургскую духовную семинарию (с 1797 г. – академия) в качестве преподавателя математики, физики, риторики и филологии. В 23 года он становится ректором этой семинарии, затем поступает на службу к генерал-прокурору А. Б. Куракину, на которой вскоре дослуживается до чина статского советника. Александром I Сперанский был приближен к двору, где занимал ряд высоких должностей, последняя из которых – государственный секретарь. Интриги завистников, а также недовольство его реформаторской деятельностью со стороны дворянства послужили причиной отставки и ссылки Сперанского в 1812 г. (Нижний Новгород, Пермь). В 1816 г. он получил назначение губернатором в Пензу, а в 1819 г. по ходатайству графа А. А. Аракчеева стал губернатором Сибири. Только в 1820 г. Сперанскому было позволено возвратиться в Санкт-Петербург, а в 1826 г. император Николай I поручил ему составление Свода законов Российской империи. Комиссией под руководством Сперанского этот Свод был инкорпорирован за четыре года и составил 45 томов, имевших историко-хронологическое значение, а еще через три года было подготовлено пятнадцатитомное издание, кодифицирующее действующее

законодательство. Николай I наградил М. М. Сперанского за этот труд Андреевской звездой.

Умер Сперанский в 1839 г. Современник мыслителя, поэт Петр Вяземский, характеризуя этого выдающегося государственного деятеля, сказал о нем: «чиновник огромного размера».

Политическая доктрина М. М. Сперанского опирается на глубокие познания в политических теориях как античных, так и современных ему европейских мыслителей. Будучи глубоко религиозным человеком, он совершенно отрицал «мрачную систему чувственного материализма» и воспринимал бога как верховного законодателя Вселенной. Договорную концепцию государства он допускал как гипотезу (договор как реализация воли бога).

Россия, по мнению Сперанского, в своем историческом развитии прошла три ступени: в Средние века – удельщина; в Новое время – абсолютная монархия, а в настоящий период – промышленное состояние, которое требует конституционного ограничения верховной власти и предоставления политических и гражданских прав всем подданным (безопасность личности, сохранность собственности и обеспечение личных политических прав). Россия, полагал он, ждет перемен, но не революционным путем, как в странах Запада, а исключительно эволюционным, «через правильные законы», жалованные императором народу. «Реформация государства производится десятилетиями и веками, а не в два-три года».

В своих проектах государственных преобразований Сперанский мечтал о конституционной монархии, которая бы позволила «правление доселе самодержавное учредить на неперменном законе». Законность форм осуществления власти Сперанский связывал с необходимостью разделения властей. Законодательная власть должна быть вручена двухпалатной Думе, которая обсуждает и принимает законы, для чего собирается сессионно. Глава исполнительной власти – монарх – участвует в деятельности Думы, но «никакой новый закон не может быть издан без уважения Думы. Установление новых податей, налогов и повинностей уважается в Думе». Мнение Думы свободно, и поэтому монарх не может «ни уничтожить законов, ни обезобразить их».

Судебная власть реализуется судебной системой, включающей суд присяжных и завершающейся высшим судебным органом – Сенатом. Три власти управляют государством подобно тому, как человек – своим организмом: обращаясь к закону, воле и исполнению.

Сперанский предусмотрел и возможность объединения усилий различных властей для согласного их действия в Государственном совете, состоящем частично из лиц, назначаемых монархом, а частично избранных по избирательным законам. Государственный совет заседает под председательством царя, он обладает правом законодательной

инициативы, но законы, «коими вводится какая-либо перемена в отношении сил государственных или в отношении частных лиц между собой», утверждаются непременно и исключительно Государственной думой. Таким образом, Государственная дума имеет законодательный статус.

Организация местной власти предполагает введение коллегиального управления сверху донизу через систему представительных органов — дум: губернских, уездных и волостных, избираемых на многоступенчатой основе.

В духе положений Ш. Монтескье о правах гражданских и политических Сперанский анализирует понятия: рабство политическое и свобода политическая, рабство гражданское и свобода гражданская. Под политическим рабством он понимал такое состояние, «когда воля одного — закон для всех», а политическую свободу определял как подчинение всех и каждого законам, а также предоставление избирательного права.

Под гражданским рабством он понимал подчинение одного класса («в повинностях личных или вещественных») другому, а гражданская свобода, по его мнению, выражается в основанной на законе независимости друг от друга всех сословий и групп в обществе.

Гарантом всех свобод в государстве является конституция и основанное на ней разделение властей. Для России настало время переменить существующее положение вещей и установить новый порядок; имея в виду движение России к свободе, он отмечал, что «темпы развития ее идут несравненно быстрее, чем в других государствах».

Конституционная монархия, основанная на законе, должна опираться на квалифицированный чиновничий аппарат, обеспечивающий ее функциональную деятельность. Для осуществления такого проекта Сперанский предложил и провел два закона о чиновниках: «О придворных званиях» (3 апреля 1809 г.) и «Об экзаменах на чин» (6 августа 1809 г.). Этими узаконениями вводились необходимые условия для занятия должностей и получения служебных чинов: наличие диплома о высшем образовании или сдача экзаменов на чин по весьма обширному списку предметов. Придворные звания не являлись более основанием для получения чинов и продвижения по службе, а сделать карьеру, не служа, стало для дворян невозможно. На сословный строй общества Сперанский в целом не покушался, но предлагал произвести его правовое оформление с закреплением прав и обязанностей сословий.

В своих проектах он наделял дворянство всеми политическими и гражданскими правами и дополнительным правом владения землями, населенными крестьянами, с обязанностью уплаты налога за владение землями. Среднему сословию (владельцам любых форм недвижимо-

сти) он предоставлял все гражданские права, а политические – в зависимости от размера собственности (т. е. по цензу). Рабочий народ он наделял только гражданскими правами.

К крепостному праву Сперанский относился отрицательно. Он предложил двухэтапную схему его отмены: вначале ограничиваются крестьянские повинности, производится личное освобождение крестьян от помещиков, а затем к крестьянам возвращается «древнее право перехода» (Юрьев день). Землю предполагалось оставить за помещиками, но с предоставлением крестьянам права ее приобретения.

Проекты Сперанского вызывали резкую критику в адрес реформатора со стороны дворян, которые были весьма недовольны указами о чиновниках, ущемлявших их привилегии, а в социальных проектах Сперанского усматривали ущемление своих земельных прав (не без основания). На него посыпались обвинения в «возжигании бунтов» и даже в «способствовании истребления дворянства».

Настроения основной массы дворянства, протест против каких бы то ни было либеральных реформ ярко выразил в «Записке о древней и новой России» автор «Истории государства Российского», «Бедной Лизы» и других произведений Николай Михайлович Карамзин (1766–1826 гг.).

В «Записке» критикуются реформы, проведенные по инициативе Сперанского, а также новшества, которые, как предполагалось, правительство намерено осуществить.

Карамзин резко осуждает какие бы то ни было попытки учреждения конституции, в чем-то ограничивающей власть царя. Россия – большая страна: «Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?» Попытки поставить закон выше государя неизбежно противопоставят монарху какие-то учреждения, призванные охранять этот самый закон, что опасно. «Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто, – пишет Карамзин. – Самодержавие основало и воскресило Россию... В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное». Примерами истории Карамзин стремился доказать, что «Россия гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием». Злые самодержцы бывают крайне редко: «Мы в течение девяти веков имели только двух тиранов» (Иван IV и Павел I), и, тем не менее, пишет Карамзин, власть самодержца имеет границы. Александр может все, но не может законно ограничить свою власть, т. е. самодержец не имеет права упразднить самодержавие. Пределом самодержавной власти являются и привилегии дворянства.

Карамзин порицал петровский Табель о рангах, наделявший личным или потомственным дворянством достигших определенных чи-

нов. Немалое место в «Записке» занимают рассуждения по поводу слухов, что «нынешнее правительство имело, как уверяют, намерение дать господским людям свободу». Отмена господской власти над крестьянами приведет, утверждал Карамзин, к тому, что крестьяне станут пьянствовать и злодействовать. «... Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных – ныне имеют навык рабов. Мне кажется, – заключает Карамзин, – что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным...».

Карамзин был противником теории естественного права. Идее естественного равенства людей, свойственной Просвещению, Карамзин противопоставляет суждение – «в государственном общежитии право естественное уступает гражданскому». Право, государство, сословный строй России он связывал с идеей самобытного народного духа. «Дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости... Он есть, не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству». Высоко ценя Петра I, Карамзин порицал его за искоренение древних навыков и введение иностранных обычаев: «Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ». Идя по пути просвещения, власть не должна навязывать народу чуждые ему законы и учреждения: «...Законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств». В подготовленном при участии Сперанского проекте Уложения гражданских законов Карамзин усмотрел (безосновательно) лишь перевод Гражданского кодекса Наполеона. Он упрекал авторов проекта в том, что они «шьют нам кафтан по чужой мерке». Карамзин утверждал, что к России вообще неприменимо понятие прав гражданских: «У нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч. – все они имеют свои особенные права – общего нет, кроме названия русских».

Понятия, нравы и обыкновения народа складываются веками, поэтому «для старого народа не надобно новых законов». В России полагал Карамзин, нужно либо подготовить кодекс, основанный на обобщении и согласовании указов и постановлений, изданных со времен царя Алексея Михайловича, либо издать «полную сводную книгу российских законов или указов по всем частям судным».

В «Записке» Карамзина сформулированы основные принципы охранительной идеологии, несколько десятилетий противостоявшей в России идеям либеральных реформ: «Перемены сделанные не ручают-

ся за пользу будущих: ожидают их более со страхом, нежели с надеждой, ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов американских!»

Надо не перестраивать учреждения, писал Карамзин, а найти для управления Россией 50 умных и добросовестных губернаторов, которые «обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстанавливают правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа».

Для наведения порядка в правосудии, утверждал Карамзин, монарх должен быть строг и смотреть за судьями: «У нас не Англия; мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали высшим уставом... В России государь есть живой закон... Не бояться государя – не бояться и закона!» Ссылаясь на Макиавелли, Карамзин подчеркивал, что самым действенным побуждением из всех прочих является страх. «Сколько агнцев обратилось бы в тигров, если бы не было страха!» Одно из важнейших государственных зол нашего времени – безбоязненность: «Везде грабят, а кто наказан?»

Карамзин советует также возвысить духовенство, приниженное, по его мнению, во времена Петра. По своему значению Синод должен быть поставлен рядом с Сенатом. «Не довольно дать России хороших губернаторов, – надобно дать и хороших священников, – утверждал Карамзин; – без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе. Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми – Государь, единственный законодатель, единственный источник властей. Вот основание Российской монархии...»

«Записка» Карамзина, выражавшая настроение основной массы дворянства, сыграла решающую роль в отставке и опале Сперанского, в прекращении проектов либеральных реформ. По авторским копиям «Записка» была известна ряду современников; в 30–40-е гг. XIX в. из нее печатались отрывки в различных изданиях. Возражения Карамзина против каких бы то ни было перестроек в государственном и общественном строе России и их аргументация были восприняты охранительной идеологией николаевской эпохи.

«Дней Александровых прекрасное начало» (А. С. Пушкин) способствовало появлению оппозиционных организаций, объединившихся в общества: «Орден русских рыцарей» (1815), «Союз спасения» (1818), «Союз благоденствия» (1818) и, наконец, на основе распада последнего, Северное и Южное общества. Их участники составляли программы, предусматривающие различные варианты изменения россий-

ской абсолютной монархии и ликвидации крепостного права.

Павел Иванович Пестель (1793–1826 гг.) родился в Москве в семье крупного чиновника. П. И. Пестель получил домашнее образование, продолжив его в Германии, а по возвращении в Россию окончил первым учеником Пажеский корпус. В 1812 г. стал участником Отечественной войны, проявил недюжинную храбрость и был награжден золотым именным оружием. В 1821 г. был произведен в чин полковника, и перед ним открылась блестящая военная карьера. Но П. И. Пестель избрал другой жизненный путь. В целях преобразования общества и государства он вступает в тайные союзы и впоследствии становится организатором и главой Южного общества, для которого и создает «Русскую правду» в качестве теоретической программы дальнейших действий.

Результатом деятельности тайных обществ становится восстание на Сенатской площади Санкт-Петербурга 14 декабря 1825 г., после подавления которого П. И. Пестель был осужден «вне разрядов» и приговорен к смертной казни.

В своих социальных взглядах Пестель исходил из положения о естественном равенстве всех людей и взаимном стремлении к общественной жизни для удовлетворения потребностей на основе разделения труда. Он различал общественное и государственное устройство, определяя государство как приведенное в законный порядок общество. Последнее возникло в силу природного разделения людей на повинующихся и повелевающих. Правительство имеет обязанность «распоряжаться общим действием и избирать лучшие средства для достижения Благоденствия всем и каждому... народ имеет право требовать от правительства, чтобы оно непременно стремилось к общему и частному Благоденствию». Государство существует на равновесии взаимных прав и обязанностей правительства и народа, если же таковое равновесие утрачивается, то «государство входит в состояние насильственное и болезненное». Поэтому необходимо создать такие законы, посредством которого возможно поддержание подобного равновесия. «Цель Государственного устройства... возможное Благоденствие всех и каждого», и достигается она только на основе законов.

Все законы Пестель делил на три вида: духовные, естественные и гражданские. Духовные законы известны из Священного Писания: они «связывают духовный мир с естественным, жизнь бrenную с жизнью вечной». Естественные законы вытекают из требований природы и нужд естественных, и они «глубоко запечатлены в наших сердцах. Каждый человек им подвластен, и никак не в силах их низвергнуть».

Государственные законы представляют собой постановления государства, которые ставят себе задачей достижение общественного Благоденствия, и потому они должны издаваться в полном соответствии с

законами духовными и естественными. Такое соответствие является неперменным условием их действительности.

Другим условием, определяющим содержание государственных законов, служит приоритет общественных интересов. Гражданские законы составляются таким образом, чтобы интересы отдельного индивида не противоречили интересам всего общества в целом. Если действия правительства, равно как и действия отдельных лиц, «будут основываться только на подобных неперменных законах, то пользование Благоденствием станет возможным для всех». Каждое справедливо устроенное общество обязано находиться под неперменной властью законов, а не личных прихотей правителей.

Пестель усматривал определенные различия в «коренных законах» отдельных стран и народов, но, в отличие от Ш. Монтескье, связывал эти различия не только с географической средой и климатическими условиями, но преимущественно с теми социальными и политическими институтами и учреждениями, которые сложились в том или ином государстве.

Государственная организация в России характеризуется Пестелем как «зловластие», приносящее стране и народу унижение, ниспровержение законов и в конечном итоге – гибель самого государства. Поэтому имеющиеся в России нарушения неизменных и коренных законов (естественных, духовных и положительных) «требуют изменения существующего ныне государственного порядка и введения вместо него такого, который был бы основан только на точных и справедливых законах и постановлениях и не представлял бы ничего личному самовластию и в совершенной точности удостоверял бы Народ Российский в том, что он составляет Гражданское общество, а не есть и никогда не может быть чьей-либо собственностью или принадлежностью». В этих положениях Пестель сформулировал право на революционное ниспровержение правительства, нарушающего в своих действиях духовные, естественные и положительные законы.

Критика абсолютной монархии как формы правления сопровождается у Пестеля осуждением крепостного права, которое он считал несовместимым с понятием Благоденствия государства и его подданных.

«Русская правда» предлагает план социальных и политических преобразований в России, а также совокупность средств по его реализации. Социальная программа П. И. Пестеля радикальна. Он требует отмены крепостного права и безвозмездного наделения всех крестьян землей.

Земля по естественному праву является достоянием всех людей, а следовательно, каждый человек должен иметь в ней свою долю, так как земля – главный источник «пропитания человечества». Всю землю

он предполагает разделить на две части: волостную (общественную) и частную. «Первая представляет собственность общественную, вторая – собственность частную». Волостная земля неприкосновенна, и она, в свою очередь, разделяется на участки, которые раздаются членам волости. Таким образом, все россияне становятся помещиками. Право частной собственности названо П. И. Пестелем «священным и неприкосновенным». Он считал, что в силу природного неравенства людей в способностях и физической силе в обществе сохранится и деление на бедных и богатых, но тем не менее каждый «россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и не попадет ни в чью зависимость».

Переход «из нынешнего состояния» к будущим порядкам предполагается постепенный. Земля у помещиков выкупается оброком или работой, с оставлением в частных руках не более чем по десяти тысяч десятин на хозяйство, причем с оплатой только половины изъятой земли, остальное экспроприируется безвозмездно. Вначале новые порядки вводятся только на казенных землях, а затем разрабатывается постепенный и последовательный план перехода всех земель в этот правовой режим.

Политическим идеалом Пестеля является республика. «Я сделался республиканцем и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении».

В организации верховной власти в государстве Пестель различает Верховную законодательную власть и Управление (исполнительную власть). Верховная власть вручается Народному вече, исполнительная – Державной думе, а надзор за их деятельностью – Верховному собору, которому принадлежит блюстительная власть.

Избирательным правом пользуются все лица мужского пола, достигшие двадцатилетнего возраста, за исключением находящихся в личном услужении.

Действия законодательной и исполнительной властей, а также государственное устройство определяются Конституцией, которую Пестель называет Государственным заветом.

Россия представлена в проекте Пестеля унитарным государством с разделением «всего пространства на 10 областей и 3 удела». Каждая область, в свою очередь, состоит из пяти губерний или округов, губернии – из уездов, а уезды – из волостей. Местные органы власти строились по образцу центральных.

Интересны соображения Пестеля об определении положения различных народностей, населяющих территорию России. «Весь российский народ составляет одно сословие – гражданское; все нынешние сословия уничтожаются и сливаются в одно сословие – гражданское. Все различные племена, составляющие Российское государство, при-

знаются русскими и, слагая свои различные названия, составляют один народ русский».

Права у всех народов, населяющих Россию, равные, но в целях «благоудобства» Пестель считал, что из всех народов следует составить единый русский народ. В таком устройстве Россия будет иметь вид «Единородства, Единообразия и Единомыслия».

Национальное самоуправление предоставляется только Польше, но при условии неукоснительного введения порядков, предусмотренных «Русской правдой».

Столицу русского государства Пестель предложил перенести в Нижний Новгород, который он рассматривал как географический центр России и колыбель русской волиницы.

Сословные привилегии, титулы и звания уничтожаются, и все признаются российскими гражданами. В «Русской правде» уделяется большое внимание обоснованию необходимости введения общедемократических прав и свобод: неприкосновенности личности, равноправия, свободы совести, слова, собраний и т. д. Однако православие оказывалось государственное покровительство, а создание партий вообще запрещалось из опасения разрушения единства народа и нового общественного порядка.

Средством достижения предполагаемых преобразований Пестель считал военно-революционный переворот с немедленной ликвидацией монархии и физическим уничтожением членов царской фамилии в целях предотвращения реставрации монархии.

Проведение всех необходимых для установления «нового строя» мероприятий поручается Временному Верховному правлению во главе с диктатором, учреждаемым сроком на десять – пятнадцать лет. Пестель полагал, что установление конституционного режима станет возможным только тогда, когда нынешние порядки не только прекратят свое существование, но и воспоминание о них изгладится из народной памяти.

Со своими проектами Конституции выступил глава Северного общества Никита Михайлович Муравьев (1796–1843 гг.).

Свою политическую и социальную программу Муравьев изложил в трех проектах Конституции, последний из которых, называемый тюремным, написан уже в тюрьме по требованию следственных властей и является самым радикальным из всех его проектов. Н. М. Муравьев хорошо знал конституции американских штатов, Декларацию и конституции революционной Франции.

Муравьев был глубоко религиозным человеком, и в его учении доводы естественно-правовой доктрины переплетаются с положениями новозаветного учения. С позиций школы естественного права и теории договорного происхождения государства он осуждал абсолютную мо-

нархию, считая такую форму правления противоестественной. Самодержавие несовместимо со здравым смыслом, ибо всякое повиновение, основанное на страхе, не достойно ни разумного правителя, ни разумных исполнителей. «Русский народ – свободный и независимый – не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства. Источник власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для себя». Каждый народ образует свое государство по договору, но при этом он сохраняет свой суверенитет и не утрачивает естественные права. «Свобода заключается вовсе не в том, чтобы иметь возможность совершать все дозволенное законами, как полагал Монтескье, а в том, чтобы иметь законы, соответствующие неотчуждаемым правам человека... Всякие иные законы есть злоупотребление, основанное на силе, но сила никогда не устанавливает и не обеспечивает никакого права».

Первым мероприятием в ряде преобразований, провозглашенных Н. М. Муравьевым, была отмена крепостного права. «Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся к земле русской, становится свободным». В тюремном варианте проекта Конституции предусмотрен и порядок ликвидации крепостной зависимости: одновременно с личным освобождением «помещичьи крестьяне получают в свою собственность дворы, в которых они живут, скот и земледельческие орудия... и по две десятины на каждый двор для оседлости их». В случае успешного хозяйствования крестьяне имеют право «приобретать землю в потомственное владение». Никаким выкупом освобождение крестьян в проектах Муравьева не сопровождалось. Все жители России объявляются равноправными, «гражданские чины и классы уничтожаются». Учреждается единая система налогов, которые платят все россияне с 18- и до 60-летнего возраста, провозглашаются равные для всех права и свободы: свобода слова, совести, передвижения и занятия любым делом и т. д. «Каждый имеет право заниматься тем промыслом, который кажется ему выгоднейшим», и «всякий русский имеет право ехать куда ему угодно и делать все то, что не ограничено и не запрещено законом», а также излагать свои мысли невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам». Каждый гражданин может обращаться со своими жалобами и пожеланиями в Народное вече.

Формой правления, наилучшей именно для России, Н. М. Муравьев считал конституционную монархию, основанную на принципе разделения властей, которое создает необходимые гарантии для взаимоконтроля высших властей в государстве. Законодательная власть вручена Народному вече, «составленному из двух палат: Верховной Думы и Палаты Представителей». Избирательным правом пользуются все совершеннолетние жители (кроме лиц, находящихся в частном услу-

жении), имеющие движимое или недвижимое имущество.

Монарх как глава исполнительной власти не может изменять и отменять законы, равно как и присваивать себе функции законодательной власти. Но полномочия его довольно значительны: он облечен всей полнотой верховной исполнительной власти, является верховным военачальником всех сухопутных и морских сил, назначает и смещает министров, главнокомандующих армиями и флотами, представляет Россию в переговорах с иностранными державами и назначает посланников.

Государственное устройство – федеративное: вся Россия разделена на области, называемые державами, и для каждой из них учреждается областное управление.

Конституция Муравьева предусматривает также организацию местного управления на выборной основе. Этим управлениям «вручается хозяйственная и административная власть».

Судебная (Судная) власть отделена от административной и осуществляется централизованной и довольно сложной системой судебных органов. В уездах действуют совестные суды.

Все предусмотренные Конституцией Муравьева гражданские и политические права устанавливаются немедленно. Пестелевский проект, предполагавший введение Верховного правления с Диктатором во главе, Муравьев осуждал. «Весь план Пестеля, – писал он, – был противен моему рассудку и образу мыслей». Муравьев называл его «варварским и противным нравственности». Особенно он критиковал организацию Временного Верховного правления, в котором он усматривал опасность установления революционной диктатуры.

На рубеже 30–40-х гг. в среде дворянской интеллигенции сложились два течения общественной и политической мысли под условными наименованиями славянофилов и западников, которые обсуждали вопросы исторических судеб России, ее места и роли среди других народов в сравнительно-историческом сопоставлении с опытом Европы и народов Востока.

Начальным событием в разработке идей ранних славянофилов считается обмен в 1839 г. рефератами между Александром Степановичем Хомяковым (1804–1860 гг.) и Иваном Васильевичем Киреевским (1806–1856 гг.) по вопросу об историческом опыте старой и новой России. Эти два реферата разошлись затем в списках под названиями «О старом и новом» и «В ответ А. С. Хомякову». Славянофилы выдвинули ряд новых идей и положений при оценке прошлого и современного опыта России, в частности о необходимости переоценки опыта допетровской Руси, о значении крестьянской общины, местного самоуправления, о роли государственного начала и о соотношении закона и обычая в рамках их общей концепции народознания. Они бы-

ли безусловными противниками и критиками крепостного права.

«Наша древность, – утверждал Хомяков, – представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собой. Однако обычаи старины, все права и вольности городов и сословий были принесены в жертву для составления «плотного тела государства», когда люди, охраненные вещественной властью, стали жить не друг с другом, а, так сказать, друг подле друга, язва безнравственности общественной распространилась безмерно».

Петр Великий сумел единым взглядом обнять все болезни отечества и «ударил по России, как страшная, но благотельная гроза». Удар пришелся по сословию судей-воров, по боярам, думающим о делах своего рода и забывающим родину, по монахам, ищущим душеспасения в кельях и поборов в городах, забывающим, однако, церковь, человечество и братство христианское. И тем не менее силы духовные принадлежат не правительству, а народу и церкви.

Увеличение размеров и вещественной власти государства привело к уничтожению областных прав, угнетению общинного быта. С Петра начинается новая эпоха – время сближения с Западом, который до этого был «совершенно чужд» России, и это движение не было действием народной воли. С этого момента «жизнь власти государственной и жизнь духа народного разделились даже местом их сосредоточения». Одна в Петербурге двигала всеми видимыми силами России, всеми ее формальными изменениями, другая (жизнь церковная) «незаметно воспитывает характер будущего времени, мысли и чувства, которым суждено облечься в полную, проявленную деятельность». Личность государства получает отныне вполне определенную деятельность, свободную от «всякого внутреннего волнения», в то время как «бесстрастное и спокойное начало души народной, сохраняя свои вечные права, развивается более и более в удалении от всякого временного интереса и от пагубного влияния сухой практической внешности».

Крепостное состояние, по мнению Хомякова, введено Петром. Фактическое рабство крестьян существовало до этого в обычае и не было признано в законе.

Несомненной заслугой Хомякова явилось новое историческое истолкование традиционной темы о взаимоотношении государства и церкви и дополнение ее историческим обзором статуса крестьянской общины. В ответном обращении к Хомякову Киреевский отметил неправомерность постановки вопроса: была ли прежняя Россия хуже или лучше теперешней, где «порядок вещей подчинен преобладанию элемента западного». Если рассматривать основные начала жизни в России и на Западе, то сразу же обнаружится «одно очевидное общее» – христианство. И все же различия между ними также очевидны – в осо-

бенных видах христианства, в особенном направлении просвещения, в особенностях частного и народного быта.

В основание европейской образованности легли три элемента – римское христианство, мир необразованных варваров, разрушивших Римскую империю, а также классический мир древнего язычества. Последний представлял, по сути дела, «торжество формального разума над всем, что внутри и вне его находится». Римская церковь в своем обособлении от восточной отличилась именно подобным «торжеством рационализма над преданием, внешней разумности над внутренним духовным разумом». С помощью внешнего силлогизма папа стал главою церкви вместо Христа, потом мирским властителем, наконец возведен в сан непогрешимого.

Частный и общественный быт Запада основывается на понятии индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Общественное устройство России имело многие отличия от Запада – составление общества из маленьких так называемых миров (общин), принадлежность человека миру (и мира ему), принадлежность поземельной собственности (источника личных прав на Западе) не лицу, а обществу. «Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества». Общество не было самовластным и не могло само изобретать для себя законы, поскольку в окружении подобных себе других обществ управлялось однокобразным обычаем.

В отличие от Запада сила неизменяемого обычая делала всякое самовластное законодательство невозможным, и даже разбор и княжеский суд (до подчинения удельных княжеств Московскому) не мог совершаться без согласованности с всеобъемлющими обычаями. Заслугу в выработке общинных обычаев, которые заменяли законы, Киреевский всецело относил к церквам и монастырям. Последние он именует также «святыми зародышами несбывшихся университетов». Именно из церквей, монастырей и жилищ уединенных отшельников распространялись повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных. Позднее Хомяков дополнил перечень ценных свойств общины как перспективного (в отличие от государственных) учреждения такими характеристиками (в письме к А. М. Кошелеву, 1849 г.): «сохранение исконного обычая, право всех на собственность поземельную и право каждого на владение, нравственная связь между людьми и нравственное воспитание людей в смысле общественном посредством постоянного упражнения в суде и администрации мирской. При полной гласности и правах совести».

Общий вывод Киреевского, как и Хомякова, сводился к тому, что в истории России действительно присутствует «взаимная борьба двух начал» и связана она с желанием «возвращения русского или введения

западного быта», однако эта борьба все же поневоле предполагает «что-то третье».

Двумя насущными и перспективными задачами в области внутренней политической жизни славянофилы считали отмену крепостного рабства и проведения нового разделения труда между государственной властью (самодержавием) и общественностью (народом). Юрий Федорович Самарин, видный участник подготовки крестьянской реформы, в распространяемой рукописи 1856 г. под названием «О крепостном состоянии и переходе из него к гражданской свободе» сформулировал суть первой задачи так: «Во главе современных, домашних вопросов, которыми мы должны заняться, стоит, как угроза для будущего и как препятствие в настоящем для всякого существенного улучшения в чем бы то ни было, вопрос о крепостном состоянии. С какого бы конца ни началось наше внутреннее обновление, мы встретимся с ним непременно». Аргументация в пользу освобождения включила в себя характерные для славянофилов положения естественно-правового характера – права личности крестьянина (как хозяина и семьянина) как права естественные, согласованные с потребностями в свободном развитии человеческой природы и соответствующие порядку и законам, предустановленным Творцом.

Основной тезис другой программной задачи был сформулирован Константином Сергеевичем Аксаковым в записке «О внутреннем состоянии России», представленной императору Александру II в 1855 г. Современное состояние России характеризуется, по словам записки, внутренним разладом, прикрываемым бессовестной ложью. Правительство и «верхние классы» чужды народу, их взаимные отношения не дружественные, они не доверяют друг другу: правительство постоянно опасается революции, народ склонен в каждом действии правительства видеть новое угнетение. Общий вывод автора гласил: «Царю – сила власти, народу – сила мнения». Истинная свобода народа возможна только при неограниченной монархии. Однако взаимоотношения правительства и народа («государства и земли») должны включать в себя такие начала: взаимное невмешательство; обязанность государства защищать народ и обеспечивать его благосостояние; обязанность народа исполнять государственные требования, снабжение государства деньгами и людьми, если они нужны для осуществления государственных намерений; общественное мнение как живая нравственная и несколько не политическая связь, которая может и должна быть между народом и правительством.

С более радикальных философско-исторических позиций критиковал славянофилов Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855 гг.), для которого историческое развитие всегда сопровождается борьбой разнородных сил и каждую эпоху отделяет от другой «резкое разли-

чие», в том числе войны и революции (например, завоевания древних германцев, Французская революция XVIII в.). Историческое развитие бесконечно, поскольку вечно новы противоположности и никогда они не возвращаются к прежним пунктам, «из борьбы их исходят вечно новые результаты».

Об интересе знаменитого профессора всеобщей истории в Московском университете к отечественной истории свидетельствует его публичная полемика с литературными распространителями доктрины «официальной народности» (Погодиным, Шевыревым) и славянофилами, а также его критика некоторых упрощенных западнических воззрений на прошлое России. Так, в речи Грановского перед студентами 1845 г. в связи с началом курса по истории средневековья содержится прямое указание на основных идейных оппонентов: «И вам, и мне предстоит благородное и, надеюсь, долгое служение России – России, идущей вперед и с равным презрением внимающей клеветам иностранцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, без всякого собственного содержания, и старческим жалобам людей, без всякого собственного содержания, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак».

Славянофилов и западников объединяло, по крайней мере в начальный период, решительное осуждение крепостного рабства и административно-судебного произвола, а также боязнь того, что если перемены не придут сверху, то переворот явится снизу. В этом отношении они близки в отдельных пунктах своих политических программ и декабристам и народникам. Так, существовавшая в 1845–1847 гг. в Киеве тайная религиозно-политическая организация (Кирилло-Мефодиевское общество) унаследовала от декабристов идею республиканизма и сближалась со славянофилами в провозглашении христианского учения исходным началом и основанием для «правления, законодательства, права собственности и просвещения».

После реформ 60-х гг. острота разногласий между славянофилами и западниками утратила свое былое значение. Славянофильство эволюционировало в сторону почвенничества и сблизилось во многом с консервативными противниками реформ, однако значительная часть их ожиданий и надежд в отношении русской общины была воспринята идеологами «русского социализма» (Герцен, Чернышевский и др.). Для славянофильства 70–80-х гг. характерны известная инертность и идейный догматизм. В этот период они становятся критической мишенью для русских марксистов и наиболее дальновидных консерваторов.

Основные положения теории «русского социализма» разработал Александр Иванович Герцен (1812–1870 гг.). Подавление буржуазией восстания парижского пролетариата в июне 1848 г. Герцен глубоко

переживал как поражение социализма вообще: «Запад гниет», «мещанство торжествует». Вскоре (к 1849–1850 гг.) Герцен пришел к выводу, что страной, в которой есть возможность соединить социалистические идеи с исторической реальностью, является Россия, где сохранилось общинное землевладение.

В русском крестьянском мире, утверждал он, содержатся три начала, позволяющие осуществить экономический переворот, ведущий к социализму: 1) право каждого на землю; 2) общинное владение ею; 3) мирское управление. Эти общинные начала препятствуют развитию сельского пролетариата и дают возможность миновать стадию капиталистического развития: «Человек будущего в России – мужик, точно так же, как во Франции работник».

В 50-е гг. Герцен основал в Лондоне Вольную русскую типографию, где печаталась газета «Колокол» (с 1857 г.), нелегально ввозившаяся в Россию.

По мнению Герцена, отмена крепостного права при сохранении общины даст возможность избежать печального опыта капиталистического развития Запада и прямо перейти к социализму. «Мы, – писал Герцен, – русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, – и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука».

Существовавшую в России общину Герцен считал основой, но отнюдь не готовой ячейкой будущего общественного устройства. Ее главный недостаток он видел в поглощении личности общиной.

Народы Европы, согласно теории Герцена, разработали два великих начала, доведя каждое из них до крайних, ущербных решений: «Англосаксонские народы освободили личность, отрицая общественное начало, обособляя человека. Русский народ сохранил общинное устройство, отрицая личность, поглощая человека».

Главная задача, по мнению Герцена, в том и состоит, чтобы соединить права личности с общинным устройством: «Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное self-government на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли – вот основной вопрос русской революции – тот самый, что и вопрос о великом социальном освобождении, несовершенные решения которого так волнуют западные умы».

Герцен уделял большое внимание способам осуществления социальной революции. В его произведениях немало суждений о неизбежности насильственного низвержения капитализма: «Сколько социа-

лизм ни ходит около своего вопроса, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья». Однако Герцен отнюдь не был сторонником обязательного насилия и принуждения: «Мы не верим, что народы не могут идти вперед иначе, как по колена в крови; мы преклоняемся с благоговением перед мучениками, но от всего сердца желаем, чтоб их не было».

В период подготовки крестьянской реформы в России в «Колоколе» выражались надежды на отмену крепостного права правительством на выгодных для крестьян условиях. Надежды Герцена на мирное решение крестьянского вопроса вызвали возражения Чернышевского и других революционных социалистов. Герцен отвечал им, что Русь надо звать не «к топору», а к метлам, чтобы вымести грязь и сор, скопившиеся в России.

«Призвавши к топору, — пояснял Герцен, — надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план, силы и готовность лечь костью, не только схватившись за рукоятку, но схватив за лезвие, когда топор слишком расходится». В России нет такой партии; поэтому к топору он звать не будет, пока «останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора».

В те же годы Герцен разрабатывал идею избрания и созыва всенародного бессословного «Великого Собора» — Учредительного собрания для отмены крепостничества, узаконения пропаганды социалистических идей, законной борьбы против самодержавия. «Каково бы ни было первое Учредительное собрание, первый парламент, — подчеркивал он, — мы получим свободу слова, обсуждения и законную почву под ногами». Начиная с Герцена идея Учредительного собрания стала органической частью социально-революционной и демократической идеологии России.

Разочарование результатами реформы 1861 г. усилило революционные настроения Герцена. Однако ему было ясно, что если с помощью революционного насилия можно упразднить самодержавие и остатки крепостничества, то построить социализм таким способом невозможно. «Идя без оглядки вперед, можно затесаться, как Наполеон в Москву, — и погибнуть, отступая от нее».

Герцен обращал особое внимание на «международное соединение работников» (т. е. Интернационал) как на «первую сеть и первый всход будущего экономического устройства». Интернационал и другие соединения работников «должны становиться вольным парламентом четвертого состояния».

Будущее общество мыслилось Герценом как союз объединений (снизу вверх) самоуправляющихся общин: «Сельская община представляет у нас ячейку, которая содержит в зародыше государственное

устройство, основанное на самозаконности, на мировом сходе, с избирательной администрацией и выборным судом».

Видным теоретиком и пропагандистом идей «русского социализма» был также Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889 гг.). Один из руководителей журнала «Современник» в 1856–1862 гг., Чернышевский, посвятил ряд статей систематическому изложению и популяризации идеи перехода к социализму через крестьянскую общину, с помощью которой, по его мнению, Россия сможет избежать «язвы пролетариата».

В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» Чернышевский стремился доказать на основе гегелевского закона отрицания отрицания необходимость сохранения общины и ее развития в более высокую организацию (по триаде: первобытная общинность – частнособственнический строй – коллективистское или коммунистическое общество). Для развитых стран, «потерявших всякое сознание о прежнем общинном быте и только теперь начинающих возвращаться к идее товарищества трудящихся в производстве», Чернышевский в статье «Капитал и труд» излагал план организации производственных товариществ при помощи ссуды от правительства, назначающего на один год новому товариществу опытного директора. Организация производственно-земледельческих товариществ была очень похожа на фаланги Фурье.

Чернышевский считал наиболее желательным изменение гражданских учреждений нации посредством реформ, поскольку «исторические события», подобные тем, которые в XVII в. произошли в Англии, а позже во Франции, слишком дорого обходятся государству. Однако для современной ему России путь реформ Чернышевский считал невозможным. Самодержавие с его бюрократическим аппаратом и пристрастием к дворянству он, используя терминологию Н. А. Добролюбова, определял как «самодурство», «азиатство», «дурное управление», когда-то породившее крепостничество, а теперь пытающееся изменить его форму, сохранив сущность.

Об устройстве власти, которая заменит свергнутое самодержавие, бегло говорилось в приписываемой Чернышевскому прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (1861 г.). В ней одобрялись страны, в которых народный староста (по-иностранному – президент) выбирается на срок, а также царства, где царь (как у англичан и французов) ничего не смеет сделать без народа и во всем народу оказывает послушание.

Необходимость государства, по мнению Чернышевского, порождена конфликтами, обусловленными несоответствием между уровнем производства и потребностями людей. В результате роста производства и перехода к распределению по потребностям (принцип Луи

Блана) исчезнут конфликты между людьми, а тем самым и надобность в государстве. После длительного переходного периода (не менее 25–30 лет) будущее общество сложится в федерацию основанных на самоуправлении союзов земледельческих общин, промышленно-земледельческих объединений, фабрик и заводов, перешедших в собственность работников.

В «Современнике» критиковались западноевропейские либеральные теории и развивающийся конституционализм. «Все конституционные приятности, – писал Чернышевский, – имеют очень мало цены для человека, не имеющего ни физических средств, ни умственного развития для этих десертов политического рода». Ссылаясь на экономическую зависимость трудящихся, Чернышевский утверждал, что права и свободы, провозглашенные в странах Запада, вообще являются обманом: «Право, понимаемое экономистами в абстрактном смысле, было не более как призраком, способным только держать народ в мучении вечно обманываемой надежды».

После отмены крепостного права наступил спад в распространении и развитии идей «русского социализма».

В противоположность марксистской теории анархизм выступал за социальную революцию не при помощи государства, а против государства. Суть этого политического направления заключается в отрицании государственной власти как таковой, в стремлении заменить его общественным самоуправлением.

Теоретиком революционного направления в анархизме был Михаил Александрович Бакунин (1814–1876 гг.), автор сочинений «Государственность и анархия», «Кнута-Германская империя и социальная революция». В его творчестве сильны идеи исторического прогресса. Так, среди разных форм социальных норм писаное право является самой низшей, примитивной. Бакунин писал о задачах писаного права: «Всякое законодательство имеет только одну цель: упрочить и узаконить эксплуатацию трудящихся масс господствующими классами». Оно противоречит естественной человеческой свободе и чувству справедливости. Законодательство неразрывно связано с государством и исчезнет вместе с ним. Переход к обществу справедливости Бакунин связывал с революцией, которую может подготовить небольшая группа борцов: «Оздоровление возможно лишь путем социальной революции». В результате будет отменено государство, законодательство, эксплуатация, насилие над личностью, частная собственность. В будущем обществе установится право, основанное не на принуждении, а на свободном соглашении между людьми, взаимном признании уважения друг к другу. После упразднения государственности коллективы людей будет связывать не сила верховной власти, а добровольный договор «свободных личностей» «не по приказанию начальства, даже

избранного, и не по указаниям какой-либо ученой теории, а вследствие естественного развития всякого рода потребностей, проявляемых самой жизнью». Конечным итогом развития человечества будет его объединение во всемирную федерацию. Частную собственность Бакунин также связывал с низшими стадиями развития человека. В новом мире собственность будет основываться на личном труде, земля и орудия труда станут общим достоянием производственных союзов.

Тема 20. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. Французский либерализм.
2. Идеология немецкого либерализма XIX в.
3. Английский либерализм.
4. Политико-правовые воззрения идеологов социализма.
5. Реакционные политико-правовые учения.
6. Политические взгляды О. Конта.
7. Политические и правовые учения марксизма.

После Великой Французской революции видным течением политической мысли становится либерализм. Он в наибольшей степени отвечал интересам буржуазии, которая добивалась власти во многих европейских странах. Понятие «либерализм» имеет двоякое значение: с одной стороны, он означает стремление к обеспечению политических свобод и прав личности, защищая идеалы парламентаризма и демократии, выступая за предоставление всеобщего избирательного права, с другой, — означает невмешательство государства в экономическую деятельность и защиту свободы предпринимательства. Государству здесь предоставляется роль «ночного сторожа», охраняющего права и свободы и не вмешивающегося в них.

Одним из основоположников либерализма был французский государственный деятель и писатель Бенжамен Констан де Ребек (1767–1830 гг.). В публичной лекции «О свободе древних сравнительно со свободой новых народов» он связал личную независимость индивида («независимость в частной жизни») и политическую свободу как право подчиняться одним только законам. Личная независимость первична, а политическая свобода прямо от нее производна. Констан писал: «Личная свобода — вот подлинная современная свобода; политическая свобода выступает ее гарантом». В отличие от народов прошлого, в наши дни свобода не означает непосредственного осуществления каждым публичной власти. Теперь в ее основании лежит «мирное пользование личной независимостью». Поэтому прямое народовластие в современном обществе неизбежно будет заменено на представительную систе-

му. Констан отстаивал идеи свободы предпринимательской деятельности, свободы конкуренции. Он полагал, что богатство граждан является одним из средств ограждения ими своей свободы и личной независимости от посягательств правительства. В работе «Курс конституционной политики» Констан обосновал систему разделения шести ветвей власти (королевская, исполнительная, верхняя палата парламента, нижняя палата парламента, судебная, муниципальная).

Другой классик либерализма во Франции – Алексис де Токвиль (1805–1859 гг.), социолог, историк и публицист, автор книг «О демократии в Америке», «Старый порядок и революция». В постижении истории Токвиль основное внимание уделял взаимодействию социальных групп. Поэтому современную историю он представлял как смену аристократического правления демократией: «Вокруг нас происходит великая демократическая революция». Кроме революции, другой способ перехода к демократии – это реформирование. В соответствии с этим, по мере демократизации формируются новые социальные группы: «революционеры», «бюрократия». Токвиль рассмотрел, каким образом демократия постепенно перерождается в «демократический деспотизм» – тоталитарный строй (он не использовал этого понятия, но в его трудах находят предвестие тоталитаризма XX в.). По мере демократизации общества индивидуализм неизменно возрастает, а власть все более ограничивает свободу каждого отдельно взятого индивида. В конечном итоге рост бюрократизации и централизации приводит к тому, что государство избавляет людей от «обязанности думать». Возникает «тирания посредственности», когда бездумная масса большинства народа безропотно подчиняется власти столь же ограниченной касты чиновников.

Поэтому Токвиль осуждал взгляды крайних сторонников общественных преобразований – социалистов. Он пытался обосновать умеренную демократию, в которой видел гарант юридического равенства, равенства граждан в правах (но не всеобщего фактического уравнивания). В либеральной демократии принцип формального равенства будет сочетаться с гарантиями прав меньшинства и индивидуальной свободы. Итак, Токвиль был сторонником реформационного перехода к демократии; самым ярким примером этого пути он называл США. Исследуя революции, Токвиль выдвинул классическое ныне объяснение их причин: революция происходит не в эпохи упадка, а при относительно стабильном существовании. При этом прежний правящий класс противится модернизации страны и потому становится деструктивным фактором, который сметает революционный новый класс. Токвиль афористично писал: «Революции делаются не голодными людьми, а теми, кто не пообедал один раз». В случае же осознания старым правящим классом необходимости реформ революции можно избежать.

Многогранность творчества Токвиля и его актуальность в наши дни позволяет объявлять его предшественником как классического либерализма, так и либерального консерватизма.

Среди классиков либерализма – немецкий государственный деятель, философ и видный лингвист Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835 гг.). В 1819 г., будучи министром, предпринял неудачную попытку разработать конституцию Пруссии (его проект носил название «О введении земельно-сословных конституций в прусских государствах»). В сочинении «О пределах государственной деятельности» Гумбольдт попытался определить соотношение между государством и свободной личностью. Он разграничил государство и гражданское общество, которые пользуются соответственно позитивным и «естественным и общим» правом. Если общество складывается из множества индивидуальностей, то государство всегда стремится к унификации и «приводит к единообразию». Общество Гумбольдт ставил выше государства, а понятие «человек» – выше понятия «гражданин». Поэтому целью государственной власти является служение обществу: «Истинным объемом деятельности государства будет все то, что оно в состоянии сделать для блага общества». К этой деятельности относится исключительно обеспечение внутренней и внешней безопасности граждан. Государство не должно вмешиваться в личную жизнь, вопросы нравственности, экономику.

Гумбольдт осуждал чрезмерную социальную политику государства, его возможную опеку над гражданами. Это приводит к бездеятельности человека, прекращению его развития, к утрате духа гражданственности: «Если каждый надеется на заботливую помощь государства по отношению к самому себе, то он, конечно, еще охотнее предоставляет ему заботу о судьбе своих сограждан». В этом смысле любое законодательство окажется порочным, ибо оно предписывает человеку определенное поведение, направляет его действия, ограничивая их какими-то рамками. Это означает, что любое государство является злом, хотя и необходимым. Единственное основание, дающее государству право ограничивать свободу личности, – когда последствия действий этой личности уменьшают права других.

Прусский юрист и государственный деятель Лоренц фон Штейн (1815–1890 гг.) был создателем концепции «надклассовой монархии». Его главные труды – «Учение об управлении», «Настоящее и будущее науки о государстве и праве Германии». Главным мотивом деятельности индивида Штейн считал стремление к самореализации, которое проявляется в добывании и умножении материальных благ. Поэтому главным среди прав личности является собственность, которая неизбежно приводит к разделению общества на классы. В зависимости от

эпохи это могут быть феодалы и крепостные крестьяне или же буржуазия и пролетариат. Несовпадение классовых интересов приводит к постоянной борьбе, прекратить которую может исключительно государство, которое «имеет в виду не выгоды какого-либо отдельного класса, а пользу всех». Штейн различал гражданское общество и государство, относя последнее к политической форме первого. Задачами верховной власти являются охрана мира, покоя и собственности граждан.

Штейн писал, что задачу гаранта классового мира может предоставить не любое государство. Абсолютная монархия несовместима с потребностями гражданского общества, а демократическая республика приводит к власти некомпетентного большинства. Поэтому идеалом государственного устройства Штейн называл конституционную монархию. В ней гарантируются права каждого гражданина, поскольку «право управления опирается на конституцию и имеются правовые разграничения между законом и распоряжениями». Она основывается на разделении властей (власть монарха, законодательная, исполнительная). Конституционная монархия, независимая от общества, т. е. от интересов той или иной группы общества, является подлинным «надклассовым государством», которое действует ради общей пользы.

Разновидность либерализма представляло философское учение утилитаризма, основателем которого был английский юрист Джереми Бентам (1748–1832 гг.), автор работ «Деонтология, или наука о морали», «Принципы законодательства». Свое название эта философская школа получила от латинского слова *utilitas* (польза). Ее суть заключается в признании смысла человеческой деятельности в получении удовольствий (счастья) или избегании страданий. Исходя из этого целью любого правительства будет максимальное счастье всех его подданных – «наибольшее счастье для наибольшего количества людей. Поэтому главным критерием оценки всех явлений является их полезность с точки зрения достижения отдельным человеком счастья. Что касается абстрактных «всеобщих» понятий свободы и прав человека, то Бентам называл их «химерой» и «чепухой».

В «Конституционном кодексе» Бентам разработал основы будущего строя многих государств Европы и Америки. Он был сторонником республиканского устройства и системы разделения трех ветвей власти (при неоспоримом доминировании законодательной). При этом «верховная власть пребывает в народе», монархия же абсурдна даже в ее конституционном варианте. Конституционное право призвано превратить правительство в опекуна подданных, поскольку «интересы отдельных лиц суть единственно реальные интересы». В их достижениях людей направляют санкции, предусмотренные законами, которые

должны быть общедоступны, отличаться ясностью и простотой изложения. Вместе с тем, наказания и сопутствующее им страдание следует применять только в тех случаях, когда они препятствуют появлению еще большего зла.

Право Бентам понимал как безусловную волю суверена – государства. Отличие права от морали в том, что действительность закона (права) признается публично, а нравственная оценка доступна каждому лицу и сугубо индивидуальна. Поэтому британский философ критиковал противопоставление закона и права. Бентам выступал инициатором многих социальных реформ, а также доказывал необходимость создания Лиги Наций и отмены колониальной системы.

Английский философ и экономист Джон Стюарт Милль (1806–1873 гг.) развил либеральные идеи Конта и Бентама на политику и право. Его взгляды изложены в книгах «Соображения о представительном правлении», «Утилитаризм», эссе «О свободе». Милль дополнил классический утилитаризм Бентама принципом качественной оценки удовольствий, при котором высшими удовольствиями признаются интеллектуальные. Кроме того, интересы общества не должны противоречить высшей ценности – свободе человека, ибо «ценность государства в конечном счете измеряется ценностью индивидов, которые его составляют». Поэтому Милль критиковал позитивизм Конта, полагая, что его социальная философия ставит общество над индивидом. Для понимания общественных явлений важно учитывать культурные и исторические особенности различных народов.

Свободу Милль понимал в качестве свободы мысли, дискуссий, собраний. Это не только конституционная свобода (защита от тирании правительства), но и независимость индивида от власти большинства, от господствующего в обществе мнения как «нравственного насилия». Общественное мнение в качестве инструмента власти следует ограничить только теми случаями, когда индивид своими действиями причиняет ущерб другим.

Гарантией против деспотизма общества Милль считал представительное правление, предполагающее политическую активность граждан, их гражданскую ответственность. Участвуя в активной общественной жизни, люди лучше понимают политические процессы и достигают более высокого уровня развития личности. Поэтому Милль выступал за всеобщие избирательные права для всех грамотных граждан, включая даже женщин. Избирательная система должна обеспечивать представительство всех мнений, включая отличающиеся от мнений большинства. Для этого необходимо придерживаться принципа пропорционального представительства. Вместе с тем, более образованные люди должны получить привилегии в выражении своих взглядов. Созданный таким образом представительный орган коррек-

тирует политический курс, который вырабатывает правительство, состоящее из экспертов. Так достигается равновесие между народным суверенитетом и правлением профессионалов. Кроме того, Милль ратовал за развитие системы местного самоуправления, которое позволяет эффективно решать многие вопросы на местном уровне и совершенствовать политическую культуру граждан.

В начале XIX в. получили распространение идеи утопического социализма. Эти проекты объединяет идея централизованного управления обществом, регулирования производства и контроля власти над собственностью.

Классиком утопического социализма является Анри де Сен-Симон (1760–1825 гг.) – потомок аристократического рода, в годы Великой Французской революции отказавшийся от графского титула. Основной труд Сен-Симона называется «Новое христианство». Анализируя историю человечества, Сен-Симон пришел к выводу, что каждое крупное изменение в политической и экономической жизни общества являлось лишь следствием переворота в философских воззрениях. В соответствии с этим он разделил историю на три фазы: теологическую (господство в умах людей религии); метафизическую (период господства философских абстракций) и позитивную (будущий общественный строй). Будущее общество, по Сен-Симону, будет организовано на научной основе и будет развиваться согласно плану. Это будет век господства промышленности, в которой Сен-Симон видел основной источник благосостояния и экономического роста. Поэтому в качестве определяющей, базовой сферы жизни общества видел экономику – экономический детерминизм. В зависимости от развития экономики и производственных отношений общество в своем развитии переходит от низших форм к высшим, от одной ступени – к другой (что было зачатком будущей теории общественно-экономических формаций К. Маркса);

В новом обществе, писал он, все будет подчинено интересам промышленности и научному прогрессу. Поэтому политику он называл «наукой о производстве»; политическая деятельность сменится управлением производственным процессом. Проект Сен-Симона предполагал сохранение частной собственности; вместе с тем труд на благо общества станет всеобщей обязанностью. Сен-Симон выделял в обществе два основных класса: паразитический (дворяне, военные, чиновники, рантье) и промышленный (владельцы фабрик, торговцы и рабочие). В будущем обществе бесполезный класс паразитов будет упразднен.

В целом, Сен-Симон :

1) выдвинул теорию социальной физиологии, в которой рассматривал общество как целостный организм;

2) лучшее общество, по Сен-Симону, то, которое предоставляет его членам максимум возможностей для удовлетворения потребностей;

3) в качестве лучшего Сен-Симон видел так называемое «промышленное общество», которое будет построено по иерархическому принципу, причем критерием нахождения на той или иной ступени социальной лестницы будут исключительно способности человека (так называемая «иерархия способностей»), будет запрещено право наследования (чтобы уравнивать всех в возможностях, предотвратить праздность и тунеядство, дать каждому «начать с нуля» и добиться того положения в обществе, которое отвечает его способностям), будет введена всеобщая обязанность трудиться, а экономика будет развиваться по плану (чтобы избежать перепроизводства или дефицита и были удовлетворены потребности всех членов общества);

4) руководить данным обществом будут лучшие представители индустриального «класса» (то есть буржуазия), но не в качестве собственников, а в качестве управляющих различными звеньями народнохозяйственного организма;

5) оптимистически смотрел в будущее – человечество обречено (в силу неуклонного прогресса экономики) на построение идеального общества;

6) считал, что новое общество возникнет не революционным, а эволюционным путем – неуклонно развивающаяся экономика приведет к тому, что общество из классово-антагонистического постепенно преобразуется в ассоциативное;

7) выдвинул идею о замене существующей религии «новой религией», смыслом которой будет лозунг: «Человек человеку – брат».

Другой представитель утопического социализма во Франции – Шарль Фурье (1772–1837 гг.) в книге «Новый хозяйственный социетарный мир» описал будущий справедливый общественный строй. Фурье писал, что жалкое положение трудящихся масс изменится к лучшему, только если основу общества составят фаланги – производственно-потребительские ассоциации, в которые будут входить члены разных социальных групп. Эти ассоциации, по выражению Фурье, представляют собой «союз капитала, труда и таланта». Каждая фаланга независима и самодостаточна в производственном отношении. Основной ценностью для Фурье являлась свобода, которой в полной мере обладают члены фаланг. В них отсутствует скрупулезная регламентация жизни, все решения принимаются с согласия всего коллектива и соблюдаются добровольно. В фалангах нет принудительного всеобщего уравнивания, «всякое уравнительство – политическая отравка». Там сохраняются частная собственность, присущая человеку в силу

страсти к богатству и наслаждениям. «Инстинкт собственности – это самый могучий из известных нам рычагов для усиления жизнедеятельности цивилизованных народов», – писал Фурье. Вместе с тем, для большинства граждан труд останется жизненной потребностью. Для заинтересованности в своем труде следует всех превратить в собственников – владельцев мелких предприятий или акционеров. Это позволит преодолеть антагонизм между богатыми и бедными и создаст подлинную ассоциацию с общими для всех целями.

Франсуа Фурье также считал:

1) буржуазная мораль лжива; атеизм опасен, так как лишает человека надежды на будущее;

2) человек, история, общество развиваются по законам природы;

3) буржуазное общество имеет три основных вида противоречий – между личными интересами (магнатов, буржуа) и общественными (остальным народом), социально-экономические (несбалансированное, дающее то избытки, то кризис производства), моральные (буржуазный брак и т. д.);

4) идеальное общество – «общество гармонии», которое будет основано на всеобщей трудовой обязанности, правильном распределении, высоком уровне экономики, свободе любви и нравов, уважении к Богу.

Представителем утопического социализма в Англии был фабрикант Роберт Оуэн (1771–1858 гг.). На собственные средства он несколько раз пытался организовать «поселки единения и сотрудничества» – социалистические колонии (коммуны). По мнению Оуэна, основным виновником всех социальных зол является частная собственность. Поэтому для достижения справедливого общественного строя ее следует упразднить. Основой грядущих социальных перемен Оуэн видел дальнейший прогресс производительных сил, рост промышленного производства. В конце концов в лоне капиталистических отношений, полагал он, зародится новый строй. Достичь его поможет последовательное облегчение условий труда путем законодательства. Кроме того, для такого перехода к обществу справедливости большое значение имеют усилия отдельных людей – монархов, политиков, промышленников (каким был сам Оуэн), выступающих сторонниками подобных изменений. Ячейку грядущего строя, согласно Оуэну, будет составлять коммуна – небольшое поселение, обеспечивающее себя всем необходимым. Эти коммуны строятся и функционируют на основе коллективного труда всех членов, общественной собственности, всеобщего и полного равенства.

Консерватизмом называют политическую идеологию, характеризующуюся приверженностью к старым порядкам и традициям и враж-

дебностью к резким социальным переменам. Политический консерватизм зародился как реакция на Великую Французскую революцию. Его корни во Франции связаны с именем политика и публициста Жозефа де Местра, который провел в эмиграции в Санкт-Петербурге 15 лет.

Выходец из Савойи граф Жозеф де Местр (1753–1821 гг.) – автор книг «Рассуждения о Франции», «О папе». Оценивая произошедшую революцию, он видел в ней выражение Божьего гнева – наказание за идеи эпохи Просвещения. Вина за нее целиком лежит на прежней власти: «Революция происходит только от злоупотреблений правительства». Местр являлся ярким сторонником восстановления старых порядков. Вместе с тем он осознавал невозвратность прошлого, будучи приверженцем традиционализма, сохранения ныне существующего, а не вторичной ломки общества. В противовес приверженцам движения Просвещения Местр считал, что человеческий разум ничтожен, если он утратил связь с божественным разумом, выраженным в исторически сложившихся традициях и обычаях. Поэтому Местр критиковал теорию общественного договора. Он писал, что законодательство, творимое человеческой волей, не имеет власти над людьми, «писаная конституция всегда бездушна». Она не более чем «клочок бумаги», не имеющий «престижа и власти над людьми».

Вообще, человеческий разум не способен создать абстрактные законы, пригодные для всех людей и всех наций. Местр писал: «Что касается общечеловека, я заявляю, что не встречал такового в своей жизни». Народ, в понимании Жозефа де Местра, – своего рода организм, единство, связанное не только общностью внешних признаков (язык, территория, культура, обычаи), но и «всеобщей душой и неким подлинным моральным единством». Поэтому любой из народов не может придать себе какие-либо права кроме тех, которые присущи его «естественной конституции». Подлинная конституция должна соответствовать народному духу, она вырастает из жизни общества сама собой, складывается исторически, под действием обстоятельств, а не людей. Изменение потребности народа ведет к изменению конституции. Поэтому задача законодателей заключается в том, чтобы найти законы, подходящие для конкретного народа в данный момент его существования. Итак, подлинные законы могут лишь закреплять существующие права и порядки. Вместе с тем, право отражает и некие высшие принципы, содержащиеся также в религиозных и моральных нормах: «Политика и религия были основаны вместе, законодатель почти не отличался от священнослужителя».

Местр был сторонником сильного централизованного государства. Лучшей формой государственного устройства является неограниченная монархия – «воплощение отечества в одном человеке, в излюбленном и священном носителе и представителе идеи родины». Вместе с

тем, порядок в обществе реализуется через иерархию, возникающую спонтанно: «всюду и всегда правила аристократия». Социальная иерархия основывается на чувстве долга и сознании наложенных обязанностей среди правящего слоя. Во главе государства стоит суверен, обладающий неограниченной способностью к действию. Без абсолютной власти, полагал де Местр, порядок в обществе невозможен. Власть есть сила священная, опирающаяся на религиозное признание, своего рода «политическую веру».

Поэтому отношение подданных к суверену определяется не правом, а нравственной обязанностью. Со стороны носителя суверенитета необходимо то же чувство ответственности, которое культивируется в народе. Поэтому самовластие монарха ограничивается «священными законами, которые начертаны в сердцах».

В поздние годы жизни, в трактате «О папе», светской концепции общества и государства Местр противопоставил идею теократии, способной обеспечить единство народа и суверена. Кроме того, духовная особа не способна злоупотреблять доставшейся ей светской властью.

Среди представителей французского консерватизма – политик и публицист Луи де Бональд (1754–1840 гг.), автор работы «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе».

Общество должно составлять органическое единство; при этом «человек существует лишь для общества, и общество создало его для своих целей». Необходимо вернуться к средневековому социальному строю, основанному на множестве общин и корпораций, объединенных под властью абсолютного монарха. Именно сельская или городская община составляет подлинную основу государства. В локальной общине и монархии в целом Бональд видел подобие семьи. Французский публицист отрицал роль человеческого разума в создании основ и ориентиров социальной жизни – религии, морали, права. Все они имеют внечеловеческое, божественное происхождение. Это значит, что в обществе нельзя видеть результат «произвольного соглашения» – общественного договора.

Идеалы средневекового общества обосновывал швейцарец Карл Людвиг фон Галлер (1768–1854 гг.) – автор сочинения «Восстановление политической науки». Галлер писал, что согласно естественному закону общества, установленному Богом, сильный властвует, а слабейший подчиняется. Таким образом, общественное неравенство проистекает из естественного физического неравенства людей. Галлер отвергал идею общественного договора, который ставит человеческий произвол на место божьего порядка. Общество, писал он, – это естественное образование, появляющееся историческим путем. Галлер различал следующие виды государств: республика, вотчинное княжество, военная монархия, духовная монархия. В каждом из них правит

своя аристократия. Идеалом Галлера был абсолютизм; он призывал возродить средневековые феодальные институты, господство духовной власти над светской.

Родоначальник философии позитивизма Огюст Конт (1798–1857 гг.) в течение нескольких лет был секретарем Сен-Симона, чьи взгляды повлияли на его собственное мировоззрение. Главный труд Конта – «Курс позитивной философии», в котором он попытался освободить науку от поиска сверхъестественных причин и построить систему знания, опирающегося исключительно на факты. Согласно Конту, для анализа общества могут использоваться методы естественных наук. Французский мыслитель создал полную классификацию наук, построив ее в порядке убывания общности и простоты (математика, астрономия, физика, химия, биология, «социальная физика» – социология). Сам Конт считается родоначальником социологии как науки.

Историю человеческого общества он рассматривал в рамках процесса последовательной смены основных типов мировоззрения. Человеческий ум проходит три стадии развития: теологическую (все явления рассматриваются как следствие деятельности сверхъестественных сил); метафизическую (окружающее объясняется через абстрактные сущности); позитивную (на смену теологии и метафизике приходят точные науки, основанные на опытном знании и практике). Каждой из трех стадий развития мышления соответствует определенный этап социальной и политической организации. Теологической стадии соответствовали теократия или монархия, метафизической – республиканское устройство. В это время в умах людей господствуют такие ненаучные идеи, как неограниченная свобода суждения, естественное равенство, народный суверенитет, разделение властей. На позитивной стадии установится совершенный общественный и политический строй – социократия, опирающаяся на точные научные знания, а «политика поднимется на уровень наук, основанных на наблюдении».

С внедрением принципов позитивизма общество будет освобождено от классовой борьбы. Интересы отдельных индивидов будут подчинены потребностям целого. «В позитивном строе идея права безвозвратно исчезает», ибо ради лучшего подчинения частных интересов общественным права следует заменить на обязанности. Поэтому в социократии «единственное право, которым каждый человек обладает, – это право выполнять свой долг». Задачей «позитивной политики» будет укрепление общественной солидарности и поддержание гармонии между целым и частями общественной системы.

Общей целью социократии является прогрессивное развитие. Ее девиз – «Порядок и прогресс!» Всего в мире будет образовано примерно 500 социократий, поддерживающих между собой отношения союз-

ничества. Общество социократии представлялось Конту делящимся на два класса: патрициат и пролетариат (в соотношении 1:33). Патрициат включает собственников – банкиров, коммерсантов, фабрикантов, которые обладают «практической властью». Она заключается в установлении заработной платы пролетариата, условий труда и т. п. Однако высшей, духовной, властью обладают священники позитивистской церкви (позитивной философии, на основе которой Конт предполагал учредить религиозный культ). Именно они «провозглашают неопровержимые правила», которым следует общество.

Карл Маркс (1818–1883 гг.) – немецкий философ и экономист, основоположник т. н. «научного социализма», или марксизма. Систематическое и краткое изложение его доктрины представлено в сочинении «Манифест Коммунистической партии», написанном в соавторстве с Фридрихом Энгельсом (1820–1895 гг.). Последний изложил доктрину марксизма в книгах «Анти-Дюринг» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Основу марксизма составляет исторический материализм. В своей интерпретации истории К. Маркс исходил из влияния, которое экономические отношения оказывают на политику, право и культурную жизнь. В основе общества лежат производственные отношения, которые являются его базисом. Тип этих отношений обусловлен развитием производительных сил, т. е. степенью технического прогресса. Производственные отношения, или способ производства, в свою очередь, определяют надстройку общества – его политические и культурные институты, духовную сферу жизни.

К надстройке Маркс относил также различные юридические институты, включая право. Общество, по Марксу, состоит из классов. Основу деления на классы составляет владение средствами производства (орудиями труда). В разные эпохи основным средством производства служили разные вещи – земля, машины. Любое общество, в котором существует частная собственность, делится на два основных класса – эксплуататоров и эксплуатируемых. Между ними ведется постоянная борьба, которая и движет общество вперед. В своем развитии человечество проходит несколько этапов, каждому из которых соответствует свой способ производства, свой тип производственных отношений. Это восточная деспотия, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм. При каждом строе существует своя классовая система. Переход от одного строя к другому сопровождается социальной революцией – изменением содержания двух основных классов. При капиталистическом строе этими классами являются буржуазия и пролетариат. Первый из них владеет средствами производства – заводами и фабриками, второй может лишь трудиться.

Все надстроечные институты, прежде всего государство и право, отражают интересы господствующего класса. Они представляют собой аппарат насилия, подавления эксплуатируемых масс. Это насилие может быть как явным, так и скрытым (ограничение свобод и прав, экономический и идеологический прессинг). Внутренние противоречия капитализма приведут к тому, что он падет. На смену классовым формациям в будущем придет бесклассовый строй, коммунизм. Падение капитализма произойдет либо в результате насильственного свержения, революции, либо, к чему Маркс склонялся в последние годы своей жизни, в результате мирного перерастания его в иное, более справедливое общество. Вообще, Маркс не рассматривал коммунистический строй подробно. Можно выделить лишь его основные характеристики, главная из которых – это отсутствие частной собственности. Если собственность приводит к разрыву между трудом и капиталом и, как следствие, к отчуждению личности, то с ее уничтожением человек вернет свою истинную сущность. Классовая система, основанная на владении средствами производства, перестанет существовать. Соответственно исчезнет и государство, которое Маркс рассматривал как инструмент правящего класса. Тем не менее, при переходе от капиталистического строя к коммунистическому государство некоторое время еще будет сохранено. Его власть будет представлена в форме «диктатуры пролетариата» – того класса, который возьмет власть в свои руки в результате революции.

Тема 21. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. Учение Р. Иеринга о праве и государстве.
2. Неокантианское учение о праве Р. Штаммлера.
3. Учение Дж. Остина о праве.
4. Политические идеи Г. Спенсера.
5. Социологическая теория государства Л. Гумпловича.
6. Политико-правовое учение Ф. Ницше.
7. Государственно-правовая теория Г. Еллинека.

Немецкий правовед, профессор права нескольких университетов Рудольф фон Иеринг (1818–1892 гг.) на основе взглядов исторической школы развил собственную теорию в духе социологического подхода в понимании права. В основном она изложена в его трудах «Борьба за право» и «Цель в праве». Иеринг стремился создать реалистическую теорию государства и права.

Иеринг критиковал взгляды своих учителей из исторической школы на право как стихийно развивающийся феномен, в своей эволюции

подобный языку или культуре. Напротив, право это «целевое понятие», предполагающее осознанное достижение какой-либо цели: «Цель есть творец права». Вообще вся социальная реальность основана на «законе целесообразности», жизнь есть «царство целей и целесообразной деятельности человека». Любое действие человека направлено на достижение определенной цели. При этом существует несколько исторических форм объединения людей ради достижения все более значимых целей: «Индивид, союз, государство – вот исторические ступени человеческих целей». Цель государства – «обеспечение общих всем интересов против угрожающего им частного интереса». Поэтому государство предполагает использование принуждения – это «само общество как держава организованной принудительной власти». Право и государство неразрывно связаны между собой; в конечном счете именно государственная власть является творцом права. Иеринг писал: «Право без власти есть пустой звук, лишенный всякой реальности».

Движущим мотивом человеческой деятельности Иеринг называл интерес. Соответствие интереса отдельного индивида с целями всего общества в целом достигается с помощью двух механизмов – вознаграждения и наказания. Первое регулируется принципом возмездности услуг в гражданском обороте, второе – правом, за которым стоит сила общества и государства. Немецкий мыслитель определял право как «совокупность действующих в государстве правовых норм». Содержанием права являются интересы индивидов и общества в целом, а его формой – нормы, обеспечиваемые силой государственного аппарата. Таким образом, право можно определить как «юридически защищенный интерес». Право предстает в качестве общественной функции – продукта цели, служащего общественным интересам. Вне связи с обществом, с реальными интересами индивидов или общества в целом права быть не может.

Путь к достижению любой цели немислим без борьбы. Это касается и права: «Цель права – мир, путь к нему – борьба». Основные достижения в истории права (отмена рабства, свобода вероисповедания) «пришлось добывать лишь путем ожесточеннейшей, часто целые столетия продолжавшейся борьбы». «Жизнь права есть борьба», все права получены в результате борьбы, нередко кровавой.

Иеринг различал «идею права» и «правовое чувство» индивида или общества в целом. Он писал, что в нормальном обществе «государственные учреждения и народное чувство права находятся в полном соответствии между собой». Если же чувство права в данном социуме является притупленным, то право лишается возможности свободно развиваться. Постепенно люди привыкают к несправедливостям и в конце концов полностью утрачивают свою свободу. Поэтому каждый должен при всякой возможности отстаивать свое чувство права.

От этого зависит как «право единичной личности», так и «свобода целого народа». Иеринг писал: «Политическое положение народа всегда соответствует его нравственной силе». Соблюдение права требуется и от публичной власти.

Поиск обновленных теоретических основ правоведения и других общественных наук еще во второй половине XIX в. привел к возрождению ряда идей Канта. Неокантианство противопоставляло науки о природе, где применяется закон причинности, наукам об обществе, где действует закон целеполагания.

Лозунг «Назад, к Канту!» особенно популярен был в Германии, где к концу XIX в. оформились две основные школы неокантианцев: фрейбургская (баденская, юго-западная) школа (Виндельбанд, Риккерт и др.) и марбургская (Коген, Наторп и другие, именовавшие свое учение «научный идеализм»).

Идеи марбургской школы нашли свое выражение в книге немецкого юриста Рудольфа Штаммлера (1856–1938 гг.) «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1896 г.).

Особенность этой книги в том, что ее целью было опровержение притязаний исторического материализма на научность, на постижение объективных закономерностей развития общества. Основная критика была направлена против учения о базисе и надстройке, об общественно-экономических формациях и закономерностях их смены. Главной целью своего труда Штаммлер считал защиту права.

Обвиняя марксизм в непоследовательности, Штаммлер писал: «Если научно предусмотрено, что известное событие в совершенно определенной форме должно наступить, бессмысленно в таком случае еще и желать или содействовать именно этой определенной форме этого известного события. Нельзя основать партию, которая поставит себе цель «сознательно содействовать» наступлению точно вычисленного затмения луны».

Оспаривая марксистское учение о базисе и надстройке, Штаммлер замечал, что так называемые производственные отношения всегда выступают в правовой форме и потому носят волевой характер. «Правовой порядок и экономический строй – безусловно одно и то же». Поэтому «марксистской триаде: технология – материальные производственные отношения – юридические законы» он противопоставлял соотношение хозяйственной жизни – «аморфной материи» и права – как «совокупности формальных условий, при которых осуществляется общественное сотрудничество». Поскольку деятельность наделенных свободной волей людей определяется не развитием техники, а стремлением к достижению целей, общественный прогресс осуществляется лишь в области права, которое и является определяющим фактором общественного развития.

Однако верно и то, что Штаммлером замечено одно из неясных положений марксистского учения о базисе и надстройке: если в основе производственных отношений (т. е. базиса) лежат отношения собственности, а право собственности в классовом обществе всегда оформляется и охраняется законом, то куда относятся отношения собственности – к базису или к правовой надстройке? Именно эта неясность придавала убедительность имманентной критике «марксистской триады» и выводам Штаммлера о том, что понятие общественного строя тождественно праву и означает лишь совокупность действующих в данный момент правовых норм.

Штаммлер дает абстрактное, формальное определение права: «Право есть такое принудительное регулирование совместной жизни людей, которое по самому смыслу своему имеет не допускающее нарушения значение». Но ему принадлежит заслуга обоснования нового понятия – «естественное право с меняющимся содержанием», которое органически связано с его представлениями об историческом процессе, определяемом развитием права.

Штаммлер, в отличие от теоретиков XVII–XVIII вв., утверждал, что естественное право имеет «изменчивое содержание». Возникающие социальные конфликты и явления порождают идеи изменения права (так, размышления о рабстве негров в США вызвали его отмену). «Естественным правом с изменчивым содержанием» являются принимающие массовый характер идеи изменения содержания права, которые должны осуществляться применительно к конечной цели. «Естественным правом» называются, отмечал Штаммлер, исторически складывающиеся и меняющиеся идеи, содержащиеся в общественном правосознании, требующие реформы права с точки зрения общественного идеала («конечная цель»).

В итоге Штаммлер утверждал, что прогресс общества определяется неким абстрактным правовым идеалом – это такое общество, где преодолено извечное противоречие между волей и желаниями, между разумом и чувствами, между должным и сущим. Особенно пагубными для прогресса человечества Штаммлер считал борьбу классов и революцию, повергающие общество в кровавый хаос бесправия и произвола.

Следуя идеям Канта о всеобщей истории, Штаммлер утверждал, что этот идеал вообще никогда не может быть достигнут, так как его достижение означало бы конец истории человечества. «Общество свободно хотящих людей», согласно Штаммлеру, представляет собой только «регулятивную идею», к которой человечество вечно стремится. «И впоследствии люди никогда не увидят ее осуществления. Но, тем не менее, идея эта служит путеводной звездой для обусловленного опыта».

Теория Штаммлера неоднократно критиковалась за методологические просчеты, за абстрактность идеала, за чрезмерную полемичность. Однако именно абстрактность неокантианского идеала создавала возможность соединить его с идеей свободной личности («человек не средство, а цель») как общего ориентира исторического процесса и прогресса; кроме того, правоведение XX в. восприняло идею «естественного права с меняющимся содержанием», давшую возможность конкретизировать общечеловеческий идеал в связи с историческими условиями его реализации.

Возникновение современного юридического позитивизма обычно связывают с творчеством английского правоведа Джона Остина (1790–1859 гг.), который в 20-х гг. XIX в. возглавил первую кафедру юриспруденции в Лондонском университете. Здесь же в цикле своих лекций под названием «Определение предмета юриспруденции» он развил утилитаристский тезис своего знаменитого соотечественника И. Бентама о том, что право – это «повеление суверена», и снабдил его развернутым обоснованием.

Посмертно опубликованный труд Остина «Лекции о юриспруденции, или философия позитивного закона» вышел с примечаниями видного английского философа-позитивиста Дж. Ст. Милля.

Право у Остина предстает в относительно определенной совокупности правил (норм), принципов и типологических делений. Если, по представлениям И. Бентама, право следует воспринимать как совокупность знаков (символов), изданных или одобренных сувереном для регулирования должного поведения определенного класса лиц, находящихся под его властью, то, согласно Остину, такого суверена можно представить себе – в зависимости от обстоятельств – в виде не только лица, но и учреждения, которое действительно, а не формально является сувереном для подвластных в данном политическом сообществе. Источником права, таким образом, является суверенная власть, причем важнейшей гарантией нормального функционирования права и самой суверенной власти выступает привычка большинства к повиновению. Нет поэтому, согласно Остину, оснований относить к разряду позитивного закона, к примеру, распоряжение оккупационных армейских властей, даже если они и дают этому распоряжению наименование закона.

В конструкции Остина суверен предстает воплощением всевластного учреждения, а норма права – нормой властного принуждения, или, говоря словами самого Остина, «правилом, установленным одним разумным существом, имеющим власть над другим разумным существом, для руководства им». Приказ суверена, снабженный санкцией, и есть, по сути дела, правовая норма (норма позитивного закона).

По этой логике позитивными законами в строгом смысле этого слова должны считаться такие законы, которые предполагают возложение обязанностей и которые влекут определенные последствия, в том числе негативные, в виде законного причинения вреда.

Таким образом, норма получает юридический характер только в том случае, когда некто, обладающий необходимыми властными возможностями и способностями, в состоянии придать ей обязывающую силу принуждения под угрозой причинить вред (негативные последствия) нарушителю данной нормы.

Суть юридикто-позитивистского подхода в понимании и истолковании права хорошо передается формулой «закон есть закон». В историческом плане позитивистский подход выделяется своим негативным отношением к любым конструкциям, которые допускают или терпимо относятся к допущению, что помимо реально существующего и воспринимаемого государства и связанного с ним массива законодательства существует – и с этим надлежит считаться – некое более разумное право и связанное с ним государство, являющие собой эталон для сопоставлений. Подобный же негативизм он распространяет и на концепции естественных и неотчуждаемых прав.

Другой важной и более оправданной особенностью использования формулы «закон есть закон» является признание ее необходимейшим условием нормального общения в нормально организованном человеческом (политическом, трудовом, имущественном) общежитии, своего рода краеугольным камнем в громадном здании государственности и неотъемлемым атрибутом повседневного правового общения.

Остин склонялся к тому, что и решения суда следует воспринимать как часть права в том случае, когда они признаются в качестве таковых сувереном (т. е. судебные решения становятся прецедентным правом как бы с молчаливого согласия суверена).

Связав природу права с приказом (волей) фактически правящей в обществе группы лиц или одного правителя, Остин тем самым легитимировал правотворчество любой власти («кому подчиняются, тот и суверен»). В XX в. такой подход был использован самыми недемократическими, антиправовыми и негуманными политическими режимами, правда, за пределами Англии.

Герберт Спенсер (1820–1903 гг.) – английский философ-самоучка, видный представитель позитивизма. В сочинении «Принципы (основания) социологии» он предложил использовать для социологии аналогии и термины из биологии. В частности, человеческое общество Спенсер рассматривал не как сумму индивидов, а как нечто единое целое, как организм. Он полагал, что природным миром и обществом управляют одни и те же законы эволюции: увеличения объема, усиления дифференциации, возрастания интеграции.

Спенсер выделял две стадии развития и соответственно два типа социально-политических организмов: военные (хищнические) и промышленные. Суть общественного прогресса заключается в постепенном переходе от военного типа государства к промышленному. В то же время в чистом виде ни один из типов не встречается. Военный тип характеризуется поглощением личности в интересах государства: «В то время как самосохранение общества является главной целью, сохранение каждого члена – целью второстепенной». Вся жизнь такого общества подчинена военным нуждам. В этом случае личные цели индивида исчезают перед лицом общественных; все права даруются как бы из милости. Спенсер писал, что в военном типе индивид «является собственностью государства». Отличительной чертой такого общества является регламентация, беспредельное вмешательство государства, управление насилием: «Основной принцип военного типа есть принудительная кооперация». Кроме того, такому обществу присуще стремление производить все необходимое для жизни собственными силами и средствами.

Развитие хозяйственной деятельности приводит к тому, что на смену военному типу общества и государства приходит промышленный. Для него характерно существование системы общественного договора, при которой «усилия каждого приносят ему ни больше, ни меньше как то, что ему естественно следует, как вознаграждение». Социальный контроль здесь сводится к запрещению. Для этого типа характерны свободное развитие торговли и промышленности, поощрение инициативности, неприкосновенность собственности, равенство перед законом. Основная задача государства – это охрана прав и интересов его граждан: «защита индивидуума становится существенной обязанностью общества». В то же время заботу государства о материальном состоянии граждан Спенсер считал не только невозможной, но и ненужной. Таким путем в обществе постоянно идет процесс естественного отбора, в котором выживают сильнейшие. Искусственное вмешательство в этот процесс приведет только к снижению общего морального и интеллектуального уровня. Кроме того, вмешательство государства в жизнь общества не может сломить ход естественных процессов саморегуляции.

Спенсер был противником социалистических идей. Он видел в социализме врага свободы и был убежден, что централизованная организация труда приведет к расширению сферы принуждения. В обществе появится новый многочисленный и могущественный слой «чиновничьей олигархии», бюрократии, которая будет обладать реальной властью, прикрываясь при этом социалистическими лозунгами.

Польско-австрийский государствовед Людвиг Гумплович (1838–1909 гг.) в книгах «Основы социологии» и «Общее государственное право» представил яркий пример позиции социал-дарвинизма. Согласно этой доктрине, общественные явления уподобляются биологическим, а закон борьбы за существование Ч. Дарвина распространяется на отношения между людьми и их сообществами.

В своей социальной теории Гумплович исходил из определяющей роли среды на формирование мышления и на образ жизни индивида. Таким образом, за общественным мнением индивида всегда стоят интересы его социальной группы (в первую очередь, материальные интересы). Поэтому политику, культуру, явления духовной жизни австрийский социолог сводил к экономическим мотивам и стремлению к власти. По его мнению, главным законом истории является следующий: «Сильнейшие побеждают слабейших, сильные немедленно объединяются, чтобы в единении превзойти третьего, тоже сильного». Эта борьба за существование, столкновение социальных групп представляет собой главный фактор общественной жизни, основной стимул исторического развития. Конфликт является нормальным и даже необходимым социальным явлением. Объединяясь против кого-либо в борьбе, члены социальной группы склонны придавать своей общности значение эталона. Отсюда Гумплович выводил «этноцентризм» (совр. «расизм»).

Государство австрийский мыслитель понимал как «организацию господства меньшинства над большинством», организацию властвования в интересах правящей группы. Прообраз государства он видел в племенных группах древности; политика в эту эпоху сводилась к «борьбе между расами», этническими группами. Образование государства Гумплович рассматривал с позиций теории насилия, самым видным представителем которой он является. Он полагал, что государство возникло в результате завоевания и порабощения одной расы другой (сильный покоряет более слабого). Из победителей сформировался правящий класс, а из побежденных – слой подданных. Дальнейшая социальная дифференциация происходит на базе этой первичной дихотомии. Основой политики является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти. Право при этом служит средством поддержания временного компромисса между различными социальными группами. Оно устанавливает границу сфер их деятельности и влияния. Право порождается государством, которое наполняет его нравственным содержанием. Постепенно происходит развитие в сторону сужения действия «публичного права», т. е. ослабляется государственная опека над индивидом. На высшей стадии развития государства общество может самостоятельно, без его поддержки, регулировать взаимоотношения социальных групп (то, что сейчас называют

«гражданским обществом»). Средством достижения такого «культурного государства» будет развитое самоуправление и, как следствие этого, снижение значения государственной бюрократии.

Войну между государствами Гумплович рассматривал как своего рода конфликт больших социальных групп, как борьбу между интересами государств. С развитием мирового хозяйства, распространением на Земле общей культуры и всеобщего международного права в человечестве будет расти отвращение к войне.

Немецкий философ Фридрих Ницше (1844–1900 гг.) представляет оригинальный подход к проблемам морали, права, государственности. В сочинениях «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла» и других он изложил собственный взгляд на человеческую историю и основные ценности современного общества.

Ницше различал два вида морали – мораль господ и мораль рабов. Рабы жаждут собственного счастья и наслаждения, как правило, сиюминутного. Поэтому мораль рабов представляет собой всего лишь способ объяснения действительности, заставляющий людей покоряться воображаемому нереальному миру. В первую очередь, это касается утвердившейся в Европе христианской этики, основанной на подчинении воле Бога. Так называемая идея долга в современной морали – не что иное, как насилие, принуждение. Философ писал о необходимости воспитания таких моральных качеств, когда должное будет одновременно и желаемым, когда этические установки превратятся в индивидуальные потребности (мораль господ). Ницше связывал это состояние со сверхчеловеком, нравственным идеалом, к которому должны стремиться люди. Сверхчеловек будет настолько отличаться от современных людей, что его можно рассматривать как отдельный биологический вид. Вместе с тем сверхчеловек – всегда глубокая индивидуальность, это умеренная личность, владеющая своими страстями, управляющая своим поведением, разумно планирующая свою жизнь.

Эти качества Ницше связал с волей к власти, реализуемой здесь как искусство жизни, в которой человек учится управлять самим собою. Однако в настоящее время инстинкт властвования ведет к борьбе между людьми. Его следствием является государство, «мудрая организация для защиты индивидов друг от друга». Он видел два его образа. Во-первых, это необходимость, действующая дисциплинирующим образом. Государство поддерживает стабильность, в конечном счете позволяющую людям реализовать свои способности. Итак, если государство формирует культуру, дает нации жизненные силы, оно необходимо. В этом случае будет выдержан принцип строгой общественной иерархии, при которой господствующее сословие отличается способностью к самоограничению и творческой силой. Подлинное гос-

подство Ницше отнес к сфере духа – это власть в силу выдающихся духовных качеств.

Во-вторых, государство является насилием над индивидом. В случае, если оно не соответствует жизненным потребностям, т. е. извращает свою цель (поддержание общественной иерархии), оно становится «смертью народов». Фридрих Ницше критиковал современное состояние человечества, в том числе в области морали, права и государственности. Главным признаком упадка является господство массы – толпы непримечательных личностей, живущих по законам морали рабов, согласно инстинкту к власти, понимаемому в прямом смысле. Демократию Ницше описывал как упадок цивилизации. Он осуждал в ней потворство массовой культуре, унификацию личности под знаменем равенства, иллюзорность правления большинства. Такой политический строй ведет к падению иерархий сословий и установлению общества борьбы всех против всех: «Смерть государства, разнуздание частного лица есть следствие демократического понятия государства».

Соответственно двум типам государства есть два вида права. Тем не менее, в основе каждого из них лежит «воля к увековечению соответствующих отношений власти». С одной стороны, право может обеспечивать естественную иерархию общества, при которой существует господство благородных творческих личностей. С другой стороны, оно может служить интересам господства массы, посредственности, обеспечивающей с помощью идеи «равенства» гарантии своему существованию.

Таким образом, Фридрих Ницше уделяет особое внимание «воле к власти». По Ницше, «воля к власти» в большей или меньшей степени присуща каждому человеку. По своей природе «воля к власти» близка к инстинкту самосохранения, является внешним выражением спрятанного внутри человека стремления к безопасности и движущей силой многих поступков человека.

Своеобразную попытку соединить формально-догматическое понимание государства и права с социологией предпринял немецкий государствовед Георг Еллинек (1851–1911 гг.).

Еллинек различал социальное учение о государстве и учение о государственном праве. Государство как социальное явление представляет собой обладающее первичной господствующей властью союзное единство оседлых людей; правовое понятие того же государства сводится к «корпорации» (юридическая личность, субъект права). В разных аспектах (в нормативном и в социальном) изучается и право.

Различая социальные и юридические понятия государства и права, Еллинек соглашался с Лассалем и другими авторами, отличавшими

писаную конституцию от фактической, создаваемой тем фактическим распределением социальных сил, которое существует в каждом государстве независимо от писаных правоположений. Право, по той же концепции, является компромиссом между различными противоречащими друг другу интересами. К этому Еллинек добавляет, что власть и право в их социальном аспекте должны истолковываться психологически. Общество, по Еллинеку, «означает совокупность проявляющихся во внешнем мире психологических связей между людьми».

Говоря о праве в социальном аспекте, он замечал, что положительность права в конечном счете основана на средней, типической убежденности народа в том, что это есть право действующее. На такой основе построен весь правопорядок: «Право существует только в нас самих, оно есть функция человеческого общения и потому должно опираться на чисто психологические элементы».

В социально-психологическом плане истолковывается и государство, сводимое к соотношениям воли властвующих и подвластных: «Власть, которая повелевает, но которой не подчиняются, теряет свой характер господствующей власти. Точнее говоря, вся государственная власть основана на повиновении подданных». Повиновение, по Еллинеку, обеспечивается там, где к фактическим отношениям господства присоединяется их психологическое признание подвластными как нормативных отношений («должно быть так, как есть»). Именно это нормативное сознание, придавая власти правовой характер, делает ее прочной: «Государственная власть должна – не считая переходных эпох – опираться на убежденность народа в ее правомерности, что применимо к всякой форме государства, не исключая и неограниченной монархии».

Еллинек, таким образом, высказывал идею, позже названную социологами и политологами идеей «легитимации государственной власти», ее признания подвластными, укоренения в общественном мнении как социально-психологической основы государственного порядка.

Подобно другим либералам Еллинек придавал большое значение правам и свободам как необходимому условию свободной от государственного вмешательства индивидуальной деятельности. Необходимо было доказать «связанность государства» им же создаваемым правом; с юридической точки зрения эту связанность Еллинек объяснял обязательностью законов для государственных органов: «Деятельность органов государства и есть сама государственная деятельность, другой деятельности государства, кроме осуществляемой через посредство его органов, вообще не существует». Однако, коль скоро «воля государственного органа и есть воля государства», с той же чисто юридической точки зрения тот же довод может обернуться противопо-

ложностью: любой, даже и противоречащий закону акт государственного органа должен считаться правомерным.

Выход из затруднения Еллинек находит в ссылке на социальное понятие государства и права, на господствующее социально-психологическое воззрение: «Вся наша современная культура основана на убеждении, что власть государства имеет свои границы, что мы – не подчиненные безгранично всемогущей власти государственные рабы».

В том же духе Еллинек пытался совместить юридическое понятие государства с понятиями социологии. «Всякий шаг вперед в области культурного развития можно назвать прогрессом идеи всечеловеческой солидарности». Он готов признать, что в прошлом существовали классовые господства, основанные на привилегированном политическом положении части народа; но теперь нет замкнутых господствующих классов, и государство является представителем общих интересов своего народа.

Но все же общество состоит из различных, противоположных друг другу, борющихся социальных групп, и потому оно не может иметь единой воли; представительное учреждение (парламент) должно выражать единую народную волю. Как снять это противоречие? Еллинек, подобно сторонникам юридической школы государственоведения, комментирует и одобряет институты парламентаризма (в том числе независимость депутатов от избирателей), но считает недостаточной чисто формальную точку зрения, теоретически разобщающую представителей и представляемых. «В государстве с представительной формой правления народ как единый элемент государства является в то же время активным членом государства, коллегиальным государственным органом». Народ, пояснял Еллинек, влияет на ход государственных дел через избирательное право; депутат по закону не обязан отчитываться перед избирателями, но находится под их фактическим контролем; «парламент, воля которого совершенно расходится с народными воззрениями, не может долго оставаться у власти».

Таким образом в парламентском, представительном правлении, по Еллинеку, снимается противоречие между единством государства как юридической личности и социальной разобщенностью интересов народа, образующего эту юридическую личность. Его концепция в программной части служила обоснованию развития представительных учреждений парламентского типа в Германской империи и других странах.

Тема 22. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. Либеральная идеология.
2. Социологический подход к праву.
3. Консервативная идеология.
4. Теория возрожденного естественного права права.
5. Анархо-коммунизм П. А. Кропоткина.
6. Политико-правовые аспекты идеологии народников.

Характерной особенностью российского либерализма, отличавшей его от западноевропейского, был его небуржуазный характер. Российские либералы были представлены в основном дворянскими кругами, чиновниками и интеллигенцией. Это наложило заметный отпечаток на их взгляды: стремление к достижению политических целей, не касаясь экономической либерализации, умеренность, предпочтение представительства конституционализму, признание ведущей роли в преобразованиях государственной власти.

Видным представителем этатистского (от франц. *etat* – государство) направления в либерализме был друг Д. Кавелина, профессор права Борис Николаевич Чичерин (1828–1904 гг.), автор первого в стране университетского курса по истории политических учений. Его основные сочинения – «Курс государственной науки», «Философия права». Чичерин рассматривал развитие общества как результат взаимодействия четырех субстанций трансцендентного Абсолюта. Эти субстанции проявляют себя в четырех общественных институтах: семья, гражданское общество, церковь, государство. Государство – главный союз, который «воздвигается над ними как высшая область», происхождение государства Чичерин связывал с харизматической личностью, религией, объективными потребностями жизни общества, завоеванием. Главным отличием государства от других союзов является верховная власть, правящая народом в рамках закона. Верховная власть, по Чичерину, единая, неделимая, безответственная, священная, повсеместная. Границами действия государственной власти российский ученый называл сферы нравственности и личного интереса.

Государство, по Чичерину, – это «союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховной властью для общего блага». Право, закон – средство, через которое государство влияет на общество. Чичерин выделял три модели соотношения государства и права: тоталитарная (государство стоит выше права и им не связано); либеральная (право поставлено выше государства); прагматическая (государство создает право, но связано им). Сам великий правовед склонялся к прагматичной модели.

Если право устанавливает нормы внешнего поведения людей, то нравственность – «внутренний распорядок человеческой души». Эти два элемента неразрывно связаны и одинаково необходимы: «Из одно-значных начал есть два, которые находятся в ближайшей и постоянной связи с политикой, переплетаясь с ней во всех отраслях государственной деятельности. Эти начала суть право и нравственность». Главное нравственное предписание – обходиться с людьми как с равными себе – есть одно из основных начал права. Однако если нравственный закон основан на внутренней свободе (собственном убеждении), то праву – закону юридическому – присущ принудительный характер. Оно служит мерой ограничения свободы одного относительно свободы других.

Кроме области нравственности важное значение в обеспечении свободы личности играет собственность, коренящаяся в природе человека. Вторжение кого-либо, включая государство, в право частной собственности Чичерин считал злом. Он выступал против имущественного уравнивания. Если равенство перед законом составляет требование свободы, то материальное равенство свободе противоречит. Поскольку силы и способности людей не равны, то и результаты их деятельности не могут быть одинаковы. Таким образом, свобода необходимо ведет к социальному неравенству. Уничтожить неравенство можно, только подавив свободу и превратив человека в орудие государственной машины. Поэтому задачей права является не уничтожение разнообразия, а только сдерживание его в разумных пределах. Итак, Чичерин делил справедливость (правду) на уравнивающую с формальным равенством, т. е. равенством перед законом, и распределяющую с пропорциональным равенством (прав и почестей в соответствии с заслугами, имущественным цензом). Первая – область частного права и гражданского общества, вторая – сфера публичного права, политики, государства.

Чичерин был приверженцем разделения властей, которое делает из государства «организм в идеальном смысле». Три основные ветви власти: законодательная, правительственная, судебная. В зависимости от формы правления каждая из властей может приобретать или утрачивать отдельные элементы компетенции. Допуская разделение властей в идеале, Чичерин отвергал возможность создания парламентского государства в современной России. Он писал, что для реализации принципа разделения властей необходим высокий уровень развития общественного сознания. Не случайно Чичерин является автором формулы охранительного либерализма – «либеральные меры и сильная власть». Он был сторонником постепенных, умеренных реформ с целью преобразования российского самодержавия в конституционную монархию: «Я люблю свободные учреждения; но я не считаю их при-

ложимыми всегда и везде, и предпочитаю честное самодержавие несостоятельному представительству».

Важным признаком власти для Чичерина является ее авторитет в глазах народа. Таким образом, государство не просто искусственное территориальное образование, а своего рода «общественный организм», ощущающий духовное единство. Однако основным механизмом сохранения власти мыслитель признавал средства принуждения – армию, полицию, суд. Хотя целью государства является общее благо, т. е. эта цель нравственная, ее достижение возможно такими средствами, которые осуждаются нравственностью: «Политика имеет в виду единственно практическую цель и практические средства; нравственное побуждение для нее дело постороннее». В то же время желательно, чтобы общая цель, стоящая перед государственным организмом, основывалась на гармонизации целей всех его граждан. Политик всегда должен помнить об ответственности за свои поступки.

Религиозный философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900 гг.) в своем труде «Оправдание добра» представил оригинальный взгляд на вопросы нравственности, права, политики. Согласно Соловьеву, любой общественный союз возникает на базе нравственного принципа, на «внутренних основах добра». В зависимости от конкретных устремлений человека им создаются разные виды общности: из стремления к формальным благам – государство, из влечения к вечной жизни – духовное общество, из стремления к справедливости – право. В любом случае в основе общественной жизни лежат духовные потребности, ее цель – создание Богочеловечества. Соловьев считал, что человечество как целое является единством более реальным, чем классы или государства. Он призывал к всемирному единению на основах, прежде всего, христианской нравственности, взаимной любви.

Мыслитель выделял три ступени развития человечества: семья (преобладают материальные потребности); государство (политическое общение людей); церковь (духовное общение). Государство он рассматривал как необходимое орудие культурного прогресса человечества: «В государстве впервые являются солидарно действующие человеческие массы». Государство и право – это формы преодоления природного эгоизма людей, «устой против стихийных сил» в человеке. Поэтому граждане обязаны выполнять предписания государства, служа общественному долгу. Государство призвано обеспечивать жизнь людей в мире относительных, а не абсолютных ценностей. Государственная власть удерживает людей от зла до тех пор, пока «все человеческие воли не созреют для решительного выбора между абсолютным добром и безусловным злом». Однако не всякая государственная власть является нравственно оправданной. Для этого ей необходимо приблизиться к идеалу христианского государства. В противном слу-

чае власть будет являть собой насилие, разъединяющее людей вместо того, чтобы объединять их. Итак, политика должна быть нравственной, должна быть связанной с христианскими ценностями: «Здравая политика – лишь искусство наилучшим образом осуществлять нравственные цели в делах народных и международных». Принципы нравственности распространяются как на внутригосударственную, так и на международную политику: «мы должны любить все народности, как свою собственную». Создание всечеловечества не упразднит особенности культуры отдельных народов; оно лишь объединит их под властью христианского идеала. Это будет «единство без смешения и различие без разлучения».

Если государство организует общество, защищая личность от зла, то именно церковь дает государству высшую цель и смысл его деятельности. Церковь стоит вне государства, скорее, над ним. Тем самым ограничиваются возможности самодержавного всевластия и поддерживается самодеятельное общество. Идеалом для Соловьева является «свободная теократия» – единство светской и духовной власти, личности и общности. При этом церковь «не вмешивается в государственные и экономические дела, но дает государству и земству высшую цель и безусловную норму их деятельности». Со своей стороны, светский правитель не может вмешиваться в вопросы веры и святости. Царь и первосвященник поддерживают своим авторитетом власть друг друга. Прообраз теократии Соловьев находил в организации католической церкви во главе с Папой. Для разрешения противоречий между светской и духовной властью Соловьев предлагал фигуру пророка – «вершину стыда и совести народа».

Согласно Соловьеву, специфика права заключается в идее равновесия, гармонии частных интересов. Право есть соединение личной свободы с общим благом, это «общее понятие, осуществляемое через особые суждения в единичных случаях или делах». Поэтому мыслитель критиковал как правовой нигилизм, так и абсолютизацию закона. Основанием права служат естественные права человека, свобода союза между людьми, сила государства. Прогресс общества Соловьев связывал с переходом от власти на основе только силы к управлению на основе закона. Отличительными признаками закона он называл публичность, конкретность, реальную применимость. Кроме того, закон апеллирует к религиозной нравственности, с его помощью Бог ограничивает проявление в обществе злых сил. Однако закон представляет собой только формальный ограничитель, он не содержит в себе нравственного смысла. Закон может быть несправедливым.

Нравственность и право Соловьев различал как общую цель и конкретный механизм ее реализации на определенном этапе: «Задачи права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Бо-

жие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад». Хотя право и должно быть нравственным, эти требования к нему минимальны. Юридический закон предписывает или запрещает конкретные практические действия, тогда как нравственная норма «не исчерпывается никакими определенными внешними проявлениями или материальными действиями». Итак, право российский философ определял как «принудительное требование реализации определенного минимального добра, не допускающего известных проявлений зла». Таким образом, правовое государство с помощью закона устанавливает границы интересов отдельных лиц, но не цели общества в целом. Право, это только форма для осуществления божественного плана. При достижении всеединства закон потеряет свою необходимость, ибо каждый будет ощущать свое единение со всеми и индивидуальные цели станут соответствовать всеобщей цели.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885 гг.) – один из основателей (совместно с Б. Н. Чичериным) так называемой государственнической школы в истолковании истории России. Согласно его представлениям, основу и движущую силу исторического процесса образует борьба личности за свободу и «постепенное изменение» общественных форм – от родовых отношений к семейным, которые, в свою очередь, уступили высшей форме общественных отношений – государству. Россия шла тем же историческим путем, что и Западная Европа, но отстала от нее и потому должна прибегать к заимствованиям достижений цивилизации. В этом смысле реформы Петра I двинули Россию по пути европейского развития в сторону свободы и управления с помощью «современных актов и законов». Оправдание эпохи петровских реформ – в ее целях, поскольку средства дала, навязала ей сама старая Русь. В отличие от славянофилов Кавелин считал, что наряду с общинным индивидуальное начало все-таки присутствовало и до Петра и привело к постепенному созданию у нас общественности и юридической гражданственности, хотя и в неразвитой форме «умственной, нравственной и гражданской культуры».

Социологическое направление в теории права и государства методологически исходило из того, что существование и развитие права и государства определяются общественными факторами. Выдвинутая Р. Иерингом теория юридически защищенного интереса нашла немало сторонников в России. Наиболее известными из них были С. А. Муромцев и Н. М. Коркунов.

Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910 гг.) – профессор гражданского права юридического факультета Московского университета, лидер конституционно-демократической партии, председатель I Государственной думы. Под влиянием концепции Иеринга, лекции которого

он слушал в Геттингенском университете, Муромцев создал собственное учение о праве. Его труды содержат исследования по римскому праву, гражданскому праву и общей теории права: «Очерки общей теории гражданского права» (1877 г.), «Определение и основное разделение права» (1879 г.), «Что такое догма права?» (1885 г.).

В своей теории Муромцев придавал главное значение правовым отношениям. В основе права лежат интересы индивидов, общественных групп, союзов и т. д. На базе интересов в обществе возникают различные отношения, регулирование которых осуществляется, отмечал ученый, с помощью различных санкций: юридической, моральной, религиозной и др. При этом каждое отношение может быть предметом нескольких санкций одновременно. «Мы соблюдаем их не думая, просто потому, что привыкли их соблюдать, что считаем это должным, без всякой связи с какой-либо санкцией», – отмечал Муромцев.

Отношение, соблюдаемое по привычке, обладает особенной прочностью и именно в силу этого, утверждал Муромцев, не нуждается в юридической санкции. «К праву не принадлежит все то, что соблюдается из приличий, из нравственности, из привычки, из обычая, из чувства долга, без внимания к факту юридической защиты. Правовое и прочное не одно и то же», – писал он.

Значение юридической защиты необходимо придавать только тем отношениям, которые еще недостаточно прочны и требуют дополнительных гарантий от государства. Однако форма правового существования тоже не является постоянной принадлежностью отношения: вначале, когда отношение несет в себе элемент случайности, необходимо его гарантировать юридической защитой, однако позднее, возможно, оно станет прочной и привычной нормой в данном обществе и не потребует государственного вмешательства. Юридической санкцией, считал Муромцев, обеспечивается только та часть общественных отношений, которая признается наиболее важной для интересов личности и государства и не может быть обеспечена иначе, как силой государственного принуждения.

По учению Муромцева правовой порядок – это существующий порядок отношений в обществе. На него воздействует ряд факторов: юридические нормы действующего законодательства государства, идеи справедливости, надежды на правовой порядок будущего времени, научные предположения и ориентиры и др.

На содержание правопорядка влияют интересы и отношения социальных групп. Муромцев писал, что общество пронизано союзами разной степени общности: дружеские кружки, товарищества, семья, община, сословие, партия, государство. От характера отношений внутри общественной группы зависит и форма их защиты, которая может вы-

ражаться порицанием со стороны общественного мнения, насильственными действиями потерпевшего против нарушителя, отказом от провинившегося сочлена (в партии, общине) и т. п. Эта защита интересов каких-либо групп населения происходит в формах, не определенных заранее, она «определяется в каждом отдельном случае, смотря по обстоятельствам». Муромцев называл такую форму защиты «неорганизованной защитой», а сами отношения, которые гарантируются от нарушений таким образом, – «правовыми».

Муромцев различал «правовое» отношение (отношение «защищаемое») и «юридическое» отношение (отношение «вынужденное, или защищающее»).

К правовым он относил те общественные отношения, которые складываются по поводу типичных для данного общества интересов отдельных лиц и их объединений. Эти отношения и интересы по мере признания обществом получают «неорганизованную защиту» со стороны общества и социальных групп.

Однако при столкновении различных интересов «неорганизованной защиты» уже недостаточно и необходимо, замечал ученый, обратиться за защитой нарушенного права к государственным органам, т. е. к «организованной защите». Она «вручается» судьям, должностным лицам государственных органов или общественных властей, действия их облекаются в точные формы с указанием границ компетенции, определенной процедурой принятия решений и т. д. Организованную форму защиты Муромцев называл «юридической».

Различая «юридическое» и «правовое», Муромцев оговаривал отсутствие между ними четкой границы, особенно в периоды «развитого государственного быта» (по существу, гражданского общества), когда в обществе действует и получает государственное закрепление особый, частный и групповой, не зависимый от государства интерес. «Тот факт, – писал Муромцев, – что государство может всегда выступить против неприятного для него права, созданного в союзе, подчиненном государству, вовсе не значит еще, что государство может всегда помешать возникновению такого права. Но только в подобном случае можно было бы говорить о государстве как единственном субъекте правообразования».

Тем не менее, утверждал Муромцев, сила государственной власти не абсолютна. В обществе существуют и другие силы, оказывающие влияние на правовой порядок (настроения в обществе, внешние условия). При установлении юридического характера отношений (возведение какого-либо отношения на степень права) деятельность власти ограничивается тем, отмечал Муромцев, что устанавливается факт притязаний у субъекта права по отношению к правонарушителям. Юридические отношения всегда возникают в форме притязаний.

Юридические нормы, которые создает государство, заявлял ученый, не всегда соответствуют существующему в данном обществе правопорядку. Встречаются случаи некоторых противоречий между предписаниями нормы и правопорядком, но бывает так, что правопорядок идет наперекор юридическим нормам. В результате «не только не будет защищаться то, что предписано в норме, но напротив, будет защищаться нечто, совершенно тому враждебное».

Большие надежды на преодоление противоречий между юридическими нормами и правовым порядком Муромцев возлагал на судебные и другие правоприменительные органы, которые должны быть способны постоянно приводить действующий правопорядок в соответствие со «справедливостью». По утверждению ученого «законодательная реформа – единственное верное средство для осуществления справедливости».

Основное внимание Муромцев обращал на суд и другие органы, применяющие право. Задача суда состоит в обеспечении полной гармонии между юридическими нормами и конкретным случаем, в индивидуализировании права. Для этого судья должен «осуществить справедливость», т. е. «применить юридические нормы именно в той степени, в которой случай характеризуется типичными свойствами, служащими основанием нормы». Таким образом суд превратится в арбитра между законом и конкретным правоотношением и сможет в соответствии со своим правосознанием проверять «жизненность» позитивного права, приводить закон в соответствие с «живым» правом.

Достоинство концепции Муромцева в том, что он защищал право как систему правоотношений, возникающих на основе конкретных интересов людей внутри гражданского общества. Право, по его глубокому убеждению, создается не только «велениями государства», «сверху», но и в процессе развития общественных отношений, т. е. «снизу». Созданное таким образом право нуждается в гарантиях государства от нарушений с помощью «организованной защиты». В этом процессе главную роль Муромцев отводил суду, организованному на современных, цивилизованных началах, основная задача которого состоит в юридической охране правовых интересов.

Учение о праве С. А. Муромцева оказало значительное влияние на социологическое направление правоведения. В России аналогичные идеи развивали М. М. Ковалевский, Ю. С. Гамбаров, Н. А. Гредескул и другие правоведы.

Видным государствоведом, теоретиком права и историком правовой мысли был профессор Николай Михайлович Коркунов (1853–1904 гг.), преподававший в Петербургском университете, Военно-юридической академии и других учебных заведениях теорию и энциклопедию права, российское и зарубежное государственное право. Вос-

приняв ряд идей Иеринга, Коркунов отвергал данное Иерингом определение права как «защищенного интереса», утверждая, что право предполагает не отдельный интерес, а связь, отношение не менее чем двух лиц с встречными интересами. Кроме того, рассуждал ученый, поскольку охрана интереса неизбежно включает контроль за выбором наилучшего способа его реализации, концепция Иеринга ведет к оправданию безграничной правительственной опеки над личностью.

Право есть не просто защита интересов, но их разграничение. Юридические нормы разграничивают интересы различных субъектов в отличие от норм технических, указывающих средства достижения определенной цели, и правовых правил, дающих сравнительную оценку разных интересов одного и того же лица. «Подобно оценке интересов и для разграничения их человеческое сознание вырабатывает определенные нормы – нормы разграничения интересов, которые также, как и нормы оценки, служат той же цели, совместному осуществлению всех разнообразных человеческих целей», – писал Коркунов.

Содержание общественной жизни составляют разнообразные интересы; чтобы определить границы осуществления сталкивающихся интересов, право устанавливает права и обязанности субъектов общественных отношений и тем самым, писал Коркунов, создает «важный порядок общественных отношений».

Коркунов отмечал, что гражданское право разграничивает интересы частных лиц, уголовное право – интересы обвинителя и подсудимого, гражданский процесс – истца и ответчика, государственное право – интересы всех участников государственного общения от монарха до подданного, международное право разграничивает интересы людей как участников международных отношений и как граждан конкретных государств.

Определенное воздействие на учение Коркунова оказали и модные в то время идеи социальной психологии. Он рассматривал право как «взаимное психическое воздействие людей», связывал общеобязательную силу закона с авторитетом веления органов власти, вызывающих «почти инстинктивное к себе повиновение».

В еще больших масштабах психологические категории использовались Коркуновым при исследовании понятия государственной власти. Подобно Еллинеку и другим государствоведам Коркунов, решая непосильную для юридического позитивизма проблему связанности государства своим правом, стремился соединить юридическую концепцию государства (государство как «юридическое отношение») с социологическими и психологическими конструкциями.

Государство, по учению Коркунова, – не лицо, а юридическое отношение, в котором субъектами права являются все участники государственного общения, а объектом служит государственная власть как

предмет пользования и распоряжения. Он возражал против формально-догматического подхода к государственной власти как к единой воле. Само понятие власти, по его мнению, не связано необходимо с понятием властвующей воли. Не всякая воля властвует, она может быть бессильна, безвластна. Вместе с тем воля всегда стремится к власти, приобретает, теряет ее, т. е. власть является объектом помыслов и действий воли. В то же время власть не предполагает обязательно волю. Властвуют иногда божества, представления о болезнях и грозящей беде.

Таким образом, власть, утверждал Коркунов, не обязательно направлена на властвование воли; это может быть и «воображаемая воля», которая, тем не менее, оказывает на человека такое же воздействие, какое имеет и действительно существующая воля. Для факта властвования нет необходимости, чтобы зависимость была реальной. «Для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальности ее», – отмечал Коркунов. Государство может властвовать, утверждал он, не обладая ни волей, ни сознанием своей силы.

Таким образом, государственная власть основывается не на чьей-либо воле, а на коллективном сознании людей, на их психологическом единении. «Власть есть сила, обусловленная не волей властвующего, а сознанием зависимости подвластного», – отмечал ученый. Таким состоянием постоянного властвования, опирающегося на добровольное подчинение, является, по Коркунову, государство: «Государство есть общественный союз, представляющий собой самостоятельное и признанное властвование над свободными людьми».

Обращаясь к идее разделения властей, он отвергал общепринятое понимание разделения властей как обособление законодательной, исполнительной и судебной власти. Сущность разделения властей, по его мнению, заключается «в обеспечении свободы надлежащим распределением функций властвования».

Взаимное сдерживание органов власти, обеспечивающее свободу граждан, достигается, по его мнению, не только обособлением разных функций государственной власти, но и вообще «совместностью властвования», которое находит проявление в трех формах: 1) в осуществлении одной и той же функции несколькими независимыми друг от друга органами; 2) в распределении между несколькими органами различных, но взаимно обусловленных функций; 3) в осуществлении различных функций одним органом, но различным порядком. Эти формы могут образовывать всевозможные комбинации государственных органов. «Нет ни одного государства, – отмечал Коркунов, – где бы законодательство, исполнение и суд были строго обособлены друг от друга».

Взаимное сдерживание государственных органов выражается в том, что указы имеют силу только при условии непротиворечия законам (законом Коркунов считал веление верховной власти, состоявшееся при участии Государственного совета; все остальные общие правила, исходящие от монарха, причисляются им к категории высочайших указов, издаваемых в порядке управления). Верховенство законов не может гарантироваться только депутатами либо министрами, необходимо, чтобы суду принадлежало право проверять юридическую силу указов. Поэтому отделение законодательной функции от правительственной возможно и в абсолютной монархии, где оно подходит под третью форму совместного властвования.

Рассуждая о государстве вообще или о государственном праве стран Запада, Коркунов нередко излагал радикальные идеи. Особенности возражения Коркунова вызывали цензовые избирательные системы: «Против ограничения избирательного права имущественным цензом в какой бы то ни было форме говорит то веское соображение, что этим искусственно усиливается и так резко проявляющееся различие между имущими и неимущими. Крайнее неравенство экономических условий и вытекающая из этого зависимость неимущих от владельческих классов и так составляет самое больное место современного общества. А всякое искусственное усиление экономического неравенства неизбежно усиливает и так опасный антагонизм общественных классов».

Характеризуя государственный строй самодержавной России, Коркунов отмечал устарелость российских законов о правах гражданской свободы, противоречие между гласным судом и местным самоуправлением, с одной стороны, и «странным анахронизмом», каким является бесправие личности перед административным произволом и полное отсутствие хотя бы малейшей свободы общественной деятельности, с другой стороны. Однако он полагал, что ближайшей перспективой развития государственного строя России должна быть не представительная, ограниченная монархия, как в странах Запада, а «правомерная, но самодержавная монархия».

По мнению Коркунова, упорядочение издания законов, наделение судов правом разрешать противоречия между указами и законами, учреждение административной юстиции в виде самостоятельной системы судов, предоставление им права отмены незаконных распоряжений, обеспечение гражданских прав (неприкосновенность собственности, право граждан на подачу петиций) в России не требуют наделения подданных политическими правами и создания представительства, ограничивающего власть самодержца. «Государь сосредоточивает в своих руках всю полноту верховной власти безраздельно, но осуществляет ее правоммерно», — писал Коркунов.

Заметное место в развитии социологического направления права в России занимает историк и правовед, ученый и политический-деятель, член I Государственной думы и Государственного совета Максим Максимович Ковалевский (1851–1916 гг.). Он преподавал в Московском (1877–1887 гг.) и Петербургском (1906–1916 гг.) университетах конституционное право, историю политических учений, историю иностранного законодательства и другие предметы. Учение Ковалевского о государстве и праве органически связано с его социологической концепцией. Методологической основой его учения явились доктрина О. Конта, взгляды Г. Спенсера, психология Г. Тарда, солидаристские доктрины Э. Дюркгейма и Л. Дюги. Известную формулу О. Конта «порядок и прогресс» он заменил более общим понятием «организация и эволюция». Не всякая эволюция прогрессивна и не каждая организация основана на порядке – порядок обеспечен лишь там, где общество образует «замиренную среду», основанную на общественной солидарности.

Каждая социальная группа, по Ковалевскому, есть прежде всего, «замиренная среда», в которой вместо борьбы водворяется «солидарность, или сознание общности интересов и взаимной зависимости друг от друга». Факт солидарности, ее требования признаются обществом и становятся социальными нормами. Право возникает и изменяется в результате того, что появляется вначале состояние неудовлетворенности существующим положением вещей, возникают новые требования, которые «переходят силой подражания сперва в общественное мнение, в юридическое сознание масс, а затем – в обычай и закон». Право, по Ковалевскому, – это «нормы, ставящие себе целью поддержание и развитие солидарности», «приводимые в жизнь организованной силой общества – государством», обладающие принудительной силой.

Понятие права в концепции Ковалевского имеет двоякое значение: 1) право есть отражение требований солидарности и обусловленной ею идеи долга, заставляющей индивидов брать на себя обязанности, чтобы сохранить интерес группы; это право предшествует государству и порождает позитивное право; 2) позитивное право, имеющее нормативный характер и обеспечиваемое принудительной силой государства, выражает волю не отдельного класса, а целого общества; оно содержит правила, призванные либо расширить, либо ограничить свободу индивида (зависит от того, в какой степени государство берет на себя функции, ранее исполняемые общественными союзами).

Ковалевский отвергал идею прирожденных прав, идущих от «естественного состояния». «Всякая декларация неотъемлемых прав личности может сделаться тормозом для дальнейшего политического развития, если считать ее содержание раз навсегда установленным», – отмечал ученый.

Личные права, по мнению Ковалевского, не зависят от государства, которое не может их отменить, «так как признание их является таким же требованием общественной солидарности, как установление самого факта государственного общежития».

Возникновение и права, и государства, согласно его теории, обусловлено интересами общественной солидарности. Состояние «замкнутой среды» с присущей ей взаимозависимостью людей, подкрепляемое принудительной силой (вооруженным насилием), ведет к объединению различных союзов в государстве.

Источник возникновения власти и государства Ковалевский под сильным влиянием теории Тарда усматривал «в психическом воздействии личностей, способных к инициативе, к творчеству, на массы, не способные ни к чему иному, как к подчинению своей деятельности чужому примеру и руководительству».

Ковалевский исследовал стадии развития общества и государства. Он писал, что догосударственному состоянию соответствует племенное княжество или правление совета старейшин (родовая организация). Государственности Античного мира свойственна непосредственная демократия, феодализму – сословная монархия, на смену которой приходит «всесословная» стадия развития общества. Последней соответствуют вначале цезаризм, а затем конституционная монархия и республика, дополняемые референдумом и прямым законотворчеством избирательного корпуса.

Продвижение каждого общества от низшей к более высокой стадии – историческая закономерность. Однако этому прогрессу противоречит, писал Ковалевский, «противопоставление бедности и богатства, рознь между имущими и неимущими». Для преодоления этого противоречия он полагал необходимым усиление вмешательства государства в распоряжение собственностью в интересах земледельцев и рабочих, юридическое закрепление права на труд, свободную деятельность профсоюзов, их борьбу за социальные права.

Ковалевский оспаривал «социалистическую доктрину о государстве как о политическом владычестве господствующего экономического класса». Господство одной части общества над другой представлялось ему лишь исключением, нарушением закона общественной солидарности. С этих позиций им осуждалось любое государство, посягающее на «личные права», как «деспотическое государство», «якобинское сверху или снизу».

Он был сторонником глубоких реформ, ведущих к утверждению «всесословного» (т. е. гражданского) общества. Он писал, что революция как средство социального изменения вызывается ошибками правительства, которое не удовлетворяют справедливые, естественные для своего времени требования народа. Кроме того, революция всегда

предполагает насилие, а значит, нарушение «замиренной среды» в обществе. «Нам совершенно чужда мысль об уничтожении разом чего бы то ни было и создании сразу нового строя, новой религии или новой морали, – утверждал ученый. – При медленности общественных изменений прогресс более надежен, чем при их быстроте, эволюцию надо предпочитать революции, или, выражаясь языком Конта, прогресс желателен только под условием сохранения порядка».

Ковалевский не одобрял самодержавие, но был сторонником сохранения монархии в России: «Республика кажется мне в России так же мало мыслимой, как и монархия во Франции». Он считал возможным эволюционное развитие самодержавия в «демократическую монархию», основанную на конституции и представительном правлении.

«Великие реформы» 60-х гг. XIX в. не решили до конца задачу обновления Российского государства. Поэтому на смену прежнему противостоянию славянофилов и западников приходит борьба двух других направлений – консервативно-охранительного и либерального. Как и в воззрениях славянофилов, в учении представителей «консервативного лагеря» значительное место занимают антизападнические настроения. Это характерная черта российского консерватизма XIX–XXI вв.

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885 гг.) – русский философ и историк, автор книги «Россия и Европа». В этом произведении впервые в полной форме даны основы цивилизационного подхода к пониманию истории человечества. Россия и другие основные государства-нации представляют самостоятельные культурно-исторические типы (сейчас используют термин «цивилизации»). Каждый из них отличается особенностями социально-экономического строя, политического устройства и духовными началами. Каждому культурно-историческому типу свойственно достижение вершин в определенной сфере, «категории». Развитие цивилизации проходит подобно жизни организма, циклично от зарождения до упадка. Вывод, который Данилевский делал из своей теории, близок идеям славянофилов: исторический путь России отличен от западноевропейского, ей не следует перенимать у Европы общественные и политические институты, культурные установки. В отличие от более старых цивилизаций Азии и Европы, Россия сочетает в себе не одно, а несколько начал, «категорий», поэтому Данилевский пророчил ей скорый расцвет и гегемонию в мире.

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907 гг.) профессор права Московского университета, видный государственный деятель, занимавший должность обер-прокурора Святейшего Синода. Среди его произведений выделяется «Курс гражданского права», не только

излагающий соответствующий материал, но отражающий взгляды на сущность права и государственности. Религиозно настроенный Победоносцев в своих взглядах исходил из библейского мифа о грехопадении и порочной сущности человека. Поэтому типы организации власти он связал со степенью падения духовности общества. Это древнее народовластие, монархия, вторичное народовластие (демократия). Древнее народовластие требовало от человека максимальной ответственности, проявления чувства долга перед другими, добровольного подчинения власти. Такая форма правления недолговечна, и в наше время ее можно оценить как монархическую власть, преследующую те же самые цели, но уже с помощью силы, а не внутреннего убеждения. Что касается вторичного народовластия, то Победоносцев критиковал этот строй за ложную замену религиозной веры волей индивида, за замену веры рациональным гением. Демократические институты, такие, как парламент, проникнуты ложью. В реальности они предоставляют власть честолюбивым властолюбцам, а не народу. Поэтому необходимым элементом здорового общества и государства является развитое правосознание.

Русское общество Победоносцев противопоставлял Западу, особенностью российского политического сознания он считал патернализм, уподобление государства семье с ее отеческой заботой старших над младшими, идеей верности и жертвенности. В современном российском обществе, считал Победоносцев, основной заботой государства является удержание народа от увлечения атеистическими и либеральными идеями. Только укрепление самодержавной власти может помочь в решении этой задачи.

Лев Александрович Тихомиров (1852–1923 гг.) начал свою карьеру в качестве революционера, видного деятеля группы «Народная воля». С конца 80-х гг. XIX в. он отрекается от левых убеждений и переходит в стан монархистов. При этом он выступил сторонником модернизации России без отказа от монархии. Его монография «Монархическая государственность» была призвана обосновать превосходство этой формы правления. Монархия, как писал Тихомиров, «не состоит в произволе одного народа. Состоит же она в единоличном выражении идеи всего национального целого». Итак, царь выступает не деспотом, а гарантом «общественной совести», а неизбежная тенденция к абсолютизму должна ограничиваться религиозными и нравственными нормами. Поэтому союз церкви и государства занимает в концепции Тихомирова видное место. Вместо партийного парламента Тихомиров призывал к созданию корпоративного представительства разных «общественных элементов». Их участие в законодательной деятельности и управлении будет дополнять бюрократическое правление и контроли-

ровать его. С той же целью Тихомиров предлагал разграничить законодательную, судебную и исполнительную власти.

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891 гг.) более всего был озабочен опасностью перемен для самобытности и цельности народного организма, и прежде всего – опасностями надвигающегося эгалитарно-либерального прогресса. «Надо просить Царя,– писал Леонтьев,– чтобы он держал нас грознее». Пора перестать бояться страшных слов, раз дело идет о необходимости спасти Россию от грядущего зла. Надо не останавливаться и перед насилием, ибо без насилия нельзя.

Леонтьев разделял позицию автора «России и Европы» в том отношении, что вся история состоит всего лишь из смены культурных типов, причем каждый из них «имел свое назначение и оставил по себе особые неизгладимые следы». Обсуждая вопрос о возможности прогнозировать будущее различных культур (культурно-исторических типов, по Данилевскому), Леонтьев приходил к выводу, что такое прогнозирование может быть обоснованным и осуществимым.

Государственные организмы подчиняются циклу, который Леонтьев определяет в 1200 лет (современный философ историк Л. Н. Гумилев сходный органический возраст обосновал для существования крупных этносов). Таким образом, отмечал он, у таких государств, как Англия, Германия, Франция и тем более Россия, остается еще некоторый срок для завершения этого цикла.

Леонтьев отвергал либеральный эгалитаризм, сближая и часто отождествляя его с анархизмом и с эгалитаризмом социалистов. В обсуждении перспектив последнего он предсказывал появление особого, «нового социалистического феодализма».

Обсуждая тему «русской государственности», Леонтьев был склонен выводить ее природу из византийского и отчасти европейского наследия.

Среди великих русских писателей прошлого века, оставивших заметный след в истории социальной и политической мысли, значительное место принадлежит Ф. М. Достоевскому. Это он произнес слова о том, что «у нас – русских две родины: наша Русь и Европа» (в заметке по поводу кончины Жорж Санд). Позднее Достоевский значительно изменил это мнение, особенно после поездки в Европу, и стал солидаризироваться с И. Аксаковым в восприятии Европы как «кладбища», признавая ее не только «гниющей», но уже «мертвой» – разумеется, для «высшего взгляда». Однако его отрицание не выглядело окончательным – он сохранял веру в возможность «воскресения всей Европы» благодаря России (в письме к Страхову, 1869 г.).

Такой взгляд во многом предопределялся размышлениями над внутренней стороной европейской жизни, над ее цивилизацией. «Цивилизация, – писал он,– вырабатывает в человеке только многосторон-

ность ощущений... и ничего больше». При этом с ростом цивилизации никак не возрастают нравственные силы человечества и в итоге, отвергнув Христа, европейская цивилизация «оставляет человека с его бессильной и бесплодной свободой, как бы обнажает хаос, который таится в человеке; цивилизация не в силах справиться с теми трудностями, которые она же сама и создает».

Отсюда глубокое недоверие Достоевского к социализму, базирующемуся на предположении о возможности переделать человеческую природу, создать «нового человека» Поэтому социализм для него всецело покоится на насилии (к этой мысли писатель приходит не сразу). Утопичность и фантастичность социализма он воспринимал как мнимое преодоление европейской нравственной трагедии. Равным образом он критически оценил и русский революционный активизм конца 60-х гг. В романе «Бесы» можно увидеть и осуждение уже имевшего место революционного авантюризма, и предостережение против любой революции, и общий вывод о несовместимости справедливости и братства с революционным социализмом.

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924 гг.) – философ права, один из основателей концепции «возрожденного» естественного права в России, исследователь истории политических учений Нового времени. Он был профессором Московского университета, основателем и первым деканом Русского юридического факультета в Праге. Ему принадлежат работы по истории философии права, вопросам теории права и государства, среди которых наиболее известны «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» (1909 г.), «Об общественном идеале» (1917 г.).

Новгородцев был представителем нормативно-этической концепции права. Философско-методологической основой его концепции являлись учения Канта и Гегеля. Поиск и обоснование общественного идеала – тема всей жизни и научной деятельности Новгородцева. Он различал понятия абсолютного и относительного идеалов.

Абсолютный идеал создается каждым человеком самостоятельно и выступает в качестве требования нравственного поведения индивида, бесконечного совершенствования личности. В основе этого идеала лежит личность как абсолютная цель общественного прогресса. Требование абсолютного идеала, по учению Новгородцева, носит вневременной характер и является общим для права и морали. Однако в каждой из этих областей – в области права и в области морали – стремление к идеалу получает свое особое выражение соответственно существованию той руководящей идеи, которая в них проявляется. Необходимо определить, писал Новгородцев, каков должен быть абсолютный идеал применительно к области социальных явлений.

Относительный идеал зависит не только от конкретного лица, но и от других субъектов общественной жизни (группы, класса, движения, партии т. д.) и ориентирован всегда на создание какого-либо общественного порядка, отражающего в то же время сущность отдельного человека (личная безопасность, свобода, равенство, собственность, солидарность и т. п.). В отличие от абсолютного, который имеет безусловное значение, относительный идеал носит условный характер.

Общество как союз лиц содержит в себе множество различных интересов, которые должны быть каким-то образом согласованы между собой. Взаимодействие лиц закрепляется в «нормах совместной жизни», в учреждениях и нравах, присущих данному обществу. В совместной деятельности лиц в обществе создается особая, самостоятельная область нравственных требований. Нравственный закон понимается не только как норма личного поведения человека, но и как основа общей нравственной жизни, «связывающая всех воедино некоторой общей целью – стремлением к абсолютному идеалу».

Поскольку, согласно концепции Новгородцева, общественный идеал носит духовный характер, ученый уделяет основное внимание проблеме соотношения права и нравственности. На этом базируется нормативно-этическое понимание права, в основе которого лежит понятие естественного права как части нравственной субстанции.

Новгородцев по-своему развивал понятие естественного права с изменяющимся содержанием. Мораль столь же неизменна, рассуждал Новгородцев, сколь постоянна сущность человека: то, что нравственно для одного человека, не может (не должно) быть этически безразличным для другого. Право же (и правосознание) подвижно и изменчиво, вплоть до того, что право может противоречить само себе или идее справедливости. Проблема заключается в том, чтобы в процессе совершенствования права: 1) не выходить за пределы моральных критериев и 2) направлять правотворчество в соответствии с этическим идеалом в такой степени, в какой это возможно в данном исторически определенном обществе. То, что неосуществимо в одном обществе, может быть реализовано в другом.

Гегелевскую идею развития свободы, воплощения ее в конкретных условиях Новгородцев стремился соединить с этической теорией Канта. Результат не мог быть иным, чем идея «естественного права с изменяющимся содержанием», выражающая идею прогресса в правосознании (и в праве) при незыблемости принципов нравственности, основанных на признании ценности и достоинства личности всех времен и народов. Иными словами, если «право – минимум нравственности» (как утверждали Г. Еллинек, В. Соловьев и др.), то этот «минимум», по Новгородцеву, может быть различен для разных исторических возможностей и объективных условий.

Недопустимо, заявлял он, подчинять личность обществу «в качестве орудия или средства» своего существования. С этих позиций Новгородцев критически оценивал теории марксизма и революционного синдикализма. Какую-либо общественную задачу личность может выполнить только по-своему, в своем собственном понимании и своеобразном выражении. Поэтому, отмечал Новгородцев, каждый человек ощущает потребность в соединении и взаимодействии с другими индивидами: «Чем яснее мы сознаем, что личность есть незаменимая, неповторяющаяся и своеобразная индивидуальность, тем ярче выступает необходимость конкретного сочетания индивидуальных различий для достижения идеальных целей».

Новгородцев писал, что без свободы немыслима индивидуальность личности; вместе с тем в отношении ко всем людям необходимо признать равенство их возможностей на существование, развитие, проявление в обществе их особенных черт. Для осуществления притязаний – свободы и равенства – личность берет на себя обязательства «солидарности и единства с другими» в осуществлении своих идеальных стремлений, интересов, потребностей. Общественный идеал, по Новгородцеву, представляется как «принцип всеобщего объединения на началах равенства и свободы», как «принцип свободного универсализма».

Общественно-политический идеал (относительный – по терминологии Новгородцева) в конце XIX – начале XX в. выражался, согласно его учению, в требовании правового государства. Он стремился, учитывая состояние общественной жизни, выявить черты нового этапа идеи правового государства, а именно социально-правового государства. В работе «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» ученый глубоко исследует новое содержание требований свободы и равенства, считая, что государство должно взять на себя заботу об экономически слабых лицах, которые в силу различных причин неспособны к существованию за счет собственных материальных средств.

Новгородцев писал, что цель права – охрана свободы, однако пользование этой свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств. Вот почему, несмотря на то, что задачей и сущностью права является охрана личной свободы, не менее важна и возможность осуществления этой задачи – забота о материальных условиях свободы. Решение данной проблемы, заключал ученый, должно взять на себя государство.

Новгородцев обосновал понятие «право на достойное человеческое существование». Обладая нравственной природой, это право, рассуждал ученый, должно иметь юридическое значение. «В этом случае на наших глазах совершается один из обычных переходов нравственного

сознания в правовое, которыми отмечено прогрессивное развитие права». Новгородцев обосновывал необходимость «обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно». Он призывал к введению понятия права на достойное человеческое существование в Декларацию прав человека и гражданина и к юридической разработке основных институтов этого понятия в рамках позитивного права.

Выступая с обоснованием демократических социальных реформ, Новгородцев считал необходимым создание в России правового государства. В 1920 г. Новгородцев эмигрировал и в 1922 г. выступил основателем и первым деканом Русского юридического факультета, а также председателем Религиозно-философского общества имени Вл. Соловьева в Праге. В последний период жизни в творчестве Новгородцева усилились религиозные настроения: все движение человечества представлялось ему по пути к теократии; связь права и нравственности он полагал в более высоком единении на основе религиозного закона.

Философ и теоретик права и государства Богдан Александрович Кистяковский (1868–1920 гг.) в своем основном произведении «Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (1916 г.) глубоко исследовал понятие права как социального явления и как части духовной жизни человека, методологию изучения права, вопросы государственной власти, проблемы прав человека и гражданина, идеи правового государства и возможности перехода к социально-справедливому государству.

Кистяковский, как и другие сторонники неокантианской методологии, различал науки о природе и науки о культуре. Для первых наук характерен закон причинно-следственных отношений, для вторых, к которым относится и правоведение, – закон цели, согласно которому люди осуществляют свою деятельность в обществе.

Государственно-организационное, или государственно-повелительное, понятие права состоит в «совокупности норм, исполнение которых вынуждается, защищается и гарантируется государством». Право, согласно этому подходу, «есть то, что государство приказывает считать правом». Большое значение этого понимания права несомненно, отмечал Кистяковский, так как оно содержит «государственно-организационный элемент в праве», но и крайне ограничено в силу того, что за рамками права остаются обычное право, часть государственного права и международное право.

Социологическое понятие права обращает внимание на право как на совокупность осуществляющихся в жизни правовых отношений. Право, согласно этому подходу, представляет собой социальное явление.

ние, заключающее в себе широкий круг национальных, бытовых, экономических и других отношений. Во взаимодействии с ними право вырабатывается, изменяется, развивается. Такое правопонимание, считал ученый, безусловно, шире государственно-повелительного, поскольку обнимает и обычное, и государственное, и международное право во всем их объеме. К недостаткам этого правопонимания Кистяковский относил отсутствие четких границ между правовыми и неправовыми отношениями. В силу неясности критерия – что именно считать правом – социологи права, отмечал ученый, любят обращаться к словесным определениям типа «социальная солидарность», «замыренная среда» и т. п. Однако подобное правопонимание содержит в себе «чисто этическое содержание».

Нормативное понятие права признает право как «совокупность норм, заключающих в себе идеи о должном, которые определяют внешние отношения людей между собой». Это понятие права указывает на устойчивый характер права (долженствование), который не определяется исчерпывающим образом ни одним другим правопониманием. Недостаток нормативного правопонимания заключается в том, писал он, что оно не всегда определяет реальное, действующее право, поскольку характер долженствования распространяется на то право, которое было бы желательно с точки зрения современного правосознания.

Кроме «теоретических понятий» права Кистяковский определил «технические понятия», к которым относил юридико-догматическое и юридико-политическое понятия. Назначение этих понятий заключается в определении и систематизации правовых явлений для решения чисто практических задач догматической юриспруденции.

Юридико-политическое понятие права, или политику права Кистяковский определял как совокупность правил, помогающих находить и устанавливать какие-либо устойчивые нормы в общественной жизни, тем самым закрепляя за ними правовой характер.

Все эти понятия права не должны быть сводимы друг к другу. Между ними нет логической подчиненности, и поэтому они должны изучаться параллельно. Но, несмотря на множественность научных понятий права, утверждал Кистяковский, право как явление едино. Применяя различные методы изучения одного явления социальной жизни – права, в правоведении нельзя создать единого научного понятия права, таких понятий будет несколько. Разработкой этих понятий должна заняться, по мнению Кистяковского, общая теория права. Нельзя довольствоваться только перечислением разных правопониманий, необходимо, считал ученый, «найти такие логические формы, которые объединили бы различные научные понятия явлений, лежащих в основании культурных благ».

Следуя Канту, ученый утверждал, что в основе права как проявления нравственности лежит принцип этического долженствования, предполагающий построение мира ценностей. Ценности составляют особый вид бытия, а именно – «культурную общественность». Это – особый мир, который существует параллельно с миром природы и должен так же глубоко исследоваться человеком. Объектом подобного изучения для юриста должно быть признано правосознание людей, понимание ими значения права для регулирования социальных отношений и поддержания общественного порядка.

Кистяковский отождествлял конституционное и правовое понятия государства. Государство и право, утверждал Кистяковский, возникли и некоторое время развивались независимо друг от друга, однако постепенно государство стало признавать своей важной обязанностью заботу об охране права. Появилась возможность произвола, поскольку государство сделалось единственным судьей в вопросах действующего права. Но вскоре, замечал Кистяковский, обнаружилось, «что в силу самой природы государства для него существует принудительная необходимость основываться в своей деятельности на праве». «...Доставляя государству опору, право вместе с тем постепенно обязывает его самого следовать правовым предписаниям и нерушимо их соблюдать. Идя этим путем, право с течением времени все больше и больше расширяет свое господство над государством. В конечном результате этого процесса право перестраивает государство и превращает его в правовое явление или в создание права». Таким «созданием права», утверждал ученый, может быть признано только «современное конституционное или правовое государство».

Кистяковский критически исследовал современное ему российское правосознание и отмечал, что в России, в первую очередь со стороны интеллигенции, нет интереса к правовым идеям. Правовой нигилизм в России – свидетельство, по его мнению, «отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа», желание решать спорные дела не формально, на основе норм права, а по совести, любая гарантированность правом считается в России отсутствием доброго чувства и т. д. Кистяковский в работе «В защиту права» приводит стихотворные строки поэта-юмориста Б. Н. Алмазова (вложенные в уста К. С. Аксакова взгляды славянофилов): «По причинам органическим мы совсем не снабжены здравым смыслом юридическим, сим исчадьем сатаны. Широки натуры русские, нашей правды идеал не влезает в формы узкие юридических начал».

Как ориентир для развития государства Кистяковский предлагал идею правового и социально-справедливого государства. В России, отмечал Кистяковский, несмотря на то, что в обществе по большей части «не встречается правильного понимания истинной сущности

права, тем не менее создаются формальные предпосылки (государственные реформы), которые необходимы для того, чтобы авторитет права был незыблемо утвержден в нашей государственной, общественной и частной жизни».

Заслугой Кистяковского является глубокое обоснование множественности методов в изучении права. Руководствуясь этим подходом, он и разработал четыре теоретических и два технических понятия права, вместивших в себя все достижения юридической науки того времени. Объединяющим эти понятия права фактором он считал философию культуры, ориентируя всех лиц на участие в «созидании, применении и осуществлении права» через «творческий порыв, запросы разума, напряжение чувства и усилия воли». «Для права недостаточно духовной активности со стороны только законодателя, судьи и администратора. Каждый гражданин должен быть духовно деятельным в области права и по-своему творить его», – писал Кистяковский.

Различные понятия права, по убеждению Кистяковского, должны быть не только ориентированы на изучение культурных благ, но и объединены с помощью каких-либо синтетических форм в новый вид познавательной деятельности человека. Эта проблема общего учения о праве остается актуальной и в настоящее время.

Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920 гг.) известен в истории отечественной политико-правовой мысли как философ-правовед, преподававший историю философии права, энциклопедию права в Ярославском Демидовском юридическом лицее, в Киевском, а с 1906 г. – Московском университетах. Он был одним из организаторов Психологического общества при Московском университете, Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, членом Государственного совета (1907–1908 гг.).

Особенное внимание Трубецкого было направлено на исследование содержания права как свободы. Согласно его взглядам право – это «внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой», или «совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях».

Следуя Канту, Трубецкой считал, что право должно регулировать только внешнюю свободу людей и не может вторгаться в сферу морали. Именно с этих позиций он выступил с критикой положений В. Соловьева, согласно которым право понималось как минимум нравственности. Трубецкой указывал на смешение требований права и нравственности как на неизбежный результат подобного правового понимания. Он отмечал, что существует много нейтральных по отношению к нравственности норм, даже безнравственных, которые, тем

не менее, закреплены государством в качестве общеобязательных для исполнения.

Трубецкой писал, что право и нравственность представляют собой две тесно взаимосвязанные области, которые можно сравнить «с двумя пересекающимися окружностями: у них есть, с одной стороны, общая сфера – сфера пересечения, в которой содержание их совпадает, и вместе с тем две отдельные области, в коих их требования частью не сходятся между собою, частью даже прямо противоречат друг другу».

Содержание права – всегда сфера внешней свободы лица. В основе права лежит безусловная ценность – личность в своем исторически-конкретном проявлении. Вместе с тем вся область права есть, по Трубецкому, ценность условная. К этим ценностям он относил «порядок, власть, собственность», т. е. те средства, которые обеспечивают безопасность человека в обществе. Коль скоро требования соблюдать порядок в государстве, обеспечивать правовую организацию общества и другие изменяются с течением времени и места, они носят условный характер. Несмотря на внешний характер своего воздействия на человека, эти требования являются, согласно мнению ученого, ценностью.

Мотивы поведения, психические переживания, настроения людей, безусловно, важны для права, особенно они учитываются в уголовном праве. Но пока помыслы и намерения не выражены во внешних действиях, праву нет до них дела. Так, отмечал ученый, человек, только замысливший преступление, но ничего не сделавший для осуществления своего замысла, осуждается нравственностью, но не является нарушителем права. Область права, по Трубецкому, составляют только те правила, которые предоставляют или ограничивают внешнюю свободу лица независимо от того, нравственны они по своему содержанию или нет. Например, ложь, осуждаемая нравственностью, поскольку она не наносит никому ущерба, не является нарушением сферы внешней свободы лица, а клевета как вид лжи есть нарушение не только требований нравственности, но и правовых норм, ибо посягает на внешнюю свободу индивида.

Содержание нравственности определялось Трубецким как добро или благо человека; требования нравственности касаются и действий, и настроений индивида. В эту область, отмечал он, входят все вообще нормы, предписывающие осуществлять добро, независимо от того, имеют или нет эти требования правовое значение.

Трубецкой выступил сторонником нового понимания естественно-го права – «возрожденного» естественного права. Право в целом, утверждал ученый, должно служить нравственности, однако для этого необходимо определить четкий критерий данной цели. Осуждая сторонников нравственного идеализма, видевших в нравственности только кодекс неизменных требований должного, Трубецкой предлагал

соединить идеи исторической школы права (право – продукт истории) с требованием представителей естественного права о нравственных ориентирах права.

Содержание идеи добра с течением времени менялось, кроме того, оно неодинаково для разных народов, но сам закон, требующий поступать нравственно, признается всеобщим, т. е. обязательным для всех людей. Таким всеобъемлющим законом добра Трубецкой считал требование солидарности людей с ближними. При неизменности самого этого требования понятие солидарности, отмечал ученый, понималось по-разному. Дикарь признает себя связанным только с членами своего рода и племени; для древних греков, замечал Трубецкой, солидарность распространялась только на расу эллинов, а все остальные были для них варварами. И лишь христианство, заявлял он, «сводит все обязанности человека по отношению к ближним к заповеди любви, причем под ближним, которого мы должны любить, подразумевается всякий человек как таковой».

Идеи теории естественного права с меняющимся содержанием Трубецкой стремился связать с религиозной философией всеединства.

Он полагал, что право есть проявление Абсолютного на несовершенной ступени человеческого развития, когда люди обращаются за защитой своих интересов к праву и государству. Он утверждал, что Евангелие ценит право и государство не как «возможную часть Царства Божия, а как ступень исторического процесса», этап восхождения к Абсолюту. Поэтому необходимо, по его мнению, ценить всякое, в том числе и относительное благо, любую условную ценность в жизни человека. «Всякая положительная величина, хотя бы и малая, должна быть предпочтена полному ничтожеству», – писал Трубецкой.

Анализируя состояние правопорядка в тот период в России, Трубецкой настоятельно указывал на необходимость изменений в обществе с помощью реформ. Реорганизация, в основе которой лежит компромисс общественных сил, должна проходить сверху и осуществляться мирным путем. Ученый выступал с критикой как «черного зверя» – правительства, медлящего с проведением реформ, так и «красного зверя» – революционных организаций – за всепоглощающее разрушение.

Идеи Трубецкого о содержании права как компромиссе между максимальной внешней свободой человека и благом всего общества, разграничение естественного и позитивного права, требования реформирования общества оказали влияние на философско-правовые взгляды Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, С. Л. Франка.

Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921 гг.) – российский географ, геолог и социолог, видный представитель анархизма. Его основные

произведения – «Анархия, ее философия, ее идеал», «Взаимопомощь как фактор эволюции». В основе концепции Кропоткина находится критика государства, которое он рассматривал как «абсолютное зло», порабащающее человека с малых лет. Он определял государство как организацию, призванную «поддерживать права, приобретенные известными классами, и пользоваться трудом рабочих масс; чтобы расширить эти права и создать новые, которые ведут к новому закреплению обездоленных». Вся деятельность государства – не более чем «бесконечный ряд преступлений». Оно является главным источником общественного зла и потому подлежит уничтожению.

Свою теорию Кропоткин называл анархо-коммунизмом. Идеалом мыслителя была федерация свободных производственных коммун, в которых личность получит все возможности для своего свободного раскрытия. Достижение этого идеала Кропоткин связывал не с революционным насилием, а с естественным ходом вещей, законом цикличности исторического развития цивилизаций. Он считал, что современное ему западное государство практически исчерпало пределы своего развития и вскоре неизбежно сменится строем, основанным на законе взаимной помощи. Этот закон, в равной степени присущий природному и социальному миру, является главным двигателем эволюции, прогресса. В капиталистическом обществе воплощением всеобщего закона являются, прежде всего, профессиональные союзы. Однако на пути реализации закона взаимной помощи находится множество препятствий, главное из которых – государство. Он критиковал государственное законодательство как анахронизм и ограничение свободы большинства правящим меньшинством. Поэтому «закон – не что иное, как клочок бумаги, который всегда можно разорвать или написать заново». Сжечь все существующие законы – самое лучшее, что с ними можно сделать! В качестве альтернативы позитивному законодательству Кропоткин предлагал соглашения, заключенные всем народом, а также «привычки и обычаи».

В основании будущего анархо-коммунистического общества будут находиться взаимопомощь, солидарность и «децентрализм» (т. е. федерализм). Главный элемент этого общества – самоуправляющаяся производственная коммуна. Кропоткин тщательно описывал все стороны жизни в коммуне. Рабочий день там будет длиться не более 5 часов, что позволит преодолеть разделение на физический и интеллектуальный труд: «Употребив половину дня на производительные работы, он занимался бы одобренной отраслью (науки и искусства) из любви к делу, а не с корыстной целью». Особое внимание следует придавать образованию. Главной целью его является воспитание ответственности и самостоятельности выбора. Основанные на законе

взаимной помощи коммуны свободно объединяются в федерации, связанные кооперацией и обменом.

Кропоткин был сторонником ненасильственного перехода к новому справедливому строю, поэтому он критиковал Октябрьскую революцию. Он высоко оценивал идею власти Советов, хотя отвергал ее реализацию большевистской партией: «До тех пор, пока страной правит диктатура партии, Советы рабочих и крестьянских делегатов не будут иметь значения».

В 70–80-е гг. XIX в. России приобрело массовый размах движение народников – пропагандистов из интеллигенции, осуществлявших «хождение в народ» и призывавших крестьян к свержению самодержавия. Народники следовали лозунгу, выдвинутому А. И. Герценом, – «В народ!» Они основывались на его идее о возможности перехода в России к социализму через крестьянскую общину и крестьянскую революцию. С течением времени это движение распалось на несколько направлений.

Одно из них представляли последователи Петра Лавровича Лаврова (1823–1900 гг.). Своей целью они ставили систематическую революционную пропаганду, просветительство, подготовку в крестьянской среде борцов за социальную революцию. Лавров обосновал тезис о том, что «одинокое борющееся личное» движет историю. Он делал вывод, что именно представители интеллигенции составят основу революционного движения. Их задачей является разъяснение массам их прав и возможностей, подталкивание их к революции. В работе «Государственный элемент в будущем обществе» Лавров рассматривал государство как зло, которое невозможно уничтожить сразу, а можно только постепенно «довести до минимума». Это будет осуществлено по мере нравственного воспитания общества, утверждения в нем принципов солидарности. Таким образом, по мере развития социалистического общества, которое установится после победы революции, государство постепенно отомрет. Зрелый же социализм не знает государственности в смысле принудительной власти одной личности над другой».

Другой теоретик народничества – Петр Никитич Ткачев (1844–1886 гг.), один из лидеров тайного общества «Народная расправа». Вопросы революционной тактики раскрыты в его «Открытом письме Фридриху Энгельсу». Ткачев полагал, что уже теперь капиталистические отношения получили в России слишком глубокое развитие. Поэтому нельзя терять время на пропаганду и ждать, «когда самодержавная власть вступит в союз с крепнущей буржуазией» (как это произошло в Западной Европе). Революционер должен не подготавливать, а делать революцию. «Весь вопрос сводится к приобретению силы вла-

сти», – говорил Ткачев. Небольшая революционная группировка – партия способна захватить политическую власть уже сейчас. Захват власти он рассматривал как начало преобразований, всего лишь «предлюдию» к революции. При помощи нового, революционного государства правящая группировка будет подавлять свергнутые классы, перевоспитывать народ в коммунистическом духе и проводить необходимые реформы. В числе этих реформ – обобществление орудий производства, устранение неравенства, упразднение семьи, постепенное ослабление и упразднение центральных функций государственной власти.

Тема 23. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

1. Политико-правовые идеи солидаризма и институционализма (Л. Дюги, М. Ориу).
2. Политико-правовая теория М. Вебера.
3. Школа «свободного права» О. Эрлиха.
4. Политико-правовая идеология национал-социализма (фашизм).
5. Теория «консервативной революции» (О. Шпенглер).

Французский правовед и социолог Леон Дюги (1859–1928 гг.) представитель школы солидаризма, автор сочинения «Государство, объективное право и позитивный закон». Свое учение он противопоставлял «отвратительной доктрине» классовой борьбы и революционных действий.

Дюги исходил из того, что люди являются социальными существами, объединение которых в общество основано на факте солидарности. Действующие в социуме взаимоотношения людей регулируются нормой солидарности, которая имеет две стороны: нормативную и конструктивную. Дюги писал: «Норма права возлагает на всех обязанности не делать ничего, что противоречит общественной солидарности и делать все для развития этой солидарности» (нормативная норма, или объективное право). Эти общественные предписания (норма солидарности) лежат в основе законодательства любого государства: «Закон получает свою обязательную силу не в воле властвующих, а в своем соответствии социальной солидарности». При помощи законодательства формулируется норма солидарности. Вместе с тем, юридическая норма предполагает принуждение к ее соблюдению (конструктивная норма).

Интересы общества в целом ставились Дюги выше интересов отдельных индивидов, которые в составе общества лишаются субъективных прав в пользу обязанностей. Индивид – «составная клеточка

социального организма». Смысл его существования – «только в выполнении известной работы в деле социального строительства». Дюги считал, что при позитивной организации общества понятие собственности как субъективного права исчезнет; частную собственность можно рассматривать как социальную функцию: «Капиталистическому классу отводится особая роль: собирать капиталы и отдавать их в распоряжение предприятий». Таким образом, частная собственность – это обязанность собственника перед всем обществом. Соответственно, деятельность правительства также должна быть обусловлена интересами общества в целом; государство должно служить интересам социума, а не отдельного лица.

Социальная солидарность в политике лучшим образом отражена в принципе господства большинства, в парламентском правлении. Дюги предложил ввести в парламент принцип пропорционального представительства всех существующих политических партий и всех профессиональных, научных, религиозных организаций (синдикатов). Он писал: «Следует, чтобы власть осуществлялась в сотрудничестве с представителями всех социальных сил, существующих в стране». Власть на местах можно будет распределить между такими синдикатами, которые сами будут контролировать деятельность своих членов. Правительство будет осуществлять лишь самый общий контроль и надзор. Дюги констатировал, что современное общество развивается «к известному роду федерализма классов, организованных в синдикаты» (теория корпоративного государства).

Основоположником теории институционализма является французский правовед Морис Ориу (1856–1929 гг.). В книге «Основы публичного права» он развивал идеи Дюги. Ориу подчеркивал единство политико-правовой теории и главным объектом юридической системы называл институты. Институты представляют собой объективацию воли социальных групп и являются источником правовых норм: «Именно институты порождают нормы права, но не нормы права – институты». Чтобы стать действенным правом, правовые предписания должны получить одобрение со стороны подданных. Эта «санкция» проявляется в длительности их существования.

Ориу выделял две разновидности институтов: корпоративные (торговые общества, государство, профсоюзы) и вещные (правовые нормы). Если первые связаны с существующими общественными корпорациями, то вторые не имеют собственной организации и могут применяться в рамках любых объединений. Ориу предложил синтетическое понимание государства, включающее различные аспекты: исторический (централизация и реорганизация нации в определенный исторический момент); идеальный (цель государства – «возрастание свободы и справедливости»); социологический (государство как корпора-

тивная организация нации); юридический (наличие суверенной власти и законодательства). Государство – такой же социальный институт, как и другие, не более чем «первый среди равных».

Отрицая договорную теорию происхождения государства, Ориу писал, что его можно рассматривать только как объективную реальность, которая «сводится не к индивидуальным волям, а к факту социального института». Возникновение государства ученый связывал с реорганизацией нации – ее мобилизацией правительством, и централизацией права – когда укорененный в жизни общества правовой обычай формально закрепляется как писаное право, законодательство. Государственный режим «овладевает нацией, видоизменяет ее и становится средой, в которой существуют индивиды». Ориу рассматривал корпоративные институты в целом как инструменты упрочения капиталистического строя. Он писал, что свобода предпринимательской деятельности приводит к нарушению равновесия в обществе. Поэтому необходимо «признать государственное вмешательство, которое явится политическим вмешательством в целях поддержания порядка и не будет претендовать на то, чтобы превратить государство в экономическую общность». Эту задачу должно осуществить государство, которое выступает нейтральной силой между различными общественными корпорациями. «Государство – это юридическая персонификация нации, приведенной к упорядоченному и уравновешенному режиму».

Макс Вебер (1864–1920 гг.) – немецкий социолог и политический философ. Среди его научных трудов – «Политика как призвание и профессия», «Экономика и общество». Вебер является создателем оригинальной теории господства, которое он понимал как возможность аппарата власти гарантировать порядок (послушание группы людей приказам) путем угрозы или же применения насилия. Структура господства включает три элемента: господствующее меньшинство (элита); аппарат управления (функционеры); подчиненная масса. Важнейшее значение в определении господства Вебер придавал фактору монополии на насилие.

Согласно ему, логика исторического развития предполагает смену «союзов» (неформализованных объединений на основе личной договоренности) «институтами». Последние характеризуются наличием рациональных норм и аппарата принуждения. К числу «институтов» относится государство. Макс Вебер выделял несколько главных признаков государства. Это наличие административного и правового порядка; распространение их силы на определенную территорию; принудительный характер их действий; монополия на легитимное применение насилия. Последнему придавалось особое значение. Насильственные социальные действия, по Веберу, исторически предшествуют политическим и правовым институтам. Они постепенно легитимизи-

руются государством постольку, поскольку то соединяет физическое насилие с властью над жизнями своих членом.

Вслед за Моской и Парето он усматривал главную особенность функционирования парламентской демократии в способах отбора политических лидеров и контроля над технически ориентированной административной бюрократией. Опираясь на опыт изучения всеобщей истории права, государства и власти, Вебер выдвинул концепцию идеальных типов власти, которые можно обнаружить у разных народов в ходе истории.

Исторически первой является власть патриархальная (власть главы рода, племени, ранних государственных образований).

Следующую разновидность образует власть харизматическая – она связана с наделением правителя сверхъестественными качествами и властными возможностями, что особенно типично для случаев обожествления правителя, создания его «культа личности». Самой современной и самой перспективной является рационально-легитимная власть. Основным и главным элементом этой власти, ее несущей конструкцией является профессиональная бюрократия.

Бюрократия (буквально «власть канторских служащих») ассоциировалась у Вебера с типом господства, основанного не на традиционном почитании, а на строгих и рациональных правилах легалистского (законом регулируемого и контролируемого) характера и назначения. Это господство включает следующие моменты и характеристики: 1) существование обособленных служб и компетенции, строго определенных в законах и правилах в целях удобства для принятия решений и контроля; 2) защита статуса и компетенции служащих (несменяемость судей, гарантированное продвижение по службе и пенсия за выслугу лет у чиновников и т. д.); 3) четкая иерархизация в выполнении распорядительных управленческих функций и функций исполнительских; 4) подбор кадров на конкурсной основе; 5) полное обособление выполняемой служебной функции от личностных свойств и характеристик, поскольку служащий не может быть собственником своей должности или средств управления.

Говоря о роли бюрократии в будущем, Вебер, в частности, прогнозировал, что неотвратимой перспективой всех современных демократий является тотальная бюрократизация общественной и государственной жизнедеятельности. Именно в силу такой перспективы на смену капитализму, согласно Веберу, придет не социализм, а бюрократизированное в целях рационального управления общество. Эта мысль была подхвачена и развита современными теоретиками менеджериальной революции и постиндустриального общества.

Видным представителем школы «свободного права» был австрийский профессор Ойген Эрлих. Наиболее значительное его произведение – «Основы социологии права» (1913 г.). Критикуя юридический позитивизм, Эрлих призывал исследовать «живое право»: «Лишь то, что входит в жизнь, становится живой нормой, все остальное – лишь голое учение, норма решения, догма или теория».

Право, по его концепции, существует и развивается прежде всего как организационные нормы союзов, из которых состоит общество (семьи, производственные объединения, корпорации, товарищества, хозяйственные союзы и др.). «Право, прежде всего, есть организация», – писал Эрлих.

Организационные нормы складываются в обществе сами собой, вытекают из торговли, обычаев, обыкновений, уставных положений различных организаций; эти нормы («самодельствующий порядок общества», «общественное право») образуют, по его учению, право первого порядка.

Для охраны права первого порядка и регулирования спорных отношений существуют «нормы решений», образующие право второго порядка; эти нормы создаются деятельностью государства и юристов. К праву второго порядка относятся уголовное, процессуальное, полицейское право, которые не регулируют жизнь, а должны лишь поддерживать организационные нормы. Результатом взаимодействия общественного права, права юристов и государственного права является «живое право», которое не установлено в правовых положениях. «Живое право есть внутренний распорядок человеческих союзов», – подчеркивал Эрлих. Эти союзы (свободные объединения членов гражданского общества) защищены от произвольного вмешательства государства и его органов, которые должны лишь охранять союзы и создавать условия для их деятельности.

Закон, по Эрлиху, не столько право, сколько один из способов обеспечения права; применение закона должно быть подчинено только этой цели. Главным способом существования «права решений» (второй слой права) является свободное нахождение права судьями, рассматривающими конкретные дела. Эрлих писал, что «свободное нахождение права не означает свободу судей от закона», однако утверждал, что задача судей и юристов не в том, чтобы логически выводить решения отдельных случаев из распоряжений закона. В правосудии решающая роль принадлежит не «мертвым параграфам закона», а свободному слову квалифицированных юристов. Этому слову решающая роль должна принадлежать и в законотворчестве, так как «право юристов» всегда складывается до принятия закона (откуда же иначе взяться жизненному закону – конечно, не из надуманного творчества депутатов парламента).

Однако учение Эрлиха оказало значительное влияние на социологическую юриспруденцию Роско Паунда (США), а идеи школы «свободного права» о судебном правотворчестве были созвучны идеям «реалистической школы права».

Таким образом, представители школы «свободного права» противопоставляя «мертвой букве закона» практику, призывали искать право в жизни, общественных отношениях, в правосознании, в чувстве справедливости, в эмоциях, в психологии общества; в право включались «обычаи оборота», «жизненные интересы», «природа вещей», «фактические отношения» и т. д.

После окончания Первой мировой войны в разных странах Европы пришли к власти фашистские режимы. Разновидностью фашизма в Германии был национал-социализм, в 1933–1945 гг. представлявший официальную идеологию этой страны. Фашистская идеология в разных странах имела свои корни и особенности. Так, германский национал-социализм (нацизм) основывался на идее расового неравенства различных народов и превосходстве германской нации.

Общим для всех фашистских режимов был утверждаемый ими тоталитарный строй. Лидер и теоретик итальянского фашизма Бенито Муссолини (1883–1945 гг.) говорил о фашизме, что его лозунг – «Все для государства, ничего вне государства». Однако в системе политической власти государству, как правило, отводилась не первая роль. Так, по убеждению нацистов, государство является лишь одним из элементов германской политической общности. Другие ее элементы – это нацистская партия и «народ». Нацистские идеологи большое значение придавали «единству» национал-социалистской партии с государством, на деле проявлявшемуся в сращивании органов этой партии с государственными органами. При такой системе занятие определенного партийного поста автоматически обеспечивало занятие государственной должности. Таким образом партийный контроль устанавливался над всеми государственными органами.

Другим элементом нацистской политической идеологии был вождизм – принцип концентрации всей власти в руках равителя, слово которого признавалась законом. Вождь – «фюрер» – выражает «дух», волю нации. Такая тоталитарная и авторитарная система предполагает отказ от сложившихся либеральных ценностей и демократических институтов. Нацизм официально отвергал их, видя в демократии проявление слабости государства и самого народа. Отсюда отвержение парламентаризма, многопартийной системы, равенства всех перед законом. Вместе с тем, в нацистской Германии постоянно подчеркивалась глубинная связь между фюрером и народом, между народом и партией. Средством поддержания такой иллюзии могло служить со-

хранение некоторых элементов либерального государства, в той форме, которая угодна власти (плебисцит, парламент). Нацистские идеи заметно повлияли на германскую юриспруденцию того времени. Сущностью права объявлялось согласие чувств и воли всех граждан.

Германский правовед Карл Ларенц (1903–1993 гг.) утверждал, что правовой статус гражданина определяется исключительно его вхождением в какую-либо корпорацию, общность. Право связывалось с целым – «народом», «расой». Поэтому любое субъективное право отрицалось, отвергались права и свободы личности. Граждане обладают лишь обязанностями, но не субъективными правами. Результатом такого подхода была унификация граждан как членов одного сообщества, стремящегося к одной цели. Единственным творцом права признавался «народ», волю которого выражает вождь. Именно он формулирует основные законы жизни». При этом вождь исходит из принципа: «Все, что полезно народу, есть право; все, что ему вредит, – не право». Таким образом, закон официально ставился в зависимость от политической целесообразности. Принципы абстрактного права и справедливости отвергались.

В период после Первой мировой войны, в 1919–1933 гг., в Германии получило распространение идейное направление «консервативная революция». Важное место в произведениях представителей этого направления занимает критика демократии и либерализма за обман, плутократию, демагогию. Многие идеи и понятия консервативных революционеров были заимствованы нацистами, хотя и в искаженной форме.

Одним из основателей движения «консервативной революции» был Освальд Шпенглер (1880–1936 гг.), автор работ «Закат Европы» и «Пруссачество и социализм».

Отличительная черта немецкого, «прусского социализма» – торжество принципа чиновничества, согласно которому буквально каждый член немецкой народной общности независимо от рода его занятий обретает и реализует статус чиновника, находящегося на службе у государства; частнособственнический уклад жизни остается непоколебимым, но производство и обращение организуются посредством государства. В нем царит порядок, базирующийся на казарменной дисциплине и строгой иерархической субординации. Непосредственно сами идеологи германского фашизма рисуют немецкий социализм как антикапиталистический строй, как антипод мира частнособственнических отношений. Для них приемлемы предпринимательство и конкуренция, всякий капитал, любая собственность, если они производительны, «работают» на нацию. Обличаются (да и то скорее всего лицемерно, напоказ) спекуляция и т. п., жертвами которых могут быть в равной

мере и люди наемного труда, и работодатели. Цель немецкого социализма – ликвидация классовой борьбы, воцарение согласия между Капиталом и Трудом. Чтобы его достичь, надо всего лишь устранить отдельные дефекты в наличной экономической системе и искоренить в умах рабочих классовое мировоззрение, марксизм.

Тема 24. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ В XX в.

1. Политические и правовые взгляды русских религиозных философов.

2. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого.

3. Юридический позитивизм Г. Ф. Шершеневича.

4. Конституционные либеральные политические доктрины.

5. Политико-правовая идеология большевизма.

6. Консервативная идеология.

7. Социально-политические взгляды Л. Н. Гумилева.

8. Общественно-политическая мысль белорусского Возрождения.

Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944 гг.) – экономист, богослов, философ. Его политическое учение наиболее полно представлено в книге «Два града». Он рассматривал историю мироздания как постепенное возвращение человека к Богу. Цель развития – Богочеловечество. Достижение этой цели Булгаков видел только через помощь христианской церкви. Он считал государство временным явлением, которое сложилось исторически и должно следовать велениям христианской церкви. Булгаков выступал за теократию, видя в ней идеал общественно-политического устройства. В то же время государство представляет собой результат развития нации, оно наиболее полно выражает ее дух. Национальное чувство русский философ ставил выше воли отдельных лиц или классов: «государства создаются не договором космополитических общечеловеков и не классовыми или групповыми интересами». Это надклассовый институт, выражающий интересы всей нации, формализующий ее мистическое единство. Двойственную природу Булгаков приписывал как государству, так и праву. Оба эти института отталкиваются от религиозных установлений; оба они представляют собой временные явления, призванные обеспечивать жизнь человека в период греховности.

Философ Николай Александрович Бердяев (1874–1948 гг.) в книге «Царство Духа и царство Кесаря» противопоставил два мира: если в первом правят Бог, свобода и творчество, то во втором – грех и страдания. При этом второй мир – земной – временное явление. Задачей свободной личности является отрешение от социального мира и «про-

рыв» в Царство Духа. Государство Бердяев рассматривал как средство, помогающее человеку преодолевать собственные греховные наклонности. Оно принудительным образом поддерживает минимум свободы, добра и справедливости. В то же время государство является результатом акта насилия, греха. Оно ограничивает и подавляет индивидуальную волю. Для ограничения пределов воздействия государства на личность необходима церковь. Именно церковь контролирует сферу прав и свобод человека, защищая их от действия государства.

Видный философ Семен Людвигович Франк (1877– 950 гг.) явился создателем концепции «соборного либерализма». Он считал, что главная слабость российского либерализма – это отсутствие религиозной опоры. В книге «Духовные основы общества» мыслитель пытался преодолеть этот недостаток. Он утверждал, что «общественная жизнь по существу своему духовна, а не материальна». Подлинным социальным существованием Франк наделял сверхличностное единство, противопоставляя его механическому соединению индивидуумов. Кроме внешних связей, людей объединяет внутреннее духовное родство: «Лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком». При этом человек не растворяется в разного рода общностях – государстве, классе. Франк постулировал существование тонкой духовной связи между «я» и «мы». Поэтому свободная личность является для общности высшей ценностью, а ее развитие – «последней задачей политического строительства». Большое внимание в политической теории Франк придавал самоорганизации; именно воля свободной личности, а не механизм государственного принуждения играет главную роль в «устройстве общественного блага». Поэтому философ поддерживал либеральные идеи прав человека, всеобщего избирательного права, гражданского общества. Право он понимал как одно из средств поддержания единства планомерности государства и спонтанности гражданского общества, их взаимных интересов.

Интерес обществоведов к проблемам психологической науки заметно возрос на рубеже XIX–XX вв., когда в ней возобладали экспериментальные методы исследований и начали складываться крупные научные школы, разошедшиеся в трактовке психики человека (рефлексология, бихевиоризм, фрейдизм и др.). Воспринятые социологами и юристами, идеи этих школ положили начало формированию новых направлений в общественно-политической мысли.

Оригинальную психологическую теорию права выдвинул Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931 гг.) – профессор юридического факультета Петербургского университета, депутат I Государственной думы от партии кадетов. Его взгляды наиболее полно изложены в кни-

ге «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907 г.). После Октябрьской революции он переехал в Польшу и возглавил кафедру социологии Варшавского университета.

Петражицкий исходил из того, что право коренится в психике индивида. Юрист поступит ошибочно, утверждал он, если станет отыскивать правовой феномен «где-то в пространстве над или между людьми, в «социальной среде» и т. п., между тем как этот феномен происходит у него самого, в голове, в его же психике, и только там». Интерпретация права с позиции психологии индивида позволяет поставить юридическую науку на почву достоверных знаний, полученных путем самонаблюдения либо наблюдений за поступками других лиц.

Источником права, по убеждению теоретика, выступают эмоции человека, поэтому свою концепцию Петражицкий называл «эмоциональная теория». Эмоции служат главным побудительным («моторным») элементом психики. Именно они заставляют людей совершать поступки.

Петражицкий различал два вида эмоций, определяющих отношения между людьми: моральные и правовые. Моральные эмоции являются односторонними и связанными с осознанием человеком своей обязанности, или долга. Нормы морали – это внутренние императивы. Если мы подаем из чувства долга милостыню, приводил пример Петражицкий, то у нас не возникает представлений, что нищий вправе требовать какие-то деньги. Совершенно иное дело – правовые эмоции. Чувство долга (обязанности) сопровождается в них представлением о правомочиях других лиц, и наоборот. «Наше право есть не что иное, как закрепленный за нами, принадлежащий нам – как наше добро – долг другого лица». Правовые эмоции являются двусторонними, а возникающие из них правовые нормы носят атрибутивно-императивный (предоставительно-обязывающий) характер.

Он считал правовыми любые эмоциональные переживания, связанные с представлениями о взаимных правах и обязанностях. Петражицкий относил к правовым нормам правила различных игр, в том числе детских, правила вежливости, этикета и т. п. В его сочинениях специально оговаривалось, что правовые нормы создаются каждым индивидом в отдельности: «Переживания, которые имеются в психике лишь одного индивида и не встречают признания со стороны других, не перестают быть правом». На этом основании Петражицкий допускал существование правовых отношений с неодушевленными предметами, животными и нереальными субъектами, такими, как бог или дьявол.

Приведенные высказывания вызвали резкую критику в отечественной литературе. Юристы нередко обращали внимание на абсурдность

отдельных выражений Петражицкого, не замечая, что за ними стоит теоретическая проблема. Ученый стремился найти универсальную формулу права, которая охватывала бы различные типы правопонимания, известные истории (включая договоры с богом и дьяволом в правовых системах прошлого). Его концепция явилась одной из первых попыток, теоретически во многом незрелой, проследить формирование юридических норм в правосознании.

Многочисленные правовые нормы, создаваемые индивидами, неизбежно вступают в противоречия друг с другом, указывал Петражицкий. На ранних этапах истории способом их обеспечения выступало самоуправство, т. е. защита нарушенного права самим индивидом или группой близких ему лиц. С развитием культуры правовая защита и репрессия упорядочиваются: возникает система фиксированных юридических норм в форме обычаев и законов, появляются учреждения общественной власти (суд, органы исполнения наказаний и т. п.). Монополизировав функции принуждения, государственная власть способствует «определенности права».

Развитие обычаев и законодательства вместе с тем не вытесняет полностью индивидуальные правовые переживания. В современных государствах наряду с официально признанным правом существует, по его мнению, множество систем интуитивного права, как, например, право зажиточных слоев, мещанское право, крестьянское, пролетарское, право преступных организаций. Психологическая теория в этом отношении приближалась к идеям правового плюрализма, однако право социальных классов и групп в ней было истолковано индивидуалистически. «Интуитивных прав столько, сколько индивидов», – подчеркивал Петражицкий.

Соотношение интуитивного и официального права, по теории Петражицкого, в каждой стране зависит от уровня развития культуры, состояния народной психики. Россия является «царством интуитивного права по преимуществу». В ее состав входят народы, стоящие на разных ступенях развития, с множеством национальных правовых систем и религий. Он ратовал за проведение в стране унификации позитивного права, создание полного свода российских законов. Передовое законодательство, по его словам, ускоряет развитие менее культурных слоев общества.

Реформы законодательства, как он полагал, необходимо проводить на основе научных знаний. В связи с этим им выдвигался проект создания особой научной дисциплины – политики права. С точки зрения Петражицкого философия права распадается на две самостоятельные науки: теорию права и политику права. Теория права должна быть позитивной наукой, без каких-либо элементов идеализма и метафизики. Политика права как прикладная дисциплина призвана соединить зна-

ния о праве с общественным идеалом, т. е. представить научное решение проблемы, составлявшей содержание прежних естественно-правовых учений.

Петражицкий не оставил подробных рекомендаций относительно практического осуществления политики права. Свою задачу он видел в том, чтобы наметить отправные принципы новой юридической науки, обосновать ее необходимость.

Общественно-политические идеалы Петражицкого были близки к этическому социализму, получившему распространение в России на рубеже XIX–XX вв. Для современной эпохи, отмечал он, характерны процессы «социализации производства», замены «деспотического режима системой государственного и общинного самоуправления». В будущем право изживет себя и уступит место нормам нравственного поведения. «Вообще право существует из-за невоспитанности, дефектности человеческой психики, и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным».

Учение Петражицкого пользовалось большой популярностью среди сторонников партии кадетов. Под влиянием его идей происходило формирование взглядов многих представителей немарксистского социализма в России того времени (Г. Д. Гурвич, П. А. Сорокин и др.). Сближению психологической концепции права с марксизмом способствовал М. А. Рейснер, один из первых советских правоведов. Восприятие марксистами учения Петражицкого о воспитательной роли права облегчалось тем, что в Конституции РСФСР 1918 г. социализм определялся как безгосударственный строй (с утверждением сталинизма и теории советского социалистического государства последователи Рейснера были подвергнуты идеологическому шельмованию за пропаганду надклассовой этики).

Правовая доктрина Петражицкого привлекла внимание социологов к проблемам нормативной природы и структуры правосознания, стимулировала исследования в области юридической психологии.

Гавриил Феликсович Шершеневич (1863–1912 гг.) – российский правовед и философ, профессор права, среди произведений которого – курс общей теории права. Шершеневич критиковал идею существования естественного права, ибо оно противоположно позитивному праву, а двух явлений, обозначаемых одним понятием, быть не может. Вместе с тем он признавал то, что все социальные нормы, включая право, коренятся в инстинкте самосохранения. Способность к выживанию в обществе зависит от преобладания общих интересов над частными. Выполнению этой задачи служат государство и право.

Государство, по Шершеневичу, исторически предшествует праву. Государственная власть зарождается в целях обеспечения внешней

безопасности, а с течением времени переходит также к внутреннему управлению. В результате судебной практики выделяется особая группа норм, выполнение которых гарантируется государственным принуждением. В дальнейшем государство может устанавливать новые нормы. Право Шершеневич понимал как закон и требование государства (формально-позитивистское понимание). «Всякая норма – это приказ», «норма права – это требование государства», воля суверена. Главным признаком правовой нормы Шершеневич называл ее принудительный характер. В основе соблюдения права лежит страх перед угрозой наказания. Однако государственная власть сама связана нормами права, установленными ею. В развитии в обществе чувства законности Шершеневич видел гарантии от перерождения государства в полный произвол.

Монархия занимала центральное место в российской политической системе. Именно поэтому рассмотрение этого института в политической культуре России начала XX в. представляется исключительно интересным. Одним из наиболее плодотворных подходов к этой проблематике может быть анализ взглядов политических партий и их лидеров, в частности – Конституционно-демократической партии и П. Н. Милюкова. Позиция этой партии была точным индикатором политических настроений российского общества, поскольку как партия центра она представляла собой «среднюю линию» в политической системе тогдашней России.

В редакции партийной программы кадетов, которая была принята на съезде в Санкт-Петербурге 5–11 января 1906 г., утверждается: «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией». Данное заявление, особенно в качестве одной из статей партийной программы, свидетельствует о положительном в целом отношении кадетов к существованию в России монархического режима. При этом уточнение, что монархия должна быть «конституционной и парламентарной», показывает, что статус института монархии, установленный манифестом 17 октября, конституционных демократов не устраивал и они стремились к его изменению.

Так, в одной из статей Милюков настаивает на необходимости изменения традиционных для России форм взаимоотношений власти и общества для достижения столь необходимого русскому обществу взаимопонимания этих двух сил: «Цель может быть достигнута лишь решительным шагом короны: ее обращением к представителям парламентского большинства. Все это, конечно, несколько сложнее, чем архаические советы крестьянских корреспондентов «XX века»: поклониться еще раз, потому что «от поклона голова не отвалится».

Кадеты выражают уверенность в том, что в политической жизни России произошли значительные изменения: именно поэтому Милюков настаивает на необходимости изменения форм политических взаимоотношений между властью и обществом. В частности, появилась новая ветвь власти в лице народного представительства, представляющая интересы населения страны. Если до нововведений единственной возможностью обращения к монарху, а значит и решения насущных проблем, было «представление» ему, то в новых условиях, по убеждению автора, монарх и сам может сделать первый шаг на пути к примирению – обратиться к народному представительству.

Таким образом, положение монарха в стране оказалось на одном уровне с положением народного представительства: теперь не Дума должна идти на поклон к верховной власти, но и сама верховная власть может пойти на поклон к ней как к представительству народа. Идея подобного рода показывает, что в глазах кадетов монархия потеряла присущую ей сакральность как индивидуальный признак. Население России в лице своих представителей также оказалось носителем сакральности, то есть оказалось соразмерно монарху по своему статусу. И теперь, по мнению лидера кадетов, они могли вести диалог на началах равноправия.

Основную роль верховной власти в лице императора в политической жизни страны конституционные демократы видели в выборе претендентов на высшие государственные посты. Критическое отношение партии к существовавшему кабинету министров, а также к наличию влиявших на положение дел в государстве сил, поощрявших монархом, но вредивших своими советами стране, свидетельствует об их неприятии принципа, согласно которому император назначал своих легальных помощников и выбирал нелегальных. Попытки верховной власти вносить изменения в политическую жизнь страны в глазах партии были свидетельством способности российской монархии проводить реформы.

Исходя из этого, можно заключить, что, будучи сторонниками монархического устройства России, кадеты тем не менее стремились к трансформации существовавшего самодержавного строя в конституционную и парламентарную монархию. Первым шагом на этом пути им казались политические нововведения 1905–1906 гг. Осознавая их недостаточность для воплощения в жизнь политического идеала, а также учитывая попытки властей, прикрываясь новыми формами политического быта страны, сохранить старые порядки, кадеты были настроены на дальнейшие перемены.

Государственная дума становилась инструментом, с помощью которого кадетам казалось возможным подвинуть верховную власть на проведение реформ: войдя в состав этого учреждения и тем получив

сакральность, до того бывшую привилегией лишь императорской власти, они должны были стать силой, способной заставить монарха прислушаться к своему мнению как к точке зрения равноправного партнера и способствовать осуществлению реформ в стране. Тот факт, что еще до появления Государственной думы император в критической ситуации выполнил требования населения страны, был свидетельством того, что в случае необходимости он способен идти на компромисс и с Думой.

Партия РСДРП(б), после Октябрьской революции пришедшая к власти в России, идеологически опиралась на марксистскую теорию. Большевики восприняли и развили основные элементы политического учения Маркса: идею о классовой природе государства и права, понятие о диктатуре пролетариата. Вместе с тем подлинная широта мысли Маркса оказалась в официальной идеологии забыта.

Главным идеологом и лидером большевиков был Владимир Ильич Ленин (1870–1924 гг.). В работах «Империализм как высшая стадия капитализма», «Государство и революция» и других он писал о том, что классовость является неотъемлемой и основной чертой любого государства: «Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий». Власть, по сути, представляет собой диктатуру правящего класса, из среды которого формируется государственный аппарат. Целью такой диктатуры является эксплуатация другого класса. Поэтому все демократические институты и политические права и свободы личности Ленин называл лишь прикрытием для диктатуры. В современном капиталистическом государстве власть есть диктатура буржуазии, а демократия – это демократия для богатых. После победы социалистической революции необходимо уничтожить все институты старой власти, власти буржуазии. На их месте пролетариат должен создать новый тип государства, необходимый, прежде всего, для подавления сторонников старого порядка. Ленин являлся решительным сторонником террористических методов для осуществления диктатуры пролетариата. Государственной формой этой диктатуры должна стать республика Советов, которые будут одновременно законодательными и исполнительными органами. Функционировать такая республика будет на основе принципа демократического централизма, что означало выборность всех органов власти и их подконтрольность центру во главе с Центральным Комитетом большевистской партии. Эта система была положена в основу государственного устройства СССР.

В своем «политическом завещании» – «Письме к съезду» В. И. Ленин ценнейшим и крупнейшим теоретиком большевистской партии назвал Николая Ивановича Бухарина (1888–1938 гг.).

Бухарин защищал тот тезис, что «государство есть продукт классового расчленения общества. Будучи продуктом развития общества в целом, оно в то же время есть насквозь классовая организация». Своим бытием государство выражает непримиримость составляющих общество классов. Ничего, кроме сугубой классовости, в государстве нет и быть не может, какого бы его аспекта ни касаться. В подобной манере изображается им право, которое он отождествляет с законодательством, создаваемым государством. «Машина угнетения... выступает под псевдонимом совокупности правовых норм, идеального комплекса, функционирующего в силу своей внутренней логики и убедительности.

Если у К. Маркса «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым», то у Бухарина вообще вся «конкретная история есть история насилия и грабежа».

В целом государственная власть в бухаринских текстах квалифицируется как концентрированное и организованное общественное насилие (определение К. Маркса), принимающее облик единодержавия, иными словами, диктатуры господствующего класса.

Взгляд Бухарина на любое государство (тем более на государство капиталистическое) как на диктатуру облегчал ему критику буржуазной демократии. Во-первых, она представляет собой – если верить Бухарину – целую систему демократических призраков, обманно-маскировочных институтов формально-юридического равенства всех; но данное равенство есть фикция, поскольку экономическое неравенство при капитализме делает формально-юридическое равенство нереализуемым. В другом месте Бухарин пишет, что основная посылка демократического устройства – наличие совокупности фикций: на сей раз ею выступает понятие общенародной воли, общей воли нации, целого. Весь комплекс демократических учреждений покоится на иллюзорной «общенародности».

Идея неизбежности диктатуры пролетариата образует, согласно Бухарину, сердцевину марксизма. Диктатура пролетариата – кровное детище социалистической революции. Бухарин трактует последнюю как акт разрыва рабочим классом гражданского мира в обществе. Как гражданскую войну, которую рабочий класс во главе с коммунистами ведет против всех своих врагов.

Режим пролетарской диктатуры, которая монополизирует «все средства физического принуждения и духовной переработки людей», призван решить две задачи. Одна – уничтожение частнособственнических отношений, слом, разрушение буржуазной государственности, подавление классовых врагов пролетариата. Вторая задача – осуществление пролетарской властью принуждения» трудящихся. Он считает, что «пролетарское принуждение во всех своих формах, начи-

ная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Республика Советов есть антипод правового государства. Она, в частности, отменяет прочь принцип разделения властей, заменяя его принципом соединения власти законодательной с исполнительной властью. Взамен общепринятого порядка формирования представительных учреждений вводится новый. Выборы в Советы «производятся не по чисто искусственным территориальным округам, а по производственным единицам». Государственный аппарат, понимаемый Бухариным как организация, долженствующая охватить собою поголовно всех трудящихся, выступает проводником политики большевиков, которые монопольно владеют властью. «В конце концов государственный аппарат – это тот самый рычаг, та самая машина, через которую наша партия, победоносная руководительница пролетариата, направляет всю свою политику».

В рассуждениях о диктатуре пролетариата Бухарин не обходит молчанием проблему демократии. «Диктатура пролетариата», является в то же время внутриклассовой пролетарской демократией... диктатура пролетариата, будучи его единодержавием, реально обеспечивает демократию для пролетариата». Каким же практически способом обеспечивает своя диктатура демократию для своих? Делает она это тем, что прокламирует «экспроприацию экспроприаторов», повышение жизненного и культурного уровня трудящихся, развертывание всех их внутренних сил и потенций.

Пролетарская революция осуществляет социализацию (обобществление) средств производства: они передаются в руки общества. Но в переходный от капитализма к коммунизму период, указывает Бухарин, хозяйствующим субъектом выступает не все общество, а организованный рабочий класс, точнее – пролетарское государство. Оно и есть хозяйствующий субъект. По этой причине экономические командные высоты, экономические организации превращаются в составные части пролетарского государственного аппарата. Пролетарская диктатура становится ко всему руководящей хозяйственной силой.

Бухарин стал одной из многочисленных жертв большевистско-террористического режима. Но он сам немало потрудились для создания, упрочения и теоретического «освящения» этого режима.

После смерти Ленина вождем большевистской партии и Советского Союза стал И. В. Сталин (1879–1953 гг.). Его теоретические взгляды на устройство государства изложены в произведениях «Об основах ленинизма», «К вопросам ленинизма». Подобно Ленину, основным принципом устройства нового государства Сталин называл диктатуру пролетариата. Только с ее помощью возможно достижение мировой

революции. Природу государства Сталин рассматривал следующим образом: «Государство есть машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников». Двумя основными функциями старых, допролетарских государств Сталин называл внутреннюю (подчинение эксплуатируемого большинства) и внешнюю (расширение или защита своей территории). Новый тип государства, пролетарский, характеризуется постоянным привлечением масс к управлению. Вместе с тем в нем отвергаются формы буржуазного государства: парламентаризм, разделение властей, территориальная организация. Главную роль в системе диктатуры пролетариата играет большевистская партия – «авангард и боевой штаб рабочего класса». Все важнейшие политические вопросы должны решаться на основе руководящих указаний партии.

Иван Александрович Ильин (1883–1954 гг.), юрист по образованию, приложил значительные усилия к прояснению взаимоотношений религиозной и правовой философии, истолкованию их в либерально-консервативном духе. Среди работ этого направления выделяются «Понятие права и силы: опыт методологического анализа» (1910), «Учение о правосознании» (1919), «Основные задачи правоведения в России» (1921), «О сопротивлении злу силою» (1925), «Пути духовного обновления» (1937), «О монархии и республике» (незавершен), «Наши задачи» (сборник в 2 т. 1956).

После высылки из России в 1922 г. Ильину довелось участвовать в работе Религиозно-философской академии и Русского научного института в Берлине (1923–1934). При нацистском режиме его очередной раз отстранили от преподавания и запретили устные выступления. Он вынужден был эмигрировать в Швейцарию.

Исторический опыт человечества, писал Ильин, показывает, что авторитет положительного права и создающей его власти покоится не только на общественном договоре («на общественном сговоре»), на признанных полномочиях законодателя, на «внушительном воздействии приказа и угрозы», но «прежде всего» на духовной правоте, или, что то же самое, на «содержательной верности издаваемых повелений и норм». В отличие от всякой физической силы государственная власть есть волевая сила. Это означает, что способ ее действия есть по самой своей внутренней природе генетический, и притом духовный. Физическая сила, понимаемая в данном случае как способность к вещественно телесному воздействию на человека, по сути дела, необходимого государственной власти, однако она отнюдь не составляет основного способа действия, присущего государству.

Власть есть сила воли, которая измеряется не только интенсивностью и активностью внутреннего волевого напряжения властителя, но

и авторитетной непреложностью его внешних проявлений. «Назначение власти в том, чтобы создавать в душах людей настроение определенности, завершенности, импульсивности и исполнительности. Властвующий должен не только хотеть и решать, но и других систематически приводить к согласному хотению и решению...». Этот процесс создает незримую атмосферу тяготения периферии к центру, многих разрозненных волей к единой, организованной, ведущей воле.

Создание такой атмосферы есть дело особого искусства, требующего не только интенсивного волевого бытия, но также – и это следует считать важным основополагающим элементом всей конструкции Ильина – «душевно-духовной прозорливости, подлинного восприятия бессознательной жизни других и умения ее воспитывать». Вот почему государственная власть только тогда в состоянии «соблюдать свою истинную духовную природу... если только она остается верна своей цели, своим путям и средствам, она получает свое священное назначение только на этой последней, нравственной и религиозной глубине».

Таково исходное толкование Ильиным природы и общего назначения власти в его социальном, психологическом и духовно-религиозном аспектах. Далее эта общая мысль конкретизируется у него через посредство идеальных требований к надлежащей организации власти в государстве, которые Ильин в привычной для него дидактической манере именует аксиомами власти. Согласно этим аксиомам, государственная власть должна принадлежать и применяться только на основе правового полномочия; она должна быть единой в пределах каждого политического союза («как один Дух и его правота»); она должна осуществляться лучшими людьми, удовлетворяющими этическому и политическому цензу; политические программы могут включать в себя только такие меры, которые преследуют общий интерес. Эти меры должны быть внеклассовыми и даже сверхклассовыми, равным образом избегая включения частного, личного интереса; программа власти может включать в себя только осуществимые меры и формы (иначе это будет химерической и утопической затеей); государственная власть принципиально связана с распределяющей справедливостью, но она имеет право и обязанность отступать от нее тогда и только тогда, когда этого требует «поддержание национально-духовного бытия народа».

Ильин поясняет, что сама справедливость в ее правовом воплощении не сводится лишь к равенству фактическому (с его «слепотой к человеческим различиям»); она состоит в «беспристрастном, предметном учете, признании и отражении каждого индивидуального субъекта во всех его существенных свойствах и основательных притязаниях». Однако для претворения подобной «распределяющей» справедливости необходимо, чтобы сам индивид (как, впрочем, и народ, нация) обла-

дал чувством достоинства. «Чувство собственного достоинства есть необходимое и подлинное проявление духовной жизни; оно есть знак того духовного самоуважения, без которого немислимы ни борьба за право, ни политическое самоопределение, ни национальная независимость. Гражданин, лишенный этого чувства, – политически недееспособен; народ, не движимый им, – обречен на тяжкие исторические унижения. Эти же свойства необходимы и государству, и отдельным его формированиям, например армии».

Определенную роль в воспитании чувства достоинства выполняет частная собственность. «Человеку необходимо вкладывать свою жизнь в жизнь вещей – это неизбежно от природы и драгоценно в духовном отношении». Поэтому частная собственность есть естественное право человека, которое и должно защищаться законами, правопорядком и государственной властью. Важно не то, чтобы не было имущественного неравенства, а то, чтобы в стране не было хозяйственно беспочвенных, бесцельных, безработных, бесперспективных людей. «Существенно не владение человека, а его сердце и воля. Только сильный и духовно воспитанный сумеет верно разрешить проблему частной собственности и создаст на ее основании цветущее и социальное хозяйство».

Таким образом, «частная собственность пробуждает и воспитывает в человеке правосознание, научая его строго различать «мое» и «твое», приучая его к правовой взаимности и к уважению чувства полномочий, возвращая в нем верное чувство гражданского порядка и гражданской самостоятельности, верный подход к политической свободе...».

По мнению Ильина, правовое государство в отличие от тоталитарного – этого исторического и политического факта XX в. – основывается всецело на признании человеческой личности – духовной, свободной, правомочной, управляющей собою в душе и в делах, т. е. оно покоится на лояльном правосознании. Тоталитарный режим, напротив, покоится на террористическом внушении. Сама сущность тоталитаризма состоит не столько в особой форме государственного устройства (демократической, республиканской или авторитарной), сколько в объеме управления: этот объем становится всеохватывающим. Режим держится не законами, а партийными указами, распоряжениями, инструкциями. При этом государственные органы, поскольку с виду они еще действуют, слагают из себя только показную оболочку партийной диктатуры. «Граждане» в таком сообществе только субъекты обязанностей и объекты распоряжений. Правосознание здесь заменено психическими механизмами – голода, страха, мучений и унижений. Поэтому тоталитарный режим не есть ни правовой, ни государственный режим. Если все же говорить о форме этой организации, хотя и не пра-

вовой и противоречивой, то это, по оценке Ильина, есть рабовладельческая диктатура невиданного размера и всепроникающего захвата.

Идеальная форма для России, по мнению Ильина, – единовластие, монархия. «История как бы вслух произнесла некий закон: в России возможны или единовластие или хаос; к республиканскому строю Россия неспособна. И еще точнее: бытие России требует единовластия – или религиозного и национально укрепленного, единовластия чести, верности и служения, т. е. монархии; или же единовластия безбожного, бессовестного, бесчестного и притом антинационального и интернационального, т. е. тирании».

Видным теоретиком права, некоторое время примыкавшим к евразийскому движению, был профессор юриспруденции Николай Николаевич Алексеев (1879–1964 гг.). После революции он участвовал в белом движении; последние годы жизни провел за пределами России, в эмиграции. Его главные сочинения – «Основы философии права», «Теория государства».

Поддерживая дихотомию Запад – Восток, Алексеев признавал существование коренных отличий в двух подходах в понимании государства и права. Мыслитель считал, что понятие права в чистом виде присуще западному индивидуалистическому сознанию; оно описывает сферу свободы индивида относительно других людей и социальных институтов. Таким образом, поддерживается идея автономности индивида, его самодостаточности перед лицом любой общности (идея прав человека). Концепции права противостоит концепция обязанности, когда человек предстает частью единого целого – общины, народа, церкви, государства. В этом целом отдельные права подданных выступают лишь отражением их «тягловых функций» на благо общности. Это не права в смысле «прав человека», а «правообязанности». Россию Алексеев относил к государствам «обязательным» – подчиняющим личность своим целям. Идеалом государства для него выступает византийская модель – тотальное служение индивида общности, чувство сопричастности великому делу. Стоящий во главе государства монарх рассматривался Алексеевым с позиции общественного служения с религиозным содержанием.

Право, согласно Алексееву, представляет собой многомерное и сложное явление. Поэтому вместо того, чтобы дать ему точное определение, он пытался «дать описание правовой структуры в ее основных данностях». Алексеев выделял следующие элементы правовой структуры: субъект права; ценности, обнаруживающиеся в праве; основные определения правовых явлений (модусы). При этом правовая структура (идея права) рассматривалась ученым в неразрывной связи с правовой реальностью. Именно субъект права приводит право в действие: «Любые правомочия и правообязанности, поскольку они явля-

ются не мертвыми понятиями, но деятельностями, в конце концов, опираются на субъекта». Правовой характер ценностям, актуализируемым субъектами в процессе деятельности, придает особый модус – понятия «правомочия» и «правообязанности» (которые устанавливают отношения долженствования). В то же время, не субъект создает право; в своих действиях он лишь актуализирует правовой смысл существующих объективно явлений. В другом случае субъект пассивно включается в правовую ситуацию, созданную помимо его воли государством.

Известный советский этнолог Лев Николаевич Гумилев (1923–1990 гг.) является одним из видных представителей неоевразийства. Гумилев использовал идеи Шпенглера для разработки своей теории этногенеза.

Циклическая теория исторического развития преобразуется у Гумилева в учение о пассионарных толчках. Гумилев говорит о двух уровнях существования этносов: историческом и этнографическом. Создание этносом своего государства можно считать выходом его на исторический уровень бытия. И наоборот, потеря нацией государственной самостоятельности всегда связана с возвратом этноса на этнографический уровень. Гумилев отрицательно относится к представлению о прогрессе, считая последний «иллюзией роста, процветания людей за счет беспредельных богатств природы». Недостаток теории прогресса, по мнению Гумилева, состоит в том, что игнорируется явление вырождения, ослабления и вымирания целых народов.

Споры о том, что движет изменениями в человеческих обществах (восстаниями и войнами, захватами и переселениями) ведутся давно. Мыслители объясняли все волей божьей, предлагали экономические интересы или социальные факторы, изменения климата или половой инстинкт, и во многих случаях такие объяснения (или их комбинации) работали. Но были и события, когда никакие рациональные объяснения не годились, когда большие дела выглядели результатом лишь воли правителей, или беспричинно разыгравшей энергии «народных масс» (завоевания Александра Македонского, походы викингов или монголов). Именно природой таких, с виду необъяснимых всплесков активности заинтересовался Гумилев и дал явлению название – пассионарность.

Проблема зависимости культуры от пассионарного напряжения решается Гумилевым следующим образом: расцвет культуры не прямо определяется уровнем пассионарности. Для культуры важна умеренная величина пассионарного напряжения. Избыток последнего вреден для культуры. При малой пассионарности также отсутствуют условия для развития культуры, поскольку без определенной степени жертвен-

ности невозможно даже удержание старых традиций, и тем более создание новых.

Опасным также является негативное мировоззрение. Негативное отношение к излишней рационализации мы находим и у Шпенглера, но Гумилев идет дальше и создает теорию антисистем, которые своей негативной рациональностью способны погубить все живое, все органически выросшие этнические системы. Условием существования антисистемы является снижение пассионарного напряжения. При этом старые субэтноты исчезают, а новые не возникают. Антисистемы не связаны с ландшафтом, отрицают традиции общества, представления о добром и злом, хорошем и плохом, честном и преступном, красивом и безобразном. Без груза традиций они часто побеждают политически и экономически. Принцип антисистем – ложь. Позитивные системы – этноты – всегда вводят запреты, ограничения через нравы, мораль, закон. Этому же служит и религия, подчиняя поведение человека определенному стереотипу. В антисистемах этих внутренних ограничений нет, но зато много внешних ограничений через контроль и насилие. Поэтому в антисистемах всегда строгая дисциплина. Антисистемы приводят к созданию «псевдоэтнических общностей», напоминающих общины и секты, которые влияют на судьбы этносов и культур «как раковая опухоль на организм».

Конец XIX – начало XX веков – период второго белорусского возрождения. Он был подготовлен развитием белорусской политической мысли предыдущего периода, а также социально-экономическим кризисом в Российской империи, который привел к активизации политической жизни страны. Повсюду создавались множественные партии и общественные организации, которые в своих программах ставили окончательной целью борьбы коренную перестройку российской политической и социальной жизни.

При отсутствии у белорусов государственности, самостоятельных форм политической и экономической жизни консолидирующие и национально-патриотические функции приняла на себя культура.

Национальное самосознание народа формировалось, прежде всего, через просветительскую деятельность отечественной интеллигенции. Это находило выражение в формировании национальной идеи. У белорусской национальной идеи были давние традиции: государственная – создание в IX–XII вв. старобелорусских княжеств, участие в государствообразующем процессе в XIII–XIV вв., в итоге которого было создано Великое княжество Литовское; культурная – осознание своей национальной самобытности благодаря деятельности белорусских ренессансных просветителей (Ф. Скорины, С. Будного, В. Тяпинского и др.); правовая – создание Статутов Великого княжества Литовского,

которые и через два века называли самыми совершенными сводами законов в Европе.

В произведениях основателя новейшей белорусской литературы Франтишка Богушевича – революционера-демократа – национальная идея выявляется через идею «бацькавай спрадвечнай ад бога дадзенай мовы». Ф. Богушевич впервые связал упадок духовности, прежде всего языка белорусского народа, с его гибелью. «Не пакідайце мовы нашай беларускай, каб не ўмерлі», – призывает поэт.

Ф. Богушевич делил общество на «панства» и «народ». Понятие «народ» у Ф. Богушевича носит локальный характер – это не просто «мужики», но и белорусы, «беларускі народ».

Историческое предназначение народа Ф. Богушевич видел в достижении свободы. Свободу он определяет как построение новой общественной жизни без подчинения одних другим, превосходства немногих над массами. Он делал акцент не только на социальных и общественно-политических преобразованиях, но и на национально-освободительных задачах.

Тема социального и национального освобождения с новой силой прозвучала у белорусских народников, участников группы «Гомон», которая возникла в 1884 г. Одним из основателей группы был будущий цареубийца И. Гриневицкий. Группа разделяла программные и организационные взгляды «Народной воли» и стремилась стать ее областной организацией в Беларуси и возглавить местное революционное и национально-освободительное движение.

Прежде всего «гомоновцы» обосновали сам факт существования белорусской нации как самостоятельной общности людей, ее права на свою национальную государственность и развитие своей национальной культуры.

Средствами воспитания народа в духе национального определения и подготовки его к борьбе за независимость они считали, во-первых, издание специального белорусского печатного органа, во-вторых, создание самостоятельной белорусской революционной организации, которая бы имела тесные отношения со своими региональными ответвлениями.

Группа «Гомон» одной из первых среди народнических группировок подняла вопрос о феодализме как форме союза между отдельными частями государства или нации, что входила в ее состав.

На основе культурно-просветительских кружков зимой 1901–1902 гг. в Петербурге создается организация под названием Белорусская революционная партия (БРП). Постепенно культурно-просветительские цели партии уступают место целям политическим. Вышедшая из БРП во второй половине 1903 г., Белорусская революционная громада (с октября 1904 г. – Белорусская социалистическая

громада (БСГ) во главе с братьями Иваном и Антоном Луцкевичами связывала национально-культурное возрождение с государственно-политическим самоопределением Беларуси.

На первом съезде, который прошел в 1903 г., БРГ приняла программу, в которой характеризовала себя как социалистическую организацию белорусского трудового народа. Своей окончательной целью она провозгласила уничтожение капиталистического строя и переход в общественную собственность земли, ее недр, средств производства и коммуникаций. Первоочередной задачей ставили свержение самодержавия в России во взаимодействии с трудящимися других ее народов. Партия стремилась найти опору и у рабочего класса, и у крестьян, и у интеллигенции.

Национальная свобода, по мнению белорусских социалистов, могла быть обеспечена только российской демократической республикой. Государственное самоопределение виделось через провозглашение краевой автономии Беларуси с сеймом в Вильно, избранным на основе всеобщего, равного избирательного права при тайном голосовании, и культурно-национальной автономии для национальных меньшинств.

Предлагалась также широкая программа демократических преобразований, которая включала требования свободы слова, печати, собраний, забастовок, партий и организаций; замены постоянной армии общим ополчением народа, бесплатного суда, выборности судей и подсудности чиновников. В блок социальных требований входили: установление 8-часового трудового дня, размер минимальной заработной платы, равная оплата за равную работу мужчинам и женщинам, государственное страхование, бесплатная медицинская помощь.

В основу аграрной программы была положена эсеровская идея уравнительного землепользования после отмены личной земельной собственности.

В целом программа БСГ соединяла идеи революционного демократизма с народническим крестьянским социализмом, но, в отличие от общероссийских партий – РСДРП и социалистов-революционеров, – созданная на волне подъема белорусского национального самосознания, БСГ на первый план ставила идею национального возрождения.

Таким образом, белорусская национальная идея начала XX в. имела «выразительное конкретно-социальное направление и содержание, была пронизана идеями свободы и социального равенства, что и обусловило характер ее гуманизма – народнического социально-направленного, национально-освободительного». Белорусская идея того времени базировалась, во-первых, на идее свободы трудового народа, крестьянства и, во-вторых, на идее развития нации, ее самоопределения.

Тема 25. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США

1. Аналитическая юриспруденция Г. Харта.
2. Юридический нормативизм Г. Кельзена.
3. Реалистические концепции права в США.
4. Возрожденное естественное право.
5. Теория конвергенции.
6. Социологическая школа права.
7. Интегративная юриспруденция.
8. Концепции социального государства и политики всеобщего благоденствия.
9. Концепции плюралистической демократии.
10. Теории элит.
11. Неолиберализм и неоконсерватизм.
12. Цивилизационный подход.

Современная аналитическая юриспруденция является модификацией новейшего юридического позитивизма. Ее идеи были разработаны в работах англичанина Герберта Харта. Он рассматривает право как формально-логическую систему «первичных» и «вторичных» правил, восходящих к так называемой высшей норме признания. Первичные правила представляют собой такие законодательные установления, которые были изготовлены суверенным органом (т. е. парламентом) и вследствие этого обстоятельства возникли определенные обязанности, обязательства и правомочия.

Вторичные правила состоят из трех разновидностей – правил признания, правил изменения и правил вынесения судебного решения. Последняя разновидность, по сути дела, предстает правилами о правилах, т. е. такими правилами, которым судьи, работники гражданской службы, правительственные министры и другие лица должны следовать в процессе применения или толкования закона. Правила изменения означают согласованные правила, предусмотренные на случай необходимых изменений в действующем законе. Например, в ситуации, когда меняются законы о выборах, парламентские выборы могут в итоге привести к новому парламенту и новому правительству, которые затем могут произвести изменения в «первичных правилах».

Более сложным выглядит толкование правил признания. Однако их роль очень важна и эти правила составляют характернейшую черту современной позитивистской школы права. Закон является законом лишь при условии, если он признан таковым, поскольку он исходил из признанного, учрежденного и в этом качестве воспринимаемого источника права. Письменная конституция США отвечает правилу при-

знания; неписаная конституция Соединенного Королевства также подчиняется правилу признания, поскольку этому правилу следуют парламент и суды. Харт утверждает, что лишь в том случае правовая система может действовать эффективно, когда существует реальное сочетание первичных и вторичных правил.

Данные современных социальных наук, включая и правоведение, исходят из того, что поведение людей управляется частично обычаем, частично привилегией и частично некоторыми определенными и разделяемыми ценностями. Кроме того, члены сообщества могут испытывать влияние религиозной морали, включающей доктрины и учение церкви, а также этических принципов (профессиональных прежде всего – врачебной этики, деловой и др.). Все эти разновидности могут находить и часто находят отражение в правовой системе. Позиция Харта сводится к следующему: во всех сообществах существует частичное взаимопроникновение в содержании между правовым и моральным обязательством; однако атрибуты правовых правил являются при этом более специфическими и окружены барьером из более детализированных оговорок, нежели другие сопоставляемые правила (т. е. моральные правила).

Большое распространение и дальнейшие модификации получила классификация правовых правил на первичные и вторичные. Отсутствие вторичных правил, согласно Харту, есть признак правовой системы примитивного, традиционного сообщества. Там, где нет такого различения юридических правил, не существует и парламентского процесса, который оказывает обычно содействие в их различении и обособлении.

Теоретическая конструкция права и правовой системы Харта, доминировавшая в Великобритании в середине двадцатого века, впоследствии подверглась (вместе с другими позитивистскими течениями) философской и социологической критике, особенно со стороны американца Рональда Дворкина, профессора юриспруденции в Оксфорде. В книге под названием «Если о правах говорить серьезно» он возражал позитивистам: ни один законодатель (т. е. тот самый «суверен, устанавливающий закон-приказ») не может позволить себе игнорировать общественные взгляды или чувство несправды, поскольку общественное мнение, как бы ни было оно переменчивым и текучим, тем не менее возводит границы вокруг той области, которую парламент и правительство могут «проигнорировать только теоретически».

Концепция Харта относится в силу определенного своеобразия своих конструкций и подходов к категории так называемого лингвистического юридического позитивизма.

Еще одной разновидностью современного юридического позитивизма является нормативизм Кельзена. Оно сложилось на основе принципов, выработанных в юридическом позитивизме XIX в., и представляет собой реакцию на распространение в современном западном правоведении социологических, психологических и новейших этических философских концепций.

Австрийский юрист Ганс Кельзен (1881–1973 гг.) был родоначальником и крупнейшим представителем нормативистской школы. Его теоретические взгляды окончательно сформировались в период, последовавший за распадом Австро-Венгерской монархии. Кельзен возглавил подготовку проекта Конституции 1920 г., юридически оформившей образование Австрийской республики (с некоторыми изменениями эта Конституция действует и в настоящее время).

Кельзену принадлежит большое число работ по общей теории права и государства, конституционному и международному праву, а также несколько сочинений, посвященных опровержению марксизма. Самая известная его работа – «Чистая теория права» (в заголовок вынесено авторское название нормативизма; книга вышла в 1934 г.).

Под чистой теорией права Кельзен понимал доктрину, из которой устранены все элементы, чуждые юридической науке. Современные юристы, писал он, обращаются к проблемам социологии и психологии, этики и политической теории, пренебрегая изучением своего собственного предмета. Кельзен был убежден, что юридическая наука призвана заниматься не социальными предпосылками или нравственными основаниями правовых установлений, как доказывают приверженцы соответствующих концепций, а специфически юридическим (нормативным) содержанием права.

При обосновании этой позиции Кельзен опирался на философию неокантианства, сторонники которой разграничили две области теоретических знаний – науки о сущем и науки о должном. К первой группе наук относятся естественные науки, история, социология и другие дисциплины, изучающие явления природы и общественной жизни с точки зрения причинно-следственных связей. Вторую группу – науки о должном – образуют этика и юриспруденция, которые исследуют нормативно обусловленные отношения в обществе, механизмы и способы социальной регламентации поведения людей. В науках о сущем главным постулатом выступает принцип объективной причинности, в науках о должном – принцип вменения.

В соответствии с этим учением нормативисты призывали освободить юриспруденцию от исследовательских приемов, заимствованных из других областей познания. Как подчеркивал Кельзен, чистая теория «не отрицает того, что содержание любого позитивного юридического порядка, будь то право международное или национальное, обуслов-

лено историческими, экономическими, моральными и политическими факторами, однако она стремится познать право с внутренней стороны, в его специфически нормативном значении».

Чистота теории права предполагает также исключение из нее идеологических оценок. Кельзен одним из первых поставил задачу деидеологизации правоведения, создания строго объективной науки о праве и государстве. «Чистая теория стремится преодолеть идеологические тенденции и описать право таким, каково оно есть, не занимаясь его оправданием или критикой».

Кельзен определяет право как совокупность норм, осуществляемых в принудительном порядке (данное определение в концепции используется для отличия права от других нормативных систем, таких, как религия и мораль).

По учению Кельзена, право старше государства. Оно возникло еще в первобытную эпоху, когда общество, разрешив индивидам совершать акты принуждения (например, акты мести) в одних случаях и запретив – в других, установило монополию на применение силы для обеспечения коллективной безопасности. Впоследствии правовое общество перерастает в государство, где функции принуждения осуществляются централизованным путем, т. е. специально созданными органами власти. С образованием таких органов децентрализованные способы принуждения сохраняются лишь за рамками государства – в области международных отношений. Современное ему право Кельзен рассматривает как совокупность государственных правопорядков и децентрализованного международного права.

В национальных правовых системах нормы согласованы между собой и располагаются по ступеням, образуя строгую иерархию в виде пирамиды (среди последователей теоретика такое описание получило название ступенчатой концепции права). На вершине этой пирамиды находятся нормы конституции. Далее следуют «общие нормы», установленные в законодательном порядке или путем обычая. И, наконец, последнюю ступень составляют так называемые индивидуальные нормы, создаваемые судебными и административными органами при решении конкретных дел. В изображении Кельзена и его учеников внутригосударственное право выступает замкнутой регулятивной системой, где каждая норма приобретает обязательность благодаря тому, что она соответствует норме более высокой ступени.

Источником единства правовой системы Кельзен называет основную норму – «мысленное допущение». Основная норма непосредственно связана с конституцией, принятой в государстве, и может быть представлена в виде следующего высказывания: «Должно вести себя так, как предписывает конституция». Такое высказывание не содержит нормативных предписаний в собственном смысле слова. Его

назначение в том, чтобы придать нашим представлениям о легитимности существующего правопорядка логически завершённую форму. «Согласно основной норме государственного правопорядка эффективное правительство, которое на основании действенной конституции создает действенные общие и индивидуальные нормы, есть легитимное правительство этого государства», – писал Кельзен.

Политическое учение Кельзена построено на отождествлении государства и права. Как организация принуждения государство идентично правопорядку, считал родоначальник нормативизма. Аргументируя свою позицию, Кельзен пришел к выводу, что любое государство, включая авторитарное, является государством правовым. «Порядок Республики Советов следует понимать как правовой порядок точно так же, как порядок фашистской Италии или демократической капиталистической Франции». Этот вывод резко контрастировал с доктринами либеральной демократии середины XX в., в которых правовое государство рассматривалось как альтернатива тоталитарным политическим режимам.

В противовес этим доктринам Кельзен делил государства на демократические и недемократические. По своей сути демократия есть поиск компромисса: она предполагает уважение к чужим взглядам и требует защиты интересов меньшинства. «Движущим принципом всякой демократии в действительности служит не экономическая свобода либерализма, как иногда утверждали (ибо демократия может быть как либеральной, так и социалистической), а, скорее, духовная свобода – свобода высказывать свое мнение, свобода совести и убеждений, принцип терпимости и, особенно, свобода науки», – утверждал Кельзен.

В своих работах по международному праву Кельзен выдвинул проект установления мирового правопорядка на основе добровольного подчинения суверенных государств органам международной юрисдикции. Он различал предписания международного права и его основную норму, разрабатывал мысль о том, что основные нормы и конституции государств необходимо привести в соответствие с демократическими принципами (основной нормой) международного правопорядка.

Учение Кельзена оказало глубокое воздействие на теоретические представления и юридическую практику в странах Запада. Под влиянием нормативизма правоведы стали больше уделять внимания противоречиям в праве, формированию стройной системы законодательства. С концепциями нормативизма связано также широкое распространение в современном мире идей верховенства международного права над законодательством государств, учреждение институтов конституционного контроля (создание специального органа конституционной юстиции впервые было предусмотрено в Конституции Австрии 1920 г., которую отредактировал Кельзен).

Под влиянием социологической юриспруденции в правоведении США первой трети XX в. возникло движение «реалистов», объединявшее в основном представителей отраслевых юридических дисциплин – специалистов в области гражданского, коммерческого, предпринимательского и других отраслей права. Многие реалисты, прежде чем обратиться к научным исследованиям, занимались адвокатской практикой.

Лидером этого движения был видный американский цивилист Карл Ллевеллин (правильнее Ллуэллин; 1893–1962 гг.). Он определил общие черты, характерные для концепций, с которыми выступили участники движения, и дал ему название «правовой реализм». Теоретические взгляды Ллевеллина нашли отражение в его курсе лекций «Куст ежевики» (1930 г.; в заголовке обыгрываются слова из колыбельной песни), а также в сборнике статей «Юриспруденция: реализм в теории и на практике». С 1944 г. Ллевеллин руководил комиссией, подготовившей проект Единообразного торгового кодекса США – самой обширной систематизации коммерческого права в истории страны. К настоящему времени этот Кодекс принят во всех штатах, за исключением Луизианы.

Второй по значению фигурой в движении американских реалистов обычно называют Джерома Фрэнка (1889–1957 гг.), автора нашумевшей книги «Право и современное сознание». В 30-е гг. Фрэнк занимал ответственные посты в ряде учреждений и комиссий, созданных для реализации программы «Нового курса»; затем исполнял обязанности федерального судьи.

Философско-методологической основой концепции Ллевеллина послужили идеи прагматизма. Реалисты подвергли критике юридический позитивизм и призывали исследовать не только правовые нормы, установленные в законах и судебных решениях, но и сам процесс воздействия права на поведение людей. По общему мнению реалистов формально-догматические приемы изучения правовых актов уже не отвечают требованиям современной науки. Ллевеллин в одной из своих программных статей указывал: «Тщательный анализ формальной логики судебных решений полезен. В то же время важно подчеркнуть, что его полезность значительно возрастет, если решения по этим делам будут столь же тщательно изучены с точки зрения инструментализма, под углом зрения их прагматического и социально-психологического содержания».

Идейные разногласия между реалистами и сторонниками социологической юриспруденции проявились при обсуждении вопроса о том, какое место в правовом регулировании занимают нормативные предписания и правоприменительная деятельность. Реалисты, не отрицая значения правовых норм, стремились переориентировать юридиче-

скую науку на изучение судебной и административной практики. Именно практика образует, по словам Ллевеллина, «костяк правовой системы». В условиях современного общества, считал Ллевеллин, на первый план выдвигаются вопросы о том, «как, насколько и в каком направлении расходятся между собою принятая норма и практика вынесения решений».

«Сферой права, – писал Ллевеллин, – является деятельность, относящаяся к разрешению споров. А люди, осуществляющие эту деятельность по должности, будь то судьи, шерифы, чиновники, тюремщики или юристы, являются официальными выразителями права. То, что эти должностные лица решают в отношении споров, и есть, по моему мнению, само право» (в американской юридической литературе это высказывание нередко цитируют как определение права, сформулированное Ллевеллином).

Правовые нормы, утверждал Фрэнк, «не действуют сами по себе». Нормы права содержат определенные идеалы, моральные ценности и ориентиры политики государства, однако они не порождают у индивида субъективных прав до тех пор, пока не будут применены в решении по конкретному делу. «Право состоит из решений, а не из норм. Если это так, то судья создает право всякий раз, когда решает дело», – утверждал Фрэнк. Под правом реалисты понимали, таким образом, совокупность индивидуальных предписаний, т. е. правил поведения, установленных компетентными органами государства применительно к конкретным ситуациям.

Многие участники движения, подчеркивая практическую направленность реализма, призывали вообще отказаться от теоретических исследований в юриспруденции и ограничить ее задачи изучением реальных, эмпирически наблюдаемых фактов.

Описывая процесс судебного разбирательства, сторонники реализма широко использовали положения современной им психологии. Реалисты доказывали, что судья, рассматривая дело, сначала принимает решение по интуиции и только затем подыскивает для него аргументы с помощью логических умозаключений, ссылок на статьи закона, прецеденты и т. п. Интерес реалистов к интуитивной стадии судопроизводства во многом был продиктован их стремлением опровергнуть концепции юридического позитивизма, представители которого сводили процесс судебного разбирательства к логическим операциям подведения конкретного случая или спора под абстрактные нормы права.

Правовой реализм в целом представлял собой доктрину, построенную на соединении принципов социологического и психологического подходов к изучению права. Своеобразие этой доктрины заключалось

и в том, что практико-прикладная проблематика в ней превалировала над теоретическим содержанием.

Среди политико-правовых концепций XX в. особое место занимают учения о естественном праве. Подобно классическим учениям XVII–XVIII вв. современные естественно-правовые теории признают существование наряду с позитивным правом (законами и обычаями) идеального порядка отношений между людьми. Этот высший нормативный порядок и называют естественным правом. Согласно таким взглядам законы государства являются действительными и легитимными лишь в том случае, если они соответствуют идеальному праву.

В противоположность доктринам прошлого, основанным на представлении об обособленном индивиду, философия и правоведение XX в. рассматривают человека как участника многообразных общественных связей. В перечень естественных прав соответственно включают не только неотъемлемые права личности, призванные гарантировать ее независимость от государственной власти, но и социально-экономические права человека, свободу объединения в политические партии и общественные союзы, права социальных общностей (например, право наций на самоопределение, право народа устанавливать конституцию государства). Новейшие естественно-правовые учения смыкаются с теориями социального государства и плюралистической демократии.

С этим связана и другая особенность современных концепций. Естественное право в них не рассматривается больше как совокупность неизблемых, раз и навсегда установленных разумом предписаний. Доктринам эпохи Просвещения противопоставляют идеи «естественного права с изменяющимся содержанием» (термин введен в оборот немецким юристом Р. Штаммлером), принципы исторически развивающегося правосознания, нравственные и духовные ценности конкретного общества или народа.

В литературе начала XX в. такой подход именовали «возрожденным естественным правом», понимая под ним возрождение на новой методологической основе традиций рационалистического обоснования права, которые были прерваны во второй половине прошлого столетия развитием юридического позитивизма и формально-догматической юриспруденции. К настоящему времени этот термин вышел из употребления.

Неотомисты (Ж. Маритен, В. Катрайн, И. Месснер) возводят свое понимание естественного закона к философии Фомы Аквинского, чье учение в 1879 г. получило одобрение и поддержку со стороны католической церкви.

Виднейший представитель современного томизма – французский философ и общественный деятель Жак Маритен (1882–1973 гг.). Известность пришла к нему в 30-е гг., когда он преподавал в США и Канаде и приложил немало усилий к тому, чтобы укрепить позиции католицизма на американском континенте. В 1945–1948 гг. Маритен был послом Франции в Ватикане, участвовал в подготовке проектов Всеобщей декларации прав человека. Главные его сочинения по проблемам социально-политической теории – «Интегральный гуманизм», «Права человека и естественный закон», «Человек и государство».

Концепция Маритена, как и концепция других последователей неомизма, построена на соединении традиционных для религиозной философии представлений о божественном происхождении государства и права с положениями современной науки. Философ стремился выработать «интегральную» доктрину, открытую для гуманистических и демократических воззрений современной эпохи. В своих трудах Маритен проводил различие между первопричиной социальных институтов (усматривая таковую в боге) и реальной детерминацией происходящих в обществе событий. «Проистекая всецело от народа, власть изначально происходит от Бога», – писал он.

Источником естественного закона, согласно концепции Маритена, является бог, который обладает абсолютным суверенитетом над своими созданиями и не несет перед ними моральных обязанностей. Маритен определял естественный закон как установленные божественным разумом «универсальные нормы права и долга». Бог – первый принцип естественного права. Человек же имеет естественные права и способен осознать их в силу своей сопричастности божественному разуму. «Личность обладает абсолютным достоинством, поскольку она состоит в прямых отношениях с Абсолютом». Как ревностный католик, Маритен был убежден, что верующие полнее и глубже ощущают веления естественного закона, чем атеисты. В его сочинениях подчеркивалась также роль католической церкви как хранительницы естественного права.

Признавая существование вечного и неизменного закона, Маритен считал, что естественное право раскрывается людям постепенно, по мере развития культуры и приближения человека к богу. Каждая эпоха имеет свой «исторически конкретный идеал». В связи с этим Маритен оценивал как бесплодные попытки составить полный каталог естественных прав индивида на все времена. «Декларация прав человека никогда не будет исчерпывающей и окончательной. Она всегда будет зависеть от уровня сознания и от уровня цивилизации в данный период истории», – писал Маритен.

Маритен предложил собственную классификацию прав человека, разделив их на три вида:

1. Фундаментальные права личности (человека как такового) включают в себя: право на жизнь и личную свободу, право вступать в брак, право частной собственности, право на стремление к счастью и др. Эти права являются естественными в строгом значении слова, ибо коренятся в самой природе человека как свободного и духовного существа. Личность, писал Маритен, принадлежит миру высших ценностей.

2. Политические права (или права гражданина) определяются законодательством страны, однако косвенно зависят от естественного права и образуют его продолжение, ибо установления государственной власти становятся законом лишь в силу их соответствия естественному праву. К политическим правам Маритен относит: право народа устанавливать конституцию государства и определять форму правления, право граждан на активное участие в политической жизни, в том числе в выборах, право объединения в политические партии, свободу высказываний и дискуссий, равенство граждан перед законом и судом. Реализация этих прав с помощью церкви приведет к установлению христианской демократии, т. е. «по-христиански устроенного светского государства».

3. Социальные права человека (права трудящегося) охватывают: право на труд, право объединения в профсоюзы, право на справедливую заработную плату, право на социальное обеспечение в случае безработицы или болезни, по старости и т. п. Признание социальных прав личности наряду с правом частной собственности позволит, считал Маритен, избежать пороков как капитализма, так и социализма. Философ отстаивал идеи «третьего пути» развития общества.

Учение Маритена явилось одной из концепций, идейно подготовивших разработку Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г.

Современный английский правовед Лон Фуллер считает, что правовая норма должна содержать в себе уместимую цель и указывать на средства ее достижения. В этом смысле каждая норма права субстанциональна (имеет сущностное содержание, несет значение должного, и таким образом, является ценностью). Одновременно с этим каждая норма инструментальна; в этом своем измерении она определяет средства для достижения цели. Проясняя свою позицию, Фуллер вводит различие права имплицитного (подразумеваемого) и эксплицитного (внешнего, оформленного, сделанного).

Имплицитное право – это обычаи и сходные типы нормативного упорядочивания человеческого общения, которые часто лишены словесного и символического обозначения и фиксации. Сделанное право – это внешне выраженные точные правила, заключенные в нормах и требованиях договора, статута и др. И эксплицитное, и имплицитное право суть целеположенное право, поскольку совмещают и

сущее и должное. В отличие от позитивизма, объявляющего правом практически любой приказ суверенной власти, и в отличие от нормативизма с его иерархией норм и вершинной нормой, и от социологии с ее восприятием нормы права как предсказания возможного поведения суда, Фуллер делает акцент на целеполагании в праве, на средствах его реализации, которые также заложены в праве, что придает праву и всей правовой системе свойство ценностной системы. Наиболее общая цель в праве как системе – направлять и контролировать человеческую деятельность. Но есть также и более конкретные цели, которые Фуллер именует процессуальными (процедурными) целями: в договорном праве они одни, в судопроизводении несколько другие. Все разновидности «сделанного» права должны отвечать следующим требованиям: быть оправданными, иметь общий характер своих требований, не иметь обратной силы, быть ясными и свободными от противоречий, а также достаточно устойчивыми, не требовать невозможного. Их применение должно находиться в соответствии с целями и средствами, заложенными в данной норме.

Правовая норма как некое сочетание должной цели и должных средств представляет собой моральную ценность. Так, мораль приобретает в естественно-правовой концепции Фуллера конкретный характер, в то время как для теории «чистого» права и «чисто юридической» трактовки событий и конфликтов является характеристикой безразличной, несущественной.

Свою преемственную связь с естественно-правовой традицией древних авторов Фуллер фиксирует в тезисе о том, что право есть разумность, проявляющая себя в человеческих отношениях. Фуллер не противопоставляет позитивное право и естественное право, а только право и неправое.

В 50-х гг. Артур Кауфман («Естественное право и историчность», 1957) выступил против возведения в абсолют элемента исторической изменчивости в содержании права и подчеркнул в этой связи, что естественно-правовое восприятие права основано на признании и допущении постоянного наличия и действия внепозитивных правовых принципов. Вместе с тем он соглашался с восприятием права как исторически меняющегося феномена, в содержание которого включаются некоторые внеюридические факторы, действующие «здесь и теперь».

В 70-х гг. Кауфман откажется от этих позиций и объявит о «бесплодности естественно-правовых учений». В этот период он высоко ценит критико-аналитические возможности в осмыслении действующего права, которые демонстрирует, по его мнению, юридическая герменевтика – своеобразная философия юридического языка в его практическом применении. Судья так или иначе обязан проводить сопоставление языковых выражений правовой нормы и юридического

содержания конфликта, который норма призвана регулировать. Таким образом, онтологическая основа естественного права перенесена Кауфманом из области «закономерностей бытия» в область «языкового выражения бытия» и речь ведется о видоизмененном естественном праве – герменевтическом (по происхождению и толкованию) естественном праве. Другими словами, закон и здесь не считается вполне достаточным для извлечения правила в процессе выработки судебного решения, и только судья в состоянии должным образом учесть содержание и смысл конкретной конфликтной ситуации и принять во внимание, насколько закон соответствует положению вещей в данное время и в данном месте.

В последней трети XX в. с новыми перетолкованиями естественно-правовой традиции выступили Дж. Роулс («Теория справедливости», 1972) и Дж. Финнис («Естественный закон и естественное право», 1980).

Дж. Роулс основывает теорию справедливости на аристотелевской концепции распределяющей справедливости, взятой в несколько упрощенном виде (блага, существующие в обществе, должны распределяться на основании взаимных требований людей и на основании максимально возможного равенства). Роулс использует конструкцию-понятие «первичные блага», которые подлежат распределению. В их число он включает свободу, равные возможности, определенный уровень материального достатка. Все эти «первичные блага» обеспечивают человеку «самоуважение»; они в то же самое время суть условия, которые обеспечивают человеку его автономию, его самостоятельность, в том числе и самостоятельное распоряжение такими благами.

Существенное значение он придает установлению принципов справедливого распределения. Первым таким принципом Роулс считает требование, чтобы каждый человек в равной степени обладал основными правами и свободами. Система индивидуальных прав и свобод должна совпадать со всеобщей свободой, причем свобода должна быть максимизирована, ее ограничение может быть оправданно только в целях ее лучшей защиты: «свобода может быть ограничена только ради свободы». Второй принцип – требование равенства как равного обладания свободой и равного распределения благ (исключения из этого правила допустимы здесь только в целях выравнивания уже сложившегося неравенства). Этот принцип конкретизируется как принцип равных возможностей, нацеленный на максимальное устранение неравенства, возникающего или сложившегося на базе богатства или рождения. Каждый человек должен иметь равные возможности в стремлении получить определенный статус в обществе.

Эгалитаристские идеи Роулса в этой части во многом перекликаются с идеями Руссо и некоторыми положениями правовой фило-

софии Канта. Новые моменты привнесены американским теоретиком в истолкование категории справедливости – она характеризуется им как правильность, добросовестность, беспристрастность, как своего рода «процессуальная справедливость», которая обеспечивается при помощи правовых норм, соответствующих принципу правления справедливого закона. При этом очень существенна роль конституции, которая определяет основные распределительные процедуры, с наибольшей вероятностью приводящие к созданию справедливого и устойчивого порядка. Такая функциональная роль конституции поддерживается и усиливается при помощи обычных законов.

Концепция Дж. Финниса построена на перетолковании идей Августина, в частности идеи телеологизма. Смысл человеческого существования Финнис определяет как достижение человеком определенного блага или совокупности благ, которые он постигает, оценивает и обеспечивает с помощью разума. Перечень основных благ, или ценностей человеческой жизни, включает в себя жизнь (стремление к самосохранению), знание (не инструментальное, а прежде всего субстанциональное, мировоззренческое), игру (связана с правильным распределением и использованием социальными ролями человека в обществе), эстетический опыт (способность понимать прекрасное), практическую разумность (стремление сделать свой разум более результативным в практическом плане), социальность (дружеская общительность), религию (как представление о генезисе и роли космического порядка, человеческой свободы и разума).

Все блага должны распределяться справедливо, на основе уравнивающей либо распределяющей справедливости в обстановке единодушия, координации и в определенных случаях также при содействии власти. Таким властным и результативным инструментом может быть только позитивное право, но право, соответствующее справедливости.

Интерес к современным теориям естественного права во многом был обусловлен стремлением демократических кругов покончить с практикой авторитарных режимов на европейском континенте. Естественно-правовые концепции того времени сыграли видную роль в дискредитации фашизма, в утверждении общечеловеческих ценностей и норм международного права как основы современной демократии.

С принятием Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и других конвенций, имеющих обязательную силу для присоединившихся к ним государств, влияние естественно-правовых учений пошло на убыль.

Политики и юристы, аргументируя свои позиции по правам человека, предпочитали ссылаться на международные пакты и во многих странах утратили интерес к теории естественных прав личности. «Эта

индивидуалистическая философия естественного права повсюду изжила себя и не встречает больше сочувствия у законодателей и влиятельных мыслителей», – писал в 1972 г. французский социолог Р. Арон. Примерно в это же время В. Майхофер и А. Кауфман, крупнейшие представители естественно-правовой школы в немецкой юриспруденции, выступили с заявлениями о бесперспективности дальнейших теоретических исследований естественного права.

После Второй мировой войны институционализм из отдельного течения превратился в метод общего анализа процессов и сдвигов в реальной экономической системе, с одной стороны, или в элемент экономической теории – с другой. Для институционализма с самого начала его развития было характерно отстаивание идеи социального контроля и вмешательства общества, главным образом государства, в экономические процессы.

Сторонники институционализма полагают, что научно-технический прогресс ведет к преодолению социальных противоречий, к бесконфликтной общественной эволюции общества от индустриального к постиндустриальному, супериндустриальному или «неоиндустриальному» (т. е. информационному) обществу.

Джон Кеннет Гэлбрейт – один из наиболее крупных и влиятельных американских экономистов, социальный мыслитель, дипломат, литератор, общественный деятель, профессор экономики Гарвардского университета. Свои взгляды на современную экономическую действительность Дж. Гэлбрейт изложил в книгах «Новое индустриальное общество» (1967) и «Экономические теории и цели общества» (1973).

Гэлбрейт стремится соединить политэкономия и экономическую политику с социологией. Политэкономия, как доказывают сторонники институционально-социологического направления, не должна сводить цели общества к увеличению валового национального продукта, структуру которого определяет рыночный спрос. Необходимо, подчеркивают они, учитывать и потребности людей, определяемые системой моральных ценностей и требующие реформы системы образования, здравоохранения, социального обеспечения, реконструкции городов, охраны окружающей среды. Гэлбрейт считает, что эти цели могут быть достигнуты без социальной революции при решающей роли крупных корпораций. В условиях научно-технической революции, все более широкого использования мощных информационно-кибернетических систем произошли изменения в механизме принятия экономических решений крупных корпораций. Эти решения принимаются уже не собственниками средств производства в узкой группе близких к ним менеджеров, а также не акционерами, численность которых слишком велика, а новым слоем – техноструктурой (специалистами по тор-

говле и рекламе, экспертами в области общественных связей, юристами). Техноструктура – целая совокупность ученых, инженеров и техников, специалистов по реализации, рекламе и торговым операциям, экспертов в области отношений с общественностью и др. Техноструктура становится командной силой корпорации. Крупные корпорации, по Гэлбрейту, образуя «планирующую систему» внутри государства, переступают затем границы национального государства, чтобы создать «Международное планирующее сообщество». Многонациональные корпорации являются «островами сознательной силы в океане стихийного соперничества». Вместо теории «невидимой руки» Гэлбрейт проповедовал теорию сознательного регулирования экономики. Главной положительной целью техноструктуры, по мнению Гэлбрейта, служит рост фирмы, который в свою очередь становится важнейшей целью индустриальной системы и всего общества, где ведущую роль играют крупные корпорации. Кроме того, основным ориентиром для крупной фирмы является минимизация риска, то есть достижение минимума зависимости от рынка: «Фирма должна осуществлять контроль над продукцией, которую она продает, и над продукцией, которую она покупает. Она должна поставить на место рынка планирование».

Гэлбрейт ввел термин «новый социализм», «респектабельный социализм». Он считает, что такой социализм уже утвердился в Западной Европе и Японии, и призывает внедрить его в США. Гэлбрейт не предлагает менять форму собственности, т. к. крупные формы несут планирующее начало. «Новый социализм» означает сочетание планирующей экономической системы и сильной социальной политики государства. Он считает, что такой социализм, в отличие от марксистского, устанавливается без классовой борьбы на основе здравого смысла предпринимателей.

Одновременно с мероприятиями по развитию рыночной системы предлагаются меры для реформы плановой системы: введение прогрессивного налогообложения с целью сокращения разрыва в доходах, мероприятия по стабилизации цен и заработной платы, межотраслевая координация, национализация крупных военных фирм, борьба с загрязнением среды, воды и т. д. Политика в отношении плановой системы, подчеркивает Гэлбрейт, состоит в том, чтобы дисциплинировать ее цели и поставить на службу общественным задачам. Таким образом, Гэлбрейт конкретизировал содержание своей реформаторской программы, выявив одновременно толкование понятия «социализм» как средство управления и контроля (без коренной и тем более насильственной ломки современной системы западной экономики).

Большую роль он отводит программе налоговых реформ. Он предлагает урезать высокий доход наиболее богатых лиц, увеличить доходы более бедной части населения. Для этого предлагается не только

прогрессивное налогообложение, но и повышение минимальной заработной платы с помощью профсоюзов. Он призывает поощрять объединение в профсоюзы трудящихся, занятых в мелком бизнесе в сфере услуг и в сельском хозяйстве. Все эти реформы Гэлбрейт призывает осуществить без классовой борьбы, обращаясь к здравому смыслу предпринимателей. «Новый социализм не имеет идеологического характера, он навязывается обстоятельствами».

Есть сферы, где приоритет государства должен быть бесспорным. Такие отрасли, как медицина и жилищное строительство, например, не могут функционировать в рыночной системе. «Особенно это относится к искусству. При отсутствии государственной поддержки нужно предполагать недостаточный уровень его развития. Общество, в котором отсутствует государственное вмешательство в интересы наук, называемых гуманитарными, и искусства, будет прискорбно несбалансированным». Необходимы государственные заказы на произведения искусства. «Значительные и растущие заказы и поддержка искусства являются не только нормальной, но и существенной обязанностью современного государства».

Еще одна сфера, где необходимо государственное вмешательство – это сельское хозяйство. Регулирующие меры сводятся к поддержанию сельскохозяйственных цен, кооперативным закупкам удобрений, горючего и оборудования, государственному снабжению электроэнергией, субсидиям в поддержку новых методов. При отсутствии таких мер поступление продуктов питания и натуральных волокон было бы недостаточным, а стоимость подобно стоимости жилья и медицинской помощи, очень высокой.

Гэлбрейт критикует капиталистическое общество потребления. «Чем же объясняется тогда жизнеспособность капитализма? Ведь недостатки налицо. Прежде всего тем, что ему удалось добиться отождествления экономического успеха и процветания с изобилием самых различных товаров личного потребления». Он сумел превратить производство этих товаров и услуг в высшую цель общества, заполнить потребительской деятельностью досуг, духовную жизнь людей и даже, в известной мере, сферу искусства».

«Успех капитализма, который не предвидели ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, кроется не только в изобилии товаров и подъеме покупательной способности населения, но и в создании общества массового спроса, делающего приобретение товаров главной целью жизни человека. Капитализм сумел подойти к этому рубежу развития благодаря превращению тех, кого он эксплуатировал, в своих главных покупателей».

Но как убедить людей в ложности идеалов «общества потребления», подменяющего собой истинную ценность свободного времени,

духовного развития? В книге «Общество изобилия» он писал о том, что такого рода общество все в меньшей степени удовлетворяет действительные жизненные потребности. Кроме того, его воздействие на окружающую среду негативно.

Гэлбрейт – сторонник мирной социализации общества. «Следует избегать применения доктрин о необходимости большей оплаты богатых и меньшей – бедных, чтобы те и другие работали лучше. Важно отказаться от нынешней политической ориентации на интересы зажиточных классов. Надеюсь на поиск более справедливой налоговой системы. С одной стороны, она бы взимала более высокий подоходный налог. С другой, вижу необходимым значительное повышение налога на продажу всех потребительских товаров. Это нужно в целях получения достаточных средств на образование, повышение уровня жизни бедных слоев, решение ряда социальных проблем: большей доступности библиотек, школ, стадионов, улучшение состояния улиц и работы общественного транспорта. При капитализме государство может сыграть намного большую роль в тех областях, где оно еще не сумело добиться успеха. Разумеется, его военная сфера должна сокращаться».

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968 гг.) родился в д. Тургья Коми-Пермяцкой области в крестьянской семье. Окончил Психоневрологический институт и Петроградский университет; магистр уголовного права и доктор социологии, почетный доктор ряда американских и европейских университетов. Преподавал в Петроградском университете, затем университете Миннесоты и Гарварда. Был личным секретарем известного социолога и общественного деятеля М. М. Ковалевского, в Петроградском университете с 1919 г. читал первый в нашей стране систематический курс социологии. Принимал активное участие в политической жизни, состоял в партии эсеров. После Февральской революции работал в качестве доверенного лица и личного секретаря А. Ф. Керенского, состоял членом Совета Российской республики, редактировал газету «Воля народа». В 1922 г. был выслан за пределы Советской России. С 1930 г. – профессор Гарвардского университета, основатель и глава факультета социологии (1939–1959 гг.). Почетный член Американской академии искусств и наук, Болгарской и Румынской королевских академий искусств и наук и др. Президент международной социологической ассоциации, Американского социологического общества. Опубликовал около 40 книг и 1000 статей на главных языках Европы и Азии. О нем написано 10 книг и тысячи статей. Классическими работами Сорокина стали «Современные социологические теории» (1928) и «Социальная и культурная динамика» (в 4 т. 1937–1941).

В области правоведения имя Сорокина связано с оформлением русской школы социологии уголовного права и криминологии. В 1914 г.

выходит его фундаментальная работа «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали».

Все правила поведения автор подвел под рубрику из трех групп – дозволенные, запрещенные и рекомендованные. Социальная среда и социальное взаимодействие динамичны по своей природе. Сообразно с этим вызывается необходимость в изменении шаблонов группового поведения. В силу неодинаковой эластичности старых шаблонов у различных индивидов и благодаря тому, что не все индивиды стоят в одинаковом отношении к новым условиям, приспособление к этим условиям шло и идет не одновременно у различных членов, а разновременно (один опаздывает, другой опережает – это относится и к миру животных). В силу этой неодновременности возникает конфликт шаблонов и тем самым конфликт между различными частями группы. Группа либо распадается, либо ее единство устанавливается принудительно. Более сильная часть заставляет насильно «протестантов» соблюдать ее шаблоны посредством двоякого рода действий: положительных (наград) и отрицательных (кар). В животных обществах этот конфликт случается очень редко, в человеческих, где взаимодействие интенсивнее (а значит, и условия более изменчивы), этот конфликт случается гораздо чаще и принимает сознательно-мотивированную форму, проявляющуюся в выражениях «должен», «обязан», «имеет право». Нарушение шаблона превращается в «преступление», реакция на него – в «наказание», «сверхнормальный акт» превращается в подвиг, а реакция на него – в награду.

Общий вывод Сорокина сводится к следующему: с усложнением и расширением социальных кругов процесс взаимодействия совершается все сильнее, а окружающая каждого индивида социальная среда становится все сложнее. Поднимаясь от менее развитых и более простых обществ к обществам более культурным и дифференцированным, мы должны, заключает Сорокин, наблюдать и более быструю смену шаблонов. Повторяясь все большее число раз, шаблоны все более сливаются, становятся органически присущими человеку, а это, в свою очередь, ведет к уменьшению надобности и целесообразности давления кар и наград.

Шаблоны поведения, полезные только для одного этапа развития или же вообще социально вредные, благодаря более быстрому изменению условий успевают повторяться меньшее число раз. Они становятся более гибкими, или, по крайней мере, менее тривиальными, и тем самым легче поддаются изменению и искоренению. Это значит, что с ростом культуры нужны и менее жесткие способы воздействия для их искоренения, для преодоления социальных конфликтов.

Из исторического опыта разных эпох и народов Сорокин выводит «историческую тенденцию прогрессирующей быстроты эволюции и постепенного падения санкций, кривой кар и наград (преступлений и подвигов)». Говоря о новизне предмета своего изучения, Сорокин отмечает, что «преступно карательные явления, изучаемые догматикой уголовного права, не охватывают всего класса однородных явлений и имеют дело лишь с маленькой частью целого класса».

В давнем споре юридических позитивистов с философами права о соотношении права и морали Сорокин твердо встал на сторону последних. Каждая культура имеет некий ряд деления человеческих поступков и других событий в оппозиционных терминах-градациях, таких, например, как «правый и неправый», «одобренный и неодобренный», «моральный и неморальный», «законный и незаконный». Это деление обнаруживается еще в примитивных обществах и затем в греко-римской и западной культурах, и так до наших дней. Оппозиционные элементы могут иметь и такую градацию: «правильный – более правильный – самый правильный». В отношении неправильных поступков тоже есть своя градация: фелонии, мисдиминоры, преступления, деликты (в западноевропейском словоупотреблении); преступления, проступки и нарушения (в русском праве). Градация правильных и неправильных проступков может быть еще более сложной (дурной поступок, святотатство; героический поступок, святой, священный).

Всякий введенный в силу и действующий кодекс «официального» права является самым авторитетным, а также в известной мере самым точным и самым достоверным отражением этической ментальности и этической дифференциации поступков в высших классах. Но здесь существенно одно обстоятельство. Дело в том, что всегда имеет место некоторое расхождение между ситуацией, которая характеризуется в «официальном законе», и психосоциальной ментальностью членов общества. И это расхождение тем больше, чем быстрее меняется социально-этическая жизнь. Официальные законы не могут быть изменены от случая к случаю, и поскольку общественная жизнь подвержена изменению постоянно, то вышеупомянутое расхождение является неизбежным. На это обратил внимание в свое время Петражицкий, который писал о конфликтах и расхождении между «официальным и интуитивным правом».

Отвечая на вопрос, почему уголовное право отражает этическую ментальность и этическую дифференциацию в большей мере, чем гражданское, конституционное и административное право, Сорокин приводит следующие доводы: уголовное право больше любого другого связано с «неправильным» поведением в его худших формах; оно больше других говорит о формах неправильного поведения; градация

преступлений является хорошим индикатором в сравнительном анализе тяжести специфического класса запретных деяний.

В 1947 г. Сорокин выступил с программой «спасения человечества» на базе «альтруистической любви и поведения» и основал в Гарварде Центр по изучению творческого альтруизма. Сорокин (вместе с Н. С. Тимашевым) – один из авторов теории своеобразной конвергенции периода Второй мировой войны. В книге «Россия и Соединенные Штаты Америки» (1944) он высказывает мысль о созвучии фундаментальных идеалов двух обществ и, основываясь на циклических закономерностях великих революций, на которые обратили внимание еще А. Токвиль и И. Тэн, делает предположение, что после деструктивной фазы (упадка коммунизма) настанет период роста новой, жизнеспособной России.

Значительную роль в развитии социологического правоведения в XX в. сыграл американский юрист Роско Паунд (1870–1964 гг.). Он преподавал в крупнейших университетах США и на протяжении многих лет был деканом Гарвардской школы права. В 1950–1956 гг. Паунд – президент Международной академии сравнительного правоведения. Свои теоретические взгляды он изложил в ряде небольших монографий, содержание которых впоследствии обобщил в пяти-томной «Юриспруденции».

Мировоззренческой основой учения Паунда послужили идеи прагматизма – ведущего направления в философии США начала XX в. Краеугольный постулат философии прагматизма гласит: любые теоретические построения необходимо оценивать с точки зрения их практического значения, или пользы (отсюда и название доктрины). Следуя этому принципу, Паунд призывал юристов не ограничиваться изучением «права в книгах» (т. е. права в законе; вообще в нормативных актах) и обратиться к анализу «права в действии». Юридическая наука, считал он, призвана показать, как право реально функционирует и влияет на поведение людей. Противопоставление «права в книгах» и «права в действии» со временем стало лозунгом всей прагматистской юриспруденции в США.

Социологическая направленность концепции Паунда наиболее ярко проявилась в трактовке права как формы социального контроля. Согласно взглядам ученого право является одним из способов контроля за поведением людей наряду с религией, моралью, обычаями, домашним воспитанием и др. Такой подход ориентировал юридическую науку на изучение права в контексте социальных отношений, требовал учитывать взаимодействие правовых норм с иными регуляторами общественной жизни. Паунд подчеркивал, что юристу необходимо знать смежные научные дисциплины и уметь применять их методы при ис-

следовании права. «Давайте посмотрим фактам человеческого поведения в лицо, – писал он в одной из своих программных работ. – Давайте обратимся к экономической теории, социологии, философии и перестанем считать, что юриспруденция является самодостаточной (наукой)».

Первоначально, в древности, механизмы социального контроля находились в нерасчлененном состоянии, и право не отделялось от религии и морали. Значение правовых способов воздействия на поведение индивидов, по мнению Паунда, возрастает вместе с развитием государства начиная с XVI в. В современную эпоху, когда государство берет на себя бремя разрешения конфликтов индустриального общества, право становится важнейшим средством осуществления социального контроля. Как писал Паунд, «все остальные виды социального контроля сегодня действуют под надзором и в соответствии с требованиями права».

Паунд выделяет в современном праве три аспекта. Во-первых, право – это правовой порядок или режим регулирования социальных отношений посредством систематического и упорядоченного применения силы органами государства. Во-вторых, правом называют официальные источники, которые служат руководством при вынесении судебных и административных решений (в этом смысле говорят, например, о праве штата Индиана). В-третьих, право есть судебный и административный процесс. Если свести эти определения воедино, то, по словам Паунда, мы придем к пониманию права как «высоко специализированной формы социального контроля, осуществляемого на основе властных предписаний в рамках судебного и административного процесса».

Такое трехчленное определение было построено Паундом как синтез социологических, нормативных и практико-процессуальных представлений о праве. Взгляды Паунда развивались в русле идей, получивших название многоаспектного подхода к исследованию права.

Согласовать различные определения в концепции предлагалось с помощью понятия цели. В одной из своих ранних работ Паунд противопоставил это понятие категории сущности, заявив, что «дискуссии о природе права сегодня уступают место рассмотрению его цели или назначения». Принцип целесообразности права является средоточием его доктрины. Вслед за Иерингом он считал, что категория цели способна обеспечить концептуально-понятийное единство юридической доктрины, поскольку позволяет не только согласовать различные определения права, но и связать общезначимые социальные идеалы с интересами и субъективными устремлениями участников общественных отношений. Рассматривая право как средство (инструмент) реализации социально значимых целей, Паунд придал своим теоретическим

построениям инструменталистский характер. Среди американских юристов Паунд пользуется репутацией одного из зачинателей современного инструментализма.

Цель права, согласно его концепции, состоит в улаживании социальных конфликтов и достижении цивилизованных отношений между людьми. В настоящее время, писал Паунд, «наметилась тенденция к тому, чтобы осознанно направить правовые и политические институты на утверждение общечеловеческих целей». Деятельность по установлению рационального порядка в обществе представлялась ему «социальной инженерией». «О работе инженера судят по ее соответствию поставленным целям, а не по тому, соответствует ли она некоей идеальной форме, принятой в силу традиции. В отличие от прошлого века мы так же подходим к деятельности юристов, судей, законодателей. Мы хотим изучать правопорядок вместо того, чтобы вести споры о природе права», – разъяснял свою позицию Паунд.

Вместе с тем Паунд специально подчеркивал, что «социальная инженерия» посредством права исключает активное вмешательство государства в сферу частных интересов. Его учение было направлено одновременно как против социалистических идеалов плановой экономики, так и против неолиберализма. Достаточно сказать, что он не поддержал «Новый курс», проводимый администрацией президента Ф. Рузвельта. Сторонник республиканской партии, Паунд выступал с умеренно консервативных позиций, предполагавших достижение социального равновесия путем поиска компромиссов и политически сбалансированных государственных решений. Ключевая роль в этом процессе отводилась судам.

Паунд предлагал расширить полномочия судей, предоставить им свободу усмотрения при разрешении определенных споров (речь шла прежде всего о конфликтах, требующих моральной оценки поведения сторон, о применении судами права справедливости). Дискреционные полномочия судов при этом не должны были распространяться на отношения частной собственности и коммерческие сделки. Если представления о справедливости изменяются в зависимости от социальных условий, рассуждал теоретик, то всякий простой вексель является таким же, как и любой другой простой вексель, и здесь нет места для свободного усмотрения судьи. В единообразном разрешении конфликтов, возникающих на почве частной собственности, Паунд видел залог стабильности правопорядка.

Георгий Давыдович Гурвич (1894–1965 гг.) родился в Новороссийске. В 1912 г. он окончил восьмиклассный курс Рижской Николаевской гимназии. С 1927 г. Гурвич начинает преподавать в Сорбонне. В этом знаменитом университете он читал открытый курс лекций «Современные тенденции в немецкой философии» (которые были опубли-

кованы в 1930 г.). С 1948 г. Гурвич – профессор социологии в университете Парижа и директор Высшей школы прикладных исследований.

Рассматривая «глобальные общества» и «глобальные структуры», Гурвич отмечает, что термин «глобальный» нельзя однозначно свести к «универсальному», поскольку он относится к человечеству, которое представляется не только как реальное общество, но как идеал или абстрактный тип.

В современную эпоху можно рассматривать в качестве глобальных обществ, например, нации и международные сообщества, раньше это были, в частности, племена, империи. Гурвич полагает, что глобальным обществам присущ ряд общих характеристик. Так, они обладают социальным суверенитетом над всеми секторами, общностями, т. е. элементами, их составляющими, которые в них интегрируются, а также юридическим суверенитетом, определяющим компетенцию всех функциональных группировок.

Любое глобальное общество принадлежит к цивилизации и способствует ее созданию. Нельзя ни рассматривать, ни идентифицировать глобальные общества и цивилизации вне исторического контекста.

С позиции плюрализма Гурвич выступал как против материализма, так и против идеализма. Указывая на противоречивый характер общественного развития, он считал отношения между классами «радикально непримиримыми» и доказывал неизбежность социальных антагонизмов. С позиции «плюралистического и децентрализованного коллективизма» критиковал капиталистическое общество, указывал на необходимость и неизбежность социальной революции. Интересно отметить, что предмет различных отраслей социологического знания Ж. Гурвич тесно связывает с понятием социального контроля. Так, «социальный контроль может быть определен как совокупность культурных моделей, социальных символов, коллективных значений, ценностей, идей и идеалов, так же как и действий и процессов, которые их охватывают, рассматривают и используют и посредством которых каждое глобальное общество, каждая частная группа и каждый индивид, преодолевают напряжения и конфликты, которые им свойственны, путем временного и нестабильного равновесия, находя также точки соприкосновения для новых усилий, направленных на коллективное творчество (созидание)».

Согласно Гурвичу, существуют различные области социального контроля, в которых также можно установить различные иерархии ценностей, идеалов и систем определенных идей. В качестве таких основных областей социального контроля он выделяет религию, мораль, право, искусство, познание и обучение.

В своем научном творчестве ученый значительное место уделял понятию «человеческой свободы», считая ее, в известной степени, дви-

гателем общественных трансформаций и прогресса. Так, согласно Гурвичу, нельзя ни обозначить, ни исключить человеческую свободу, ни вывести ее из какого-либо интеллектуального построения. Ее можно только испытать, пережить, опробовать и лишь затем – описать. Она есть особенность, изначальное качество, присущее человеческому существованию, будь оно коллективное или индивидуальное, это «скрытый пыл» всего творчества, действия, реакций, поведения, достижений. Свобода предполагает преодоление препятствий, победу над сопротивлениями, взятие барьеров и достижение результатов, трансформацию ситуации. Это есть свобода определенная, свобода, заключенная в реальности, свобода при определенных условиях, свобода относительная.

Гурвич считает, что если попытаться резюмировать все то, что изложено и вложено в смысл «человеческая свобода», то можно прийти к следующему описательному определению. Человеческая свобода, которая познается в процессе как коллективного, так и индивидуального опыта, состоит из действия намеренного, волевого, добровольного, самопроизвольного и очевидного – новаторского, изобретательного, созидательного, которое, руководимое своими собственными ориентирами, возникающими в процессе его осуществления, являясь причиной взаимопроникновения побудительного мотива и случайности, старается преодолевать все преграды и модифицировать, превосходить и воссоздавать все ситуации.

Следует, однако, остерегаться того, чтобы видеть в человеческой свободе добро само по себе и унифицировать бесконечное богатство ее окраски, ее форм, ее возможностей. Она может так же разрушать, как и строить, подталкивать как к пороку, так и к благородству, поворачивать как к злу, так и к добру. Действительно, человеческая свобода не может помочь решению метафизической проблемы Единичного и Всеобщего. Коллективные свободы, имея своим центром Нас, группы, глобальные общества, так и индивидуальные свободы, не колеблясь вступают в конфликт, самонейтрализуются, аннулируются, так же часто, даже более часто, чем они дополняются, взаимно поддерживаются, взаимодействуют, объединяются.

Ученый выделяет следующие этапы (степени) человеческой свободы: свобода произвольная, сообразная субъективным предпочтениям, свобода новаторских достижений, свобода – изобретение, свобода – решение, свобода – созидание. Последняя, по его мнению, – высшая степень человеческой свободы.

История, догма и политика права суть три одинаково необходимые направления в правоведении и государствоведении. Новое подтверждение этому было сделано в фундаментальном труде А. С. Яценко

«Теория федерализма. Опыт синтетической теории государства», где наряду с оригинальной трактовкой конфедеративных и федеративных политических союзов проведена мысль о том, что синтетическая природа юридических (и политических) явлений особенно ярко выступает именно в федеральных политических организациях. Давние споры о том, кого считать суверенной властью в федерации – центральную власть или федерировавшиеся штаты, – выглядят не вполне корректно, поскольку суверенитет следует считать атрибутом совместной властной деятельности федерации и штатов, той деятельности, которая предстает в виде некой «синтетической неразрывности». Существо федерализма Ященко усматривал в некотором «равновесии федеральной и местной властей, при котором федерированные части сохраняют особое, своеобразное самостоятельное участие в правительственной организации общегосударственного суверенитета».

Право как социальное явление и как часть социального опыта представляет столь важный элемент социального бытия, писал П. Г. Виноградов (1854–1925 гг.), что в этом своем качестве оно выполняет не менее важные социальные функции, чем, скажем, устройство государства или способ разделения власти в государстве. Свой подход к изучению права он называл синтетическим, противопоставляя его и обособляя от аналитического метода Дж. Остина и его последователей. Опасности аналитического метода связаны с тем, что абстрактные понятия и термины часто воспринимаются юристами-аналитиками таким образом, как будто вопрос об этих терминах и их формальных классификациях составляет существо всей юриспруденции. В конечном итоге создается особый «мир понятий», в котором происходят постоянные обновления, критика, защита и разрушение абстрактных конструкций. В свое время Р. Иеринг высмеял эти «понятийные райские кущи». Ранние позитивисты в лице Конта и Спенсера прокламировали приход социологической науки, которой предстоит завершить круг естественных наук и увенчать собой усилия человеческого познания. Современные же мыслители, по мнению Виноградова, не столь оптимистичны и выставляют множество оговорок и ограничений.

«Мы хорошо знаем, – писал Виноградов, – в какой степени наше поведение и характер подвержены иррациональным порывам, нашим пристрастиям и предубеждениям, нашим привычкам и институтам, неосознанным и подсознательным элементам нашей натуры. Правила поведения в обществе являются результатом поведения самого общества, и нет необходимости чрезмерно завышать социальное воздействие понятийных и логических конструкций. «Ни жизнь семьи, ни жизнь профессиональной гильдии, а равным образом – церкви, нации, государства не зависит всецело или главным образом от совершенства их логико-понятийных отображений».

По замыслу американского философа права Джерома Холла, автора термина «интегративная юриспруденция», естественно-правовая традиция может быть обновлена сегодня за счет ее сочетания с аксиологическим (ценностным) подходом в праве. Ценности должны при этом рассматриваться как непреременный атрибут правовой нормы, а нормы должны восприниматься как «защищенные ценностные суждения».

Традиционная естественно-правовая теория мало интересовалась разработкой основных юридических понятий, которые на самом деле должны составлять исходную базу всякой юридической теории. Этот раздел наилучшим образом разработан, по мнению Холла, в кельзеновском нормативизме. С учетом новой роли ценностного начала в правоведении интегративную юриспруденцию можно назвать также правовой аксиологией. Ценности в праве – это то, что в норме права, подобно наставнику, «формирует психические состояния и внешнее поведение». Исключительно плодотворными в этом плане являются, по его оценке, определения права как этической в своем существе категории, данные в свое время Платоном и Аристотелем.

В литературе последних лет появились констатации того, что западная традиция «закона и порядка» переживает в настоящее время кризис, вызванный, с одной стороны, тем обстоятельством, что глобальной проблемой становится сегодня не проблема отдельного региона, как это было до самого недавнего времени, а весь мир, и потому Запад становится всего лишь его составной частью.

Формирование идей общественного благоденствия проходило параллельно с развитием социального законодательства в странах Западной Европы и США. Инициаторами реформ в области социального обеспечения, как правило, выступали левые силы – партии социалистической ориентации и профсоюзы. Реформы социального законодательства проводили также либеральные и консервативные партии, вынужденные учитывать в своей политике запросы и требования неимущих.

Идеи государства благоденствия и сам этот термин впервые появились в общественно-политической мысли Германии в 80-е гг. XIX в. Стремясь ослабить влияние партии социал-демократов, правительство Отто фон Бисмарка подготовило тогда серию законов о страховании рабочих промышленных предприятий. Как указывалось в правительственном заявлении по этому поводу, лечение социальных недугов требует применения не только репрессивных мер против социал-демократов, но и заботы о «благополучии рабочих». Социальная политика была возведена в ранг официальной доктрины Германии. Она получила закрепление в Веймарской конституции 1919 г. – первой ев-

ропейской конституции, наделившей граждан социальными правами (правами на объединение в профсоюзы, защиту от безработицы, охрану здоровья и трудоспособности). С конца XIX в. отдельные меры в области социальной политики начинают осуществлять и другие государства, однако ее развитие было прервано экономическим кризисом 30-х гг.

Процессы формирования идеологии общественного благоденствия возобновились после Второй мировой войны. Кейнсианские представления о всеобщей занятости и высоких доходах населения оказали ощутимое влияние на реформы, проведенные социал-демократами Швеции и лейбористами Великобритании.

Под политикой социального благоденствия в 40–50-е гг. понимали программы, направленные на достижение высокого жизненного уровня населения путем создания государственных систем образования, здравоохранения и поддержки жилищного строительства, а также оказания помощи гражданам, которые не в состоянии собственными силами обеспечить себе минимум доходов. В последующие годы эти программы дополнялись положениями о демографической политике государства, его задачах в области охраны окружающей среды, превенции социальных отклонений, защиты национальной культуры и др. Социальная политика промышленно развитых стран нашла отражение в многочисленных работах, опубликованных в Великобритании и США, где за ней закрепилось название политики благоденствия (Welfare State).

В официальных документах и законодательстве западных стран понятие государства благоденствия используется крайне редко. Чаще употребляется термин «социальное государство». Эта формула содержится в программных документах многих политических партий, а также в конституциях трех государств Западной Европы: в Основном законе ФРГ 1949 г., Конституции Франции 1958 г. и Конституции Испании 1978 г.

Различные общественно-политические движения и партии вкладывают в понятие социального государства разное содержание.

Идеологи либерально-демократических партий трактуют его как «государство социальных услуг». Либералы считают, что социальная политика позволяет стабилизировать развитие общества, уладить возникающие в нем конфликты и тем самым добиться утверждения в общественной жизни отношений солидарности и партнерства. Социальное государство, писал западногерманский юрист Э. Губер, представляет собой «государство современной индустриальной эпохи, которое стремится преодолеть посредством социальной интеграции конфликт между индустриальным классовым обществом и традиционной государственностью». Важнейшими задачами современного государства

он называл обеспечение полной занятости и «умиротворение общества». Идеологи неоллиберализма выдвигают лозунги общества с высоким уровнем потребления, оказания помощи малоимущим, но избегают говорить о всеобщем благоденствии, опасаясь породить у социальных низов завышенные ожидания.

Социал-демократические партии рассматривают социальное государство как ступень к своей главной цели – демократическому социализму. Государственная власть, заявляют они, призвана подготовить условия для перехода к социальной демократии, при которой демократические методы управления будут применяться во всех сферах общественной жизни. Одновременно подчеркивается, что социальная политика является не услугой или милостью со стороны государства, а его прямой обязанностью, вытекающей из предоставленных гражданам социальных прав. Теоретики социал-демократии разрабатывают идеи правового социального государства, ответственного перед своими гражданами, и возлагают на него обширный круг задач, вплоть до утверждения в обществе отношений социальной справедливости.

Промежуточное положение между позициями неоллибералов и социал-демократов занимают концепции, выдвинутые идеологами средних классов. В идеологии именно этих слоев сложилась теория государства благоденствия. Она возникла в 50-е гг. – в период экономического подъема в странах Западной Европы и США.

Одним из создателей теории был шведский экономист и государственный деятель Карл Гуннар Мюрдаль (1898–1987 гг.), автор известной книги «За пределы государства благоденствия».

В основе его концепции лежит утверждение о том, что всеобщее благоденствие уже достигнуто в индустриальных странах Запада. Остальные страны рано или поздно встанут на тот же путь экономического и социального развития. Суть теории общественного благоденствия, как ее формулировал Мюрдаль, заключается в том, чтобы «мирно и без революции – а фактически взамен революции – проводить в капиталистическом государстве скоординированную публичную политику, и притом с такой эффективностью, которая постепенно привела бы экономику страны в соответствие с интересами большинства граждан».

Государства благоденствия, согласно его концепции, обладают рядом общих признаков. Богатейшие страны Запада имеют смешанную экономику, т. е. рыночные отношения сочетаются в них с государственным планированием. Возражая Ф. фон Хайеку и его последователям, Мюрдаль доказывал, что планирование в современном капиталистическом обществе вызвано объективными причинами, и прежде всего образованием монополий. Индустриально развитые страны Запада, писал он, «бесконечно далеки от либеральной модели свободного

рынка». Государственное вмешательство необходимо для поддержания равновесия и стабильного роста экономики. Планирование призвано урегулировать деятельность крупных экономических объединений и не затрагивает, следовательно, индивидуальной свободы.

Для государств социального благоденствия характерна также тенденция к демократизации политической жизни. Всеобщее избирательное право и рост общественного благосостояния, утверждал Мюрдаль, позволяют перейти к децентрализации государства и передать часть его функций, которые традиционно осуществляло правительство, органам местного самоуправления и добровольным объединениям граждан. В отличие от государств прошлого века современная западная демократия предполагает удовлетворение интересов всех слоев общества, их участие в распределении социальных благ. Политический процесс в наиболее развитых государствах благоденствия (к ним Мюрдаль относил Швецию и Великобританию) поставлен под «расширяющийся народный контроль». Общественная жизнь при всеобщем благоденствии изображалась теоретиком как состояние полной гармонии и преодоления идеологических разногласий.

Более обстоятельно эту тему осветил американский социолог Даниел Белл в своей книге «Конец идеологии». Как и Мюрдаль, он называл отличительными признаками государства благоденствия смешанную экономику, децентрализацию политической власти и отсутствие в обществе идеологического противоборства вследствие удовлетворения интересов всех социальных слоев.

Недостатком современной политики, направленной на достижение общественного благополучия, названные теоретики считали то, что она проводится в рамках отдельных государств. В связи с этим Мюрдаль призывал выйти за пределы организации благоденствия в национальных масштабах и положить идеи социальной политики в основу межгосударственных отношений. Будущее представлялось ему в виде мирового порядка социального благоденствия. В некоторых концепциях эти идеи были соединены с представлениями о конвергенции социализма и капитализма как общественно-экономических систем.

Экономический кризис 70-х гг. и последовавшие за ним события опровергли многие положения, содержащиеся в теории государства благоденствия. В настоящее время она утратила целостный характер и развивается преимущественно в исследованиях, посвященных отдельным проблемам общественного благополучия – компенсаторной и распределительной справедливости (Дж. Роулс), прав граждан на равную долю социального благоденствия (Р. Дворкин) и др.

Общей посылкой в концепциях плюралистической демократии выступает положение о том, что государство является демократическим

лишь при наличии множества организаций либо автономных групп, участвующих в осуществлении власти. Возникновение идей политического плюрализма было связано с усложнением социальной структуры капиталистического общества, формированием многопартийных систем в промышленно развитых странах.

Начало плюралистическим воззрениям на политику положили идеологи реформистского социализма. Многообразие социальных объединений рассматривалось ими как средство, призванное выражать и защищать интересы непривилегированных слоев общества, и прежде всего рабочих, которые в условиях парламентской демократии лишены возможности реально воздействовать на политику высших органов государства и добиваются защиты своих интересов с помощью альтернативных (негосударственных) организаций – профсоюзов, гильдий, потребительских кооперативов и пр.

С развернутым обоснованием идеала плюралистической демократии выступил Гарольд Ласки (1893–1950 гг.) – видный деятель и теоретик лейбористской партии Великобритании. Он сформулировал такие понятия, как «плюралистическая теория государства» и «политический плюрализм», которые и сейчас употребляются ныне в качестве ее наименований.

По учению Ласки, современный тип государства зародился в эпоху Реформации, когда светские правители, одержав победу над церковью, сосредоточили в своих руках всю полноту власти. В дальнейшем, по мере утверждения капитализма, государственная власть подверглась бюрократизации и превратилась в централизованную иерархическую систему управления, обслуживающую интересы частных собственников. Ласки называл такое государство монистическим. Представительные учреждения (парламент и органы местного самоуправления) принципиально дела не меняют, поскольку они включены в единую систему институтов, защищающих обладателей собственности. В странах парламентской демократии, писал Ласки, избирательные права рабочих имеют декларативный, формальный характер. «Граждане бессильны перед лицом эффективно действующей централизованной власти». Отсюда Ласки был сделан общий вывод: «Капитализм несовместим со свободой».

Утверждение свободы теоретик связывал с установлением нового общественного строя – промышленной демократии. Описывая будущее общество, Ласки исходил из того, что частная собственность в нем сохранится, но функции управления производством будут переданы коллективам трудящихся. На смену централизованной организации власти придет «плюралистическое государство», в котором систему учреждений, построенных по территориальному принципу, дополняют органы представительства профессиональных интересов – производст-

венные ассоциации (например, корпорация железных дорог), профсоюзы, объединения деятелей культуры и образования, независимые церкви. Тем самым произойдет дисперсия (рассеяние) государственного суверенитета: политическая власть рассредоточится по многочисленным объединениям, представляющим различные социальные интересы. Увеличение числа центров власти отразит федеративную природу общества, его дифференцированную социальную структуру.

Аргументируя эти положения, Ласки подверг критике предшествующие учения о государственном суверенитете (Ж. Боден, Т. Гоббс), об общей воле государства (Ж.-Ж. Руссо) и о праве как выражении воли суверена (Дж. Остин). Названные доктрины с его точки зрения непомерно возвеличивают государство и противоречат федеративной природе общества. В действительности, полагал Ласки, «любая ассоциация, отдавая приказы своим членам, создает для них право, которое отличается от законов государства скорее уровнем, чем типом. Точно так же трудно провести различие между властью государства и властью иных ассоциаций, помимо различия их уровней».

Не согласился Ласки и с концепциями правового государства. Для того чтобы стать правовым, современному государству необходимо признать и обеспечить своим гражданам такие естественные права человека, как право на прожиточный минимум и достаточный досуг, право объединяться для совместных социальных действий.

С середины 30-х гг. его взгляды претерпели существенную эволюцию под влиянием изменений, происшедших в расстановке социально-политических сил. В годы Второй мировой войны Ласки пришел к убеждению, что господство буржуазии, опирающееся на военную машину, может быть ниспровергнуто лишь путем насильственной революции.

Иную трактовку идеи политического плюрализма получили в неолиберальных доктринах (самые ранние концепции: институционализм М. Ориу во Франции, теория групп давления А. Бентли в США). Призывая государство к проведению активной экономической политики, неолибералы в то же время предвидели, что она способна обернуться режимом «наибольшего благоприятствования» для отдельных предпринимателей и корпораций. С учетом этого идеологи неолиберализма изыскивали дополнительные средства, которые препятствовали бы государственному вмешательству перерасти отведенные ему рамки гаранта стабильного развития экономики. Решающая роль среди таких средств принадлежала политическому обеспечению частных интересов, нейтрализации государственной власти автономными социальными институтами.

В послевоенный период большое место в теории политического плюрализма было отведено критике тоталитарных (фашистских и

коммунистических) режимов. Идеологи либеральной демократии в связи с этим подчеркивали преимущества многопартийной политической системы, усилили аргументацию в защиту идейного и мировоззренческого плюрализма, принципов терпимости по отношению к сторонникам иных политических взглядов, права граждан на оппозицию.

В последние десятилетия XX в. западные политологи начинают распространять принципы плюрализма на исполнительную ветвь власти. Как отмечается в ряде работ, опубликованных в 80-е гг., плюрализм требует организации на многопартийной основе не только представительных органов государства, но и правительственных учреждений. Сторонники этой точки зрения убеждены, что последовательная плюралистическая демократия предполагает создание коалиционного правительства с участием представителей от различных политических партий, в том числе и таких, которые находятся в оппозиции по отношению друг к другу.

Газтано Моска (1858–1941 гг.) – итальянский правовед и социолог, один из теоретиков элитизма. Среди его произведений – «Основы политической науки». Опираясь на исторический опыт, Моска пришел к выводу, что во всех обществах вне зависимости от формы правления господствует организованное меньшинство – политический (правящий) класс. Он «выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые она дает». Политический класс осуществляет правление, сообразуясь исключительно с собственными интересами. В разные исторические эпохи политический класс формировался на разных критериях: военная доблесть, богатство, преимущество рождения, место в церковной иерархии. Для высокоразвитых обществ характерна меритократия – выдвижение по заслугам, когда чьи-либо выдающиеся способности позволяют этому человеку войти в политический класс. Моска называл три способа приобретения политическим классом власти: наследование, выборы, кооптация. Кроме того, существует два решения проблемы замещения правящего класса: аристократический (тенденция к передаче власти по наследству) и демократический (пополнение элиты из низших слоев). При этом происходит последовательное циклическое замещение разных типов элит. Наиболее стабильной формой социального устройства Г. Моска называл смешанное правление, сочетающее черты автократии и либерализма. Кроме реального представительства в аппарате власти политический класс опирается на политическую формулу – идеологическое обоснование существующего строя. Для примирения политической реальности с потребностями людей используется мораль (ограничивает эгоизм) и право (регулирует соблюдение моральных норм в пользу общества).

Вильфредо Парето (1848–1923 гг.) – итальянский экономист и социолог, автор «Трактата по всеобщей социологии». В своей теории элиты он также исходил из естественного неравенства людей по многим признакам – физическому, интеллектуальному, нравственному. В каждой сфере деятельности можно выделить собственную элиту – наиболее способных и творчески активных в соответствующей области лиц. При этом различается правящая и неправящая элита. Первая (иначе «правлящий класс») принимает непосредственное участие в осуществлении политической власти. Вторая может лишь косвенно влиять на политику. Парето выделил две стратегии осуществления власти, которые он, следуя Н. Макиавелли, связывал с «лисами» (хитрость и убеждение) и «львами» (сила). Соответствующие типы правящей элиты сменяют друг друга, рано или поздно претерпевая вырождение и сходя со сцены. Происходит непрерывная циркуляция элит, обеспечивающая в обществе стабильность и социальное равновесие. В результате правящая элита эволюционирует от воинственных правителей и хитрых администраторов к плутократии, заботящейся только о себе. В области экономики происходит смена смелых «спекулянтов» на осторожных «рантье». Последовательная смена прогрессивного и стабилизирующего факторов в политике и экономике движет общество по пути прогресса, не позволяя ему распасться.

Как идейные движения неолиберализм и современный консерватизм зародились на исходе XIX в., в условиях кризиса классической либеральной идеологии, вызванного расширением государственной деятельности по регулированию экономики в индустриально развитых странах. Со временем внутри каждого из этих направлений сложилось несколько течений и школ.

Идеологи неолиберализма (Дж. Кейнс, А. Хансен, Дж. Гэлбрейт и др.) выражают взгляды реформистски настроенных слоев общества – крупных промышленников, высшего чиновничества, а также значительной части интеллигенции. Неолибералы привержены идеям расширения государственного воздействия на общественные процессы для достижения бескризисного и стабильного развития производства. Требование активного вмешательства государства в сферу частно-предпринимательской деятельности является отличительной чертой всех неолиберальных программ и концепций.

Ведущим течением в неолиберализме первой половины и середины XX в. выступало кейнсианство. Его основателем был английский экономист Джон Мейнард Кейнс (1883–1946 гг.), получивший мировую известность после выхода своей книги «Общая теория занятости, процента и денег».

Книга была написана им вскоре после «великой депрессии» 1929–1933 гг. В противоположность марксистам, воспринимавшим события тех лет как подтверждение ленинской теории гниющего капитализма, Кейнс доказывал, что рыночная экономика отнюдь не утратила способности к динамичному развитию. Охвативший ее кризис – явление временного порядка. Депрессию породили не внутренние пороки капитализма, а отношения свободной конкуренции, при которых в наиболее выгодном положении оказываются биржевые спекулянты и рантье, не заинтересованные в расширении производства. Аккумуляция богатства в их руках приводит к свертыванию инвестиций, спаду предпринимательской активности, что в свою очередь вызывает рост безработицы и обострение социальных конфликтов. В сложившейся ситуации, писал Кейнс, политики обязаны найти «новые средства, которые позволили бы спасти капитализм от того, что именуют большевизмом».

Для этого необходимо прежде всего покончить с режимом свободного предпринимательства. Государство должно понизить ставки процентов на капитал, обложить спекулятивные сделки высокими налогами и, собрав таким образом необходимые средства, направить их на развитие производства и решение социальных проблем. «Эвтаназия рантье и праздных инвесторов, – заверял Кейнс, – не повлечет за собой никаких потрясений». Государственное регулирование экономики представлялось ему единственным средством, способным гарантировать «успешное осуществление частной инициативы».

Хотя Кейнс не занимался специально проблемами государства и права, разработанная им программа оказала непосредственное влияние на политическую практику и законодательство. После Второй мировой войны во многих странах Западной Европы были проведены реформы, нацеленные на предотвращение кризисов в экономике, повышение уровня занятости населения и потребительского спроса (совокупность таких мероприятий неолИБералы называют «кейнсианской революцией на Западе», противопоставляя ей коммунистические революции в странах Восточной Европы). Кейнсианский принцип стимулирования занятости как постоянной функции государства закреплен в Конституции Нидерландов 1983 г., в законодательных актах других высокоразвитых стран.

Практическое осуществление принципов неолИБерализма поставило перед теоретиками ряд новых проблем. Реализация этих принципов сопровождалась усилением власти правительства в ущерб законодательным органам, ибо парламентская процедура нередко оказывалась слишком громоздкой для того, чтобы корректировать проводимые реформы в соответствии с изменениями экономической конъюнктуры. Опасаясь перевеса исполнительной ветви власти над законодательной,

идеологи неоллиберализма обратились к разработке вопросов функционирования демократии в условиях регулируемой экономики и контроля за деятельностью правящей элиты.

Распространение идей кейнсианства достигло пика в 50–60-е гг. Они получили развитие в концепциях постиндустриального общества (Дж. Гэлбрейт), стадий экономического роста (В. Ростоу), государства благоденствия (Г. Мюрдаль) и др.

Идеология неоллиберализма была подвергнута критике в учениях консерваторов.

Современные консерваторы (Ф. фон Хайек, И. Кристол, М. Фридман) выступают в защиту свободного предпринимательства. Социальную базу этого течения составляют финансовая олигархия, истеблишмент, зажиточное фермерство и определенные круги творческой интеллигенции. Не отвергая экономической деятельности государства полностью, консерваторы выдвигают проекты ее ограничения в интересах частного капитала. Роль государственной власти в экономике они стремятся свести к регулированию рынка.

Пространное обоснование идеологии неоконсерватизма выдвинул австрийский экономист Фридрих Август фон Хайек (1899–1992 гг.). В начале 30-х гг. он приехал для чтения лекций в Лондон, где вступил в полемику с Дж. Кейнсом; впоследствии преподавал в США, ФРГ и Австрии. Политико-правовой тематике посвящены его работы «Дорога к рабству», «Конституция свободы», а также трилогия «Право, законодательство и свобода».

Рыночная экономика, согласно Хайеку, представляет собой сложный спонтанный порядок, в рамках которого поступки одних индивидов координируются с поступками других посредством механизма цен. Последние выступают в качестве своеобразных сигналов, позволяющих передавать информацию (о предложении товаров, запросах потребителей и т. п.). Возникающие при этом отношения Хайек описывал как результат взаимодействия множества людей, имеющих различные интересы. Он подчеркивал, что общество с рыночной экономикой по своей природе является плюралистическим. Современное открытое общество, писал он, «выросло из осознания того, что люди могут жить вместе и приносить друг другу пользу, не имея согласия относительно частных целей, которые каждый из них преследует».

Неотъемлемой чертой высокоразвитых социальных систем Хайек считал «рассеянное знание» (в обосновании этой идеи консерваторы видели главную заслугу философа). Для достижения поставленных целей каждый индивид накапливает массу сведений, необходимых ему в конкретных условиях места и времени. Полной информацией о происходящих событиях и процессах обладает поэтому только общество в целом, вся совокупность его членов. Отсюда делался вывод, что в со-

временном обществе нет и не может быть какого-либо центра, способного направлять деятельность огромного множества людей. Частное предпринимательство рассматривалось философом как «единственная система, позволяющая обеспечить наиболее оптимальное использование знаний, рассеянных в общественном организме».

Социальная концепция Хайека, по его собственному признанию, была направлена против любых форм государственного регулирования рынка, и в первую очередь против кейнсианства. Вмешательство государства в экономику ограничивает свободу индивидов и неизбежно приводит к дезорганизации их деятельности (именно этим Хайек объяснял причины экономической депрессии конца 20-х – начала 30-х гг.). Аналогичные доводы приводились им в опровержение социализма. Как общественная система, социализм экономически несостоятелен, утверждал Хайек, поскольку вся масса данных, необходимых для централизованного планирования экономики, просто не поддается расчету. Социализация собственности во имя общего блага на практике оборачивается подавлением индивидуальной свободы и установлением тоталитарного режима.

Современному плюралистическому обществу, согласно его концепции, соответствует лишь государство, основанное на принципах верховенства права (Rule of Law). Государственная власть внутри страны имеет только одну задачу – обеспечить соблюдение всеми гражданами общих правил поведения, т. е. поддерживать правопорядок. Практически это означает, что «государство лишается возможности направлять и контролировать экономическую деятельность индивидов». Как подчеркивал Хайек, верховенство права предполагает не только подчинение исполнительных органов власти закону (в таком случае фашистское государство тоже следовало бы признать правовым), но и невмешательство самой законодательной власти в сферу свободы и неотчуждаемых прав человека. Правовое государство подразумевает верховенство частного права над публичным и над конституцией в том числе, ибо «частная собственность является главной гарантией свободы», писал Хайек.

На этом основании он отвергал антитрестовское законодательство, рассматривая его как пример публично-правового регулирования в области частноправовых отношений. Столь же негативно оценивалось им и социальное законодательство, так как рассматривал его как пагубное влияние на политиков идей социализма.

На протяжении многих лет сочинения Хайека были известны лишь специалистам. Широкий резонанс и признание они получили в 60-е и 70-е гг., с началом так называемой «консервативной волны», когда в США, Англии и некоторых других странах к власти пришли правополитические силы. Идеи Хайека использовались консерваторами при

обосновании программ сокращения государственного сектора экономики, а также в антикоммунистической пропаганде.

Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975 гг.) – британский историк, философ истории, культуролог и социолог, автор двенадцатитомного труда по сравнительной истории цивилизаций «Постижение истории», один из разработчиков цивилизационной теории. Удостоен Ордена Кавалеров Почета. Родился в Лондоне. Тойнби рассматривал всемирную историю как систему условно выделяемых цивилизаций, проходящих одинаковые фазы от рождения до гибели и составляющих ветви «единого дерева истории». Цивилизация, по Тойнби – замкнутое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: 1) религия и форма ее организации; 2) территориальный признак, степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло. Всего он выделяет 21 цивилизацию... Тойнби предполагал, что в XXI в. определяющим историю вызовом станет выдвинувшая собственные идеалы Россия (которую Запад не жаждет принять в свои объятия), исламский мир и Китай.

Тойнби подчеркивает, что в истории существуют вызовы, с которыми сталкиваются многие цивилизации. Греко-римская история именно потому представляет интерес, что греческая цивилизация надломилась в V в. до н. э., не сумев найти достойного ответа на тот самый вызов, который сегодня стоит перед западной цивилизацией.

В работах Тойнби предпринимается попытка определить культурологическое противоречие эпохи. Общественная жизнь стабилизировалась благодаря конструктивным мерам цивилизованных государств и правителей. Жизнь стала более безопасной и устойчивой, но, как считает английский мыслитель, именно по этой причине и более «тусклой» не только в политическом, но и в духовном отношении. Естественно, что в обществе возникла проблема заполнения этого духовного вакуума, и этот вопрос был главным в жизни греко-римского мира II века. Но просвещенные государственные деятели и философы еще не осознавали важности и актуальности вопроса. Первыми, кто расшифровал знак времени и предпринял действия в духе требований эпохи, были скромные миссионеры нескольких ориентальных религий.

Одним из факторов, которые во втором веке способствовали возникновению и распространению новых религий, были усталость и апатия, вызванные столкновением культур. Восточные народы ответили на трансляцию греческой культуры двумя противоположными реакциями. Были государственные деятели школы Ирода Великого, полагавшие, что лучшим средством для приспособления к греко-римскому культурному климату, была акклиматизация и были фанатики, считавшие, что следует, напротив, не замечать изменения климата, и ве-

сти себя так, как будто вокруг ничего не изменилось. После изнурительных испытаний обеих стратегий фанатизм дискредитировал себя как разрушительная сила, а политика Ирода обернулась чувством неудовлетворенности, тем самым тоже себя дискредитировав. Любой из альтернативных способов ведения «культурной войны» заводил в тупик. По выражению английского мыслителя, мораль такова, что никакая культура не способна исполнить свое высокомерное притязание на то, чтобы стать «духовным талисманом». В этих условиях появляется возможность возникновения нового общества, где не будет ни скифа, ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, ни мужского, ни женского пола, ибо все люди – одно во Христе Иисусе, или Митре и Кибеле, а может быть, в одном из бодхисатв, Амитабхе или Авалокитешваре. По мнению Тойнби, первым секретом успеха новых религий является предложенный ими идеал человеческого братства, а вторым – то, что эти новые общества открыты для всех людей без различия культур, классов или пола, а также то, что они ведут к спасительному единению со сверхчеловеческим существом, ибо тот урок, что человек без милости Бога не может состояться как личность уже заложен в душах поколения, ставшего свидетелем трагических социальных изменений, поколения, за которым по иронии исторических судеб последовал вселенский мир.

Вырабатывая после второй мировой войны методы защиты своих национальных интересов в «третьем мире», США встали перед необходимостью осмысления перспектив развития освободившихся стран, передачи им своего опыта и методов, с помощью которых развивающиеся страны могли бы стабилизировать у себя политическую и экономическую ситуацию, осуществить необходимые реформы и преобразования, превратиться в социально и политически стабильные, экономически развитые государства с предсказуемой внутренней и внешней политикой, стать надежными политическими и экономическими партнерами. Однако со временем концепция политической модернизации превратилась в обоснование некой общей модели глобального процесса цивилизации, суть которой в описании характера и направления перехода от традиционного к рациональному обществу в результате научно-технического прогресса, социально-структурных изменений, преобразования нормативных и ценностных систем.

По самому общему определению, модернизация представляет собой процесс перехода от традиционного общества (аграрного, с патриархальной культурой и жестко закреплённой социальной иерархией) к индустриальному, основанному на крупном машинном производстве и рациональном управлении общественными процессами с опорой на законы. В этом случае, как правило, имеются в виду развивающиеся

страны, входящее в соприкосновение с западной индустриальной моделью общества.

Под собственно же политической модернизацией в политической науке понимают процесс создания эффективных властных институтов и механизмов, формирование компетентной и эффективной бюрократии европейского типа, расширение участия масс в политике, становление правового государства и гражданского общества. При этом политическая модернизация является составной и неотъемлемой частью общего процесса модернизации – без определенных изменений во властной и политической сфере невозможно обеспечить ускоренное развитие экономики, сферы образования и науки, но, в свою очередь, интенсивное развитие новых экономических отношений и гражданской культуры требует изменения политических институтов.

Одним из «родоначальников» теории модернизации является один из самых влиятельных американских политологов Сэмюэль Хантингтон. В соответствии с его концепцией стимулом для начала модернизации служит некоторая совокупность внутренних и внешних факторов, побуждающих политическую элиту начать реформы. В книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) изложены взгляды автора на соотношение сил в современном мире.

Политическая модернизация, которую Хантингтон понимает как «демократизацию политических институтов общества и его политического сознания» обуславливается, на взгляд автора, целым рядом факторов социального характера. Какими бы мотивами не руководствовалась правящая элита, начиная реформы, они почти всегда ведут к вполне детерминированным изменениям. Любые шаги, направленные на социально-экономический прогресс, неизбежно способствуют заимствованию передовых идей.

Главным образом с необходимостью модернизации сталкиваются в странах, где рыночные и демократические традиции недостаточно развиты. Модернизация оказывается сопряжена с привнесением в общественную жизнь институтов и норм, являющихся инокультурными, а иногда даже иноквиизационными. Условием модернизации во многих случаях становится критическая переоценка национального прошлого и настоящего. Существенное содержание самого процесса модернизации составляют изменение тех или иных черт национального характера, а результатом процесса становится объективное снижение резкости межкультурных и междивизиационных различий.

В рамках процесса модернизации обычно происходят следующие изменения:

- совершенствование всей системы общественных отношений и изменение уклада жизни – появление новых процедур и механизмов, регулирующих конфликты и разрешающих общественные проблемы;

– возрастание сознательности и самостоятельности отдельных индивидов;

– в области экономики – максимальное распространение товарно-денежных отношений, появление новых передовых технологий, достижение высокого уровня профессиональной специализации менеджеров и наемных работников;

– изменение социальных отношений – переход от иммобильного сословного общества к динамичному, основанному на высокой социальной мобильности и социальной конкуренции.

Рассматривая проблему модернизации С. Хантингтон, в своей книге «Политический порядок в меняющемся обществе» – подчеркивал автономность политического развития и утверждал, что в экономическом, социальном и культурном развитии критерием является рост, то для политического развития главное – обеспечение стабильности.

Он связывал модернизированность политических институтов не с уровнем их демократизации, а с их прочностью и организованностью, гарантирующими приспособление к постоянно меняющимся социальным целям, за которые борются включающиеся в политическую жизнь широкие массы населения. По его мнению, главным источником модернизации является конфликт между социальной мобилизацией, включенностью населения в политическую жизнь и институализацией, наличием определенных механизмов и структур для выражения их интересов.

В современном мире равенство политического участия растет намного быстрее, чем организованность, умение объединяться: уровень мобилизации и участия является высоким, а уровень организации и институализации – низким. Отсюда возникает конфликт между мобилизацией и институализацией, что проявляется в неподготовленности масс к управлению, неумении использовать институты власти, не получении ожидаемых результатов от включения в политику, что является основной причиной политической нестабильности, дестабилизации режима управления в развивающихся странах. В результате, по мнению С. Хантингтона, ускоренная модернизация, подрывая политические институты, вызывает не политическое развитие, а политический упадок. Таким образом, для модернизируемых государств необходим «жесткий авторитарный режим, контролирующий порядок, который может обеспечить переход к рынку и национальное единство и высокоцентрализованные политические институты». Именно эти средства приспособления переходного политического режима к изменяющейся обстановке могут привести к позитивным результатам модернизации. Данная концепция получила название концепции «абсорбирующей способности политической системы».

Усложнение данного подхода нашло свое отражение в совместном исследовании С. Хантингтона и Дж. Нельсона, которому была посвя-

щена работа «Нелегкий выбор: политическое участие в развивающихся странах». В ней представители консервативного направления политической модернизации утверждают, что процесс развития требует корреляции внутри политической системы ее целей и таких факторов как социально-экономическое развитие, стабильность, равенство и участие, так как именно между ними, при осуществлении модернизации, очень часто возникают напряжения и конфликты. «Развитие без определенной степени равенства и участия может вызвать социальное напряжение, подрывающее стабильность и тем самым весь процесс. С другой стороны, политическая стратегия, имеющая целью равенство и участие, может угрожать социально-экономическому развитию». В этой связи политологи делают вывод, что определение приоритетной роли того или иного фактора политической системы в качестве критерия развития модернизирующихся обществ, зависит от характера правящей элиты, которая заинтересована в увеличении срока своего нахождения у власти и уменьшении вероятности для внутренних волнений. Таким образом «центральный вопрос политической модернизации – соответствие преобразований интересам господствующей элиты или политическому союзу правящих элит». Ученые консервативного направления указывали на возможность различных вариантов модернизации, ибо авторитарные режимы весьма неоднозначны.

Можно представить ряд условий, которые необходимы, по мнению политологов консервативной ориентации, для эволюционного пути модернизации под руководством авторитарной политической власти: 1) компетентность политических лидеров, способных, сохраняя союзы единомышленников, достигать соглашения с противниками; 2) выделение качественно различных и непродолжительных этапов в процессе реформ, каждый из которых должен иметь конкретные цели и собственные приоритеты; 3) успех реформ во многом зависит от точного выбора времени их проведения.

Таким образом, теоретики консервативного направления, в качестве основного критерия эволюционного пути модернизации и условия избежания излишней напряженности и конфликтности выделяют утверждение, что реформы должны быть структурированы. Они должны состоять из последовательного ряда относительно небольших преобразований, неспособных вызвать резкое сопротивление оппозиции, и в совокупности представляющих непрерывное социальное и политическое развитие в заданном элитой направлении. Ситуация выбора времени проведения реформ должна быть тщательно подготовлена и продумана, а также должны определяться реальной оценкой расстановки политических сил, поскольку опора на мощные политические коалиции, по мнению С. Хантингтона, «является важным сдерживающим насилие фактором, позволяющим осуществлять реформы законодательным путем».

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ КУРСА

1. Какие классификации форм государства содержались в произведениях Платона, Аристотеля, Полибия, Макиавелли, Бодена, Гоббса, Спинозы, Татищева, Монтескье, Руссо, Канта? Сравните эти классификации. Воспроизводятся ли они в современной теории государства и, если да, какие именно? Какие существовали критерии деления форм государства на «правильные» и «неправильные» в концепциях Платона, Аристотеля, Полибия, Монтескье? В чем особенности взглядов Мора, Кампанеллы и Морелли на ту же проблему? В чем своеобразие взглядов на соотношение форм государства и классовых противоречий гражданского общества в теории Штейна? Каковы доводы Бодена и Гоббса против деления форм правления на «правильные» и «неправильные»? Убедительны ли эти доводы?

2. Кто из политических мыслителей выдвинул идею «смешанной формы правления»? О соединении каких форм правления писали Платон и Аристотель? В чем заключается, по Платону, различие основных форм правления? Каким образом взгляды Аристотеля на основные формы правления связаны с его представлением о классовой структуре общества? Кто из политических мыслителей был сторонником идеи «смешанной республики»? В чем суть этой идеи? Каковы особенности взглядов на устройство «смешанной республики» Полибия, Цицерона, Макиавелли, Мора, Кампанеллы? Какие доводы против понятия смешанной формы правления выдвинул Боден? Можно ли рассматривать современное представительное государство как «смешанную республику» и, если да, то в каком из институтов государственного права выражен каждый из ее элементов?

3. Когда возникла теория естественного права? Перечислите ее главных представителей. В чем состоит качественное отличие теории естественного права XVII и последующих веков от суждений о «праве природы», «естественном праве» некоторых античных и средневековых мыслителей? Назовите первых представителей теории естественного права в России. Какие противоречия имелись в теории Татищева? Как эти противоречия были преодолены в учении Щербатова и в учении Радищева? Каковы причины возрождения теории естественного права в наше время? Почему актуальность этой теории резко возросла после второй мировой войны?

4. Кем впервые выдвинута и обоснована идея естественных прав человека? Какие вам известны политико-правовые доктрины, включающие и обосновывающие эту идею? Объясните, как соотносятся права человека и права гражданина. Совместима ли идея естественных прав человека с историческим материализмом? Какие политико-правовые доктрины содержали критику теории прав человека, проистекающих из природы? Назовите статью современной Конституции нашего государства, в которой выражена идея естественных прав человека (т. е. прав, принадлежащих человеку по природе).

5. Перечислите (в хронологическом порядке) известных вам представителей теории разделения властей. В чем ошибочность суждений, что эта теория возникла еще в Древнем мире или в средние века? Почему Руссо нельзя относить к сторонникам теории разделения властей? В чем своеобразие Гегеля на разделение властей? Можно ли считать представителями теории разделения властей Десницкого и Сперанского? В чем отличие их взглядов на разделения властей от идей конституционных проектов Муравьева? Почему разделение властей отвергалось в теории марксизма-ленинизма?

6. Какие политические мыслители теоретически обосновали различия между правом и моралью? Какое значение это различие имело в политико-правовых концепциях Марсилия Падуанского, Томазия, И. Канта? Можно ли относить к числу мыслителей, проводивших различие между правом и моралью, Макиавелли и, если нет, то почему?

7. Какие мыслители доказывали зависимость государства и его форм от экономики и классовой структуры общества? Что нового в исследовании этой проблемы внесли Маркс и Энгельс? Какие идеи о связи государства и права с экономикой общества, содержащиеся в произведениях Аристотеля, Руссо, Десницкого, Бабефа и других мыслителей (назовите), актуальны в наше время и заслуживают осуществления либо критики?

8. Насколько обосновано распространенное представление о Платоне как идеологии тоталитаризма? Какая разница между основными идеями произведений Платона «Государство» и «Законы»? Чем авторитаризм отличается от тоталитаризма? Назовите (в исторической последовательности) известных представителей той и другой идеи.

9. Назовите (в хронологическом порядке) известных представителей теории анархизма. Переведите слово «анархия» на русский язык. В чем отличие теории анархизма от идеи отмирания государства? Объясните, чем теория анархизма и идея отмирания государства отличаются от теории непосредственной демократии Руссо. Каковы идейные истоки анархизма? Случайно ли все первые видные теоретики анархизма и сторонники идеи отмирания государства первоначально были гегельянцами, хотя Гегель обожествлял государство?

10. Когда возникла идея правового государства? Почему родоначальником этой идеи считается И. Кант, а не Платон, Аристотель и другие античные мыслители, писавшие о законах и считавшие необходимым строгое соблюдение законов всеми, в том числе правителями государства? Какие мыслители обосновывали идею социального государства и почему эта идея поначалу противопоставлялась идее государства правового? Чем обусловлено соединение идей правового и социального государства в настоящее время? В каких конституциях закреплены обе эти идеи?